

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2020 Volume 24 No. 2

LANGUAGE, CULTURE AND IDEOLOGY IN DISCURSIVE PRACTICES

Guest Editors

Magdaléna Bilá and Svetlana V. Ivanova

Founded in 1997

by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Приглашенные редакторы

М. Била и С.В. Иванова

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 22.05.2020. Выход в свет 20.06.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,6. Тираж 500 экз. Заказ № 459. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Dániel Z. Kádár, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora Lassan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Andreas Musolff, University of East Anglia (Norwich, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
English language editor *M.A. Shkineva*
Computer Design *Natalia A. Yasko*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Tel.: +7 (495) 434-20-12;

e-mail: lingj@rudn.ru; vestnik_linguistics@mail.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохран, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Кадар Дэниел, исследовательский центр Института лингвистики Венгерской академии наук (Венгрия)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Музолф Андреас, Университет Восточной Англии (Норвич, Великобритания)

Эцуко Оиси, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Пуцц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Редактор англоязычных текстов *М.А. Шкинева*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

Language, Culture and Ideology in Discursive Practices

CONTENTS

Magdaléna Bilá (Prešov, Slovakia) and Svetlana V. Ivanova (Saint Petersburg, Russia) Language, culture and ideology in discursive practices	219
Anna Wierzbicka (Canberra, Australia) Seven essential messages for the time of the coronavirus	253
Anna Wierzbicka (Canberra, Australia) Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes	259
Martin Pütz (Landau, Germany) Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology	294
Stephanie Moody (College Station, USA) and Zohreh Eslami (College Station, USA / Doha, Qatar) Political discourse, code-switching, and ideology	325
Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová and Ingrida Vaňková (Prešov, Slovakia) The encounter of two cultural identities: The case of social deixis	344
Natalia Sokolova (Perm, Russia) Multimodal IT marketing discourse: An integrated approach investigation.....	366
Svetlana V. Ivanova (Saint Petersburg, Russia) and Gulnara Khakimova (Zlatoust, Russia) Celebrity gossip as a genre in English-language mass media discourse	386
Aleksey Romanov and Olga Novoselova (Tver, Russia) Discursive realization of threat in pre-election communication	419
Sergey M. Pashkov (Volkhov, Russia) God and emotions: Experience of emotive analysis	449
Lara N. Sinelnikova (Yalta, Russia) The conceptual environment of the frontier discourse in humanities	467
BOOK REVIEWS	
Etsuko Oishi (Tokyo, Japan) Review of Culpeper, Jonathan, Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017. <i>The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness</i> . London: Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-137-37507-0	493
Marianna Ryshina-Pankova (Washington, USA) Review of Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez (eds.). 2019. <i>Emotion in Discourse</i> . Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins	506
NEWS AND ANNOUNCEMENTS	515

Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках

СОДЕРЖАНИЕ

Magdaléna Bilá (Прешов, Словакия), Svetlana V. Ivanova (Санкт Петербург) Language, culture and ideology in discursive practices (Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках)	219
Anna Wierzbicka (Канберра, Австралия) Seven essential messages for the time of the coronavirus (Семь важных мыслей во время коронавирусной пандемии) ...	253
Anna Wierzbicka (Канберра, Австралия) Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes (Обращение к Богу в европейских языках: различные значения, различные культурные установки)..	259
Martin Pütz (Ландау, Германия) Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology (Отражение языковой политики и идеологии в языковом ландшафте Камеруна)	294
Stephanie Moody and Zohreh Eslami (Колледж-Стейшен, США / Доха, Катар) Political discourse, code-switching, and ideology (Политический дискурс, переключение кода и идеология)	325
Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová, and Ingrida Vaňková (Прешов, Словакия) The encounter of two cultural identities: The case of social deixis (Проявление культурной идентичности в социальном дейксисе)	344
Natalia Sokolova (Пермь, Россия) Multimodal IT marketing discourse: An integrated approach investigation (Мультимодальный маркетинговый дискурс сферы информационных технологий: интегративный подход к анализу)	366
Иванова С.В. (Санкт-Петербург, Россия), Хакимова Г.Ш. (Златоуст, Россия) Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа	386
Романов А.А., Новоселова О.В. (Тверь, Россия) Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации	419
Пашков С.М. (Волхов, Россия) Бог и эмоции: опыт эмотивного анализа	449
Синельникова Л.Н. (Ялта, Россия) Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках	467
РЕЦЕНЗИИ	
Etsuko Oishi (Токио, Япония) Рецензия на книгу Culpeper, Jonathan, Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017. <i>The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness</i> . London: Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-137-37507-0	493
Marianna Ryshina-Pankova (Вашингтон, США) Рецензия на книгу Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez (eds.). 2019. <i>Emotion in Discourse</i> . Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins	506
НОВОСТИ И ОБЪЯВЛЕНИЯ	515

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252

Introductory article

Language, culture and ideology in discursive practices

Magdaléna Bilá¹ and Svetlana V. Ivanova²

¹ University of Prešov
Prešov, Slovakia

² Pushkin Leningrad State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract

Discursive practices are looked upon as the core notion of discourse theory and the main instrument linguists can operate with studying language in connection with society and a human being. In this introductory article we will look into how language, culture and ideology are intertwined in diverse discursive practices and how these practices are shaped by people representing various cultures, ideologies and social entities. As part of linguistic discourse theory, we will briefly outline the major objectives and tenets of discourse theory or discourse analysis and track down the reasons why discourse theory turned into a dominant linguistic paradigm in the new millennium. Besides, some light will be thrown on the advancements and debatable questions arising within discourse theory as reflected in its methodology. Then we will give a brief synopsis of each individual paper and highlight theoretical and methodological contributions and innovations proposed by our authors. The results of the discussion as well as a brief outlook on future research will be summed up at the end of the introductory article.

Keywords: *discourse analysis, discursive practices, culture, ideology, identity*

For citation:

Bilá, Magdaléna and Svetlana V. Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219—252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252

Вступительная статья

Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках

М. Би́ла¹, С.В. Иванова²

¹ Прешовский университет в Прешове
Прешов, Словакия

² Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Дискурсивные практики рассматриваются в качестве основополагающего понятия теории дискурса и основного инструмента, при помощи которого лингвисты могут изучать язык в связи с обществом и человеком. Данная вводная статья, как и весь выпуск, посвящены

вопросу о том, как язык, культура и идеология переплетаются в различных дискурсивных практиках и как эти практики формируются людьми, представляющими разные культуры, идеологии и социальные образования. Рассматривая дискурсивные практики как часть лингвистической теории дискурса (дискурс-анализа), мы кратко опишем основные цели и принципы теории дискурса и выделим причины, по которым это направление превратилось в доминирующую лингвистическую парадигму нового тысячелетия. Кроме того, мы остановимся на развитии теории дискурса и тех дискуссионных вопросах, которые возникают в ее рамках. Проблемные зоны теории дискурса касаются расширения предметной области дискурс-анализа, избираемых дискурс-аналитиками объектов исследования, стыковых дисциплин, граничащих с теорией дискурса, и методологии анализа. В завершение мы дадим краткий обзор каждой статьи номера и отметим теоретический и методологический вклад, а также новизну каждой публикации. Результаты и перспективы будущих исследований очерчены в заключительной части вводной статьи.

Ключевые слова: *дискурс анализ, дискурсивные практики, культура, идеология, идентичность*

Для цитирования:

Bilá, Magdaléna and Svetlana V. Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219—252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252

To imagine a world without discourse is to
imagine a world without language and
therefore to imagine the unimaginable.

(He 2003: 428)

1. Introduction

The focus of this issue is discourse and the way it is molded by *homo loquens* in different spheres of human activities. The authors of the issue throw light on how language, culture and ideology are intertwined in diverse discursive practices and how these practices are shaped by people representing various cultures, ideologies and social entities. This is not the first issue of our journal that is devoted to discourse and discursive practices (see issues 2006, 4; 2017, 1; 2018, 1; 2019, 4). But there is a certain reason why we continue this quest. Discourse is a cover term including all forms of language use, which makes discourse the only known real linguistic object (Kibrik 2009: 1). Notwithstanding the fact that many a book (Blommaert 2005, Fairclough 1992, 2003, Gee 2007, Johnstone 2018, Karasik 2002, Schiffrin 1995, van Dijk 2006, 2009, 2011 and many more) is devoted to discourse, it has not lost its attraction to linguists due to several important reasons. It enables researchers to focus their effort on a human engaged in any kind of activity or interaction. In discourse studies speakers acquired diverse characteristics as biological, social, cultural, ethnic, professional beings and, as a consequence, the understanding of the significance of all types of environment in speech production led to the awareness of its formative role in the use of language at large. Discourse made it possible to ‘put language, action, interaction, values, beliefs, symbols, objects, tools, and places together in such a way that others recognize you as a particular type of who (identity) engaged in a particular type of what (activity), here

and now' (Gee 1999: 27). Thus, *le langage*, the ethereal and insufficiently substantiated notion which was put forward by Saussure, became more tangible.

2. Major tenets and objectives of discourse theory

For several decades, linguists had been concentrating their effort on the structure of language (Saussure's *la langue*) until it became evident that linguistics could not stay within those rigorous borders (Yule 1999: 139—140). First the mesmerizing effect of language in use made scholars shift their attention to speech (Saussure's *parole*). Then the combination of diverse factors, including the emergence of the term *discourse* in Harris's work in 1952 (Harris 1952), Chomsky's revolution in linguistics with his emphasis on *competence* vs. *performance* (Chomsky 1965), the study of discourse by French scholars (e.g. Foucault 1981, 1994), to name just a few — all led to an understanding of discourse as some kind of fabric produced by *homo loquens* (Hagege 1985) with two major interwoven threads, those of language and reality (Foucault 1994).

A comprehensive study of discourse began with the scholars' search for the universal definition of this phenomenon which is characterized by a complex and multidimensional nature. In this respect eight approaches to the definition of discourse outlined by Sériot (Seriot 1999) are still quite representative and expository, starting with the interpretation of discourse as an equivalent to Saussure's *parole* and going to the conditions under which a certain text is generated, with all the restrictions set by the former (*ibid.*: 26—27). Eventually, discourse got its interpretation as a human activity aimed at creating some meaningful thought in a verbalized form. This approach brought to the fore the circumstances discourse is created in and the individual it is connected with. As a consequence, linguists turned to the study of an interplay of different factors that operate in discourse, shaping and molding it in the speaker's mode. In the long run, a human being became the centerpiece of linguistic studies with discourse as the major manifestation of human activities and their multifarious relations.

In the network of the relationships between humans, language and culture, humans are defined as biological, social and cultural beings with all these aspects closely bound together and constituting a single integral, inseparable package. Biological characteristics of humans determined by the evolution and genetic data are gradually transformed in the accommodation-assimilation processes and modified through social interaction and socialization, thus converting humans into social and cultural beings (Dolník 2015). The awareness that people as biological, social and cultural beings use language to mediate all their activities encouraged linguists to study language in various contexts, which they believed would help to untie that tight knot. The statement made by Nunan (1993) that “discourse brings together language, the individual producing the language, and the context within which the language is used” (1999: 6—7), is shared by all those who these days deal with discourse in linguistics. It is generally agreed that the term “*discourse* usually refers to the interpretation of the communicative event in context” (Dijk

2009: 1). This makes context an essential concept in discourse analysis (Nefedov & Chernyavskaya 2020). Context as “a set of relevant properties of the communicative situations of verbal interaction” (Dijk 2009: vii) refers to the situation giving rise to discourse, and within which discourse is embedded. In this light discourse “refers to the set of norms, preferences, and expectations relating language to context, which language users draw on and modify in producing and making sense out of language in context” (Saville-Troike 1994: 358).

Traditionally, linguists single out two different types of context. The first of these is linguistic or verbal context (also referred to as micro-context or co-text), i.e. the language that surrounds or accompanies a piece of discourse under analysis. The second is non-linguistic or non-verbal or experiential context within which discourse takes place (also referred to as macro-context). It is shaped by a number of factors including the type of communicative event (e.g. a joke, a story, a lecture, etc.); the topic; the purpose of the event; the setting; the participants and the relationships between them; and the background knowledge underlying the communicative event (Nunan 1993: 7—8). As Kecskes (2014) points out, in linguistics “contexts usually refer to any factor — linguistic, epistemic, physical, social — that affects the actual interpretation of signs and expressions” (Kecskes 2014: 35). He suggests distinguishing between prior context which is in our mind (pragmatic context) and actual situational context, emphasizing that “meaning is the result of the interplay of prior experience and current, actual situational experience, which are both socio-cultural in nature” (ibid: 129).

The use of language in a variety of contexts (situational, geographic, historical, structural, institutional), a discourse, is also understood as a three-dimensional concept (as text, discursive practice and social practice) (Fairclough 1992). As a social practice discourse is an entity embedded in social and historical context. What is more, it subsequently participates in the social construction of reality and is responsible for socially modeling a community and creating social identities, enhancing knowledge, shaping social relations and generating complex discursive practices and discourse conventions (Resta 1998, van Dijk 2006).

Another important finding that came with discourse studies was the understanding of cognition and discourse closely tied together. It became clear that “discourse intervenes between thought and reality” (Williams 1999: 23). Within the cognitive framework of discourse theory, it is argued that humans mentally capture their environment and integrate it into concepts, systems and relationships, i.e. conceptualize it. Conceptualization can be understood as a mental grasp, segmentation, specification and categorization of data pertaining to the material and abstract world and subsequently processing it in thought and language. In individual lingua-cultural communities, these processes take place within specific interpretation frameworks governed by the internalized cultural patterns and conventions. Thus, in different cultures, people schematize their experience and knowledge of the world differently. As a result, languages differ on the basis of “accumulated declarative knowledge <...> and culturally conditioned schemes”

(Kecskes & Papp 2000), in other words, languages are socially and culturally embedded entities.

Discourse analysis became a dominant paradigm ranging over all the human sciences, *an air du temps*, in Sériot's terms (Sériot 2012: 18). Researchers belonging to different linguistic schools tried to describe formal and functional features of the latter (Schiffrin 1995). Later on, a third dimension of the discourse was added, that was the description of topoi underlying its certain types (Dobrosklonskaya 2014: 182). Thus, discourse made an overwhelming object of analysis uniting the humanities in their search for semiotically expressed (Fairclough 2004: 225—226) social psychological, sociological, and anthropological patterns (Dijk 2009) of reproducing social identity.

3. Modern challenges for discourse theory

Modern linguistic discourse studies develop in several directions predetermined by a complex nature of the phenomenon under scrutiny. Scholars have been trying to achieve more precision in defining the object and the subject matter of discourse theory. Besides, another challenge is elaborating reliable methods which could be used in linguistics to explore the sphere of analysis, to describe types of discourse and discursive practices engaged in order to maintain existing or emerging social relations.

In compliance with the socio-philosophical understanding of discourse, initially, linguists turned to those spheres of communication where power and domination in society was consistently reproduced (van Dijk 2011: xvii). These were political (van Dijk 2006, Fairclough 1989), news (van Dijk 1988, Fowler 1991), mass media (van Dijk 1985), and legal (Goodrich 1987) discourses. Very soon this list grew and linguists' interest turned to such spheres as advertising (Cook 1992), marketing (Skålén et al. 2008), medical (e.g. Good, Del Vecchio Good 1981, Locher 2017), classroom (e.g. Christie 2002), academic (e.g. Hyland 2009) discourses. All these types of discourse retain their scholarly significance, with the scope of research only widening when it comes to political (e.g. Beard 2000, Chilton 2004, Ponton 2016, Sheigal 2004, Solopova & Chudinov 2018,), mass media (e.g. Bell & Garrett 1992, Dobrosklonskaya 2014, Dubrovskaya & Kozhemyakin 2016; Larina et al 2019, Macdonald 2003, Matheson 2005, Ozyumenko 2017, Talbot 2007), news (e.g. Bednarek 2006, Montgomery 2007), religious (e.g. Bobyрева 2007, Naydenova 2018, Wierzbicka 2018) and judicial / legal (e.g. Gotti & Williams. 2003, Dubrovskaya 2017) discourses. Moreover, linguists started reconnoitering new spheres, including Internet discourse (Crystal 2010), entertainment / leisure and consumer discourse (e.g. Fullagar 2002, Molodychenko 2016), lifestyle discourse (e.g. Ivanova 2019, Molodychenko 2020), tourist discourse (e.g. Jaworski, Thurlow 2010), gender discourse (e.g. Mills 2003), sports discourse (e.g. Koshkarova 2019), gastronomic discourse (e.g. Olyanich 2003), urban discourse (e.g. Leontovich 2019), green discourse (e.g. Alexander &

Stibbe 2014) and many others. This all proves the statement made by Issers that the list of types of discourse can never be complete (Issers 2011: 227).

The framework of discourse theory provided an important perspective for many objects of linguistic description. One of these new fields of discourse theory expansion became the study of emotions (e.g. Alba-Juez & Larina 2018, Mackenzie & Alba-Juez 2019, Shahovsky 2015, 2018; among many others). Linguists saw a link between emotions and certain contexts which generate “a multimodal discourse process, which permeates all linguistic levels but also manifests itself in non-verbal ways, presenting different stages and forms (influenced by variables such as pragmatic expectations or common-ground knowledge) according as the discursive situation and interaction changes and evolves” (Mackenzie & Laura Alba-Juez 2019: 18). The discourse approach to emotion made it possible to show this phenomenon as a dynamic, discourse-pragmatic entity. This “emotional turn” inevitably caused some changes in the subject matter of discourse analysis — it went far beyond current knowledge of how a human being constructs their social identity in different types of interaction (e.g. Langlotz & Locher 2017, Larina et al 2017).

A salient field of exploration discourse analysis borders on is communication. What do spheres, types and forms of communication, on the one hand, and types of discourse, on the other —have in common and what are their distinctive features so that linguists could tell them apart? Interestingly, discourse analysis gave rise to a term that unites these two notions, i.e. a *discursive practice*. The scope of interpretation of this Foucauldian term ranges from “the production, distribution and consumption of texts” (Fairclough 1992: 5, 73, 2010) to “the practices (or operations) of discourses, meaning knowledge formations” without any reference to linguistic practices or language use (Bacchi & Bonham 2014: 173). In spite of this contradiction between scholars, the majority of linguists follow the “linguistic turn” according to which discursive practices are a linguistic reflection of social practices defined as “a relatively stabilised form of social activity” (Fairclough 2001: 231). Therefore, scholars delve into the analysis of discursive practices as mechanisms of discursive construction of various types of relations, starting with power distribution and going into diverse types of communication. In this respect it is only logical that the study of discourse turned out to be closely connected with the study of communication with its various communication strategies.

Another case of the extension of the discourse analysis field is incorporating the study of im/politeness strategies converting them into discursive practices. The discursive approach to politeness (Eelen 2001, Mills 2003, Watts 2003) gave a new impetus to the development of the theory of politeness, significantly widening its scope. The most important contributions of the discursive turn were “to remind us of the evaluative and situated nature of concepts such as impoliteness or politeness, the importance that emotions play in assessments and to argue for the link of identity construction with these processes of judging” (Locher & Larina 2019: 875). The study of impoliteness also emerges from the discursive focus on language

(e.g. Bousfield & Locher 2008, Culpeper 2011, Garcés-Conejos Blitvich & Sifianou 2019). As Culpeper (2011) rightly states, impoliteness is an important aspect of social life and it plays a central role in many discourses which are rarely described in detail (Culpeper 2011: xiii). Both politeness and impoliteness involve the study of particular communicative behaviour in social interaction with the focus on context (e.g. Bousfield 2008, Fernández-Amaya 2019).

Within linguistics, discourse analysis posited another set of acute questions since it was necessary to fit in the new object of analysis and find its own niche in relation to traditional spheres of linguistic analysis. Discourse understood as a Gestalt-cognitive entity having a certain invariant model and characterized by prototypical properties, was confronted with the long-existing and well-established notions recognized by the scholarly community of linguists and philologists, in this case that of genre as ‘as a set of expectations that a reader acquires from his/her reading’, ‘a self-contained system with its own codes and conventions’ (Corbett 2009: 287). There was an opinion that linguistics should shun the notion of genre and replace it by the term *discourse*. It took time to work out a balanced approach and make the terminology compatible. Now genre studies within discourse analysis (e.g. Dementyev 2016, Fuentes Rodríguez & Álvarez-Benito 2016, Garcés-Conejos Blitvich, 2010, Ivanova 2017) is a topical issue (Dijk 2009: 8). It should be understood that this seems to be not only a problem of terminology but also of what we, linguists, really work with when it comes to studying units larger than sentence, the embodiment of language in use.

This broadening of the subject matter and diversification of the object of analysis brought about another challenge for linguists involved in discourse analysis, i.e. the choice of methods and the veritability of results they yield. Needless to say, the extent and the severity of the methodological problem are predetermined by the multidimensional nature of discourse and its status in the humanities. It is common knowledge that linguistic discourse analysis is an outcropping of discourse analysis in the humanities which emerged in the 1960s. Due to French structuralism discourse came into research as an object of sociology. Thus, it was first studied in social sciences with the help of sociological methods. It took linguistic discourse analysis some time to elaborate its own approach to research. The seminal publications (Jørgensen & Phillips 2002, Titscher et al. 2000) made quite a step in this respect expounding a whole array of methods which could be employed by discourse analysts.

Another difficulty with methodology stems from the inter- or even transdisciplinary status of discourse analysis. The focus of discourse theory or discourse analysis on language, society and a human being requires research within overlapping boundaries of different research fields. It brings in interdisciplinary methods and interdisciplinary teams to work on the problems put to the fore. Interdisciplinarity has always been an integral tenet of discourse analysis, critical discourse analysis (CDA) or critical discourse studies (CDS). Unger (2016) finds this approach as the manifestation of linguistic scholars’ natural need to cross “the

sometimes staid and rigid disciplinary boundaries of linguistics” (Unger 2016: 2). This approach is taken at theoretical, methodological and research context levels in that discourse analysis or CDS draws on other fields of inquiry (such as sociology, psychology, cognitive science, philosophy, etc.), makes use of methodologies also applied in different fields (text linguistics, corpus linguistics, ethnography, etc.) and explores all kinds of phenomena which share an affinity with the use of language. As a proponent of interdisciplinarity, he claims that “looking sideways” may be beneficial for discourse analysts in making an effort to incorporate theories from different disciplines into their analysis in order to better grasp discursive practices in their social contexts (Unger 2016: 2). In his analysis of diverse CDS approaches, Unger (2016) observes that they are aligned to three dimensions, namely textual, social and cognitive/mental. These dimensions are interrelated and involved in each approach, though to varying degrees, thus laying varied emphasis on investigating and clarifying phenomena that are respectively textual, social or cognitive/mental.

All these problems have been actively discussed in the framework of discourse theory and scholarly fields adjacent to it. In the recent years, more often than before, scholarly publishing on the problems of discourse theory has significantly expanded in volume and the number of conferences on this topical issue has been only increasing. The idea of this issue was born at “Language in Modern Discursive Practices”, within the Firsova Readings — IV, a traditional biannual conference that was held on October 22—23, 2019 at the RUDN University supported by the Institute of modern languages, intercultural communication and migrations. The international team of plenary speakers — Miriam A. Locher (University of Basel, Switzerland), Laura Alba-Juez (UNED, Madrid), Magdaléna Bilá and Ingrida Vaňková (University of Prešov, Slovakia), Dániel Z. Kádár (Hungarian Academy of Sciences & Dalian University of Foreign Languages), Monika Kopytowska (Lodz University, Poland) — covered many of the problems addressed in this issue. The reports presented showed that discursive practices are being researched in different types of discourse and they could be analyzed from different perspectives: the way they are employed to express emotions, politeness and impoliteness, hate speech, etc.

4. Issues covered in the collection

This issue is coming out in hard times and we are thankful to everyone who, at this difficult time of corona virus pandemic, continues to work and share their thoughts and ideas, including those related to challenges that go beyond the field of linguistics. The issue opens with Anna Wierzbicka’s address to all of us united in our fight against the pandemic which acquired the shape of a global social event, with seven essential messages. Using her Natural Semantic Metalanguage method, which allows thoughts to be accurately conveyed in all languages of the world (Goddard and Wierzbicka 20014, Wierzbicka 1996), Anna Wierzbicka has found simple, transparent words — words that can be understood and taken in instantaneously, by anyone. We can only hope that these words can help us cope

with the hardships and difficulties of this period, find new prospects and stay positive.

All the works presented on the pages of the special issue focus on the analysis of discursive practices. Studying different angles of the language, culture and ideology interaction through the prism of discourse, the authors thereby expand and refine our knowledge about the processes of social life occurring at the micro and macro levels. The basis for research of this kind stems from the idea that discourse “involves focusing upon a social construction of meaning” (Williams 1999: 5).

Anna Wierzbicka's address is followed by her article “Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes” in which she investigates how speakers of different European languages tend to relate to God. The aim the author sets complies with an understanding that as cultural beings, humans manifest themselves through standardized manners of accommodative behavior. In the course of socialization, humans develop a variety of (verbal) behavior patterns and various modes of interpreting the world, which results in the emergence of an array of lingua-cultural communities (Dolník 2015). The relationship between humans, language and culture has been the focus of research in humanities from the very beginning. This interest has been an ongoing feature of modern linguistics for quite a while and it reveals the way language is used to serve its purpose according to the aim of the user, the context of use and the internalized cultural patterns governing its mechanisms. Thus, each lingua-culture has their own characteristic ways of addressing God, encoded in certain words, phrases, grammatical forms, and formulae which both reflect and shape the speakers' habitual ways of thinking about God and relating to God. Often, they also reflect some other aspects of their cultural memory and historical experience. The results of the study show that each European language offers its users a range of options for addressing God. Some of these options are shared; others appear to be unique to the language. All are underpinned by broader historical phenomena. Still as the author maintains, the exact nature of all these links remains to be investigated.

During socialization, people develop different (verbal) patterns of behavior and different ways of interpreting the world, which leads to the emergence of many language communities (Dolník 2015). The next three articles of the current issue examine the relationship between ideology, identity and language in various discursive practices in different language communities. Ideologies represent social groups, define and are defined by their social practices.

Language is all around us, permeating our public and private lives, materialized in the form of speech sounds and displayed in texts taking the form of shop signs, public and private notices, posters, commercial slogans, etc. **Martin Pütz** explores the linguistic landscape of Cameroon sharing his reflections on language policy and ideology. He dwells on linguistic landscape as a relatively recent area of research, which he defines as the visual representation of languages in public space. Cameroon's linguistic landscape is composed of English, French, Pidgin English, Camfranglais and, to a minor degree, indigenous African

languages. This paper shows that the field of linguistic landscapes can act as a reflection of linguistic hierarchies, ideologies and acts of resistance in multilingual and multicultural communities. Besides, in Cameroon the linguistic landscape almost exclusively focuses on the dominant status and role of one single language, i.e. French, and to a lesser extent English, whose speakers therefore feel marginalized and oppressed by the French-favouring government. The paper presents certain interest from the point of view of its methodology as the author analyses more than 600 linguistic tokens (digital photos) that he collected in various public places mainly in and around the Cameroonian capital of Yaoundé.

Stephany Moody and **Zohreh Eslami** turn to political discourse, code-switching and ideology. The authors concentrate on mechanisms of manipulation, suggestion, and persuasion inherent in language. They study code-switching in political discourse, which is considered as one of the discursive practices employed by bi- and multilinguals. Through these practices, they utilize their entire linguistic repertoires to create meaning by way of switching between two or more available languages or dialects with respect to certain extralinguistic factors to gain support of their political followers. Code-switching captures the historical, political and social embeddedness of language practices and the manners in which these practices are intertwined with ideologies. Based on language ideologies framework, the paper seeks to determine how code-switching was used as political discourse by Senator Kaine, and how its use varied based on the context of each speech. The study illustrates how code-switching can be used to cultivate political favour, forge alliances, and demonstrate cultural similarities between white politicians and bi- and multilingual voters.

In their paper, **Magdaléna Bilá**, **Alena Kačmárová** and **Ingrida Vaňková** address the encounter of two lingua-cultures through the perspective of social deixis. It is a well-known fact that in most languages, mainly European ones, conveying social deixis operates on a sliding scale between two extremes: T and V forms. The paper reports on research on Slovak and English languages that respectively have and lack overt T/V markers. The uniqueness of English vs. Slovak cultural identity and/or discursive practice of the respective culture with regard to expressing social distance are examined in two steps. Firstly, the related concepts (a cultural identity, social distance, T/V forms) are analyzed by means of the conceptualizing scheme (frame establishment, encoding/pre-understanding, contextualization/salience, and code configuration). Secondly, the questionnaires were designed based on the outcomes of the conceptualization process involving a set of principles. The outcomes of the investigation show that conceptualization of T vs V or informal vs. formal may stem from the conceptualization of social distance in terms of a set of principles, the conceptualization of the specific principle in terms of the relationship types, the conceptualization of the relationship type in terms of a specific culture and the conceptualization of a culture-specific relationship type through language means (T or V).

Various discursive practices are discussed in a number of articles. **Natalia Sokolova** brings to the fore some methodological questions in her integrated approach investigation analyses of multimodal marketing discourse. The paper investigates the multimodal website marketing discourse relying on an approach which makes use of multimodal critical discourse analysis, pragmatics, and text linguistics. The integrated framework allows for consideration of the discourse-generating intention of the locutionary source, the discourse function, verbal content categories and audio-visual techniques employed in the nonverbal discourse contributing to the global category of ideologeme made of key ideas and aimed at the locutionary target. It is of particular interest that the linguistic means in the three marketing discourses under analysis are different only when it comes to metaphorical expressions. The global ideologeme is made explicit by urging customers to optimize data and feel IT-powered performance benefits. It is conveyed through multiple antitheses, such as data challenges vs. one solution, previously vs. now, old vs. new and slowly vs. fast. The antitheses in the three marketing discourses are similar as are the typical manifestations of categories and audio-visual techniques which may encourage further research in terms of making the specific discourse of a company stand out to its customers.

Svetlana Ivanova and **Gulnara Khakimova** investigate celebrity gossip as a genre in English-language mass media discourse. The paper studies rumours as a specific communication phenomenon and the discursive practices by means of which it is realized across the Anglophone mass media discourse continuum. The integrative approach with various methods employed makes it possible to gain an insight into media rumours, namely celebrity gossip, manifested in on-line versions of the printed press and original web outlets. The study reveals restrictions imposed on this text type and the range of topics discussed, i.e. what makes this genre distinct from others. The structure of the celebrity gossip discourse is represented by texts in different journalistic forms: ranging from informative genres to feature type variations used by authors as means of constructing celebrity culture. The information of trivial content and questionable validity because of its unverified character is disguised as reports of high testimonial trustworthiness and epistemic value with the help of a variety of language and textual resources. The authors argue that within the mass media communication there exists a specific discourse which is hybrid by nature and non-evidential by verification.

Aleksey Romanov and **Olga Novoselova** unveil pragmatic effectiveness of threat statements in political communication. The aim of the article is to consider pre-election statements with the meaning of threat as verbal regulative actions and to propose a typology of such constructive menaces taking into account the targeted orientation of their consequent component. The theoretical framework of the study is made up by the theory of speech activity, speech act theory and psychosemantics. The study identified 18 targeted types of menaces from the point of view of their pragmatic and emotional potential for influencing voters which are characterized by different frequencies in pre-election programs. The

authors conclude that politicians deliberately prefer to use threat statements with consequent effect on an unfocused audience trying to win the attention and votes. The analysis shows that four types of threat statements with different targeting of consequent component was a pragmatically effective tool in the context of the Russian pre-election campaign in 2018. The results of this study can be used to predict the pragmatic effect of politicians' threat statements on voters.

Sergey Pashkov in his work accentuates the importance of the holistic view of the world that is relevant for text studies. The purpose of the article is to analyze and classify the language means representing emotions which biblical characters attribute to God. On the basis of theological interpretation of the antinomy 'God's immutability-God's emotions' the author substantiates (1) the introduction of the term 'attribution of emotions' in the conceptual and terminological apparatus of emotiology explicating the specificity of biblical emotive meanings; (2) the analysis of the depicted biblical space in the emotive aspect; (3) the interpretation of biblical characters' activity as a cause of emotions attributed to God. The language analysis is carried out with the help of the notion of the emotional script. This notion helps to present the systemic description of emotion development that is the cause of its emergence and the corresponding response. The methodological approaches employed in the study include the definitional, contextual, emotive, and linguo-stylistic analyses, with reference to the historical and cultural context. The study results in classifying the following types of lexemes: 1) representing the cause of emotions attributed to God; 2) representing emotions attributed to God; 3) representing the biblical space perceived by characters as a 'reaction' to emotions attributed to God. Proceeding from the theandric nature of Jesus Christ, His depicted emotions are treated as a manifestation of His human nature. The study has allowed the author to give linguistic substance to one of the antinomies of Christian understanding of God and to project a new prospect of further linguistic research on Christian dogmata from an emotive perspective.

It is only logical that the conclusive contribution by **Lara Sinelnikova** puts the final touch to the questions discussed. Lara Sinelnikova's contribution delves into the conceptual environment of the frontier discourse in the humanities and, thus, finalizes the discussion of the problems touched upon in the current issue. The author argues that frontier concept has been familiar to scholars for a long time and its main characteristics, including its flexible borders, its conceptualization as a zone of space development characterized by uncertainty and instability, proved their importance for understanding and describing the current state of the environment in its social, cultural, communicative and linguistic indicators. The interdisciplinary (transcendental) potential of a frontier is realized in a complementary combination of natural sciences and humanities. The author aims at justifying the scientific integrity of the term 'frontier discourse', whose conceptual environment is created through two overlapping multi-layer phenomena: frontier and discourse. The article names the vectors of expanding the interdisciplinary potential of frontier under the conditions of a discourse approach.

Frontier as a flexible border is presented in the internet communication, the socio-cultural space of the modern city, in the daily behavioural norms of the elite, in the in-family relations and in many other conceptual spheres, whose list remains open due to the ontological features of the concept in question. Based on the examples from literature, the author demonstrates the role of the frontier modus in the interpretation of literary texts, whose plot, style and images are projected onto national history, culture, mentality in their by-border characteristics. Such frontier features as instability, its ability to create an interaction zone, which, under certain conditions, can lead to integration, are important for understanding the problems of modern language, speech and genre norms. The by-border territory is a place of accumulating violations of traditional norms and the material necessary to forecast the arising norm changes. The transformation of traditional genres and the formation of new ones also take place on the frontier territories. It is concluded that frontier discourse ensures the understanding of norm shifts in genre-stylistic characteristics.

The current volume contains two reviews on the issues closely connected with the topic under study. **Etsuko Oishi** reviews the book edited by well-known scholars of the theory of politeness and impoliteness Jonathan Culpeper, Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (2017) *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. In her review she underscores a desired balance between theory and application which is achieved by the contributors. The book unfolds the concept of impoliteness and brings a new perspective to the (im)politeness research: impoliteness as well as politeness manifests as facework strategies achieved discursively.

Marianna Ryshina-Pankova reviews the book edited by two prominent researchers of discourse and emotions J. Lachlan Mackenzie and Laura Alba-Juez (2019) *Emotion in Discourse*. This collection of articles instantiates what has been called the “emotional turn” in the human sciences and specifically in the study of language (see also Alba-Juez & Larina, 2018, a special issue of this journal devoted to this theme). The volume focuses on the crucial importance of emotion in human communication and on the construal of emotions through language. Presenting the latest theoretical and empirical research on this matter, the book aims to provide a detailed account of the interaction of emotion, language, language proficiency, culture, and discourse.

5. Discussion and outlook

The emergence of discourse analysis stems from the idea to explore a human being in their social environment. “Discourse analytical approaches take as their starting point the claim of structuralist and poststructuralist linguistic philosophy, that our access to reality is always through language” (Jørgensen & Phillips 2002: 8). With discourse analysis prescriptive and normative linguistics yielded its way to investigating language in use as the main prerogative and indisputable priority of linguistic studies. This paradigm has not exhausted itself; it still has a lot to explore

to answer the eternal question of linguistics, how the human language functions when a human being uses it to achieve certain communicative aims. The current issue testifies that “discourse analysis is in constant evolution, and continues to expand in the range and scope of its research activities” (Ponton & Larina 2017: 12) and we cannot but agree more. Linguists are still elaborating and substantiating a full integrative framework of the theory of discourse with many variables falling into the picture.

RU

Представить себе мир без дискурса — это все равно, что представить себе мир без языка, то есть представить что-то невообразимое.¹

(He 2003: 428)

1. Введение

В центре внимания этого выпуска — дискурс и то, как *homo loquens*, человек говорящий, выстраивает его в различных сферах человеческой деятельности. Авторы выпуска отвечают на вопрос о том, как язык, культура и идеология переплетаются в различных дискурсивных практиках и как эти практики формируются людьми, представляющими разные культуры, идеологии и социальные образования. Это не первый выпуск нашего журнала, посвященный дискурсу и дискурсивным практикам (см. Выпуски 2006, 4; 2017, 1; 2018, 1; 2019, 4), и на это есть веская причина. Дискурс — это явление, включающее все формы использования языка, что, собственно, и делает его единственным известным реальным лингвистическим объектом (Кибрик 2009: 1). Несмотря на то, что дискурсу посвящены многочисленные издания (Карасик 2002, Blommaert 2005, Fairclough 1992, 2003, Gee 2007, Johnstone 2018, Kalyango Jr. & Kopytowska 2014, Schiffrin 1995, van Dijk 2006, 2009, 2011 и многие др.), он не теряет своей привлекательности для лингвистов по ряду важных обстоятельств. Дискурс позволяет исследователям сосредоточить свои усилия на человеке, вовлеченном в любой вид деятельности или взаимодействия. Прежде всего, в дискурсивных исследованиях говорящие приобретают “осязаемость” и конкретность как биологические, социальные, культурные, этнические, профессиональные идентичности. Как следствие, понимание значимости всех типов окружения, которые участвуют в производстве речи, привело к осознанию созидающей роли экстралингвистических факторов в использовании языка в целом. Дискурс позволил объединить «язык, действие, взаимодействие, ценности, убеждения, символы, объекты, инструменты и местопребывание таким образом, чтобы другие распознавали вас как особый тип того, кто (идентичность) участвовал в определенном типе того,

¹ Здесь и далее перевод наш (М.Б., С.И.)

что (деятельность), здесь и сейчас происходит» (Gee 1999: 27). Таким образом, *le langage*, эфемерное и требующее большего обоснования понятие, выдвинутое Ф. де Соссюром, приобрело наполненность и необходимую для лингвиста реальность.

2. Основные принципы и цели теории дискурса

В течение нескольких десятилетий лингвисты сосредоточивали свои усилия на структуре языка (*la langue*, по Соссюру), пока не стал очевидным тот факт, что лингвистика не может оставаться в этих жестких границах (Yule 1999: 139—140). Сначала завораживающий эффект языка в его функционировании (*language in use*) заставил ученых переключить свое внимание на речь (*la parole*, по Соссюру). Затем совокупность различных факторов, в том числе появление термина «дискурс» в работе Зеллига Харриса в 1952 году (Harris 1952), революция Хомского в лингвистике с его акцентом на *competence vs performance* (Chomsky 1965), изучение дискурса французскими учеными (Foucault 1981, 1994), и это далеко не полный перечень движущих лингвистику XX в. сил — привело к пониманию дискурса как результата теснейшего взаимодействия двух миров — языка и реальности (Foucault 1994), которые оказываются опосредованными деятельностью человека говорящего (Hagege 1985).

Всестороннее изучение дискурса началось с поиска учеными универсального определения этого сложного и многомерного по своей природе явления. В этом отношении восемь подходов к определению дискурса, изложенных П. Серио (Серио 1999: 25—27), все еще актуальны и обладают объясняющей силой — начиная с интерпретации дискурса как эквивалента соссюровского *la parole* и включая формулировку, содержащую все дискурсно-обусловленные ограничения на порождение текста (там же: 26—27). В конечном итоге интерпретация дискурса предполагает деятельность человека, направленную на создание мысли в словесной форме. При таком подходе на первый план выходят обстоятельства бытования дискурса и индивид, бытующий в этом дискурсе и/или связанный с ним. Как следствие, интерес вызывает изучение разнообразных факторов, которые взаимодействуют в рамках дискурса, формируя и форматируя его по образу и образцу говорящего. Именно человек стал центром лингвистической теории дискурса, при этом дискурс понимается как основное проявление человека в рамках производимой им деятельности и в совокупности со всеми отношениями, которые в этой деятельности возникают. Взаимоотношения между людьми, языком и культурой определяют человека как существо биологическое, социальное и культурное. При этом все эти ипостаси человека тесно связаны друг с другом и составляют единое нераздельное целое. Биологические характеристики людей, определяемые эволюцией и генетическими данными, постепенно трансформируются в процессы аккомодации и ассимиляции и изменяются посредством социаль-

ного взаимодействия и социализации, превращая людей в социальные и культурные идентичности (Dolník 2015). Осознание того, что люди как биологические, социальные и культурные существа используют язык в качестве посредника во всей своей деятельности, побуждает лингвистов изучать язык в различных контекстах, что, по их мнению, поможет развязать этот гордиев узел. Заявление Дэвида Нунана (Nunan 1993) о том, что «дискурс объединяет язык, человека, производящего язык, и контекст, в котором этот язык используется» (Nunan 1993: 6—7), разделяют все дискуртологи. Исследователи сходятся во мнении, что термин «дискурс» используется при интерпретации коммуникативного события в контексте (Dijk 2009: 1). Таким образом контекст приобретает концептуальное значение для дискурсивного анализа (Нефедов, Чернявская 2020). Контекст как «набор соответствующих свойств коммуникативных ситуаций речевого взаимодействия» (Dijk 2009: VII) относится к ситуации порождения и бытования дискурса. В свете этого понимания дискурс «относится к набору норм, предпочтений и ожиданий, который пользователи языка имеют в своем распоряжении и изменяют при создании и осмыслении языка в контексте» (Saville-Troike 1994: 358).

Традиционно лингвисты выделяют два типа контекста. Первым из них является языковой или словесный контекст (также называемый микроконтекстом или со-текстом), то есть язык, который окружает или сопровождает анализируемый фрагмент дискурса. Второй — это неязыковой, невербальный или эмпирический контекст (также называемый макроконтекстом), в котором дискурс «происходит». Он испытывает формирующее влияние ряда факторов, включающих тип коммуникативного события (например, шутка, рассказ, лекция и т.д.), тему, цель события, окружение, участников и отношения между ними, а также фоновые знания, лежащие в основе коммуникативного события (Nunan 1993: 7—8). Как указывает И. Кечкеш (Kecskes 2014), в лингвистике «контексты обычно относятся к любому из факторов — лингвистическому, эпистемологическому, физическому, социальному, которые влияют на фактическую интерпретацию знаков и выражений» (Kecskes 2014: 35). Он предлагает различать предшествующий контекст (*prior context*), который находится в нашем сознании, и фактический ситуативный контекст, подчеркивая при этом, что «значение является результатом взаимодействия предшествующего опыта и текущего, фактического ситуативного опыта, и оба имеют социокультурный характер» (там же: 129).

Дискурс как использование языка в различных контекстах (ситуативный, географический, исторический, структурный, институциональный) также толкуется как трехмерное образование (текст, дискурсивная практика и социальная практика) (Fairclough 1992). Как социальная практика дискурс представляет собой сущность, встроенную в социальный и исторический контекст. Более того, впоследствии он участвует в социальном конструировании реальности и отвечает за социальное моделирование сообщества и создание социальных идентичностей, расширение знаний, формирование социальных

отношений и создание сложных дискурсивных практик и дискурсивных конвенций (Resta 1998, van Dijk 2006).

Другим важным открытием, которое пришло с исследованиями дискурса, стало понимание тесной связи познания и дискурса. Стало ясно, что дискурс существует между мыслью и реальностью (Williams 1999: 23). Когнитивное прочтение теории дискурса предполагает, что люди мысленно «схватывают» окружающее их пространство со всеми отношениями и интегрируют все это вместе взятое в концепции, системы и отношения, то есть производят операцию концептуализации. Концептуализация может пониматься как восприятие, сегментация, спецификация и категоризация данных, относящихся к материальному и абстрактному миру, и последующая обработка их в мышлении и на языке. В отдельных лингвокультурных сообществах эти процессы происходят в определенных интерпретационных рамках, регулируемых интернализированными культурными закономерностями и соглашениями. Таким образом, в разных культурах люди по-разному схематизируют свой опыт и знания о мире. В результате языки различаются по «накопленным декларативным знаниям <...> и культурно-обусловленным схемам» (Kecskes & Papp, 2000), иными словами, языки становятся и являются социально и культурно встроенными объектами.

Не будет преувеличением сказать, что к началу XXI века дискурс-анализ стал доминирующей парадигмой, охватывающей все гуманитарные науки, своеобразным духом времени, *air du temps*, в терминах Патрика Серио (Sériot 2012: 18). Представители разных лингвистических школ пытались описать формальные и функциональные особенности дискурса (Schiffrin 1994). Позже к этим двум добавилось третье измерение дискурса, а именно описание топосов, лежащих в основе определенных типов дискурса (Добросклонская 2014: 182). Таким образом, дискурс стал объектом анализа, объединяющим гуманитарные науки в их поисках семиотически выраженных (Fairclough 2004: 225—226), социально-психологических, социологических, антропологических моделей (Dijk 2009) воспроизведения социальной идентичности.

3. Современные вызовы теории дискурса

Современные исследования лингвистического дискурса развиваются в нескольких направлениях, что обусловлено сложным характером изучаемого явления. Ученые пытаются достичь большей точности в определении объекта и предмета теории дискурса. Еще одной проблемой является разработка надежных методов анализа, которые могут быть использованы в лингвистике для изучения данной предметной области, для описания типов дискурса и дискурсивных практик, востребованных для поддержания существующих или возникающих социальных отношений.

В соответствии с социально-философским пониманием дискурса первоначально лингвисты обратились к тем сферам общения, в которых осуществляется постоянное воспроизводство власти и господства в обществе (van Dijk

2011: xvii). Это были политический дискурс (van Dijk 2006, Fairclough 1989), новостной (Fowler 1991, van Dijk 1988), дискурс масс медиа (van Dijk 1985), юридический дискурс (Goodrich 1987). Очень скоро перечень дискурсов, которые исследовали лингвисты, вырос, и его дополнили рекламный (Cook 1992), маркетинговый (Skálén et al. 2008), медицинский (Good, DelVecchio Good 1981, Locher 2017), учебный (Christie 2002), академический (Hyland 2009) дискурсы. Все эти типы дискурса остаются в поле внимания исследователей, причем объем работ только увеличивается, когда дело доходит до политического (например, Beard 2000, Chilton 2004, Ponton 2016, Солопова, Чудинов 2018, Шейгал 2004), массмедийного (например, Добросклонская 2014, Озюменко 2017, Bell & Garrett 1992, Dubrovskaya, Kozhemyakin 2016, Larina, Ozyumenko, Ponton 2019, Matheson 2005, Talbot 2007), новостного (Bednarek 2006, Montgomery 2007), юридического / судебного (например, Дубровская 2017, Gotti & Williams 2003), религиозного (например, Бобырева 2007, Найденова 2018, Wierzbicka 2018). Более того, дискурс-анализу подвергаются новые области человеческой деятельности — в данном случае речь идет о таких типах дискурса, как интернет-дискурс (Crystal 2010), дискурс развлекательный / досуговый, именуемый также консьюмеристским (Fullagar 2002, Молодыченко 2016), лайфстайл-дискурс (Иванова 2019, Молодыченко 2020), туристический дискурс (Jaworski, Thurlow 2010), гендерный дискурс (Mills 2003), спортивный дискурс (Кошкарлова 2019), гастрономический дискурс (Олянич 2003), урбанистический (Леонтович 2019) и многие другие. Все это свидетельствует в пользу утверждения О.С. Иссерс о том, что составить полный список типов дискурсов не представляется возможным (Иссерс 2011: 227). Более того, исследователи отмечают тенденцию к интеграции и гибридизации дискурсов (Иванова 2017).

Теория дискурса стала перспективной основой для многих направлений лингвистического анализа. Одной из этих новых областей, которые подверглись экспансии теории дискурса, стало изучение эмоций (например, Шаховский 2015, 2018, Alba-Juez & Larina 2018, Mackenzie & Alba-Juez 2019 и многие другие). Лингвисты увидели связь между эмоциями и определенными типами контекста, порождающими «процесс мультимодального дискурса, который пронизывает все уровни языка, но также проявляется в невербальных способах, представляя различные стадии и формы (под влиянием таких переменных, как прагматические ожидания или общие знания), по мере того, как дискурсивная ситуация и взаимодействие изменяются и развиваются» (Mackenzie & Alba-Juez 2019: 18). Дискурсивный подход к эмоциям позволил показать это явление как динамическую, дискурсивно-прагматическую сущность. Этот «эмоциональный поворот» неизбежно вызвал некоторые изменения предметной области дискурс-анализа — убеждение перестало быть определяющим фактором для определения объекта исследования теории дискурса, дискурс способствует пониманию того, как человек конструирует свою

социальную идентичность в различных типах взаимодействия (e.g. Langlotz & Locher 2017, Larina et al 2017 и др.).

Важной областью исследований, граничащей с анализом дискурса, является коммуникация. Сферы, типы и формы общения, с одной стороны, и типы дискурса, с другой — что у них общего и каковы их отличительные особенности? Интересно, что дискурсивный анализ породил термин, который объединяет эти два понятия: речь идет о дискурсивной практике. Диапазон интерпретации этого термина, восходящего к работам М. Фуко (Foucault 1981), варьируется от «производства, распространения и потребления текстов» (Fairclough 1992: 5, 73, 2010) до «практик (или операций) дискурсов, означающих накопление знаний» без какой-либо ссылки на лингвистические практики или использование языка (Vacchi & Bonham 2014: 173). Несмотря на это противоречие, большинство лингвистов следуют «лингвистическому повороту», согласно которому дискурсивные практики являются лингвистическим отражением социальных практик, определяемых как «относительно стабилизированная форма социальной активности» (Fairclough 2001: 231). Поэтому ученые подходят к рассмотрению дискурсивных практик как механизмов дискурсивного построения различных типов отношений, начиная с распределения власти и включая разнообразные типы коммуникации. Таким образом, изучение дискурса оказалось тесно связанным с изучением общения и его различных коммуникационных стратегий.

Еще одна область расширения области дискурс-анализа — это изучение стратегий не / вежливости, превращающих их в дискурсивные практики. Дискурсивный подход к вежливости (Eelen 2001, Watts 2003, Mills 2003) дал новый импульс развитию теории вежливости, значительно расширив ее диапазон. Наибольшая значимость дискурсивного поворота заключалась в том, чтобы «напомнить нам об оценочном и относительном характере таких понятий, как невежливость или вежливость, о важности, которую эмоции играют в оценках, и сделать вывод о связи конструирования идентичности с этими процессами оценки» (Locher & Larina 2019: 875). Изучение невежливости также вытекает из дискурсивного подхода к языку (например, Bousfield 2008, Bousfield & Locher 2008, Culpeper 2011, Garcés-Conejos Blitvich & Sifianou 2019). Как справедливо утверждает Калпепер (Culpeper 2011), невежливость является важным аспектом социальной жизни и играет центральную роль во многих дискурсах, которые редко описываются подробно (Culpeper 2011: xiii). Как вежливость, так и невежливость включают изучение конкретного коммуникативного поведения в социальном взаимодействии с акцентом на контекст (например, Bousfield 2008, Fernández-Amaya 2019).

Помимо перечисленных проблемных зон, необходимо обратиться к еще одному вопросу, который связан с проблемой определения места дискурса по отношению к традиционным сферам лингвистического анализа. Дискурс, понимаемый как когнитивная сущность на уровне гештальта (поскольку для

него присуща некая инвариантная модель и его характеризуют прототипические свойства), должен найти свое место по отношению к давно существующим и устоявшимся в лингвистической науке понятиям. Так, неоднократно поднимался вопрос о взаимоотношении дискурса и жанра как набора ожиданий, которые выстраивает зрелый читатель, как некоей автономной системы со своими собственными кодексами и конвенциями (Corbett 2009: 287). В ходе данной дискуссии звучали голоса о том, что лингвистика должна избавиться от понятия «жанр» и заменить его термином «дискурс». Потребовалось время, чтобы выработать сбалансированный подход к решению о совместимости данных терминов. В настоящее время актуальность жанровых исследований в рамках дискурс-анализа (например, Дементьев 2016, Иванова 2017, Cap & Okulska 2013, Fuentes Rodríguez & Álvarez-Benito 2016, Garcés-Conejos Blitvich, 2010) не вызывает сомнений (Dijk 2009: 8). При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что эта, казалось бы, всего лишь терминологическая проблема отражает трудности изучения единиц, превышающих предложение и относящихся к описанию речи и речевой деятельности.

Расширение предмета и диверсификация объекта анализа поставили перед лингвистами, занимающимися теорией дискурса, еще одну проблему, касающуюся выбора методов и доказательства достоверности полученных результатов. Нет необходимости говорить, что степень остроты и серьезность проблемы методологии обусловлены многомерностью дискурса и его особым статусом в гуманитарных науках. Общеизвестно, что лингвистическая теория дискурса стала развитием идей дискурс-анализа, которые совершили прорыв в гуманитарных науках в 1960-е годы. Благодаря французскому структурализму дискурс вошел в научно-исследовательскую практику как объект социологии. Совершенно естественно, что первоначально к анализу дискурса применялись социологические методы. Лингвистической теории дискурса потребовалось время, чтобы выработать свой собственный подход к исследованию. Значительным шагом в этом направлении послужили книги (Jørgensen & Phillips 2002, Titscher et al. 2000), авторы которых ставили цель упорядочить методологическую базу лингвистической теории дискурса как сравнительно молодого направления языкознания.

Еще одна трудность методологического характера связана с междисциплинарным статусом теории дискурса. Теория дискурса, или дискурс-анализ, приоритизирует язык, общество и человека, а это, в свою очередь, требует исследований на стыке различных областей знаний. Соответственно, теория дискурса использует междисциплинарные методы анализа, к примеру работу с корпусами (Чернявская 2017, 2018), для решения поставленных задач. Именно междисциплинарность является неотъемлемым принципом дискурс-анализа, критического дискурс-анализа (CDA) или исследований критического дискурса (CDS). Й. Унгер (Unger 2016) считает, что в этом подходе проявляется естественная потребность лингвистов преодолевать «иногда устойчивые и жесткие дисциплинарные границы лингвистики» (Unger 2016: 2).

Этот подход используется при анализе контекста на уровне теоретического осмысления, выбора методов и сбора эмпирических данных в рамках дискурс-анализа или CDA. При этом используются данные разнообразных научных областей (таких как социология, психология, когнитивная наука, философия и т.д.). Дискурс-анализ, кроме того, применяет методологию различных направлений лингвистических исследований (лингвистика текста, корпусная лингвистика, этнография и т. д.) и исследует все, что связано с использованием языка (Unger 2016: 2).

Все эти проблемы активно обсуждаются в рамках теории дискурса и смежных с нею областей научного знания, о чем свидетельствует как большое количество соответствующих публикаций, так и количество конференций по этой актуальной тематике. Так, идею к созданию данного номера дала конференция "Язык в современных дискурсивных практиках", которая состоялась в Москве, в РУДН, в Институте современных языков, межкультурной коммуникации и миграции 22—23 октября 2019 года. Выступления пленарных докладчиков, среди которых были Мириам А. Лохэр (Базельский университет, Швейцария), Лаура Альба-Хуэс (UNED, Мадрид), Даниэль Кадар (Академия наук Венгрии и Далянский университет иностранных языков), Магдалена Била и Ингрида Ванькова (Университет Прешова, Словакия), Моника Копытовска (Университет Лодзи, Польша), показали, что исследование дискурсивных практик проводится на базе самых разных типов дискурса и касается выражения эмоций, вежливости и невежливости, языка вражды и др. Проведенные в рамках конференции дискуссии еще раз подтвердили стремление исследователей найти закономерности функционирования языка в обществе в связке с человеком говорящим, думающим, чувствующим.

4. Авторы этого выпуска

Наш выпуск выходит в непростое время, и мы благодарны всем тем, кто продолжает работать и делиться с нами своими идеями, мыслями, в том числе далеко выходящими за рамки лингвистики. Этот выпуск начинается с **обращения Анны Вежицкой** ко всем нам, объединенным в нашей общей борьбе против пандемии, которая приобрела форму глобального социального события. Анна Вежицкая делится семью важными мыслями, которые она выражает при помощи разработанного ею Естественного Семантического Мета-языка (Goddard & Wierzbicka 2014, Wierzbicka 1996), позволяющего одинаково точно передавать мысли и чувства на всех языках мира. Она смогла найти правильные и понятные слова, которые звучат как своего рода ориентиры. Мы можем только надеяться, что они помогут нам справиться со сложностями и трудностями этого периода, найти новые перспективы и оставаться позитивными.

Все работы, представленные на страницах настоящего специального выпуска, обращены к анализу дискурсивных практик. Исследуя в различных ракурсах особенности взаимодействия языка, культуры и идеологии сквозь

призму дискурса, авторы тем самым расширяют и уточняют наши знания о происходящих на микро- и макроуровнях процессах общественной жизни. В основе представленных исследований лежит идея о том, что дискурс сосредоточен на социальной конструкции значения (Williams 1999: 5).

Выпуск открывает статья **Анны Вежбицкой**, в которой она анализирует, как люди, говорящие на различных европейских языках, обращаются к Богу. Каждая лингвокультура имеет свои характерные способы обращения к Богу, закодированные в определенных словах, фразах и грамматических формах, которые отражают и формируют привычные способы мышления говорящих о Боге и отношения к Богу. Зачастую они также отражают и другие аспекты культурной памяти и исторического опыта человека говорящего. В связи с этим автор прибегает к культурному комментарию о более широких исторических явлениях. Цель, которую ставит перед собой автор, соответствует пониманию того, что, будучи носителями культуры, люди проявляют себя через стандартизированные манеры аккомодационного поведения. Результаты исследования показывают, что каждый европейский язык предлагает своим пользователям различные варианты обращения к Богу. Некоторые из этих опций являются общими; другие характеризуются лингвокультурной уникальностью. Тем не менее, как утверждает автор, причины различий всех этих обращений еще предстоит изучить.

В ходе социализации люди развивают различные (словесные) модели поведения и различные способы интерпретации мира, что приводит к появлению множества языковых сообществ (Dolník, 2015). В трех последующих статьях текущего номера рассматривается связь идеологии, идентичности и языка в различных дискурсивных практиках в разных языковых сообществах. Идеология характеризует социальные группы, определяет, но и определяется их социальными практиками.

Язык окружает нас, пронизывая нашу общественную и личную жизнь, материализуясь в форме речевых звуков и отображаясь в текстах в виде вывесок магазинов, объявлений, плакатов, рекламных лозунгов и т.д. **Мартин Пютц** исследует языковой ландшафт Камеруна и делится своими размышлениями о языковой политике и идеологии. Он останавливается на языковом ландшафте как на относительно недавней области исследований, которую он определяет как визуальную представленность языков в публичном пространстве. Языковой ландшафт Камеруна репрезентирован английским, французским, пиджин-английским, камфранглийским и, в меньшей степени, коренными африканскими языками. Исследование Мартина Пютца показывает, что область языковых ландшафтов может выступать в качестве отражения языковых иерархий, идеологий и актов сопротивления в многоязычных и многокультурных сообществах. Кроме того, в Камеруне языковой ландшафт почти исключительно сосредоточен на доминирующем статусе и роли одного отдельного языка, то есть французского и, в меньшей степени, английского, по-

этому англоговорящие граждане чувствуют себя в определенной степени маргинализированными. Несомненный интерес данной публикации связан с используемой автором методологией: в работе анализу подвергнуты более 600 лингвистических токенов (цифровых фотографий), которые были собраны в различных общественных местах, главным образом в и вокруг столицы Камеруна Яунде.

Как известно, изучение дискурса началось со стремления исследовать политику и власть, выраженную в языке и посредством языка (Фуко 1981: 1994). Это направление дискурсивных исследований не теряет своей актуальности и пополняется новыми публикациями, о чем свидетельствует и статья **Стефани Муди и Зохран Эслами**. Они обращаются к проблематике политического дискурса в той части, которая касается особенностей кодовых переключений и выражения идеологии. Авторы сосредоточивают свое внимание на механизмах манипулирования, внушения и убеждения, присущих языку. Они изучают дискурсивные практики, связанные с переключением языковых кодов в процессе речевой деятельности, в рамках которых дву- и многоязычные участники коммуникации гибко используют весь свой лингвистический репертуар для создания смысла. Переключение кодов, фиксируя историческую, политическую и социальную встроенность языковых практик в речевую деятельность человека в социуме, свидетельствует о том, что эти дискурсивные практики напрямую связаны с идеологиями. Основываясь на концепции языковых идеологий, авторы ставят своей целью определение того, как кодовые переключения использовались сенатором Кейном в политическом дискурсе и как эти случаи варьировали в зависимости от контекста каждой речи. Исследование показывает, как можно использовать кодовые переключения для формирования политического капитала, создания альянсов и демонстрации культурного сходства между белыми политиками и их дву- и многоязычными избирателями. Представленное исследование служит иллюстрацией глубокого замечания Т. ван Дейка о том, что «идеологии выражаются и, как правило, воспроизводятся в социальных практиках их членов и, в частности, приобретаются, подтверждаются, изменяются и увековечиваются посредством дискурса» (van Dijk 2006: 115).

Проблематика социальной идентичности в дискурсивных практиках раскрывается в работе **Магдалены Била, Алены Качмаровой и Ингриды Ваньковой**. Авторы сопоставляют две лингвокультуры сквозь призму социального дейксиса. Хорошо известен тот факт, что в большинстве языков, в основном европейских, передача социального дейксиса колеблется между двумя полюсами, которыми служат морфологические средства, формы *ты* и *Вы*. Авторы обращаются к исследованию словацкого и английского языков, которые, соответственно, различаются по наличию эксплицитных маркеров *ты/Вы*. Весьма интересна разработанная авторами пошаговая методика исследования. Уникальность английской и словацкой культурной идентичности

и / или дискурсивная практика соответствующей культуры в отношении выражения социальной дистанции рассматриваются в два этапа. Во-первых, связанные понятия (культурная идентичность, социальная дистанция, формы *ты/Вы*) подвергаются анализу посредством схемы концептуализации (установление кадра, кодирование / предварительное понимание, контекстуализация / значимость и конфигурация кода). Процесс концептуализации, включающий набор принципов, дал результаты, на основе которых были разработаны вопросники для испытуемых. Результаты исследования показывают, что концептуализация *ты vs Вы*, иначе говоря, неофициального в отличие от официального, может проистекать из концептуализации социальной дистанции с точки зрения набора принципов, концептуализации конкретного принципа с точки зрения типов отношений, концептуализации типа отношений с точки зрения конкретной культуры и концептуализации типа культуры с определенной спецификой через морфологические средства (*ты* или *Вы*).

Дискурсивные практики маркетингового дискурса веб-сайтов выступают объектом исследования, представленного в статье **Н.В. Соколовой**. Работа заслуживает особого внимания тех, кто интересуется сложной проблемой методологии анализа мультимодальности в дискурсе. Автор выстраивает свой мультимодальный анализ, опираясь на положения критического дискурс-анализа, прагматики и лингвистики текста. Комплексный подход позволяет учесть ряд параметров: дискурсопорождающую интенцию адресанта, функцию дискурса, реализацию категорий в вербальном контенте мультимодального дискурса и использование аудиовизуальных приемов в невербальном контенте, глобальную идеологему, или ключевую идею, дискурса, а также адресата. Дискурсопорождающей интенцией является побуждение потребителя к приобретению ИТ-решения, при этом дискурс реализует воздействующую функцию. Текстовое наполнение веб-сайтов рассматривается в рамках таких категорий, как тема (терминология сферы информационных технологий); тональность (положительно окрашенная лексика; повелительное наклонение); хронотоп (экономия времени для решения глобальных задач в рамках всего предприятия). Анализ показывает, что в рамках маркетинговых дискурсов трех компаний используются сходные антитезы (проблемы работы с большим количеством данных vs. одно ИТ-решение, ситуация до и после, старое vs. новое), аналогична и реализация категорий и аудиовизуальных приемов, что может потребовать дальнейших исследований маркетингового дискурса с точки зрения восприятия его специфичности клиентами.

Дискурсивные практики, связанные с жанровыми разновидностями текстов, репрезентирующих дискурс, являются объектом анализа следующей публикации. **С.В. Иванова** и **Г.Ш. Хакимова** исследуют слухи о знаменитостях как жанр в англоязычном дискурсе СМИ. Цель исследования авторы видят в выявлении специфики медиаслухов как речевого жанра англоязычной медиакommunikации. Соответственно, авторы обращаются к содержательному (тематическому) и формальному (структурно-композиционному)

уровням исследования. В работе выявляются дистинктивные признаки изучаемого жанра, включающие установленные для него ограничения, и диапазон обсуждаемых тем. Анализ эмпирического материала свидетельствует, что тематически изучаемые тексты отличаются широким диапазоном топосов, охватывающих как публичную сферу (социальные взаимодействия), так и частную, зачастую интимную область жизни знаменитостей, с явным предпочтением последней. Доминантными дискурсивными характеристиками репрезентаций исследуемого текстотипа являются сенсационность и скандальность. В структурном плане дискурс светских слухов конституируется текстами, облеченными в различные журналистские формы: от жанров информационного блока до публицистических вариаций категории *features*, которые используются авторами в качестве средства конструирования реальности, связанной с культурой селебрити. Информация, имеющая, по сути, тривиальный по содержанию и сомнительный в силу своей неподтвержденности характер, с помощью разнообразных языковых и текстовых ресурсов камуфлируется под сведения, обладающие высокой степенью достоверности и эпистемической ценности. Полученные результаты свидетельствуют о существовании в рамках обширного коммуникативного пространства массмедиа специфического типа дискурса, гибридного по своей природе и практически не поддающегося верификации.

А.А. Романов и **О.В. Новоселова** раскрывают прагматическую эффективность реализации высказываний-угроз (менасивных высказываний или менасивов) в политической коммуникации, а именно авторы ставят своей целью установить целесообразность использования угрозы в предвыборных программах с тем, чтобы побудить избирателей проголосовать за конкретного политика. Авторы анализируют высказывания-угрозы, реализованные в предвыборных программах кандидатов на пост Президента Российской Федерации в 2018 году. При анализе применяется инструментарий теории речевой деятельности, теории речевых актов и психосемантики. В ходе исследования выделено 18 адресатных разновидностей высказываний-угроз, которые обладают определенным прагма-эмоциональным воздействием на избирателей и характеризуются различной частотностью употребления в предвыборных программах. Полученный результат свидетельствует о недостаточном знании авторами предвыборных программ предпочтений массового избирателя, его эмоционального состояния и переживаний. Это обуславливает ориентированность менасивного воздействия на широкий круг потенциальных избирателей. Авторы приходят к выводу, что политики целенаправленно предпочитают использовать высказывания-угрозы, эксплицирующие последующий негативный эффект для нефокусной аудитории, пытаясь таким образом завоевать внимание и голоса избирателей. Кроме того, проведенный анализ показывает, что использование политиком четырех разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного

компонента является прагматически эффективным инструментом воздействия в контексте российского предвыборного дискурса 2018 года.

Статья **С.М. Пашкова** раскрывает проблематику изучения эмоций и их отражения в дискурсивных практиках в рамках религиозного дискурса. В результате анализа автор классифицирует языковые репрезентанты эмоций, атрибутируемых Богу библейскими персонажами. На основе изучения богословского понимания антиномии «неизменность Бога — эмоции Бога» в статье обосновывается (1) введение термина «атрибуция эмоций» в понятийно-терминологический аппарат лингвистики эмоций, эксплицирующего специфику библейских эмотивных смыслов; (2) рассмотрение изображенного библейского пространства в эмотивном аспекте; (3) интерпретация изображенной деятельности библейских персонажей в качестве причины эмоций, атрибутируемых Богу. Языковой материал проанализирован с опорой на понятие эмоционального сценария, позволяющего представить системное описание развития эмоции, то есть причину ее появления и реакцию. Методы исследования языкового материала включают дефиниционный, контекстуальный, эмотивный и лингвостилистический анализы с привлечением факторов широкого историко-культурного контекста. В результате исследования автором установлены и систематизированы: 1) языковые средства, репрезентирующие причины эмоций, атрибутируемых Богу; 2) языковые средства репрезентирующие эмоции, атрибутируемые Богу; 3) языковые средства, репрезентирующие пространство, воспринимаемое библейскими персонажами как «реакция» на атрибутируемые Богу эмоции. Полученные результаты позволили наполнить языковым содержанием одну из антиномий христианского понимания Бога и наметить перспективу дальнейшего лингвистического исследования христианской догматики в эмотивном ракурсе.

Составители данного выпуска посчитали, что завершающей для этого журнала должна стать статья **Л.Н. Синельниковой**, которая тематически венчает представленную вниманию читателей коллекцию статей и выводит проблему дискурса и дискурсивных практик в сопредельные области научного знания. Данная публикация раскрывает меж- и трансдисциплинарные свойства дискурсивных исследований. Автор обращается к исследованию пограничных дискурсов и ставит своей целью обоснование научной состоятельности понятия фронтального дискурса, концептуальная среда которого складывается в условиях наложения двух многоуровневых феноменов: дискурса и фронта. Фронт как подвижная граница представлен в интернет-коммуникациях, в социально-культурном пространстве современного города, в поведенческих нормах элиты, во внутрисемейных отношениях и многих других концептуальных сферах, список которых, по онтологическим признакам фронта, принципиально открыт. В статье названы векторы расширения междисциплинарных возможностей фронта в науке в условиях дискурсивного подхода. Автор показывает роль фронтального модуса в интерпретации художественных текстов, сюжет, стиль и образы которых проектируются на

национальную историю, культуру, ментальность в их порубежных характеристиках (*by-border characteristics*). Нельзя не согласиться с автором, что такие признаки фронта, как неустойчивость, способность создавать контактную зону (зону взаимодействия), при определенных условиях ведущую к интеграции, важны для понимания проблемы современной языковой, речевой и жанровой нормы. Территория порубежья (то, что находится между) является местом сбора нарушений традиционных норм и вместе с тем материалом для прогноза нарождающихся изменений нормы. Трансформация традиционных жанров и формирование новых также происходит на фронтальных территориях.

Текущий выпуск содержит рецензии двух изданий, тесно связанных с изучаемой тематикой и проблематикой. **Эццо Оиси** рецензирует книгу, вышедшую под редакцией известных исследователей теории не/вежливости Дж. Калпепера, Майкла Хо и Даниела Кадара (*Culpeper, Jonathan, Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017. The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness, London: Palgrave Macmillan*). В своем обзоре рецензент отмечает желаемый баланс между теорией и практикой, который в полной мере удалось достичь авторам. Книга по-новому раскрывает концепцию невежливости: невежливость, как, собственно, и вежливость проявляются в стратегиях непосредственного общения, их можно достичь в рамках дискурса.

Марианна Рышина-Панкова рецензирует книгу, вышедшую под редакцией двух известных исследователей эмоций в дискурсе Дж. Лахлана Маккензи и Лауры Альба-Хуэс (*Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez (eds.). 2019. Emotion in Discourse*). Книга знаменует собой то, что в гуманитарных науках называют «эмоциональным поворотом», особенно в том, что касается изучения языка (см. также специальный выпуск этого журнала, посвященный данной теме — 2018,1). В книге раскрывается исключительная важность эмоций в общении между людьми и показано, как посредством языка и через язык создаются эмоции. Представляя последние теоретические и эмпирические исследования по этому вопросу, книга призвана дать подробный анализ взаимодействия эмоций, языка, владения языком, культурой и дискурсом.

5. Обсуждение и перспективы

Появление дискурс-анализа как направления научного поиска связано с осознанием необходимости исследовать главный объект гуманитарной науки — человека в его социальном окружении. Дискурс-анализ в качестве отправной точки базируется на утверждении структурной и постструктуралистской лингвофилософии о том, что мы всегда получаем доступ к реальности через язык (Jørgensen & Phillips 2002: 8). Прескриптивизм и нормативность предшествующих этапов развития лингвистики уступили место исследованию языка в его непосредственном функционировании. Именно *язык как он есть здесь и сейчас* стал прерогативой и безусловным приоритетом

лингвистических исследований начала XXI века. Современная исследовательская практика показывает, что эта парадигма далеко еще себя не исчерпала. Дискурс-аналитикам предстоит отвечать на вечные вопросы лингвистики о том, как функционирует человеческий язык, когда человек использует его для достижения конкретных коммуникативных целей в той или иной социальной среде. Публикации, которые вы найдете в настоящем выпуске, свидетельствуют о том, что «анализ дискурса находится в постоянной эволюции и продолжает расширяться в диапазоне и масштабах своей исследовательской деятельности» (Ponton, Larina 2017: 12), и мы не можем не согласиться с этим. Лингвисты все еще разрабатывают и обосновывают целостную в своей совокупной объяснительной силе, интегрированную с пограничными областями теорию дискурса, которая должна свести воедино многие переменные, чтобы они сложились в единую картину под названием «человек—язык—общество».

© Magdaléna Bilá and Svetlana Ivanova, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES /СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alba-Juez, Laura & Tatiana V. Larina. 2018. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 9—37.
- Alexander, Richard & Arran Stibbe. 2014. From the analysis of ecological discourse to the ecological analysis of discourse. *Language Sciences* 41. 104—110.
- Beard, Adrian. 2000. *The Language of Politics*. NY: Routledge.
- Bednarek, Monika. 2006. Epistemological positioning and evidentiality in English news discourse: a text-driven approach. *Text and Talk* 26 (6). 635—660.
- Bell, Allan & Peter Garrett. 1998. *Approaches of media discourse*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Blommaert, Jan. 2005. *Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bacchi, Carol & Jennifer Bonham. 2014. Reclaiming discursive practices as an analytic focus: Political implications. *Foucault Studies* 17. 173—192.
- Bousfield, Derek. 2008. *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Bousfield, Derek & Miriam A. Locher (eds.). 2008. *Impoliteness in Language. Studies on its Inter-play with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Cap, Piotr & Urszula Okulska. 2013. *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and Practice*. John Benjamins Publishing.
- Chernyavskaya, Valeria E. 2017. Metodologitscheskie vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoi lingvistike [Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics]. *Tomsk State University Journal of Philology* 50. 135—148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.

- Chernyavskaya, Valeria E. 2018. Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatel'noye zveno? Ob"yasnitel'nyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse analysis and corpus approaches: a missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 2. 31—37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
- Chilton, Paul. 2004. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. NY: Routledge.
- Chomsky, Noam. 1965. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press.
- Christie, Frances. 2002. *Classroom Discourse Analysis. A Functional Perspective*. London, New York: Continuum.
- Cook, Guy. 1992. *The Discourse of Advertising*. London and New York: Routledge.
- Corbett, James. 2009. Genre and Genre Analysis. In Jacob L. Mey (eds.), *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. 2nd edn. Oxford: Elsevier Ltd.
- Crystal, David. 2010. *Internet Linguistics*. London, New York: Routledge.
- Culpeper, Jonathan. 2011. *Impoliteness. Using Language to Cause Offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Culpeper, Jonathan, Michael Haugh & Dániel Z. Kádár (eds.). 2017. *Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave.
- Dementyev, Vadim. 2016. Speech genres and discourse: Genres study in discourse analysis paradigm. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 103—121.
- Dobrosklonskaya, Tatiana G. 2014. Massmediynyj diskurs kak ob"ekt nauchnogo opisaniya [Mass media discourse as an object of scientific description]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki* 13 (184). 22. 181—187.
- Dolnik, Ján. 2015. *Človek — jazyk — kultúra*. Kaligram.
- Dubrovskaya, Tatiana. 2017. Metapragmatics of Administering Justice in Russian and English Judicial Discourse. *Russian Journal of Linguistics* 21 (1). 73—90.
- Dubrovskaya, Tatiana & Evgeniy Kozhemyakin. 2016. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations. *Critical Discourse Studies* 14 (1). 90—107. DOI: 10.1080/17405904.2016.1196228.
- Eelen, Gino. 2001. *A Critique of Politeness Theories*. Manchester: St Jerome.
- Fairclough, Norman. 1989. *Language and Power*. London: Longman.
- Fairclough, Norman. 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Cambridge Polity Press.
- Fairclough, Norman. 2001. The dialectics of discourse. *Textus* 2 (14). 231—242.
- Fairclough, Norman. 2003. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: Routledge.
- Fairclough, Norman. 2010. *Critical Discourse Analysis: The critical study of language*. 2nd edn. Harlow: Longman.
- Fairclough, Norman. 2014. *Language and Power*. 3rd edn. Routledge.
- Fernández-Amaya, Lucía. 2019. Disagreement and (im)politeness in a Spanish family members' WhatsApp group. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 1065—1087. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-4-1065-1087.
- Foucault, Michel. 1981. The Order of Discourse. In Robert Young (eds.), *Untying the Text: A Post-Structuralist Reader*, 51—78. Boston, London and Henley: Routledge and Kegan Paul.
- Foucault, Michel. 1994. *The Order of Things. An Archeology of the Human Sciences: A translation of Les Mots et les choses*. New York: Vintage Books, a Division of Random House Inc.
- Fowler, Roger. 1991. *Language in the News*. London & New York: Routledge.
- Fuentes Rodríguez, Catalina & Gloria Álvarez-Benito. 2016. *A Gender-based Approach to Parliamentary Discourse: The Andalusian Parliament*. John Benjamins.

- Fullagar, Simone. 2002. Governing the healthy body: Discourses of leisure and lifestyle within Australian health policy. *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine* 6 (1). 69—84.
- Garcés-Conejos Blitvich, Pilar. 2010. A genre approach to the study of im-politeness. *International Review of Pragmatics* 2. 46—94.
- Garcés-Conejos Blitvich, Pilar & Maria Sifianou. 2019. Im/politeness and discursive pragmatics. *Journal of Pragmatics* 145. 91—101. DOI: 10.1016/j.pragma.2019.03.015.
- Gee, James Paul. 2007. *Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. New York and London: Routledge.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Good, Byron J. & Mary-Jo Del Vecchio Good. 1981. The Semantics of Medical Discourse. In Everett Mendelsohn & Yehuda Elkana (eds.), *Sciences and Cultures. Sociology of the Sciences a Yearbook*. 5. Springer, Dordrecht.
- Goodrich, Peter. 1987. *Legal Discourse*. London: Macmillan Press.
- Gorter, Durk. 2006. Introduction: The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism. *International Journal of Multilingualism* 3 (1). 1—6.
- Gotti, Maurizio & Christopher Williams. 2003. *Legal Discourse across Languages and Cultures*. Peter Lang.
- Hagege, Claude. 1985. *L'Homme de paroles*. Paris: Fayard.
- Harris, Zellig. S. 1952. Discourse Analysis. *Language* 28. 1—30.
- He, Agnes Weiyun. 2003. Discourse Analysis. In Mark Aronoff & Janie Rees-Miller (eds.), *The Handbook of Linguistics*. Blackwell Publishing.
- Hyland, Ken. 2009. *Academic Discourse: English in a Global Context*. Continuum.
- Issers, Oxana S. 2011. Diskursivnaya praktika kak nablyudayemaya real'nost' [Discursive practice as an observable reality]. *Vestnik Omskogo universiteta* 4. 227—232.
- Ivanova, Svetlana V. 2017. Commencement Speech as a Hybrid Polydiscursive Practice. *Russian Journal of Linguistics* 21 (1). 141—160.
- Ivanova, Svetlana V. 2019. Stylistics and rhetoric of lifestyle discourse. *Professional Discourse & Communication* 1 (2). 8—21. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-2-8-21>.
- Jaworski, Adam & Crispin Thurlow. 2010. *Tourism Discourse. Language and Global Mobility*. Palgrave Macmillan UK.
- Johnstone, Barbara. 2018. *Discourse Analysis*. 3rd edn. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Jørgensen, Marianne & Louise Phillips. 2002. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, Ltd.
- Kalyango Jr., Yusuf & Monika Kopytowska (eds.). 2014. *Why discourse matters: Negotiating identity in the mediatized world*. Peter Lang: New York.
- Karasik, Vladimir. 2002. *Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
- Kibrik, Andrei. A. 2009. Modus, zanj i parametry klassifikacii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy Yazykoznanija* 2. 3—21. [Electronic resource]. URL: http://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (Accessed 01 March 2019).
- Koshkarova, Natalya N. 2019. Linguistic, Pragmatic, and Stylistic Peculiarities of 2018 FIFA World Cup Representation in British Media-Discourse. *Russian Journal of Linguistics* 23 (3). 802—819. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819.
- Langlotz, Andreas & Miriam A. Locher. 2017. (Im)politeness and emotion. In Jonathan Culpeper, Michael Haugh & Dániel Z. Kádár (eds.), *Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*, 287—322. London: Palgrave.

- Larina, Tatiana V., Vladimir I. Ozyumenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 195—215.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Douglas Mark Ponton. 2019. Persuasion strategies in media discourse about Russia: linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz papers in Pragmatics* 15 (1) 3—22. DOI: <https://doi.org/10.1515/lpp-2019-0002>.
- Larina, Tatiana & Douglas M. Ponton (forthcoming). Tact or frankness: Intercultural pragmatics in the blind peer review genre. *Intercultural Pragmatics*.
- Leontovich, Olga A. 2019. New forms of urban discourse as a reflection of social change. *Communication Studies (Russia)* 6 (3). 645—654. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).645-654.
- Locher, Miriam A. 2017. *Reflective Writing in Medical Practice: A Linguistic Perspective*. Bristol: MultilingualMatters.
- Locher, Miriam A. & Tatiana V. Larina. 2019. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 873—903. DOI: 10.22363/2312-91822019-23-4-873-903.
- Macdonald, Myra. 2003. *Exploring Media Discourse (Understanding Media Series)*. London: Arnold.
- Mackenzie, J. Lachlan & Laura Alba-Juez (eds.). 2019. *Emotion in Discourse*. Pragmatics and Beyond New Series 302. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Matheson, Donald. 2005. *Media Discourses: Analysing Media Texts*. Open University Press.
- Mills, Sara. 2003. *Gender and politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Molodychenko, Evgeni. 2016. Cennosti i ocenka v diskurse konsyumerizma: lingvo-pragmaticeskij i kriticheskij analiz [Values and evaluation in discourse of consumerism: a pragmalinguistic analysis]. *Filologiya*. 122—130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122.
- Molodychenko, Evgeni. 2020. Metasemiotic projects and lifestyle media: Formulating commodities as resources for identity enactment. *Russian Journal of Linguistics* 24 (1). 117—136. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136.
- Montgomery, Martin. 2007. *Discourse of Broadcast News: A Linguistic Approach*. Routledge.
- Naydenova, Natalia S. 2018. Modern linguistics through post-secular perspective. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 988—1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
- Nefedov, Sergei T. & Valeria E. Chernyavskaya. 2020. Context in linguistics: pragmatic and discourse analytical dimension. *Tomsk State University Journal of Philology* 63. 83—97. DOI: 10.17223/19986645/63/5.
- Nunan David. 1993. *Introducing Discourse Analysis*. London: Penguin English.
- Olyanich, Andrey V. 2003. Gastronomicheskij diskurs v sisteme massovoy kommunikatsii: semantiko-semioticheskiye kharakteristiki [Gastronomic discourse in the system of mass communication: semantic-semiotic specifications]. *Massovaya kul'tura na rubezhe XX—XXI vekov: chelovek i ego diskurs*, 167—201. Moscow.
- Ozyumenko, Vladimir. 2017. Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression. *Russian Journal of Linguistics* 21(1). 203—220.
- Ponton, Douglas. 2016. Movement and meaning: Towards an integrated approach to political discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 122 —139.
- Ponton, Douglas & Tatiana V. Larina. 2016. Discourse analysis in the 21st century: Theory and practice (I). *Russian Journal of Linguistics* 21 (1). 7—25.
- Ponton, Douglas & Tatiana V. Larina. 2017. Discourse analysis in the 21st century: Theory and practice (II). *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 7—21.

- Talbot, Mary. 2007. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh University Press.
- van Dijk, Teun A. (eds.). 1985. *Discourse and Communication. New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication. Series: Research in Text Theory* 10. De Gruyter. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110852141>.
- van Dijk, Teun A. 1988. *News as discourse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- van Dijk, Teun A. 2006. Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, Routledge, 11 (2). 115—140.
- van Dijk, Teun A. 2009. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press.
- van Dijk, Teun A. (eds.). 2011. *Discourse Studies: A Multidisciplinary introduction*. SAGE.
- Resta, Simonetta. 1998. Words and social change. The impact of power and ideology on the language of Economics and Law, *Asp* 19—22. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/asp/2760>. (Accessed 14 March 2020). DOI : <https://doi.org/10.4000/asp.2760>
- Saville-Troike, Muriel. 1994. Communicative Competence. In Ronald E. Asher (eds.), *The Encyclopedia of Language and Linguistics* 2. 538. Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press.
- Schiffrin, Deborah. 1995. *Approaches to Discourse*. Blackwell.
- Shahovsky, Victor I. 2015. *Golos emotsiy v yazykovom kruge homo sentiens* [Voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens]. 3rd edn. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ.
- Shakhovsky, Victor I. 2018. The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 54—79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.
- Sheigal, Elena. 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Political discourse semiotics]. Moscow: Gnozis.
- Sériot, Patrick. 1999. Kak chitayut teksty vo Francii [How they read texts in France]. *Kvadratura smysla. Frantsuskaya škola analiza diskursa*, 12—53. M.: Progress.
- Sériot, Patrick. 2012. *Structure and the Whole. East, West and Non-Darwinian Biology in the Origins of Structural Linguistics* / Translated from French by Amy Jacobs-Colas. Mouton De Gruyter.
- Skålén, Per, Martin Fougère & Markus Fellesson. 2008. *Marketing Discourse: A Critical Perspective*. London & New York: Routledge.
- Solopova, Olga & Anatoly Chudinov. 2018. Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics* 22 (2). 313—337. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.
- Titscher, Stefan, Michael Meyer, Ruth Wodak & Eva Vetter. 2000. *Methods of Text and Discourse Analysis: In Search of Meaning*. 1st edn. SAGE Publications Ltd.
- Unger, Johann W. 2016. The interdisciplinarity of critical discourse studies research. *Palgrave communications*.
- Watts, Richard. 2003. *Politeness*. Cambridge. Cambridge University press.
- Williams, Glyn. 1999. *French Discourse Analysis. The method of post-structuralism*. London and New York: Routledge.
- Yule, George. 1999. *The Study of Language*. 2nd edn. Cambridge University Press.
- Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
- Дементьев В.В. Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурс-анализа // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. Т. 20. № 4. С. 103—121.
- Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки*. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 181—187.

- Дубровская Т.В. Метапрагматика осуществления правосудия в дискурсе российских и английских судей // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Т. 21. № 1. С. 73—90.
- Иванова С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Т. 21. № 1. С. 141—160.
- Иванова С.В. Стилистика и риторика лайфстайл-дискурса // *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2019. № 1 (2). С. 8—21.
- Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // *Вестник Омского университета*. 2011. № 4. С. 227—232.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3—21. [Электронный ресурс]. URL: http://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf (дата обращения: 01.03.2020).
- Кошкарлова Н.Н. Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 802—819. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819.
- Леонтович О.А. Новые формы урбанистического дискурса и их социальные истоки // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 3. С. 645—654. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).645-654.
- Молодыхенко Е.Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // *Филология*. 2016. С. 122—130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122.
- Молодыхенко Е.Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 1. С. 117—136. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136.
- Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 988—1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
- Нефедов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 63. 83—97. DOI: 10.17223/19986645/63/5.
- Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики // *Московская культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс*. М.: Институт языкознания РАН, 2003. С.167—201.
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С.12—53.
- Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 2. С. 313—337.
- Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. 50. 135—148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.
- Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2. С. 31—37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.

Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. Изд. 3-е, стер. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 1. С. 54—79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Bionotes:

MAGDALÉNA BILÁ is Dr. of Philology, Full Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include comparative and contrastive studies (juxtaposing English and Slovak), discourse analysis, and translation studies (conceptualization in a source and a target language).

Contact information:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, 17 Novembra Street 1, 080 01 Prešov, Slovakia
e-mail: magdalena.bila@unipo.sk

SVETLANA V. IVANOVA is Dr. of Philology, Full Professor, Head of English Philology Department at Pushkin Leningrad State University. Research Interests: Media Linguistics, Cultural Linguistics, Discourse Analysis of Mass Media, Political Linguistics.

Contact information:

Pushkin Leningrad State University
10, Peterburgskoye shosse, Saint-Petersburg, 196605, Russia
e-mail: svet_victoria@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0127-9934
Scopus Author ID: 57194882590

Сведения об авторах:

МАГДАЛЕНА БИЛА — доктор филологических наук, профессор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета Прешовского университета в Прешове. Ее научные интересы включают сопоставительное языкознание (сопоставление английского и словацкого языков), анализ дискурса и переводоведение.

Контактная информация:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, 17 Novembra street 1, 080 01 Prešov, Slovakia
E-mail: magdalena.bila@unipo.sk

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ИВАНОВА — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, член редколлегии журнала *Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: медиалингвистика, лингвокультурология, дискурс-анализ текстов СМИ, политическая лингвистика, теория текста.

Контактная информация:

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
e-mail: svet_victoria@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0127-9934
Scopus Author ID: 57194882590

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-253-258

Appeal to readers

Seven essential messages for the time of the coronavirus

Anna Wierzbicka
Australian National University

Message 1

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times

Very bad things are happening to many people now.

Very bad things are happening to many people's bodies because of the coronavirus, many people are dying because of this.

More people can die if I do some things now as I have always done.

I don't want this.

Because of this it will be good if I can be at home all the time.

If I *have* to be not at home for some time, I will think like this all the time:

I don't want to be near other people; I don't want to be so near some one that I can touch them.

I don't want to be so near someone that I can breathe the same air.

Message 2

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times.

Very bad things are happening to many people now.

Many people feel something very very bad.

I can do some good things for some of these people;

I want to do something good for them.

I want to know what I can do; I want to think about it today;

I want to do something today.

Message 3

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times.

During this time many people can't be with other people as before.

They can't speak to other people like before; many people feel something very bad because of this.

I know some of these people. I want these people to know that I am thinking about them.

I want them to know that I don't want bad things to happen to them.

I want to do something because of this.

Perhaps I can write to them, perhaps I can ring them, something like this;

I want to do something today.

Message 4

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times.

Very bad things can happen to me during this time, not like at other times.

At the same time, I can do some very good things during this time, not like at other times.

I can do many things "good for the soul", not like at other times.

I can read books, listen to music, write something every day about this day, things like that.

If I pray, I can pray more; If I don't pray, I can do something *like* it.

I can look at the stars at night, I can look at the sky when the sun is rising, things like that.

I want to do these things. I want to do these things today.

Message 5

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times.

I don't want to think about it like this:

Very bad things are happening now,
nothing good can happen because of this.

I want to think like this:

I can do some very good things during this time, not like at other times.

If I do these things, after this bad time I can be not as I was before:

I can know some people better, I can love some people more.

I want this.

Message 6

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times.

I can't live during this time as I lived before.

At the same time, I can think about many things more, not as before.

I can think more about things like this:

Why do I live on earth? What do I live for? How can I live if I want to live well?

If I know that I will die soon, what do I want to do before I die?

If I think about these things more now, after this bad time I can live not as I lived before.

I can then live in another way, I can live better.

I want this.

Message 7

It is good for all of us if we think like this every day now:

This time is not like other times.

We can't live during this time as we lived before.

At the same time, we can think about some things more now, not as before.

We can think about things like this:

We all live with other people, none of us is like an island.

How can we live well with other people?

We can think about the earth; we can think like this:

We live on earth now, many people will live on earth after us.

We don't want very bad things to happen to these people.

If we think about these things more now,

after this bad time we can live not like before; we can live better.

We want this.

Canberra, Australia

29/4/2020

Обращение к читателям

Семь важных мыслей во время коронавирусной пандемии

Анна Вежбицкая

Австралийский Национальный Университет

Мысль первая

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:

Это время не такое, как в обычное время.

Очень плохие вещи происходят сейчас со многими людьми.

Очень плохие вещи происходят сейчас с телами многих людей
из-за коронавируса, многие люди умирают из-за этого.

Еще больше людей может умереть, если я буду делать то, что делал
всегда; я этого не хочу.

Поэтому будет хорошо, если я буду все время дома.

Если в какое-то время я не смогу быть дома, я буду все время думать
так:

Я не хочу быть рядом с другими людьми, я не хочу быть так
близко к другим, чтобы их коснуться.

Я не хочу быть так близко к другим, чтобы дышать тем же
воздухом.

Мысль вторая

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:

Это время не такое, как обычное время.

Очень плохие вещи происходят сейчас со многими людьми.

Многие люди чувствуют из-за этого что-то очень плохое.

Я могу сделать что-то хорошее для этих людей,
я хочу сделать что-то хорошее для них.

Я хочу знать, что я могу сделать, я хочу сегодня об этом подумать,
я хочу сделать что-то сегодня.

Мысль третья

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:

Это время не такое, как обычное время.

В это время многие люди не могут быть с другими людьми,
как раньше.

Они не могут, как раньше, говорить с другими людьми,
многим людям очень плохо из-за этого.
Я знаю таких людей. Я хочу, чтобы они знали, что я о них думаю.
Я хочу, чтобы они знали, что я не хочу, чтобы с ними случилось
что-то плохое.
Я хочу что-то сделать для этого.
Может, я могу написать им, может я могу позвонить им.
Я хочу что-то сделать сегодня.

Мысль четвертая

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:
Это время не такое, как обычное время.
Очень плохие вещи могут произойти со мной в это время.
В то же время я могу сделать сейчас что-то очень хорошее,
не как в обычное время.
Я могу сделать сейчас много хорошего для души.
Я могу читать книги, слушать музыку,
каждый день писать что-то об этом дне.
Если я молюсь, я могу молиться больше;
если я не молюсь, то я могу делать что-то подобное.
Я могу смотреть на звезды ночью, смотреть на небо когда восходит
солнце, что-то такое.
Я хочу это делать. Я хочу это делать сегодня.

Мысль пятая

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:
Это время не такое, как обычное время.
Я не хочу думать об этом так:
Очень плохие вещи происходят сейчас.
Ничего хорошего не может произойти из-за этого.
Я хочу думать так:
Я могу сделать много хорошего в это время, не как в обычное
время.
Если я буду это делать, после этих плохих времен я могу быть
не таким, как раньше.
Я смогу узнать некоторых людей лучше, я смогу любить некоторых
людей больше.
Я этого хочу.

Мысль шестая

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:

Это время не такое, как обычное время.

Я не могу в это время жить, как я жил раньше.

В то же время я могу думать о многих вещах больше.

Я могу думать о таких вещах:

Почему я живу на этой земле? Для чего я живу?

Как мне жить, если я хочу жить хорошо?

Если я знаю, что скоро умру, что я хочу сделать до того, как я умру?

Если сейчас я буду больше об этом думать,

после этих плохих времен я смогу жить не так, как раньше.

Я смогу жить по-другому, я смогу жить лучше.

Я этого хочу.

Мысль седьмая

Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так:

Это время не такое, как обычное время.

Мы не можем жить в это время так, как жили раньше.

В то же время мы можем думать о некоторых вещах больше.

Мы можем думать о таких вещах:

мы все живем с другими людьми, никто из нас не похож
на остров.

Как нам жить с другими людьми хорошо?

Мы можем думать о земле; мы можем думать так:

мы живем на земле теперь, многие люди будут жить на земле
после нас;

мы не хотим, чтобы с этими людьми произошло что-то очень
плохое.

Если сейчас мы будем думать об этом больше, после этих плохих
времен мы сможем жить не так как раньше; мы будем жить

лучше.

Мы этого хотим.

**Канберра, Австралия
29.04.2020**

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293

Research Article

Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes

Anna Wierzbicka

Australian National University

Canberra, Australia

Abstract

All European languages have a word for God, and this word means exactly the same in all of them. However, speakers of different European languages tend to relate to God in different ways. Each group has its own characteristic ways of addressing God, encoded in certain words, phrases and grammatical forms, which both reflect and shape the speakers' habitual ways of thinking about God and relating to God. Often, they also reflect some other aspects of their cultural memory and historical experience. In this paper I will compare the meanings of the vocative expressions used for addressing God in several European languages, including “Gospodi” in Russian, “O God” in English, “Mon Dieu” in French, “Herr” in German, and “Boże” in Polish. But to compare those meanings, we need a common measure. I believe such a common measure is available in the “NSM” framework, from Natural Semantic Metalanguage (see e.g. Goddard and Wierzbicka, 2014; Wierzbicka 2014a and 2018a; Gladkova and Larina 2018a, b).

The data is taken mainly from well-known works of literature, such as Lev Tolstoy's *Anna Karenina* and Boris Pasternak's poem “V bol'nice” (“In Hospital”) for Russian, Charles Peguy's *Le mystère de la charité de Jeanne d'Arc* and its English translation by Julien Green for French and English, and Dietrich Bonhoeffer's prison poems and Heinrich Böll's novel *Billard um halbzehn* for German. The results have shown that each European language offers its users a range of options for addressing God. Some of these options are shared, others appear to be unique to the language. All are underpinned by broader historical phenomena. The exact nature of all these links remains to be investigated.

Keywords: *God, terms of address, NSM Semantics, Natural Semantic Metalanguage, addressing God in different languages, Christianity*

For citation:

Wierzbicka, Anna. 2020. Addressing God in European languages: different meanings, different cultural attitudes. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 259—293. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293

Обращение к Богу в европейских языках: различные значения, различные культурные установки

Анна Вежицкая

Австралийский национальный университет
Канберра, Австралия

Аннотация

Во всех европейских языках есть слово для обозначения Бога, и это слово имеет одинаковое значение. Тем не менее, носители разных европейских языков, как правило, обращаются к Богу по-разному. У каждой группы есть свои характерные способы обращения к Богу, закодированные в определенных словах, фразах и грамматических формах, которые отражают и формируют привычные способы мышления о Боге и отношение к Богу. Часто они также отражают некоторые другие аспекты культурной памяти и исторического опыта. Статья посвящена сопоставлению значений вокативных слов и фраз, используемых для обращения к Богу на нескольких европейских языках, включая «Господи» на русском языке, «O God» на английском языке, «Mon Dieu» на французском языке, «Herr» на немецком и «Boże» на польском. Для сравнения этих значений необходимо единое измерение. Есть все основания полагать, что в качестве такого измерения может быть использован Естественный Семантический Метаязык (NSM) (см., например, Goddard and Wierzbicka, 2014; Wierzbicka 2014a и 2018a; Gladkova and Larina 2018a, b и др.). Материал для исследования был взят в основном из известных литературных произведений, таких как роман Льва Толстого «Анна Каренина» и стихотворение Бориса Пастернака «В больнице» для русского языка, «Мистерия о милосердии Жанны Д'Арк» Шарля Пеги и ее английский перевод Жюльена Грина для французского и английского языков, тюремные стихи Дитриха Бонхеффера и роман Генриха Белля «Бильярд в половине десятого» для немецкого языка. Результаты показали, что каждый европейский язык предлагает своим пользователям различные варианты обращения к Богу. Некоторые из них являются общими, другие представляются уникальными для того или иного языка. Все они обусловлены более широким историческим контекстом, конкретное влияние которого еще предстоит изучить.

Ключевые слова: Бог, формы обращения, семантика языковых примитивов, Естественный Семантический Метаязык, обращение к Богу на различных языках, христианство

Для цитирования:

Wierzbicka, Anna. 2020. Addressing God in European languages: different meanings, different cultural attitudes. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 259—293. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293

1. Introduction:

Comparing meanings requires a common measure

All European languages have a word for God, and this word means exactly the same in all of them. But when it comes to addressing God, the situation is very different. Speakers of different European languages tend to relate to God in different ways. Each group has its own characteristic ways of addressing God, encoded in certain words, phrases and grammatical forms. These words, phrases,

and grammatical forms both reflect and shape the speakers' habitual way of thinking about God and relating to God. Often, they also reflect some other aspects of their cultural memory and historical experience.

Talking to God is a large part of Christianity. According to the Christian view (and indeed, to the biblical view), God created people on earth with the expectation that he will speak to them, and that they will recognize him as God, and speak to him. John Paul II (2002) describes prayer as “the breath of Christian life” (p. 9) and states that “the universal Church of Christ, and hence every particular church, *exists for prayer*.” (p. 3, emphasis in the original) But to speak to God, or to pray, people need some way to address God. As Europeans started to talk to the Christian God in European languages, some ways of addressing God shared by speakers of a given language had to develop and establish themselves. One suspects that the Psalms, which were in the past, and still are, part and parcel of Christianity, were an important school of prayer in all European countries. But the psalms first came to Europe through languages which had a vocative case: *thee* and *kyrie* in Greek, *Deus* and *Domine* in Latin.¹ In contrast to Greek and Latin, modern western European languages had no vocative case, yet the problem of addressing God had to be solved somehow, and each language solved it in its own way — as we can see looking at the different European translations of the psalms. As I will discuss in more detail later, English solved the problem chiefly by rendering the vocative “Deus” as “O God”, and the vocative “Domine” as “O Lord” — and this tradition persists to this day, although there have also been some changes.

Other European languages adopted, in time, other solutions — apparently better suited to the cultures of their speakers, and also subject to change. Each solution, however, involves a particular meaning, and reflects a particular conceptual stand. If we can decode the meanings embedded in different words and phrases which are habitually used in different European countries for addressing God, we can find out something significant about different cultural traditions.

But to compare those meanings, we need a common measure. This applies to Christian faith and prayer as much as to any other domain². I believe such a common measure is available in the set of 65 human concepts (semantic primes) shared, as evidence suggests, by most, if not all, human languages. This common measure is the outcome of decades of cross-linguistic investigations conducted by many scholars within the “NSM” framework, from Natural Semantic Metalanguage. (See e.g. Wierzbicka 1996, 2014a and b, Goddard 2011 [1998], Goddard (ed.) 2018, Goddard and Wierzbicka 2014, eds. 2002, Peeters ed. 2006).

In addition to the sixty five concepts included in Table 1, NSM-based research has also shown that there are many complex concepts — definable in terms of the sixty five — which also appear to be shared by most, if not all, human languages. In NSM theory, such concepts are called “universal semantic molecules”. According to NSM-based cross-linguistic research, these include concepts like ‘men’, ‘women’, ‘children’, ‘mother’, ‘father’, ‘hands’, and a few dozen more. Crucially for my current topic, they include the social molecule ‘us’.

Table 1

Semantic primes (English exponents) (Goddard & Wierzbicka 2014)

I, YOU, SOMEONE, SOMETHING~THING, PEOPLE, BODY	substantives
KINDS, PARTS	relational substantives
THIS, THE SAME, OTHER~ELSE	determiners
ONE, TWO, SOME, ALL, MUCH~MANY, LITTLE~FEW	quantifiers
GOOD, BAD	evaluators
BIG, SMALL	descriptors
KNOW, THINK, WANT, DON'T WANT, FEEL, SEE, HEAR	mental predicates
SAY, WORDS, TRUE	speech
DO, HAPPEN, MOVE	actions, events, movement
BE (SOMEWHERE), THERE IS, BE (SOMEONE/SOMETHING)	location, existence, specification
(IS) MINE	possession
LIVE~LIVING, DIE	life and death
WHEN~TIME, NOW, BEFORE, AFTER, A LONG TIME, A SHORT TIME, FOR SOME TIME, MOMENT	time
WHERE~PLACE, HERE, ABOVE, BELOW, FAR, NEAR, SIDE, INSIDE, TOUCH	place
NOT, MAYBE, CAN, BECAUSE, IF	logical concepts
VERY, MORE	augmentor, intensifier
LIKE	similarity

Notes: ● Exponents of primes can be polysemous, i.e. they can have other, additional meanings.
 ● Exponents of primes may be words, bound morphemes, or phrasemes. ● They can be formally, i.e., morphologically, complex. ● They can have combinatorial variants or allolexes (indicated with ~).
 ● Each prime has well-specified syntactic (combinatorial) properties.

In addition to universal semantic molecules, there are also molecules shared by some — or many — languages, but not by all. A non-universal molecule which will play an important role in this paper is “God”. An abbreviated definition of this concept built out of primes may look like this:

God

There is someone not like people.
 This someone is someone above people.
 This someone is above everything.
 This someone is now, always was, always will be.
 This someone is everywhere.
 There is no one else like this someone.
 God is this someone.
 People can't see God.
 At the same time, people can know some things about God.
 They can know that God is good.
 They can know some other things about God.
 God wants people to know these things.

(For my earlier work on Christianity seen through the prism of NSM semantics, see Wierzbicka 2001, 2017, 2018a, b, and c, 2019.)

In this paper, I will compare some salient ways of addressing God in Russian, French, German, English, and Polish. Needless to say, I am not going to try to be exhaustive. Nor will I be able to discuss the use of exclamatory phrases such as “Oh my God” or “Good Lord!” (used not for addressing God, but for expressing an emotion), although I believe they provide some support for the analysis developed in the present paper. For earlier NSM-based work where such exclamatory phrases were discussed, see e.g. Goddard (2013), Wierzbicka (1992, 2003). For a large-scale NSM-based study of the semantics of terms of address, see Farese (2018). See also Wierzbicka 2016a.

2. Russian: addressing God with “Gospodi!”

Judging by the evidence of Russian literature, for Russians, the most common and most characteristic conceptual tool for thinking about God is the word “Gospod’”, and the most distinctly Russian verbal tool for addressing God is the old vocative form “Gospodi”.

Roughly, “Gospod’” means “God seen as the Lord of the universe”. I will give a more precise semantic analysis of this uniquely Russian concept shortly, but first I will illustrate its use with a few extracts from Tolstoy’s novel *Anna Karenina* in an English translation, where “Gospodi” is replaced by either “Lord” or “God”.

The extracts refer to a dramatic situation when the heroine Kitty is giving birth (for the first time) and her husband Kostia Levin is terrified and hearing Kitty’s screams (often minimized in the English translation) is convinced that she is going to die.

(1)

He was already on his way through the drawing-room when suddenly a piteous moan, that lasted only a moment, reached him from the bedroom. He stopped and for a moment could not understand it.

‘Yes, it was she,’ he said and, clasping his head with his hands, he ran downstairs.

‘Lord have mercy! Pardon and help us!’ [Gospodi, pomiluj! Prosti, pomogi!] he repeated the words that suddenly and unexpectedly sprang to his lips. And he, an unbeliever, repeated those words not with his lips only. At that instant he knew that neither his doubts nor the impossibility of believing with his reason — of which he was conscious — at all prevented his appealing to God. It all flew off like dust. To whom should he appeal, if not to Him in whose hand he felt himself, his soul, and his love, to be? (Translated by Louise and Aylmer Maude)

In Russian, the key phrase here is “Gospodi, pomiluj! Prosti, pomogi!” There is no “and” and no “us” in the Russian version, and the tone is far more immediate and dramatic than in the English translation. When Levin sees the midwife coming, he says to her anxiously: ‘God have mercy and help us!’ (in Russian, “Gospodi, pomiluj i pomogi”). Then the translators switch to “Lord” once more, apparently hoping that the alternation of “God” and “Lord” will allow them to better capture

something of the unique semantic content, and flavour, of “Gospodi”: “Lord, pardon and help us!”, he kept repeating incessantly to himself, appealing to God, in spite of a long period of apparently complete estrangement, just as trustingly and simply as in the days of childhood and youth.” When he was talking next door to the doctor, or to Kitty’s relatives, Levin momentarily forgot what was happening, but

(2)

...in her presence, by her pillow, where his heart was ready to burst with pity and yet did not burst, and there he prayed unceasingly to God. (...) every time, on hearing the scream, he jumped up and ran to justify himself, but recollected on the way that he was not to blame and that he longed to protect and help her. But when, looking at her, he again saw that to help was impossible, he was seized with horror and said, ‘**Lord, pardon and help us!**’ (...) sometimes (...) he blamed God; but the thought of God made him at once pray for forgiveness and mercy. (translated by L. and A. Maude)

Translations of *Anna Karenina* into languages other than English are similarly unable to cope with the semantics of “Gospodi”. For example, the Polish translation by the well-known poet Kazimiera Iłakowicz uses, throughout, the vocative of the word “Bóg” (God), that is, “Boże”, whereas the French translation (Paris: Nelson, Éditeurs) replaces one instance of “Gospodi” with “Seigneur”, one with “Dieu”, and reduces the remaining three to a descriptive sentence: “son âme criait vers Dieu”, that is, “his soul was crying towards God”.

I said earlier that “Gospodi” implies, roughly speaking, that the speaker sees God as the Lord of the universe. I can now say more precisely that this vocative expresses an attitude which — using NSM — can be spelled out like this:

[A] *Gospodi*, ... (partial explication)

you are someone above all people, you are someone above everything,
you can do good things for all people, you can do good things for us

To speak roughly again, we could say that in the word “Gospodi”, God is conceptualised as a supreme power in the universe who is our ultimate benefactor and protector. This interpretation of the meaning of “Gospodi” is corroborated by the data from the Russian National Corpus, where by far the most common collocation including “Gospodi” is “Gospodi, pomiluj”, that is, “*Gospodi*, have mercy”. (After “Gospodi pomiluj”, the most frequent collocations are with the verbs meaning “forgive”, “help”, “save”, “bless” and “give”.)

But while such collocations support the hypothesis that the word “Gospodi” projects the image of God as a supreme protector and benefactor of people in general and “us” in particular, complex labels like “power”, “benefactor” and “protector” are neither precise nor cross-translatable, so they do not provide a reliable basis for cross-linguistic comparison. By contrast, formulae like [A] are fully cross-translatable. At the same time, the use of such formulae allows us to

capture differences between different European languages with greater clarity and precision.

Consider, for example, the Polish translation of *Anna Karenina*, where the word “Gospodi” in Levin’s appeals to God has been systematically replaced with the word “Boże”, that is, “God” in the vocative case. So in the Polish translation, Levin prays to God without constantly framing God as someone, so to speak, powerful and potentially benevolent, someone in whose hands he feels himself to be and whom he can ask for mercy. At the same time, this Polish vocative “Boże” does include one semantic component absent from “Gospodi”, as from words meaning simply ‘God’ such as “Bog” in Russian and “God” in English.

Roughly speaking, “Boże,…” is not just a plain invocation to God, like the English “God,…” , but a *loving* invocation. Using NSM, we can portray this loving attitude more precisely, as “I feel something very good towards you”. Thus, in Polish, Levin addresses God, five times, lovingly, as “Boże”. In Russian, Levin’s attitude to God, expressed five times with the word “Gospodi”, is different: the word itself sounds like an appeal for mercy.

I hasten to add that Russian, too, has a “loving” way of addressing God in the word “Boże”, as in Boris Pasternak’s wonderful autobiographical poem “V bol’nice” (‘In Hospital’, 1962):

(3)
‘O, Gospodi, kak soveršenny
Dela Tvoi,’ — dumal bol’noj, —
Posteli i ljudi i steny,
Noč’ smerti i gorod nočnoj.’
Ja prinjal snotvornuju dozu
I plaču, platok terebja
O, Bože, volnenija slězy
Mešajut mne videt’ Tebja.

‘O Lord’, the patient was thinking, ‘how perfect are Your works: the beds, and the people, and the walls, my death-night and the city at night.
I have taken a sleeping draught and I weep as I pluck at my handkerchief.
O God, tears of emotion prevent me from seeing You. (Translated by Dimitri Obolensky 1962)

So Russian has the same linguistic resources for addressing God lovingly as Polish: both languages have a loving vocative “Boże” in Polish and “Bože” in Russian. At the same time, however, Russian has another resource, which encourages Russian speakers to address God as if throwing oneself at God’s mercy, in the widely used word “Gospodi”. This is a uniquely Russian way of addressing God, and we have seen its importance for Russian culture in the scene from *Anna Karenina*.

Another example which I will adduce here comes from a recent biography of Tolstoy by Pavel Basinskij (2011), entitled *Begstvo iz raja* (“Running away from the paradise”). Shortly before the eighty-two-year-old Tolstoy ran away from home

and died at a railway station, he nearly died at home, in the presence of his wife Sofia Andreevna. As Basinskij (2011, p. 29) describes that scene,

(4)

Sofia Andreevna made a terribly pitiful impression. She was raising her eyes, quickly making signs of the cross, and whispering: “*Gospodi!* Just not this time, just not this time!” (...) She was throwing herself on her knees next to his bed, she was praying passionately, approximately like this: “*Gospodi!* save me, forgive me, *Gospodi*, don’t let him die, it was me who brought him to this, just not this time, don’t take him away, *Gospodi*, from me.” (Basinskij 2011, my translation)

I have tried to capture this distinctive semantic profile of “*Gospodi*,...” in explication [B]:

[B] *Gospodi*... (normally used to address God, not Jesus, except in Gospel translations; **Gospodi Iisuse*,...; not possible with “*moj*” (‘my’); exclamatory)

- a) I feel something at this moment, because of this, I can’t not say something to you at this moment
- b) I think about you like this: “you are someone above all people, you are someone above everything”
- c) at the same time I think about you like this:
“you are good, you can do good things for all people, you can do good things for us”
- d) when I think like this, I feel something because of this

When one contemplates the unique semantics of the word “*Gospod*”, and especially, of the vocative “*Gospodi*, ...”, it is hard not to think that it reflects ages of Russian collective memory and experience linked with the image of a Godlike Tsar. Discussing in particular Russia’s nineteenth-century, Russian historian Catherine Merridale sums up its main characteristics as follows:

Religion — Orthodox Christianity — was one, and autocracy, the absolute rule of the czar, another. (...) The czar ruled by divine right, and the distance that separated him from God was scarcely wider than the gulf that divided ordinary people from their monarch.” (Catherine Merridale 2000, p. 22)

The idea of divinely ordained autocracy was linked with an image of the Tsar as the nation’s omnipotent father and protector. This applied in particular to Russian peasants, who constituted at that time around ninety percent of the population.

Speaking of “the [Russian] peasants’ religious universe” (p. 29), of the high mortality, of famines and natural disasters, of the endless suffering and precariousness of life, Merridale says that the Russian peasants’ beliefs “were a matter of piety, for almost everyone believed in God, and they were focussed on self-evident commonsense, providing insurance against disaster; they were also the only means available of predicting the outcome of sowing or a harvest, both of which were, naturally, in God’s hands.” (p. 36) It could be suggested then, that while the Tsar in the popular image was God-like, God in the popular image was Tsar-like.

As the Russian Orthodox philosopher Nikolaj Berdyaev wrote in his book *The Russian Idea*, the Russian religion — Orthodoxy — “is linked with a distinctive significance and importance attached to the Russian Tsar.” (1947: 9). “The Tsar was regarded as the vice regent of God upon earth” (p. 9); and at the same time, “The image of Christ, the image of God, was overwhelmed by the image of the earthly power and to the mind of the people took on a form analogous to it.” (1947: 7).

It should be clear by now that “Gospodi,…” is really very different from the English “Lord,…”, which the Oxford English-Russian Dictionary glosses as “Gospodi,…”.

To show how the attitude encoded in “Gospodi,…” differs from that encoded in the English word “Lord”, I will note, first of all, that “Lord” is often used to address Jesus, as well as God, whereas in Russian “Gospodi,…” is normally used only to address God. So for example, when one wants to render the English phrase “Lord Jesus” in Russian, as one translator put it, “one is stuck”.

According to a Google search, a song starting with the words “Come, Lord Jesus” is the most commonly sung congregational song in the United States; and a prayer starting with the words “Come quickly Lord Jesus” is a very popular prayer. But one cannot use “Gospodi,…” in this way in Russia.

Thus, the English “Lord,…” does not imply supreme power, as “Gospodi,…” does. It would not be justified, therefore, to ascribe to “Lord,…” the components “you are above all people, you are above everything”. Nor is there any justification for interpreting “Lord,…” as the ultimate benefactor of humanity (“You can do good things for all people”). Finally, “Lord,…” doesn’t have the exclamatory character that “Gospodi,…” has. In the explications, this last difference is captured in the contrast between “I want to say something to you now” (in “Lord,…”) and “I feel something at this moment, because of this, I can’t not say something to you at this moment” in “Gospodi,…”.

All these considerations lead me to the following explication of “Lord,…”:

[C] *Lord,...*

- a) I want to say something to you now
- b) I think about you like this: “you are someone above people, you are someone above us”
- c) at the same time, I think about you like this: “you are good”
- d) when I think like this, I feel something because of this

There is no “you are someone above everything” here, and no “you can do good things for all people”. There is also no outburst of feeling: “I feel something at this moment, I can’t not say something to you at this moment”.

Of course the feeling implied by “Lord,…” (component d) is different from that implied by “Gospodi,…” because it is based on a different set of thoughts ((b) and (c)): perhaps less “awed”, and less “self-effacing” than that conveyed by “Gospodi,…”.

Metaphorically speaking, if “Lord,…” implies a sustained kneeling

position, “Gospodi,…” implies “throwing oneself on one’s knees”, as in the passage about Tolstoi’s wife.

In this context, it is interesting to note that in the English translations of Father Alexandr Men’s prayers the word “Lord!” sometimes appears at the beginning of a prayer, on a separate line, and is supplied with an exclamation mark. This looks odd in English, and this odd effect highlights the differences between “Gospodi!” and “Lord,…”.

The most obvious difference is the exclamatory character of “Gospodi!”, reflected in the exclamation mark, and accounted for in the first line of the explication, which sounds like an emotional outburst and at the same time, an irresistible urge to turn to God: “I feel something at this moment, because of this I can’t not say something to you at this moment”.

3. French: Addressing God with “mon Dieu”

Judging by French literature, the most common way of addressing God in French in personal prayer is doing so with the phrase “mon Dieu” (literally, ‘my God’). The phrase “mon Dieu” is also used in French as a common everyday expression of quiet and reflective emotion, very different in meaning from the English exclamatory expression *My God!*

Reflecting on the use of “mon Dieu” as a way of addressing God, I will note, first of all, that it is extremely common, not only in prayer as such, but also in meditation, in diaries, in journals, and in other similar genres. For example, in Charles Peguy’s work *Le Mystère de la charité de Jeanne d’Arc* (1910) this phrase often occurs several times per page, in Jeanne D’Arc’s interior monologues. Here is one example, a passage in which this phrase occurs five times in the space of fourteen lines:

(5)

Mon Dieu, mon Dieu, qu’est-ce qu’il y a donc? (...) Qu’est-ce qu’il y a, **mon Dieu**, qu’est-ce qu’il y a. Il y en avait encore qui se sauvaient. Il y en avait qui en réchappaient. Mais maintenant, **mon Dieu**, qui répondrait qu’il y en a qui se sauvent. (...) Qu’est-ce qu’il y a donc, **mon Dieu**, qu’est-ce qu’il y a donc de changé, qu’est-ce qu’il y a donc de nouveau.

In the English translation of the work by the bilingual French-English writer Julien Green, all these instances of “mon Dieu,…” have been replaced with the word “Lord,…”:

(6)

Lord, Lord, what is the matter? At all times, alas, at all times people have lost their souls; but for the last forty years alas they have done nothing but that, they have done nothing but lose their souls. What is the matter, **Lord**, what is the matter. There were still some who saved their souls. There were some who came through. But now, **Lord**, who could be sure that some are saved, who could be sure that just a few, even just a few, even the smallest possible number, come through. It used to be in the world, alas, sometimes, often it was the world that made one ready for hell. Nowadays even that is no

longer true; it is no longer the world that makes one ready for hell. It is hell itself overflowing on earth. What is the matter, **Lord**, what is it that has changed, what is there that's new. (Translated by Julien Green)

As the French extract above illustrates, the phrase “mon Dieu,…” can occur in French not only sentence-initially, as “My God,…” tends to be used in English, but also in the middle of a sentence, between clauses. In fact, it can also be used in the middle of a clause, as in the following example:

(7)

Quel peuple **mon Dieu** ne se fût estimé heureux (...) d'être votre peuple ; (...) peuple élu (...) (p. 67)

‘What people, **Lord**, would not have deemed itself happy, what people among so many people, what people, among countless people, in being your people; (...) a chosen people.’ (Green, p. 63)

Naturally, the question arises: why did an experienced translator and eminent bilingual writer like Julien Green feel that he had to render “mon Dieu,…” in English as “Lord,…” rather than with the seemingly closer “my God,…”? Fortunately, we have an answer to this question from Julien Green himself, for in the Preface to his translation of Péguy’s work he says: “Where Péguy writes “mon Dieu,” and he writes it often, I have written “Lord.” Somehow it sounds nearer to “Mon Dieu” than “My God.” And quieter.”

This is an invaluable comment. The first point is that to Green’s ear, with his perfect French-English pitch, “My God,…” sounds “louder” than “Mon Dieu,…” (I am keeping here Green’s capitals, because in English, “My God,…” does tend to occur sentence-initially.) Where does this impression of “loudness” of “My God,…” as compared with “mon Dieu,…” come from, semantically?

In this paper, I argue that in English, both “God,…” and “My God,…” sound somewhat dramatic because they include the component “I want to say something to you at this moment”. “Mon Dieu,…” sounds “quieter” and “less urgent” because its first component is “I want to say something to you now” — not “at this moment” but “now”.

The English “Lord,…” also implies “now”, not “at this moment”, and so it sounds “quieter” than “My God”. Another similarity between “mon Dieu,…” and “Lord,…” is that they both can occur parenthetically, in the middle of a sentence, whereas “My God,…” usually occurs at the beginning of a sentence.

In the explications, I portray the parenthetical use with the component: “I’m saying this to you now”, whereas the sentence-initial use is portrayed with “I want to say something to you now”.

So there are two clear similarities between “Mon Dieu,…” and “Lord,…”: the quiet “now” instead of a dramatic “at this moment”, and the parenthetical use: “I’m saying this to you now”.

But in other respects, “Lord,…” is quite different from “Mon Dieu,…” and much closer to the French “Seigneur,…” I will mention two key differences between “Mon Dieu” and “Lord”: first, “mon Dieu,…” implies a personal

relationship with God, which “Lord,...” and “Seigneur,...” do not imply. And second, “Lord,...” (like “Seigneur,...”) can be addressed to Jesus, as well as to God, whereas “mon Dieu,...” is normally not used to address Jesus.

All these differences, as well as similarities, are set out in explications [D] and [E].

[D] *Mon Dieu,...; mon Dieu,...*

- a) I want to say something to you now/I'm saying this to you
- b) I think about you like this: “you are God (m)”
- c) at the same time, I think about you like this:
“I know you, I feel something very good towards you
you know me, you feel something very good towards me”

[E] *Lord,... (= Seigneur,...)*

- a) I want to say something to you now/I'm saying this to you
- b) I think about you like this: “you are someone above people, you are someone above us”
- c) at the same time, I think about you like this: “you are good”
- d) when I think like this, I feel something because of this

When one compares these two explications, one can see that they are really quite different. Component (c) of “mon Dieu,...” shows a personal bond with God, a bond of, roughly speaking, a loving trust, whereas (b) and (c) in “Lord,...” indicate a presumed bond of a community of believers with either God or Jesus.

One last point on French. In the explication of “Lord,...” I presented “Lord,...” as identical in meaning with the French “Seigneur,...”. This equation of “Lord,...” and “Seigneur,...” needs a qualification. The point is that in French, addressing God requires a choice between the “intimate” pronoun “tu” and the “non-intimate” pronoun “vous”, whereas in modern English speakers have no such choice and are virtually forced to use “you”, which is neither “intimate” nor “non-intimate”. When the French speaker addresses God as “Seigneur, tu...” this creates an impression of “intimacy” which cannot be achieved with the English speaker’s “Lord, you...”. Conversely, when the French speaker chooses to address God as “Seigneur, vous...”, this creates a “distance” far greater than that implied by the English “Lord, you...”.

The history of the choice between “tu” and “vous” to address God is a fascinating topic which deserves detailed investigation. Here, I can only say that for a long time, Catholics — that is, the great majority of French Christians — addressed God with the “non-intimate” pronoun “vous”, and that “the use of ‘tu’ was typical of French Protestants, who were often referred to, disapprovingly, as “les tutoyeurs de Dieu”. As Whelan (2007: 155) put it, “they thought themselves as on familiar terms with the Almighty”. The irony here is that outside France, most of Europe used the “familiar” or “intimate” pronoun to address God, and that it was mainly, speakers of French who addressed God with the non-intimate pronoun. During the twentieth-century, however, this changed, and in present-day French,

God is normally addressed as “tu”, whether in combination with “Dieu” or “Seigneur”.

I will illustrate this with an extract from a little book on prayer by the famous French cardinal and archbishop of Paris, Jean-Marie Lustiger, one in the original French, and the other, in its published English translation:

(8) *French original*

« **Seigneur**, ta volonté sur moi n’est pas comme celle d’un supérieur humain. Si par exemple je travaille, je dois me conformer à ce que m’a prescrit celui qui me donne mon travail : “Tu vas faire ceci. Il faut que tu t’occupes de cela.” Ta volonté sur moi, **Seigneur**, est toute différente. Elle n’est pas un ordre que je ne comprends pas. Car tu me donnes ton Esprit Saint qui me fait comprendre de l’intérieur, aimer et vouloir ta volonté. En me confiant ta volonté, **Seigneur**, tu engages ta responsabilité. Car tu prends ta responsabilité à mon égard, beaucoup plus que mon père ou ma mère ne l’ont prise en mettant un enfant au monde. Tu ne m’as pas seulement voulu pour que je sois enfanté à la vie, tu ne m’as pas seulement donné la joie d’exister (je dis bien: la joie d’exister, même quand notre existence est douloureuse et difficile). En me créant, tu as pris le risque de ma liberté et tu ne cesses de me vouloir. Ta volonté n’est pas une fatalité qui s’impose à moi : elle est la condition de ma liberté. En retour, **Seigneur**, je veux t’en rendre grâce et prendre ma responsabilité envers toi qui as pris ta responsabilité envers moi. En te rendant compte, heure par heure, de ce que j’ai vécu, de ce que j’ai fait, je veux, à mon tour, être responsable devant toi qui te fais responsable de moi. Ce n’est pas vers moi-même que je me tourne, mais vers toi, **Seigneur**, qui sans cesse m’habites et me donnes de vivre. » (Lustiger 1986, pp. 115—116)

(9) *English translation*

Lord, Your will for me, I know, is not like that of a human superior. When I go to work, I have to follow the orders of whoever hired me: “Do it this way. Get busy on that.” Your will for me, **Lord**, is altogether different. It is not like an order that I don’t understand, because You give me Your Holy Spirit, who guides me to an interior understanding and teaches me to love You and desire Your will for my life. In confiding Your will to me, You once again engage Your responsibility. You have already taken on a responsibility for me, much more than my mother and father took in bringing me into the world. You have not only willed that I be born, and given me the joy of living (I repeat, the joy of living, even when life is painful and difficult), but in creating me You took the risk of entrusting me with the freedom to respond to or ignore. Your unceasing call. I realize, **Lord**, that Your will is not a fatality which is imposed on me: it is rather the condition of my freedom. (pp. 89-90)

In return, **Lord**, I want to thank You for my freedom and assume my responsibility towards You who have assumed such a great responsibility towards me. I am going to do that by giving You an hour-by-hour account of how I spent my day. It is not towards myself that I turn, but towards You, **Lord**, who are always with me and sustain my life. (translated by Rebecca Howell Balinski, 1997)

Although the meaning of the word *Seigneur* is either identical or almost identical to that of *Lord*, the overall impression created by each passage (the French and the English one) is different. The reason is that a combination of *Seigneur* with the intimate pronouns “toi” and “tu” appears to create a sense of, roughly speaking, intimacy, which is absent from the English text, where “Lord” is combined with the neutral pronoun “you”.

Apparently, for many English speakers today who want to speak to God, one major way to compensate for the sense of distance projected by the English invocation “Lord + you” (and also, “God + you”) is to introduce the adjective “dear”, and to address God as “Dear God” or “Dear Lord” — options which have no parallels in French (normally one doesn’t address God in French as “chér Dieu” or “chér Seigneur”). I will return to this in section 6 (on English).

To conclude the discussion of “mon Dieu”, I will note that what is particularly striking about this expression from a comparative perspective, is its combination of a calm conversational tone with a deep devotion and trust. It is not anchored in feeling, as “Gospodi!” and it is not dramatic like “My God”, which is linked with a momentary impulse. The calm conversational tone of “mon Dieu” may bring to mind the English expression “Dear God,” but as we will see later, “Dear God” doesn’t imply a deep personal relationship with God, which is present in “mon Dieu” and its English “literal” counterpart “My God”. It seems distinctly French — as intuited by Julien Green.

4. German: addressing God as “Herr”

The most distinct German way of addressing God is, I believe, “Herr”. As I will illustrate very shortly, “Gott,...” and “mein Gott” are also used, but these appear to have their semantic counterparts in the English terms “God,...” and “my God, ...” (except that in English, it is usually “O God” rather than “God”). On the other hand, “Herr,...” is, as I will argue, uniquely German.

In his prison cell in Tegel in 1943 Dietrich Bonhoeffer wrote a number of prayers for his fellow prisoners. Here are three extracts, first in German and then in an English translation by Reginald Fuller.

(10) *Morgengebet*

Gott, zu dir rufe ich am frühen Morgen
Hilf mir beten und meine Gedanken sammeln;
ich kann es nicht allein.

Morning prayers

O God, early in the morning I cry to thee,
Help me to pray and to concentrate my thoughts on thee
I cannot do this alone.

(11) *Abendgebet*

Herr mein Gott,
ich danke dir, daß du diesen Tag zu Ende gebracht hast.
ich danke dir, daß du Leib und Seele zur Ruhe kommen läßt
Deine Hand war über mir und hat mich behütet und bewahrt.

(...)

Ich befehle dir die Meinen,
ich befehle dir dieses Haus,
ich befehle dir meinen Leib und meine Seele
Gott, dein heiliger Name sei gelobt.
Amen.

Evening prayers

O Lord my God, I thank thee that thou has brought this day to a close; (...) Into thy hands I commend my loved ones and all who dwell in this house; I commend to thee my body and soul. **O God**, thy holy name by praised.
Amen.

(12) Gebet in besonderer Not

Herr Gott,
großes Elend ist über mich gekommen.
Meine Sorgen wollen mich erdrücken
ich weiß nicht ein noch aus.
Gott, sei gnädig und hilf.
Gib Kraft zu tragen, was du schickst.
laß die Furcht nicht über mich herrschen.
sorge du väterlich für die Meinen,
besonders für Frau und Kinder,
schütze sie mit deiner starken Hand
vor allem Übel und vor aller Gefahr.

(...)

Ob ich lebe oder sterbe,
ich bin bei dir und du bist bei mir, mein Gott.
Herr ich warte auf dein Heil und auf dein Reich.
Amen

Prayers in time of distress

O Lord God,
great distress has come upon me;
my cares threaten to crush me
and I do not know what to do.

O God, be gracious to me and help me.
Give me strength to bear what thou dost send,
and do not let fear rule over me;
Take a father's care of my wife and children.

(...)

Whether I live or die, I am with thee and thou, **my God**, art with me.
Lord, I wait for thy salvation and for thy kingdom.
Amen

(First published in English in 1957, SCM Press 1967)

As we can see examining Bonhoeffer's prison prayers, he addresses God as "Gott" (twice), "mein Gott" (once) and "Herr", four times. In addition, there are

also the combinations of “Herr” and “Gott”, “Herr mein Gott,” and “Herr Gott,”. Judging by other collections of modern German prayers, by far the most common way of addressing God in modern German prayers is the word “Herr”. For example, in a beautiful set of Lenten prayers called “Fastensäule”, distributed by the Deutscher Katecheten-Verein in 1993, there are ten invocations to God, all of them, “Herr”, and with two exceptions all in huge capital letters (there is also one invocation to Jesus, namely “HERR Jesus Christus”).

At first sight, this ubiquitous “HERR” may seem to be a semantic equivalent of the Russian “Gospodi”, but in fact it is not. First, like “Lord” in English, “Herr” can be addressed to Jesus, as illustrated by the phrase “Herr Jesus Christus” in the Fastensäule collection, and “Herr Jesus,…” is perfectly possible, whereas as we have seen, “Gospodi Iisuse,…” is not. In this respect, then, the German “Herr” is closer to the English “Lord”, the French “Seigneur”, the Italian “Signore” and the Polish “Pan” — all these words are equally applicable to Jesus as to God.

In one respect, however, the German “Herr” is different from all its other counterparts in Europe. Or so I argue: according to my analysis, “Herr” includes also a component of something like willing submission to authority. I will develop my argument in support of this claim in stages, focussing, for the sake of simplicity, on the differences between German and English.

The most obvious difference between the German “Herr” and the English “Lord” is that “Herr” is also addressed to people, a bit like “Mister” (Mr) and especially “Sir” is addressed to men in English. Obviously, “social titles” like “Mr” and “Sir” cannot be addressed to God. By contrast, “Herr” is addressed both to God and to men, and the two meanings are felt to be closely related.

I have published two papers on the meaning and use of “Herr” as used to address men. The main conclusion reached in those papers was that “Herr” as used to address people (men) includes in its meaning a component of something like submission to authority, which is absent from “Frau” (the counterpart of “Herr” used to address women). This may or may not apply to “Herr” combined with a surname, but it does apply, I argued, to “Herr” without the surname, in combinations with titles implying rank. I have represented this component as follows:

Herr Direktor, Herr Hauptmann, Herr Oberleutnant, etc.

I think about you like this:

“you are someone above many people

If you want these people to do something, they can't not do it”

I will argue that this component (albeit in a modified form) carries over to “Herr” as a term used to address God, or Jesus. Before we move to that, however, let me point out that German dictionaries recognize some such components in the meaning of “Herr” when used without a surname.

For example, the Academy dictionary *Wörterbuch der Deutschen Gegenwartssprache* (1973) singles out a distinct use of *Herr* which it links with

shop assistants and tradesmen and illustrates with one sentence given without a source and one from Heinrich Böll's novel *Billard um halbzehn* (1961):

(13)

Was darf es sein, **mein Herr**?

(‘What should it be, my *Herr*?’)

Auch die Kartoffeln, der Herr — und vielleicht etwas Salat?

(‘The potatoes, too, sir — and perhaps a little lettuce?’), (p. 172)

Langenscheidts Standard German-English Dictionary (1983) glosses the word *Herr* used as a form of address (“Anrede”) as “Sir”. It also glosses the address “mein Herr” (‘my *Herr*’) as *Sir*. The English translation of Böll's novel (*Billiards at half past nine*, Böll 1976) renders “der Herr” in the sentence above as “Sir”, and in some respects such uses are indeed comparable to the use of “Sir” (and “Madam”) in service encounters in present-day English, although “Sir” could never be combined in such encounters with “my” (*my Sir).

For example, when a (male) taxi driver addresses a customer as “Sir”, he places himself, as it were, at the customer's disposal (“at your service, Sir”), and indicates a willingness to follow the (paying) customer's instructions. The professed willingness to follow instructions from customers, however, does not amount to a willingness to take orders from a particular customer: the word “my” could be used by a butler speaking to his ‘lordly’ employer (“Yes, my Lord”), but not by a taxi driver speaking to a customer (*Yes, my sir).

But of course, in English, “Lord” is not used by taxi drivers to address their passengers, and “Sir” is not used to address God.

I will illustrate the use of “Herr” (on its own) and “mein Herr” as addressed to people with two further examples from Heinrich Böll, the first, with multiple uses of “Herr” alone, and the other, with “mein Herr”. The first example comes from Böll's play “Eine Stunde Aufenthalt” (1957 in Böll 1962) where there are three interlocutors: a passenger, a porter, and a taxi driver. Both the porter and the taxi driver consistently address the passenger as “Herr” — the porter, nineteen times, and the taxi driver, five times — whereas the passenger doesn't address either of them in this way. (*Träger* means ‘porter’, and *Fahrer*, ‘driver’. Here, the translation is mine, A.W.)

(14)

Träger: Noch nicht entschlossen, Herr? (p. 242)

‘You haven't yet decided, *Herr*?’

Träger: Fünf Mark — zuviel, Herr? (p. 245)

‘Five mark — too much, *Herr*?’

Fahrer: Wie Sie wünschen, Herr. (p. 248)

‘As you wish, *Herr*.’

Fahrer: Soll ich anhalten, Herr? (p. 255)

‘Should I stop, *Herr*?’

Fahrer: Wir sind da, Herr. Sieben Mark achtzig. (p. 255)

‘We're here, *Herr*. Seven mark eighty.’

The second example comes from Böll's *Billiards at half past nine* (English translation by Patrick Bowles, 1976):

(15)

--Bitte, sagte Schrella, "würden Sie mir das so einpacken lassen, daß kein Fett nach außen dringt?" (...)

--Es wird kein Fett nach außen dringen, **mein Herr**", sagte der Kellner, "es ist alles in Cellophan verpackt (...)" (p. 205)

--"would you please have this wrapped for me," said Schrella, "so the fat doesn't leak out? (...)

"The fat won't leak out, **sir**," said the waiter, "it's all wrapped in cellophane (...)" (p. 173)

There can be little doubt that the attitude conveyed by "mein Herr" in the German sentence is different from that expressed by "Sir" in the English translation. As I have argued in my two papers on "Herr" (Wierzbicka 2015, 2016b), the meaning conveyed by 'mein *Herr*' can be portrayed (in part) as follows:

mein Herr ('my Herr')

(...)

I think about you like this:

"this someone is someone above me

if this someone wants me to do something, I can't not do it"

I can't present all the evidence here, but I think I can say that the case for something like voluntary submission in "Herr" and "mein Herr" as used to address men is quite strong. But how do we know that the same attitude is embedded in these words as addressed to God?

Here, evidence comes above all from the company that "Herr" often keeps in German prayers, as can be illustrated with the translations of the psalms. Arguably, in all European countries, the psalms are the main school of prayer, and in all European countries, cultural attitudes to God are strongly influenced by the local translations of the psalms. German translations of the psalms are strongly influenced by Luther's Bible. The attitude to God projected by the translations of the psalms based on this tradition is quite different from that projected by the English, or French, or Polish translations.

As I argue in earlier work, German has a whole cluster of cultural keywords suggesting, roughly speaking, authoritarian attitudes and values. These words include *Befehl*, *gehören*, *Gehorsam*, *Ordnung*, *Pflicht* and *dürfen*. All these words reflect what German writer Bernhard Schlink (2007) calls "Ordnungsehnsucht" ('longing for *Ordnung*'). What is most relevant here is that some of these words play an important role in German translations of the psalms.

Since in the German translations of the psalms such as that in *Die Gute Nachricht in heutigem Deutsch* (1982) the word "Herr" keeps company with words like *Befehl*, *befehlen*, *gehören* and *Gehorsam*, it is likely that it carries the

semantic component which those other words share, and which is also included in the meaning of “Herr” as a term of address directed at “high-ranking” men.

For example, in his translation of Psalm 119, Luther (1545) uses the noun *Befehl(e)* (an order or orders) and the verb *befehlen* (to order) as many as 16 times, whereas the *King James Bible* and the *New King James Version* do not use the words *order(s)* and *to order* at all, relying instead on less military-sounding words like *precepts* and *commandments*. But Modern German translations of the Bible follow Luther in relying heavily on *Befehl*. What is particularly striking in the modern German translations of the psalms is the frequent use of the words *gehorsam* ‘obedient’, *ungehorsam* ‘disobedient’, *Gehorsam* ‘obedience’ and *gehorschen* ‘to obey’, in contexts where *obedience* is not used in the English translations (although this doesn’t seem to go back to Luther). For example, the verse rendered in both the *King James Bible* and the *New King James Version* as “Create in me a clean heart, O God” (Psalm 51, v. 14) appears in *Die Bibel: Die Gute Nachricht in heutigem Deutsch* as “gib mir ein gehorsames Herz!” (‘give me an obedient heart!’). Similarly, Psalm 50 (vs. 16 and 23) contrasts two kinds of man, “the disobedient one” (“[den] Ungehorsamen”) and “the one who obeys me” (“wer mir gehorcht”), whereas the *King James Version* and the *New King James Version* use instead the phrases “the wicked” and “[he] who orders his conduct aright”. This contrast between the ‘Puritan’ concepts ‘wicked’, ‘conduct’ and ‘right’ and the words *Gehorsam* and *gehorschen* characteristic of the German translations is very striking.

Similarly, in Psalm 36 (v.11), the German text asks God to show goodness to those “die dir gehorchen” (‘who obey you’), whereas the English text (again, in both the *King James Version* and the *New King James Version*) refers to “the upright in heart”. In Psalm 50 (v.5), according to *Die Bibel: Die Gute Nachricht in heutigem Deutsch*, God says (using both *gehorschen* ‘obey’ and *verpflichtet*): “Holt mir die meinen zusammen (...). Sie haben einen Bund mit mir geschlossen und sich verpflichtet mir zu gehorchen.” ‘...bring me my people together, (...), they have concluded a covenant with me and have taken upon themselves the *Pflicht* to obey me’. But *The King James Version* and the *New King James Version* do not use here the word *obey*: “Gather my saints together unto me (NKJV: to me), those who have made a covenant with me by sacrifice.”

The word “Herr” as a form of address is very prominent in the German psalms, often seemingly added in lines where the English translations don’t include the word “Lord,” and often accompanied by words like “befehlen” (‘to order’) and “gehorschen” (‘to obey’). I will adduce here four examples from Psalm 119 in the German Bible (*Die Bibel im heutigem Deutsch*) and in the English New Revised Standard Version:

(16) Psalm 51

Verse 10

German (*Die Bibel in heutigem Deutsch*, henceforth DBHD, 1982)

Gib mir ein **gehorsames** Herz!

English (New Revised Standard Version, henceforth NRSV, 2009)

Create in me a **clean** heart, O God!

German (Die Luther Bibel, henceforth LB, 1545)

Schaffe in mir, Gott, ein **reines** Herz (...)

(17) Psalm 31

Verse 19

German (DBHD, 1982)

Wie gross is deine Güte, **Herr!** Du wendest sie denen zu, die dir **gehörchen**.
Vor aller Augen zeigt sich diese Güte an denen die bei dir Zuflucht suchen.

English (NRSV, 2009)

O how abundant is your goodness that you have laid up for those who **fear** you,
and accomplish for those who take refuge in you in the sight of everyone!

German (LB, 1545)

Wie groß ist deine Güte, die du verborgen hast für die, so dich **fürchten**, und
erzeigst vor den Leuten denen, die auf dich trauen!

English (King James Bible, henceforth KJB, 1611)

O how great is thy goodness, which thou hast laid up for them that **fear** thee;
which thou hast wrought for them that trust in thee before the sons of men!

(18) Psalm 119

Verses 115—116

German (DBHD, 1982)

Ihr Unheilstiften, geh mi raus der Augen, Ich folge den **Befehlen** meines
Gottes.

Herr, sei mein Halt, dass ich leben kann. [LB: “**Gebote**”]

English (NRSV, 2009)

Go away from me, evildoers, that I may keep the **commandments** of my God.
Uphold me according to your promise, that I may live and let me not be put to
shame in my hope.

Verse 166

German (DBHD, 1982)

Herr, Meine Hoffnung ist dass du mir hilfst, ich führe aus was du **befohlen**
hast. [LB: “**Gebote**”]

English (NRSV, 2009)

I hope for your salvation, Lord and I fulfil your **commandments**.

Verse 145 (146)

German (DBHD, 1982)

Von Herzengrund schreie ich zu dir; gib Antwort!

An deine Regeln **Herr** will ich mir halten.

Ich rufe dich zu Hilfe, rette nich!

Ich werde deinen Weisungun **gehörchen**. [LB: dass ich deine **Zeugnisse**
halte”]

English (NRSV, 2009)

Your decrees are righteous forever: Give me understanding that I may live.
With my whole heart I cry: answer me, O Lord.
I will keep your **statutes**.

Verse 172—173

German (DBHD, 1982)

Für mein Versprechen soll mein Mund dir singen, was du **befohlen** hast, ist
recht und richtig.

Strecke deine Hand aus, **Herr**, um mir zu helfen. Ich habe mich für dein
Gesetz entschieden.

[LB: “alle deine Gebote sind recht”]

English (NRSV, 2009)

My tongue will singe of your promise for all your **commandments** are right.
Let your hand be ready to help me, for I have chosen your **precepts**.

It is also worth noting that in the *Bibel in heutigem Deutsch* several headings have been given to various psalms which include the word “Gehorsam” (‘obedience’). No such headings with “obedience” are to be found in English translations of the psalms. When a psalm starts with the word “Herr”, under a heading which says “Gehorsam”, this would presumably further encourage a reading of “Herr” with the component which “Herr” (as in “mein Herr” addressed to men) and “Gehorsam” share.

Thus in earlier work, I have suggested that the word “Herr” (when used without a surname) belongs to the same semantic and cultural cluster as *Befehl*, *befehlen*, *Gehorsam*, and *gehorschen* (order(s), obey, obedience), and I am now suggesting that this has some semantic repercussions for the use of *Herr* to address God.

To say this is not to try to somehow take away from the beauty and spiritual depth of German prayers such as the “Fastensäule”, based exclusively on “Herr,…” as the way of addressing God. In the context of a full explication of “Herr,” (as addressed to God) the components linking “Herr” with “Gehorsam” can be interpreted in a sense which makes “Herr” different and more akin to a heartfelt desire to do God’s will. Nonetheless if the component “if you want us to do something we can’t not do it” is indeed (as I argue) part of the meaning of “Herr,” it needs to be acknowledged, for a better understanding of the whole complex picture.

The overall explication of “Herr,” as addressed to God can, I think, look like this:

[F] *Herr*,... (German)

a) I want to say something to you now

b) I think about you like this:

“you are someone above people, you are someone above us; you are good”

c) at the same time, I want to think about you like this:

“if you want us to do something, we can’t not do it”

d) when I think like this, I feel something because of this

5. Addressing God in English: From “O God,...” to “Dear God,...”

If we look at the English language of prayer from a broader European perspective we notice two striking idiosyncratic features: the first is the frequent presence of the vocative interjection “O” (as in “O God” and “O Lord”), and second, the use of the phrase “Dear God”. I will discuss these two distinct features of English in sections 5.1 and 5.2.

5.1. The vocative interjection “O God,...”, “O Lord,...”

The use of the phrase of “O God” is very widespread in English religious language. “O Lord” is also common, but for the sake of simplicity I will focus on “O God”. Here are three examples from a collection entitled *A Prayer Book for Australia* (published in 1995 by the Anglican church in Australia and intended for use in churches):

(19)

Prayer of the day

O God, your Son has taught us that those who give a cup of water in his name will not lose their reward. (p. 587)

(20)

Prayer of the week

O God, you have prepared for those who love you such good things as pass our understanding. (p. 588)

(21)

Prayer of the day

O God, you are rich in love for your people: show us the treasure that endures and, when we are tempted by greed, call us back in to your service (...). (p. 585)

The use of that special vocative interjection creates the impression that the people who are praying are *calling* to God over a distance, and also, that they are paying homage to God, as well as addressing him. (In older English texts, someone can address a sovereign in this way (e.g. “O Queen!”, “O Majesty”) but not an ordinary mortal (*O John! *O Jane!). One line from a poem entitled “The Creatures of God” by the nineteenth-century English poet Frederick William Faber illustrates the rhetorical and elevated tone of the vocative interjection “o” well: “O majesty unspeakable and dread!”

How did English develop such a way of addressing God, which may imply awe and which seems to preclude intimacy?

The matter deserves detailed investigation, but it seems clear that by the time the King James Bible (1611) and the Book of Common Prayer (1662) were published, there was a well-established tradition in English of rendering the Latin and Greek vocatives with the vocative interjection “O”, as “O God” and “O Lord”. This is particularly striking in the case of translation of the Psalms: in the English translations, “O God” and “O Lord” predominate, whereas, for example, in Luther’s

German Bible or in the Polish sixteenth-century Psalter translated by poet Jan Kochanowski the vocative interjection was normally not added. For example, if we look at the 1662 version of the Book of Common Prayer, several psalms start with a Latin quote, without a vocative interjection, and an English translation adding it, for instance:

(22)

Psalm 51

Latin: Miserere me, Deus.

English: Have mercy upon me, **O God**,...

(23)

Psalm 55

Latin: Exaudi, Deus.

English: Hear my prayer, **O God**...

(24)

Psalm 63

Latin: Deus, Deus meus.

English: **O God**, thou art my God: early will I seek thee.

(25)

Psalm 64

Latin: Exaudi, Deus.

English: Hear my voice, **O God**.

There can be little doubt, however, that even though the tradition of addressing God in prayer with “O” was well established in English before the *Book of Common Prayer*, the popularity of this Book across the English-speaking world has contributed, perhaps in a decisive way, to the survival of that tradition up to the present time. In this connection, let me quote from the Introduction to a 2011 collection of three texts of the Book from the 16th and 17th centuries edited by Brian Cummings:

The *Book of Common Prayer* is one of the most extraordinary books in history. From the Reformation to the Beatles, with some interruptions and alterations, it formed the order of service in the established church in English. It has been said, with some justice, that it has reached more listeners, via its daily offices, than the works of Shakespeare. Human life in the English imagination is mediated through its idiom: in loving a partner, we promise to ‘love her, comfort her, honour and keep her in sickness and in health’; in saying farewell to the dead, we come to terms with our own mortality, ‘Earth to earth, ashes to ashes, dust to dust’. In the breadth of this practical influence, Prayer Book prose has seeped into the collective consciousness more profoundly than that of any other book written in English, even the Bible. Millions of English-speaking people, godly, wicked, or indifferent, have been baptized, married, or buried to its words.

This “rhetorical” tradition of addressing God with “O God” continues in English to this day in many English-speaking countries, including Australia, both in public worship and in private prayer. For example, in the bilingual volume *The Orthodox Prayer Book*, published in 2010 in the US in English and in Church Slavonic, we find phrases like “O God”, “O Lord” and “O Saviour” on almost every page (on the left side), facing (on the right hand) pages with the words “Bože”, “Gospodi”, and so on, without the vocative interjection. As for private prayers, here is Thomas Merton (2004), a Trappist, praying to God in his monastery in Kentucky with “O God”, as well as “God”, “My God” and “Lord”:

(26)

O God, my God, why am I so mute? I long to cry out and out to Thee, over and over, and Thou are nameless and infinite. (p. 11)

(27)

My God, it is to you alone that I can talk because nobody else will understand.

(28)

My God, I pray better to You by breathing, I pray better to You by walking than by talking. (p. 57)

(29)

O God, my God, the night has values that the day has never dreamed of. (p. 81)

(30)

God, have mercy on me in the blindness in which I hope I am seeking You! (p. 105)

(31)

Now is the time to get up and go to the tower [for the Fire Watch, I think, A.W.] Now is the time to meet You, **God**, where the night is wonderful (...) (p. 83)

(32)

Lord, it is nearly midnight and I am waiting for You in the darkness and the great silence. (p. 5)

(33)

I will travel to You, **Lord**, through a thousand blind alleys. You want to bring me to You through stone walls. (p. 23)

To show the special “rhetorical” semantics of “O God, ...” as compared with “God, ...” and “My God, ...” I propose the following explications:

[G] *God,...*

- a) I want to say something to you at this moment
- b) I think about you like this: “you are God (m)”

[H] O God, ...

- a) I want to say something to you at this moment
- b) I want you to hear it
- c) I think about you like this: “you are God (m)”
- d) when I think like this, I feel something because of this

[I] My God, ...

- a) I want to say something to you at this moment
- b) I think about you like this: “you are God (m)”
- c) at the same time I think about you like this:
“I know you, I feel something very good towards you,
you know me, you feel something very good towards me”

According to these explications, all three invocations with the word “God, ...” include in their meaning the phrase “at this moment”, which makes them sound like an interjection, because of the implied “urgency” of that momentariness. However, “God, ...” by itself does not imply a feeling, whereas both “O God, ...” and “My God, ...” do. Further, “O God, ...” sounds like “calling” to God. In the explication of “O God, ...” this is accounted for by the component “I want you to hear it”.

The explications of “God” and “My God” do not include the component “I want you to hear it”, but they, too, sound “louder” than, for example, “Lord, ...”. In support of this contention, I will adduce here a Polish poem entitled “Hymn”, by the romantic poet Julian Słowacki, together with its excellent English translation by the Australian translator Marcel Weyland (2010).

Every stanza in that poem ends with the words “Smutno mi, Boże”, literally, “I’m sad, God” (with a dative for “I” and a vocative for “God”). In Weyland’s translation of the poem, however, this key phrase is rendered not with the word “God”, but with the word “Lord”, as “Sad am I, Lord”. I will include here only the first stanza, in Polish and in English.

(34)

Hymn (Polish original, by Juliusz Słowacki)
Smutno mi, Boże! — Dla mnie na zachodzie
Rozlałeś tęczę blasków promienistą:
Przedemną gasisz w lazuruwej wodzie
Gwiazdę ognistą...
Choć mi tak niebo ty złocisz i morze,
Smutno mi, Boże!

Hymn (English translation by Marcel Weyland, 2010)
Sad am I, Lord... You for me, in the west,
Have spread a rainbow with a radiant light,
For me You quench within the azure crest
The fiery star of night,
Though You Your gold in sky and sea have poured,
Sad am I, Lord!

I think Weyland was absolutely right in rendering “Boże,...” as “Lord,...” rather than “God,...”. Although “Lord,...” doesn’t mean the same as “Boże,...”, it is definitely closer to it in tone than “God,...”. “God,...” would be too “loud” and too “insistent” for Słowacki’s melancholic poem. It would also sound devoid of feeling, which the Polish vocative “Boże,...” carries with it. “Boże,...” sounds a bit like “Dear God,...” and (in my terms) they both carry the component “I feel something good towards you”.. “Lord,...” doesn’t have that kind of feeling in its meaning, but it has some reference to feeling, and for this reason, too, it sounds much more plausible in this poem than “God,...” would. (I will return to this difference between “Boże,...” and “God,...” in section 6, on Polish.) As for the full meaning of “Dear God,...”, I will discuss it in the next section.

5.2. Addressing God as “Dear God,...” in modern English

In a volume by contemporary American writer Marianne Williamson entitled “Illuminated Prayers” (1997) every prayer starts with the phrase “Dear God”. A few examples:

(35)
DEAR GOD,
May the stars
Which fill the sky
fill me.
AMEN

(36)
DEAR GOD,
Please send miracles
To the war zones
of the world
AMEN

(37)
DEAR GOD,
May my gifts
begin to blossom
in a way that serves Your plan.
AMEN

(38)
DEAR GOD,
I surrender the world
to You.
AMEN

Not all prayers are as short as these, but they all appear to aim at childlike simplicity, and seek to establish a relationship with God different from that conveyed by phrases such as “O God,...”. Saying “Dear God,...” the speaker uses a phrase which could be used in a personal letter to a family member, for example,

“Dear Mum,...”. The feeling implied by the phrase “Dear God,...” may be “very good” rather than simply “good”, but it is a feeling “asserted”, so to speak, rather than expressed spontaneously, as in “O God,...”: “I say: I feel something very good towards you” rather than simply “I feel something very good towards you at this moment”.

The presence of “I say:” in the meaning of “Dear God,...” goes hand in hand with the absence of “at this moment”: “Dear God,...” is not a momentary outburst, rather, it is a form of address consistent with a conversational tone, and with a tone of calm reflection.

Addressing God as “Dear God,...” is very common in printed collections of prayers for children, younger and older. For example, in the *The Lion Book of 1000 Prayers for Children* (2012, Oxford: Lion Hudson) 220 prayers are listed in the index as beginning with “Dear God,...”. For comparison, 22 start with “God,...” (as a form of address), 14 with “Lord,...”, 10 with “Lord Jesus,...” and 6 with “O Lord,...”. Two examples:

(39)

Be in All that I Do

Dear God,

Be in all that I do, now and always.

(40)

Help me to Learn to Get Things Right

Dear God, my head is hurting,

Dear God, my brain is dead,

Dear God, I didn't understand a thing the teacher said.

Dear God, I'm not too clever,

Dear God, I'm not that bright,

Dear God, please help me find a way to learn to get things right.

The over-all meaning expressed in the addressing formula “Dear God,...” can be portrayed in the following explication:

[J] *Dear God,...*

I want to say something to you now

I want to say at the same time: “I feel something very good towards you”

I think about you like this: “you are God (m)”

at the same time, I think about you as I can think about someone if I know this someone very well

As we will see in the next section, it is not the same meaning as that is encoded in the Polish vocative “Boże”, which also includes the component “I feel something very good towards you”.

6. Polish: Addressing God with “Boże” and “Panie Boże”

In Polish, the most distinctive and most widely used way of addressing God is the word *Boże*, which morphologically is the regular vocative case of the word *Bóg* ‘God’. As we have seen, in the translation of Tolstoy's *Anna Karenina* the vocative

was used to render the Russian word “Gospodi” or ‘Almighty God’. We have also seen the use of this word in the refrain of Juliusz Słowacki’s poem “Hymn”, where it was translated into English as “Lord,...”.

The most distinct feature of this Polish vocative is its ‘loving’ character. As already mentioned, Russian has a similar vocative to address God, almost identical in form: “Boże”. But in Russian this is not the most common way to address God because this role belongs to “Gospodi,...”.

In this context, it is interesting to note that in a volume of John Paul II’s prayers originally published in Italian and subsequently translated into English as *Invitation to Prayer: Private prayers of Pope John Paul II* (2002), God is frequently addressed as “God,...”, in one case, several times in the same prayer. This looks odd in English, because — unlike “O God,...” or “Lord,...” — “God,...” carries no feeling component with it. Writing in Polish, John Paul II would have of course used “Boże,...” in all these cases.

It is hard not to think that in his inner speech, John Paul II was thinking with the loving Polish vocative “Boże,...”. When his prayers were translated into English, however, the heartfelt “Boże,...” became a rather cold (as well as loud) “God,...”. As a result, the English version doesn’t sound like John Paul II at all.

Polish has three other ‘loving’ vocatives, all three morphologically irregular: “Jezu”, “Chryste” and “synu”. The first two are Latin vocatives, which became entrenched in Polish instead of the regular Polish vocatives “Jezusie” and “Chrystusie” (which sometimes occur in folk songs and laments). Both forms “Jezu” and “Chryste” are often used in religious poetry, as well as in the language of prayer. One of the earliest prayers that Polish children are taught starts with the words “O dobry Jezu,...” (literally, “O good Jesus,...”):

(41)
O dobry Jezu, kładę się spać,
Nic mi się złego nie może stać.
Mam na obronę znak krzyża twego
W imię Ojca, i Syna, i Ducha Świętego. Amen

‘O good Jesus, I’m going to bed.
Nothing bad can happen to me.
I have the sign of your cross to defend me.
In the name of the Father, and the Son, and the Holy Spirit. Amen.

But the English phrase “O good Jesus” doesn’t do justice to ‘O dobry Jezu’, because the vocative “Jezu” is so to speak imbued with love. (In some ways, “Dear Jesus” would be close to “Jezu”). In NSM terms, it carries the semantic component “I feel something very good towards you”.

The same is true of the special vocative “Chryste,...”, as in the poem “O jednym z pacierzy”, written in 1947, that is, in Communist era in Poland when religious poetry could not be published in literary journals:

(42)

A ja już wierny Tobie zostanę,
O Chryste, Chryste...
Choćby wzbronili wierszy o Tobie
pięknych drukować
na klęczkach będę szeptać Ci jeszcze
wzbronione słowa.

English (translated by Mary Besemeres)

As for me, I'll stay faithful to you,
Christ, my Christ...

...

Even if printing
beautiful poems about You
were forbidden
I'd keep whispering on my knees
The forbidden words.

It is interesting to note the word “my” added by the English translator, which seeks to match the emotion expressed in Polish by the grammatical form itself.

Strictly speaking, the vocatives “Jezu” and “Chryste” are beyond the scope of the present paper. I only mention them here to give some broader context to the vocative “Boże,...”, which is at the very centre of my discussion.

[K] *Boże,...*

- a) I want to say something to you now
- b) I think about you like this: “you are God (m)”
- c) I feel something very good towards you

In addition to “Boże”, however, I also need to mention, if only briefly, the word “Panie”, also a vocative, from “Pan”, the closet Polish counterpart of “Lord” (but also, a translation equivalent of “Mr” and of “Sir”). I have studied the word “pan”, in comparison with the German “Herr”, in another paper (Wierzbicka 2016b). Here, I will only say that it is a ubiquitous word in everyday Polish, because it is used both as a noun and as a second-person pronoun, and because as a pronoun it is obligatory in most interpersonal relations: whenever the intimate pronoun “ty” cannot be used, “Pan” has to be used to address a man, and its feminine counterpart, “Pani”, to address a woman. When used to address God, or Jesus, therefore, “Pan” sounds more “familiar” than the English “Lord” or the French “Seigneur”. As I have argued in my paper on “pan” and “Herr”, it also sounds more familiar than the German “Herr”.

To address a man who is an acquaintance but not a close friend one combines “Panie” with the addressee’s first name, usually in a diminutive, for example, as “Panie Henryku” or “Panie Heniu”. When addressed to Jesus, “Panie Jezu” doesn’t sound totally different from “Panie Heniu”. When one addresses God as “Panie

Boże”, that doesn’t sound totally different from “Panie Adamie” (to address a man called “Adam”). They do sound different, but there is also a perceptible similarity.

So on the one hand, “Boże” and “Jezu” both encode a very good feeling towards the addressee, and on the other hand, the vocative “Panie” sounds familiar — certainly more familiar than “Lord” in English or “Seigneur” in French. As a result, the collocations “Panie Boże” and “Panie Jezu”, which are common in Polish prayers, also sound both loving and familiar.

From a literary point of view, the best translation of the Psalms is undoubtedly that by the great poet, Noble Laureate, Czesław Miłosz. It is also one in which the psalms sound like authentic heartfelt personal prayers. The reason is that Miłosz’s translation relies, throughout, on two homely words: the loving and simple “Boże” and the familiar, everyday “Panie”.

Unfortunately (as I see it), Miłosz’s translation is not the one which is used in Catholic churches in Poland during Mass. Instead, what is used is the so-called Millennium Bible — the translation which was undertaken by a group of biblical scholars for the millennium of Polish Christianity in 1966. And in the psalms of the Millennium Bible, God is addressed not with the familiar Polish word “Panie,…” but with the alien and alienating word “Jahwe,…”.

To be sure, the familiar Polish vocative “Boże,…” and “Panie,…” are also used, but they are interspersed with unfamiliar, distant, and foreign-sounding word “Jahwe,…”.

It is true that the word “Jahwe,…” is also used in some beautiful English hymns. Judging by the English literature, however, nobody prays to God in English, in private, with the word “Jahwe”. The English translations of the psalms use, as we have seen, “O God” and “O Lord” — phrases which may sound rhetorical and elevated, but not foreign.

The God addressed in the Polish millennium psalms sounds like someone very distant and very foreign. By contrast, the God addressed in Miłosz’s psalms sounds like someone well-known and much-loved. This closeness to God in Miłosz’s psalms seems to me to be a unique feature of this translation made possible by the combination of the poet’s talent and the resources of the Polish language.

A final comment, on the address phrase “Panie Boże” — absent from the psalms but common in everyday Polish. In fact, both the nominative phrase “Pan Bóg” and the vocative phrase “Panie Boże” are part and parcel of colloquial Polish, and are often used by people who are not religious believers at all. For example, poet Julian Tuwim turns in this way to God in his poem “Nauka” (‘Learning’), in which he asks to be left on earth for a second life, like a schoolchild could be left for a second year in the same form.

(43)

I do dziś mam taką szkolną twogę:
Bóg mnie wyrwie — a stanę bez słowa!
— Panie Boże! Odpowiadać nie mogę,
Ja... wymawiam się, mnie boli głowa...

Trudna lekcja. Nie mogłem od razu.
Lecz nauczę się... po pewnym czasie...
Proszę! Zostaw mnie na drugie życie
Jak na drugi rok w tej samej klasie.

English translation (by Mary Besemer)

Even now I have this schoolboy fear:
God will call on me in class — and I'll be stuck for words!
Dear God! I can't answer the question yet,
I...ask to be excused, my head aches...

It's a hard lesson. I haven't learnt it yet.
But I will know the answer... eventually...
Please! Leave me here for one more life
As you'd let a child repeat a grade at school.

The effect of the phrase “Panie Boże” in Polish is very different from the use of its “literal” equivalent “Lord God,...” in English. Above all, it implies more familiarity than the phrase “Lord God,...”. In English, phrases like “Lord God, heavenly king...” belong to the language of the church, to the language of the liturgy, and they certainly imply religious faith. By contrast, in Polish, “Panie Boże” doesn't belong to a special religious register and is so much part of everyday language that it can even be used, occasionally, by sceptics and non-believers — arguably, more so than “Boże” used by itself.

It is worth adding that Polish has also several exclamatory expressions which include the word “Boże”, for example, “O Boże!”, “Boże drogi” (literally, ‘dear God’), “Boże kochany” (lit. also ‘dear God’), “O mój Boże!”, and so on. These are not, however, ways of addressing God but ways of expressing one's feelings. By contrast, “Boże,...” is indeed a way of addressing God.

7. Conclusion

Each European language offers its users a range of options for addressing God. Some of these options are shared, others appear to be unique. Among the unique ones, I would include, in particular, the Russian word “Gospodi”, the French phrase “mon Dieu,...”, the German word “Herr,...”, the English phrase “Dear God”, and the Polish word “Boże”. The Russian word “Gospodi,...” construes God, so to speak, as “Almighty” and “Paternal”, and as someone to whom we all need to appeal for mercy. By contrast, the German word “Herr,...” construes God (and also Christ) as someone whom one needs to, and wants to, obey. The modern English phrase “Dear God,...” appears to construe God as someone whom one doesn't need to either beseech or obey but to whom one can talk as to a friend. The French phrase “mon Dieu” appears to construe God as a conversational partner, as well as someone with whom one is in a loving relationship. The Polish word “Boże” implies a habitually loving attitude to God, without any additional components like those embedded in “Gospodi,...”, “Herr,...”, “mon Dieu,...” or “O God,...”.

It is hard not to think that these differences in habitual ways of addressing God are underpinned by broader historical phenomena — as we have seen most clearly in the case of “Gospodi,...” and “Herr,...”. The exact nature of all these links remains to be investigated.

Notes

1) Although the Latin vocative of the word for God was identical with the nominative, a phrase like “Omnipotens Deus” was no doubt perceived as a vocative, because “Deus” and “Domine” were often used together in phrases like “Domine Deus” and “Domine Deus meus”.

2) For other recent NSM-based publications in this area see Wierzbicka 2018a, b, c, and 2019. For broader recent discussions of the NSM approach to language and culture, see Gladkova and Larina 2018a, and b, Kotorova 2018, Farese 2018.

© Anna Wierzbicka, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Basinskij, Pavel. 2011. *Begstvo iz raya* [Escape from Paradise]. Moscow: Astrel’.
- Berdyayev, Nikolaj. 1947. *The Russian Idea* (translated from the Russian by R.M. French). London: G. Bles, Centenary Press.
- Böll, Heinrich. 1957. *Eine Stunde Aufenthalt*. Köln, Kiepenheuer & Witsch.
- Böll, Heinrich. 1961. *Billard um halbzehn*. 5. Aufl. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Böll, Heinrich. 1962. *Erzählungen, Hörspiele, Aufsätze*. Köln, Kiepenheuer & Witsch.
- Böll, Heinrich. 1976. *Billiards at half past nine*, translated by Patrick Bowles. London: Calder and Boyars.
- Bonhoeffer, Dietrich. 1967. *Letters and papers from prison*. In Eberhard Bethge (eds.), (translated by Reginald Fuller). London: S.C.M. Press.
- Cummings, Brian (eds.). 2011. *The Book of Common Prayer: The texts of 1549, 1559, and 1662*. Oxford: Oxford University Press.
- Farese, Gian Marco. 2018. *The Cultural Semantics of Address Practices: A Contrastive Study between English and Italian*. Lexington Books: London.
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018a. Anna Wierzbicka, words and the world. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 499—520. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018b. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717—748. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.
- Goddard, Cliff. 2011 [1998]. *Semantic Analysis: A practical introduction*. 2nd edn. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff. 2014. Interjections and emotion (with Special Reference to “Surprise” and “Disgust”). *Emotion Review* 6 (1). 53—63. DOI: 10.1177/1754073913491843.

- Goddard, Cliff (eds.). 2018. *Minimal English for a Global World*. Palgrave.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka (eds.). 2002. *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. 2 vols. Amsterdam: John Benjamins.
- John Paul II. 2002. *An Invitation to Prayer*. New York: Pocket Books.
- Kotorova, Elizaveta. 2018. Analysis of kinship terms using Natural Semantic Metalanguage: Anna Wierzbicka's approach. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 701—710. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710.
- Lustiger, Jean-Marie. 1986. *Premiers pas dans la prière*. Paris: Nouvelle Cité.
- Lustiger, Jean-Marie. 1997. *First steps in prayer* (translated by Rebecca Howell Balinski). Glasgow: Collins, Fount Paperbacks.
- Merridale, Catherine. 2000. *Night of Stone: Death and memory in Russia*. London: Granta.
- Merton, Thomas. 2004. *Dialogues with Silence: Prayers and drawings*. In Jonathan Montaldo (eds.), New York: Harper Collins.
- Pasternak, Boris. 1962. In hospital. In Dimitri Obolensky (eds.), *The Penguin book of Russian verse: with a plain prose translation of each poem*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin.
- Peeters, Bert (eds). 2006. *Semantic Primes and Universal Grammar: Empirical evidence from the Romance languages*. Amsterdam: John Benjamins.
- Péguy, Charles. 1943 [1910]. *Le Mystère de la charité de Jeanne d'Arc*. New York: Pantheon.
- Péguy, Charles. 1950. *The Mystery of the Charity of Joan of Arc* (translated by Julian Green). London: Hollis & Carter.
- Rock, Lois. 2012. *The Lion Book of 1000 Prayers for Children*. Oxford, England: Lion Children's Books.
- Schlink, Bernhard. 2007. *Vergangenheitsschuld: Beiträge zu einem deutschen Thema*. Zürich: Diogenes.
- Słowacki, Juliusz. 2010. Hymn. *Słowo: dwieście lat poezji polskiej = The word: two hundred years of Polish poetry* (translated by Marcel Weyland). Blackheath, NSW: Brandl & Schlesinger.
- Tolstoy, Lev. 1918. *Anna Karenina* (Translated by Louise and Aylmer Maude). Oxford: Oxford University Press.
- Whelan, Ruth. 2007. From the other side of silence: Huguenot life-writing, a dialogic art of narrating the self. In Bruno Tribaut & Ruth Whelan (eds.), *Narrating the Self in Early Modern Europe*, 23. 139—159. European connections. Peter Lang.
- Wierzbicka, Anna. 1992. The semantics of interjections. *Journal of Pragmatics* 18. 159—192.
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2001. *What did Jesus mean? Explaining the Sermon on the Mount and the parables in simple and universal human concepts*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/0195137337.001.0001.
- Wierzbicka, Anna. 2003. *Cross-Cultural Pragmatics*. Berlin, Germany: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna. 2014a. *Imprisoned in English: The Hazards of English as a Default Language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2014b. Can there be common knowledge without a common language? German 'Pflicht' vs English 'duty'. *Common Knowledge* 21(1). 141—171.
- Wierzbicka, Anna. 2015. A whole cloud of culture condensed into a drop of semantics: the meaning of the German word 'Herr' as a term of address. *International Journal of Language and Culture* 2 (1). 1—37.
- Wierzbicka, Anna. 2016a. Making sense of terms of address in European languages through the Natural Semantic Metalanguage. *Intercultural Pragmatics* 4. 499—527.

- Wierzbicka, Anna. 2016b. Terms of address as keys to culture and society: German *Herr* vs. Polish *Pan*. *Acta Philologica [Uniwersytet Warszawski]* 49. 29—44.
- Wierzbicka, Anna. 2017. *W Co Wierzą Chryścijanie? Opowieść o Bogu i o Ludziach*. Cracow: Znak.
- Wierzbicka, Anna. 2018a. Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 38—53. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.
- Wierzbicka, Anna. 2018b. Polskie słowo „Boże” w perspektywie porównawczej. In Jolanta Chojak & Zofia Zaron (eds.), *Ku rzeczom niebiałahym*. Warsaw: Warsaw University. 221—234.
- Wierzbicka, Anna. 2018c. Speaking about God in universal words, thinking about God outside English. In Paul Chilton & Monika Kopytowska (eds.), *Religion, Language and the Human Mind*, Oxford University Press. 19—51.
- Wierzbicka, Anna. 2019. *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English*. New York: Oxford University Press.
- Williamson, Marianne. 1997. *Illuminated Prayers*. New York: Simon and Schuster.

Dictionaries and Internet Resources

- Bonhoeffer, Dietrich (prayers compiled from online). <http://www.glauben-und-bekennen.de/gebete/abend-bonhoeffer.htm>;
http://www.lkhh.at/redaktion/uploads/files/289e8af214a1354966e5bc7addbbd87b/d_bohoeffer_gebete_gedanken.pdf; <https://glaubenblog.wordpress.com/2014/12/27/gebete-von-dietrich-bonhoeffer-in-zeiten-der-not/>. (Accessed 12 June 2017).
- Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache*. 1997. Berlin: Langenscheidt.
- A Prayer Book for Australia*. 1995. Anglican Church of Australia. General Synod.

Article history:

Received: 20 March 2020

Revised: 18 April 2020

Accepted: 20 April 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 марта 2020

Дата принятия к печати: 20 апреля 2020

Bionote:

ANNA WIERZBICKA is a Professor of Linguistics (Emerita) in the School of Literature, Languages, and Linguistics, Australian National University. Her work spans a number of disciplines, including anthropology, psychology, cognitive science, philosophy and religious studies as well as linguistics, and has been published in many journals across all these disciplines. She has published over twenty books, including *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), *English: Meaning and Culture* (New York: Oxford University Press, 2006), and *Imprisoned in English* (New York: Oxford University Press, 2014). Her latest book, *What Christians Believe: The story of God and people in Minimal English*, was published by Oxford University Press, New York in 2019. Professor Wierzbicka is a Fellow of the Australian Academy of the Humanities, the Australian Academy of Social Sciences, the Russian Academy of Sciences and the Polish Academy of Arts and Sciences. She is the

winner of the International Dobrushin Prize for 2010 and of the Polish Science Foundation's 2010 prize for the humanities and social sciences.

Contact information:

Australian National University
Canberra, ACT, 2602, Australia
e-mail: anna.wierzbicka@anu.edu.au
ORCID ID: 0000-0002-6074-7865

Сведения об авторе:

АННА ВЕЖБИЦКАЯ — известный лингвист, профессор (эмерит) Института литературы, языков и лингвистики Австралийского национального университета. Помимо лингвистики, ее научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая антропологию, психологию, когнитологию, философию и религиоведение. Ею опубликовано большое количество статей в журналах по данным направлениям, а также более двадцати книг, среди которых — *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), *English: Meaning and Culture* (New York: Oxford University Press, 2006), *Imprisoned in English* (New York: Oxford University Press, 2014), *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English* (New York: Oxford University Press, 2019). Профессор Вежбицкая является членом Австралийской академии гуманитарных наук, Австралийской академии общественных наук, Российской академии наук, Польской академии знаний, лауреатом Международной премии имени Добрушина (2010 г.) и премии Польского научного фонда (2010 г.).

Контактная информация:

Австралийский национальный университет
Canberra, ACT, 2602, Australia
e-mail: anna.wierzbicka@anu.edu.au
ORCID ID: 0000-0002-6074-7865

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324

Research Article

Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology

Martin Pütz

University of Koblenz-Landau
Landau, Germany

Abstract

This contribution focuses on the study of *Linguistic Landscapes* in the Central/Western African state of Cameroon, with particular reference to its capital, Yaoundé. Linguistic landscapes is a relatively recent area of research, and can be broadly defined as the visual representation of languages in public space. This paper will show that the field of linguistic landscapes can act as a reflection of linguistic hierarchies, ideologies and acts of resistance in multilingual and multicultural communities. At the same time, the sociolinguistic situation in the country will be investigated, which is paramount to understanding the linguistic and ideological conflicts between the anglophone minority and the francophone government. Cameroon's linguistic landscape will be explored via the various spaces that English, French, Pidgin English, Camfranglais and, to a minor degree, indigenous African languages occupy in its sociolinguistic composition. The methodological design is quantitative in nature, involving collecting more than 600 linguistic tokens (digital photos) in various public places mainly in and around the Cameroonian capital of Yaoundé. It will be demonstrated that the deployment of languages on signs and linguistic tokens, apart from serving informative and symbolic functions for the audiences or passers-by they target, also has social and political implications in an ethnically heterogeneous and linguistically hybrid society such as Cameroon. Whereas in some other former British colonies there are indications that the public space is being symbolically constructed in order to preserve some of Africa's indigenous languages (e.g. in Botswana, Rwanda, Tanzania), in Cameroon the linguistic landscape almost exclusively focuses on the dominant status and role of one single language, i.e. French, and to a lesser extent English, whose speakers therefore feel marginalized and oppressed by the French government.

Keywords: *Anglophone problem, Cameroon, ideology, language policy, linguistic landscape, public space*

For citation:

Pütz, Martin. 2020. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 294—324. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324

Отражение языковой политики и идеологии в языковом ландшафте Камеруна

Мартин Пютц

Университет Кобленц-Ландау

Ландау, Германия

Аннотация

Статья посвящена изучению языкового ландшафта в африканском государстве Камерун с особым вниманием на его столицу — город Яунде. Языковой ландшафт — относительно недавняя область исследований, и ее можно в широком плане определить как визуальное представление языка в публичном пространстве. В статье показано, что языковой ландшафт может служить отражением языковой иерархии и идеологии, а также актов сопротивления в многоязычных и многокультурных сообществах. Проведено исследование социолингвистической ситуации в Камеруне, которая имеет первостепенное значение для понимания языковых и идеологических конфликтов между англоязычным меньшинством и франкоязычным правительством. Изучение языкового ландшафта Камеруна проведено с учетом социолингвистического состава изучаемого языкового пространства, которое представляют английский язык, французский язык, английский пиджин, так называемый Камфранглиш — смесь камерунских вариантов французского и английского языков и пиджина — и, в незначительной степени, коренные африканские языки. Материалом исследования послужили более 600 запечатленных на фотографиях языковых примеров, собранных в различных общественных местах, главным образом в городе Яунде и его окрестностях, которые были проанализированы с применением количественного анализа. В статье показано, что в этнически неоднородном и лингвистически гибридном обществе, каким является Камерун, языки, используемые на знаках и разного рода надписях, помимо выполнения информационных и символических функций, также имеет социальное и политическое значение. Если, как свидетельствуют факты, в некоторых других бывших британских колониях, например, в Ботсване, Руанде, Танзании, общественное пространство символически создается с целью сохранения некоторых языков коренных народов Африки, то в Камеруне языковой ландшафт ориентирован почти исключительно на доминирующий по статусу и роли французский язык и, в меньшей степени, на английский язык, носители которого чувствуют себя маргинализированными и угнетенными французским правительством.

Ключевые слова: *проблема англофонии, Камерун, идеология, языковая политика, языковой ландшафт, общественное пространство*

Для цитирования:

Pütz, Martin. 2020. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 294—324. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324

Introduction

This paper presents the results of a piece of research on the multilingual repertoire displayed and exploited in the linguistic landscape (LL) of the Central/Western African state of Cameroon. It is intended to be a contribution to the rapidly growing field of research into Linguistic Landscapes, an emergent branch of macro-sociolinguistics and semiotics, which is generally perceived as the

study of the visible (even multimodal) representation of multiple languages and images in a globalized urban environment. LL tokens in principle can be found in all quarters of the world where people (actors/authors) leave or have created visible and multimodal signs which communicate meanings and intentions in various ways, i.e. signposts; photographs and videos; billboards; public road and safety signs; slogans and commercials; lighting and printed materials; names of buildings, streets, shops and areas of major tourist attractions; instructions and warning notices and prohibitions; graffiti; tattoos; and signs in cyber space, etc.; the list is endless — in essence, such signs are “live” documentations and reflections of the physical environment of the late-modern, urbanized space. To put it in a nutshell: this paper is concerned with the simple and straightforward research question as to “*where* (my emphasis) language is located in the public space” (Mooney and Evans 2019: 86).

To date in the field, there have been disproportionately few investigations into LL in African states. Specifically, sub-Saharan Africa is a substantial and heterogeneous part of a continent with conflicting and antagonistic policies and multifaceted landscapes in urban places. Most LL studies on African spaces deal with acts of resistance, periods of crises or so-called linguistic *warscapes* (McLaughlin 2015). Today, issues of language policy and the ideological significance of public signage with reference to the globalization of English (or any other global language such as French, Spanish, Arabic, etc.) is a theme which has attracted LL researchers focusing on multilingual and multimodal signage in, for example, African cities and even rural areas (Banda & Jimaima 2015).

There are hardly any LL studies on Cameroon (a few will be discussed in section 3). The country is a linguistic melting pot and comprises over 283 national/indigenous languages (Eberhard, Simons & Fenning 2019). As a result of colonization, French and English are the official languages of Cameroon. A policy of official bilingualism is enshrined in the state Constitution, very much to the detriment of indigenous languages. Despite the official equality of French and English, however, the French language has far more visibility in public space than English. This is an unequal situation which will be investigated by considering the multilingual LL and the ideologies that signs communicate in various public spaces of the city of Yaoundé (2.5 million population).

Due to the “Anglophone problem” (sometimes known as Ambazonia War), the socio-political situation in the country as of December 2019 is in serious turmoil. For more than three years (since October 2016), protests and strikes have escalated into a crisis over the economic, cultural and political marginalization of Cameroon’s anglophone minority. In this period, the two anglophone regions (Southern Cameroons: North-West and South-West regions, see Fig. 1) have experienced general strikes, school boycotts and violence (for more on the Anglophone problem, see section 2.2). In this vein, the public space in streets and social institutions is not neutral territory, but is instead a negotiated and contested arena.

Fig. 1. The two Anglophone regions of North-West and South-West Cameroon (Southern Cameroons)

The paper is divided into four major parts. After a brief overview of the research paradigm of Linguistic Landscapes with occasional references to the Cameroonian situation (section 1), I will provide a socio-historical and ideological survey of Cameroon focusing on the colonial and postcolonial period with particular reference to language policy issues in Cameroon (section 2). The so-called “Anglophone problem” is evident in relation to linguistic and cultural issues and unfortunately as part of a tremendous ideological conflict which has characterized the political landscape of Cameroon up until the present day. The present case study will be introduced by a general discussion on LLs as researched in parts of Africa and a brief survey of earlier LL studies on Cameroon (section 3). Thereafter, an analysis will be presented of LLs in Cameroon and its capital Yaoundé (and in some parts of anglophone Limbe and francophone Douala). The monolingual and bilingual signage in the country will be discussed with reference to the status and role of languages/varieties, language policy and ideology.¹ (section 4). Section 5, finally, contains a brief summary of the results and provides a research outlook.

1. Linguistic landscapes, multimodality and discourses of place

This study explores the manifestations and thematization of multilingual signage in the LL of the state of Cameroon. This involves identifying, collecting and interpreting the linguistic objects and tokens displayed and exploited in public places of the environment with a focus on the capital city of Yaoundé. Due to lack

¹ A work-in-progress report has been presented to an international audience of the *World Congress of African Linguistics* (WOCAL9 in Rabat, August 25—28, 2018), as well as the *West-African Languages Congress* (WALC31 in Abidjan, August 12—15, 2019). Participants at these conferences have been generous with their ideas; likewise my students at ENS (Ecole Normale Supérieure, Université de Yaoundé I) and at Koblenz-Landau University have contributed with their feedback to the present paper.

of space, the paper will not discuss the whole array of key terms and theoretical concepts prevalent in LL studies,² but instead concentrates on multilingual signage in the state of Cameroon.

The aim of the study is to show that LL can provide valuable insights into the socio-historical, ideological and multilingual situation of Cameroon, including common patterns of language usage and official language policies. Specifically, power relations between different linguistic groups will be taken into account, an ideological issue which has led to enormous political conflict in Cameroon, especially during the past few years (see “Anglophone problem” in section 2.2.). Here, the LL acts as a “showcase to society” which, according to Schmitt (2018: 16), may reflect “social, political, economic, historical, linguistic, ethnic and religious movements of a society.” Thus, through studying the LL of a community or neighborhood, researchers observe and identify the obvious ideologically and politically prevailing language(s), but can also locate indigenous or minority language presence in an area, as will be shown later in the paper in the case of Chinese (as well as Camfranglais and Pidgin English) in Cameroon.

1.1. Definition of linguistic landscape

The research area of LL studies is a relatively new and rapidly growing field of study. It was first mentioned in a seminal paper by Landry and Bourhis (1997) who discussed notions of ethnolinguistic vitality and attitudes toward language(s) in Quebec, Canada. LL is considered a new approach to multilingualism and sociolinguistics (in conjunction with anthropology, sociology, media studies, cultural geography, history, etc.) which emerged due to an increasing interest in linguistic diversity, language ecology and the era of internationalization and worldwide integration where people, languages and spaces interact in creating a global, but also local, environment in public places. Due to the fact that the LL is often studied in urban, multilingual areas, some scholars suggest that the terms “linguistic cityscape” or “multilingual cityscape” (Coulmas 2009: 14) would be more appropriate. In this vein, Pennycook and Otsuji (2015: 3) use the term “metrolinguism” in their attempt to understand linguistic resources in relation to the city, i.e. “to show how *everyday multilingualism* operates in markets, cafés, streets, shops and other social city spaces.” Generally, linguistic commodification in tourism (Heller et al. 2014) also can be held accountable for such social spaces in society.³

² Here the reader is referred to Pütz and Mundt (2019b) who provide a comprehensive account of key terms and a discussion of LL studies published during the past 20 years (for an overview of themes, debates and future directions of LL, see Shohamy 2019 in the same volume).

³ In terms of *commodification*, the *Russian Journal of Linguistics* (2017) is devoted to the topic of Linguistic Landscapes with a focus on “Language commodification of Russian”. The contributions to this special issue consider commodification of the Russian language in different countries around the world. In this vein, viewed from an economic perspective, the LL-articles draw attention to motivations behind attempts to turn Russian into a ‘valuable’ communicative resource.

The most frequently quoted definition in modern LL studies is the one provided by the Canadian scholars Landry and Bourhis (1997: 23) who refer to Linguistic Landscape as “the visibility and salience of languages on public and commercial signs.” And further (1997: 25):

The language of public road signs, advertising billboards, street names, place names, commercial shop signs, and public signs on government buildings combines to form the linguistic landscape of a given territory, region, or urban agglomeration.

Certainly, signs in public space have been studied long before Landry and Bourhis’ study (see Spolsky 2009, for a review). However, it was this piece of research (ethnolinguistic vitality in Quebec) that not only coined and defined the term, linguistic landscape, but brought about a renewed interest in the field for many years to come.

From a typological perspective, Landry and Bourhis (1997) furthermore divide signs in the LL into government signs and private signs, which were later conceptualized in terms of top-down and bottom-up approaches. Government signs (top-down) are linguistic tokens which are commissioned by the state or local government bodies and are professionally produced (e.g. road signs, public institutions, announcements, etc.). Private signs (bottom-up), on the other hand, include commercial and advertising signs and are often created by individual people; examples include shop signs or private business signs. Throughout LL studies, there is general agreement that language use in the LL falls into one of the two categories, i.e. *top-down* or *bottom-up* strategies, as summarized in Table 1 (Ben-Rafael et al. 2006: 14):

Table 1

Top-down and bottom-up categories and types of items (Ben-Rafael et al. 2006: 14)

<i>Category</i>	<i>Type of item</i>
Top-down	1. Public institutions: religious, governmental, municipal-cultural and educational, medical
	2. Public signs of general interest
	3. Public announcements
	4. Signs of street names
Bottom-up	1. Shop signs: e.g. clothing, food, jewelry
	2. Private business signs: offices, factories, agencies
	3. Private announcements: ‘wanted’ ads, sale or rentals of flats or cars

Since it is not always easy and straightforward where to draw a line between top-down and bottom-up, Greene and Williams (nd.) prefer to think of it more as a cline or a continuum whose orientation points may shift in different contexts or domains, with varying degrees of how ‘official’ (top-down) and ‘unofficial’ (bottom-up) language usage may turn out to be (see Fig. 2).

According to Greene and Williams, this allows us to include things that are more complex to define, such as T-shirts, as LL items (see Fig. 3). These are

designed and manufactured by a company, but the individual expresses a personal choice by wearing them. Certainly, the printed T-shirt remains a prominent form of communication in our contemporary LL, but there is hardly any research that has examined the linguistics or semiotics of this unique mode of communication (a notable exception is Caldwell 2017). Their appearance in the urban landscape has both top-down and bottom-up influences, as can be seen by way of the following LL items taken in a street (left) and in a shop (right) in Yaoundé. Reh (2004: 3) refers to LL items such as T-shirts, newspapers or books as *movable* in terms of the spatial mobility of the objects inscribed, i.e. to what extent these are physically fixed.

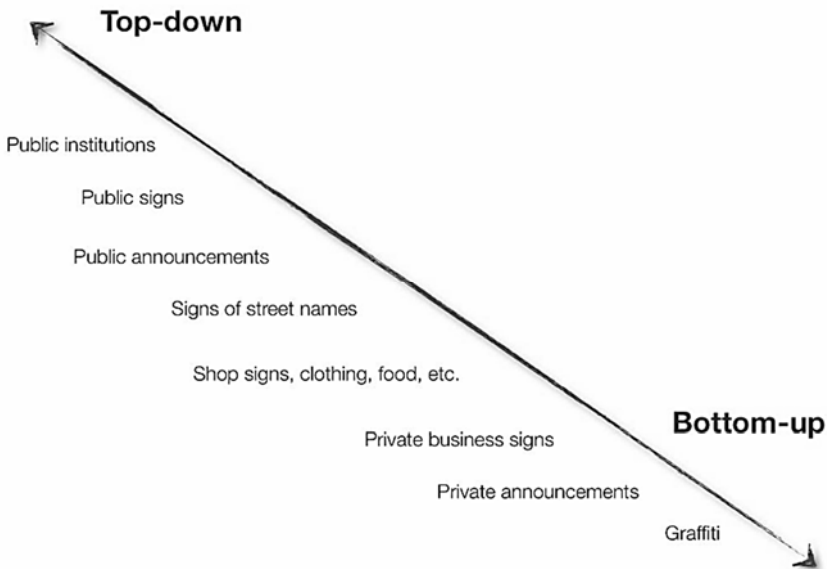

Fig. 2. Continuum of top-down and bottom-up signage categories (Greene & Williams nd.)

Fig. 3. T-shirts illustrating top-down (company) and bottom-up (personal choice) categories

We will later on see how private signs (as opposed to official ones) indeed display more freedom in choosing linguistic tokens as part of the LL in Cameroon.

1.2. Informative and symbolic functions of the linguistic landscape

In their article, Landry and Bourhis (1997) make reference to two essential properties of the LL design, namely the presence of “informational and symbolic functions as a marker of the relative power and status of the linguistic communities inhabiting the territory” (1997: 23). The *informational* function of the sign is the basic message it conveys and thus uses language as a means of communication. It is primarily associated with top-down signage on, for example, administrative buildings or educational institutions, which may indicate the borders of the territory of linguistic groups. In this vein, the status, use and LL display of Cameroon’s two official ex-European languages, French and English, is regionally distributed across the country and representative of the current political situation. Accordingly, the visibility of a language on publicly displayed signage is vital for its perceived ethnolinguistic vitality and ideological significance.

The *symbolic* function, on the other hand, appeals to the emblematic significance of the language(s)/varieties concerned. It refers to the value and status of the languages as perceived by the members of a language group in comparison to other languages in the vicinity. Principally, the symbolic function of LL has important repercussions for endangered languages, minority languages and multilingual illiterate societies, as is found, for example, in the case of Cameroon. LLs reveal deeper symbolic meanings which can point to language policy, language imperialism, marginalization, discrimination and even linguistic genocide (Phillipson 2012). It is also important to note that whatever language is most dominant in the LL automatically motivates a message that that language has strength, power, status, significance and vitality in the area. In contrast, languages that have little or no presence in an area are devalued and marginalized, and are seen as having little use in public affairs (Dagenais et al. 2009).

Setting aside the overwhelming status of French in a large number of societal domains, English in the Cameroonian LL is both informational and symbolic: while retaining its role as a medium of modernity, globalization and internationalization (symbolic function), it is used to provide different kinds of information, to tourists and also to locals, all of whom can speak English to a certain degree of proficiency (informational function).

1.3. Multimodality: semiotic and geosemiotic landscapes

Landry and Bourhis’ definition has certainly become established as standard by many researchers and LL authors. However, as the field grows, more questions are raised about what constitutes or defines a sign, the languages in which they are written, who produced them (sign instigators/designers), to whom they are directed (sign viewers/recipients) and how signs are displayed and interpreted by the audience. In addition, more recent research attempts to define and understand more aspects of the LL by making reference not only to language(s), texts and words, but also to images/photos, etc., thus suggesting a multimodal approach to LL analysis (Shohamy & Gorter 2009: 1):

It is the attention to language in the environment, words and images displayed and exposed in public spaces, that is the center of attention in this rapidly growing area, referred to as linguistic landscape (LL)... It posits that LL is a broader concept than documentation of signs; it incorporates multimodal theories to include also sounds, images and graffiti.

Jaworski and Thurlow (2010) suggest a semiotic perspective to emphasize the way in which written discourse interacts with other discursive modalities like “visual images, nonverbal communication, architecture and the built environment” (2010: 2). Similarly, Barni and Bagna (2010) refer to a “critical turn” in LL, proposing that linguistic signs/tokens are to be seen as situated in sociocultural and historical space, thereby giving LL actors (both instigators and recipients) a more significant and active role in LL analysis and interpretation. Consequently, the LL locates meaning not just in language but in the richness, complexity and dynamics of the experienced world, about how we emplace language in concrete physical instances. By the same token, Scollon and Scollon (2003) put forward the notion of “geosemiotics” or “discourses in place” to do justice to the key interface between semiotics and the material universe, in other words the ways we analyze and interpret language as it is materially placed in the social and physical world that surrounds us (Scollon & Scollon 2003: 19):

Geosemiotics considers ‘non-semiotic’ spaces where signs are prohibited as well as semiotic spaces which facilitate pictures, discourses, or actions... we all live our lives here on the earth and the central thesis of geosemiotics is that exactly *where* [my emphasis] on earth an action takes place is an important part of its meaning. It should not be surprising, then, that the ‘natural’ world is a central aspect of geosemiotics.

In other words, where a sign is placed tells us something about its underlying meaning and the possible intentions of the sign instigators. This geosemiotic account of the LL is also more in line with a view toward “expanding the linguistic landscape” (Pütz & Mundt 2019a) by assuming a perspective on semiotic signage and multimodality whereby images, photos, sounds (soundscapes), nonverbal communication and movements, music, smells (smellscapes), graffiti, clothes and online communication can all be subsumed under one single multimodal umbrella. These semiotic tokens describe communication practices in terms of the “textual, aural, linguistic, spatial and visual resources — or modes — used to compose meaningful messages” (Pütz & Mundt 2019b: 5). To put it in a nutshell: all linguistic and semiotic landscapes can be seen to create and generate meaning.

2. A socio-historical and politico-ideological survey of Cameroon

The following brief account of the historical development and political evolution of Cameroon is mainly based on Echu (2003). During the past 550 years, Cameroon has witnessed quite a large number of different invasions and annexations by European powers and imperial administrations. The Portuguese

were the first Europeans to arrive in Cameroon and to enter the coastal waters of Cameroon in the early 1470s. Thereafter, like most African territories, Cameroon was invaded and exploited by a number of foreign European powers, e.g. first by the imperial German government when Cameroon became a German protectorate from 1884—1916 with a capital first at Buea and then at Yaoundé. Generally, the acquisition of African territories by European powers was internationally recognized at the Berlin Conference (also named Congo Conference) of 1884/85. With the defeat of Germany in 1916 during the First World War, Cameroon was divided between Britain and France, and administered under the League of Nations mandate. In 1960, French Cameroon gained independence from France and in 1961, the formerly British Southern Cameroons followed suit and joined with French Cameroon to form the Federal Republic of Cameroon, a date which is now observed as Unification Day, a public holiday. On May 20, 1972, a unitary State made up of seven provinces was created. Later in 1984, the number of provinces was increased to ten administrative regions through a Presidential decree, two of which are English-speaking (20%) and eight French-speaking (80%).

2.1. Language policy in Cameroon

The Constitution stated that French and English were supposed to be the official languages in Cameroon (1972/1996 Constitution; section I.1.3):

The official languages of the Republic of Cameroon shall be English and French, both languages having the same status. The State shall guarantee the promotion of bilingualism throughout the country. It shall endeavour to protect and promote national languages.

The 1996 Constitution of Cameroon proclaims French and English as the two official languages and, as far as indigenous (or national) languages are concerned, the Constitution only states that they will be “promoted” and “protected.” But, in effect, indigenous African languages are marginalized to a large degree. Since its independence in 1960/61, Cameroon has adopted and adhered to an exoglossic language policy, i.e. none of its 283 indigenous languages plays a role in vital domains of official language use at the national level such as education, administration and politics. Instead, Cameroon has installed the imported languages of its former colonial masters, French and English, as official languages. In other words, this official exoglossic bilingualism is the outcome of Cameroon’s colonial past (Kießling 2005).

Regarding the implementation of the policy of official language bilingualism, there is a clear imbalance in the use of the two languages as French continues to be the dominant means of communication while English is relegated to second place within the State. The frustration that arises within the anglophone community has led in recent years to the birth of anglophone nationalism, a situation that seems to be widening the gap between the two main communities of the society (anglophones and francophones), thereby compromising national unity (Echu

2003: 31). Even when we compare the administrative provisions in terms of French and English LL emplacement, the policy prescribes that both languages are supposed to be balanced:

Posters, billboards, signs and notices of services or property of the State and the use of these shall be in both official languages on the same medium or on two separate media placed side by side so that the text in each language should be visible, apparent and available (Constitution of the United Republic of August 26, 1972 orders).

While the two official languages of colonial heritage dominate public life in the areas of education, administration, politics, mass media, publicity and literature, both the indigenous languages and the lingua franca Cameroon Pidgin English (CPE; likewise Camfranglais) are relegated to the background. As will be shown by illustration of the LL in Cameroon, there is a clear preponderance of the French language in comparison to English.

2.2. The Anglophone problem

17 years ago, Eko (2003) traced the role of the Cameroonian English-language press in creating awareness of the “Anglophone problem,” and putting it on the Cameroonian and international political agenda. The anglophone community has, through its representatives, academics and media (foremost newspapers and radio programs), given an indication that it considers itself a marginalized minority of second-class citizens in the country of Cameroon. As Eko (2003: 79) points out, some of the more radical anglophone political activists consider Southern Cameroons, the English-speaking region of Cameroon, to have been recolonized by the French-speaking “République du Cameroun.” Anglophones have long complained that their language and culture are marginalized. There is a widespread feeling in the anglophone region that reunification with francophone Cameroon in 1961 has led to a growing downgrading of the anglophone minority, endangering its cultural heritage and identity. Gradually, this created an anglophone consciousness: the feeling of being “marginalized,” “exploited” and “assimilated” by the francophone-dominated state. Sadly enough, the situation culminated in October 2016 when anglophone teachers and lawyers took to the streets and protested against the French oppression. In response, the military arrested anglophone leaders (so-called separatists), blocked the internet for three months and installed a curfew in a series of repressive measures that became deadly when quite a number of people were killed during massive demonstrations. In 2017, the Cameroon Anglophone Civil Society began Operation Ghost Town, a call for the shutdown of schools in the English-speaking South-West and North-West provinces. According to the UN, the fighting has forced an estimated 20,000 Cameroonians to flee to neighboring Nigeria. In other words, Cameroon, a country previously known as politically stable, has been facing violence and serious human rights abuses from the days of colonization up until the present day.

The following emplacements in English only (Fig. 4), photographed in the South-Western town of Buea, illustrate the linguistic and cultural conflict that has recently arisen between the anglophone separatists and the French government.

Fig. 4. English emplacements in Buea illustrating the Anglophone problem

3. Linguistic landscapes of Africa and earlier LL studies on Cameroon

Generally, research on Africa has largely been underrepresented in LL studies (especially compared to Europe and Asia). Most studies on sub-Saharan African

spaces deal with acts of resistance and periods of crises when it comes to language policy, ideology, power constellations and the (in)visibility of minority or local (autochthonous) languages (e.g. Blackwood et al. 2016; Juffermans 2015; McLaughlin 2015; Rubdy & Ben Said 2015; Woldemariam & Lanza 2012). Also, LL studies carried out in the state of Cameroon are very rare. In their article on “Linguistic inequality in Cameroon,” Nkamta & Ngwenya (2017) deplore the fact that indigenous languages in the city of Douala are marginalized to a large extent, something which is most evident in the field of advertising as part of the overall landscape. Leaving out indigenous African languages in advertising and commercialization, among other things, denies many Cameroonians access to information and knowledge in their vernaculars, along with opportunities to participate in higher-level, formal discourses of advertising. While advertising is certainly an area where African languages have more or less been ignored to the advantage of the two official languages, French and English, it is yet another vernacular or lingua franca, i.e. Cameroonian Pidgin English (CPE or Kamtok), which calls for the recognition as an official language.

A further study (Abongdia & Foncha 2017) explores the linguistic tokens of the University of Yaoundé,⁴ in and outside of the main building, and shows how the language ideology and political regulations of an institution are reflected in its landscape (placards, signs, billboards, noticeboards, posters etc.). The paper also argues that there is a mismatch between the policy put in place and actual practice. The LL of an institution or community should be an actual representation of the people’s language practices and consequently should coincide with the language policy put in place (which, according to their research, however, does not hold true for the University of Yaoundé). Finally, Makoudjou & Mekamgoum’s (2019) paper also explores and describes the LL of Yaoundé, namely the inscriptions of ten neighborhoods where more than 800 photos were collected. The authors found out that although government signs are mostly bilingual as stipulated by legal texts, French seems to be more prominent than English. Hybrid dialects like Pidgin English and Camfranglais, some Asian and other European languages are likewise present in the community. Local languages appear very scarcely and, if so, only in the domain of *food*.

4. Linguistic diversity and cityscapes of Cameroon: An LL analysis

The discussion will now turn to a brief outline of the methodology and data collection procedure before focusing on the extent to which the various linguistic tokens (billboards, posters, etc.) reflect the government’s alleged balance between French and English in Cameroon’s capital, Yaoundé. As well as discussing the ex-colonial languages (English, French) and their roles and statuses in the cityscapes (Coulmas 2009) of the country, reference will also be made to some of the linguistic

⁴ In 1993, following a university reform, the country’s oldest university, the University of Yaoundé, split into two separate entities: the University of Yaoundé I and the University of Yaoundé II. Our main concern will be with the former institution, i.e. the University of Yaoundé I.

signs and tokens which relate to Cameroon’s overall sociolinguistic profile (Cameroon Pidgin English, Camfranglais, local and minority languages).

4.1. Methodology, data collection and sociolinguistic profile

Approximately 600 digital photos were taken in and around the capital of Yaoundé in public and private spaces: signs issued by public authorities (government, municipalities, public agencies, schools, universities, etc.) on the one hand, and on the other hand, signs issued by individuals, associations or firms acting more or less autonomously within the limits authorized by official regulations (shops, private companies, department stores, etc.). The focus was clearly on tokens which illustrate the discrepancy between language policy (*de jure status*) as implemented by the Cameroonian government (co-official French and English bilingualism) and the *de facto* status which, however, reveals a clear preponderance of French signs, thereby aggravating the Anglophone problem (cf. section 2.2.).

The analytical tool for the analysis of linguistic tokens involved a number of coding categories which, for example, show how the languages/varieties appear on the signs, the location of the signs, the font size, the number of languages used on each sign, the order of languages on bilingual or multilingual signs, codeswitched or codemixed items, the presence of proper names, aspects of translation and the amount of information given (morphology, syntax, semantics, pragmatics), etc.

The main survey was carried out in 2016 (additionally, several related research trips to Cameroon were made between 2012 and 2016) and was conducted in six different regional districts of Yaoundé: (i) the administrative center (headquarters of government institutions), (ii) la Cité Verte (residential area), (iii) Mokolo (busy industrial quarter and the great market *Marché Mokolo*), (iv) Melen (touristic area, hotels), (v) Bastos (foreign embassies and expatriate communities) and (vi) la Briqueterie, or *La Brique* as it is called by its inhabitants (Arabic/Muslim quarter). See map in Fig. 5.

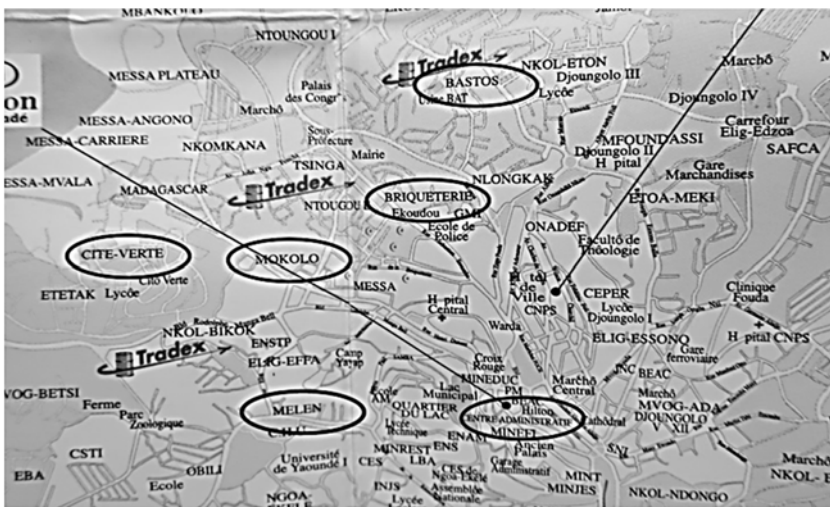

Fig. 5. Map of regional districts of the city of Yaoundé

The following pie chart (Fig. 6) by Mundt (work-in-progress report) provides an overview of the frequency of languages on signage in Yaoundé. The overall number of signs located in Yaoundé amounted to 2,142 tokens.

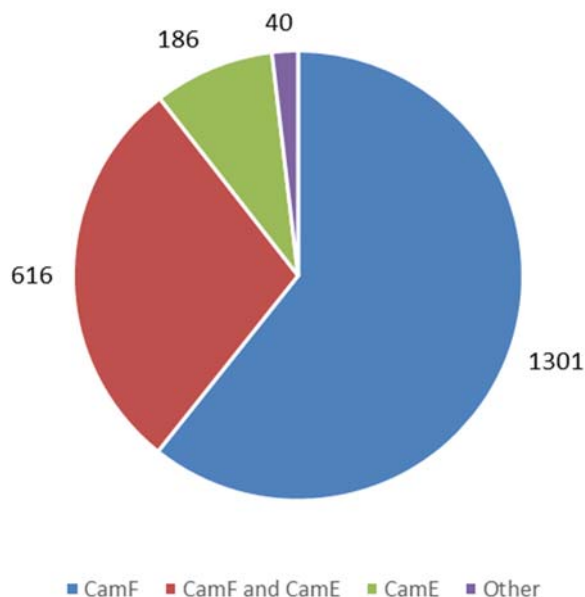

Fig. 6. Frequency of languages in the LL of Yaoundé
(source: Mundt, N. work-in-progress report: preliminary results)

Naturally, CamFrench holds a dominant position (1,301 tokens = 60.7%) followed by CamFrench/CamEnglish bilingual signs (616 tokens = 28.7%), CamEnglish (186 tokens = 8.7%) and Other (40 tokens = 1.9%), with the latter including a very low amount of signage in local/African languages (7 tokens only = 0.3%). In other words, the distribution of languages in Yaoundé including the dominant status of French is reflected in the LL of the capital and generally of Cameroon.

As regards representativity concerning the present study, the amount of 600+ photos is perhaps not sufficient to adequately illustrate the overall linguistic landscape of the city of Yaoundé (2.5 million population). However, the percentages certainly provide clear tendencies of the distribution of languages in different domains such as institutions, enterprises, advertising, education, etc.

Certainly, one would assume that due to the symbolic power of the English language the Anglo-community would rather use English on linguistic tokens as part of its struggle for linguo-cultural equality. However, such signs in Yaoundé are rare (8.7%) given the dominance and imposition of the French government and the respective reluctance of the anglophone community to demonstrate their linguistic/cultural identity (even in bottom-up signage) for fear of repercussions from the military regime.

4.2. The ex-colonial languages English and French in Cameroon and the fate of indigenous languages

As mentioned above, the two official languages, English and French, joined the Cameroonian scene in 1916 when Britain and France took over Cameroon from the Germans (1886—1916). The new colonial masters then sought to impose their languages in the newly acquired territory both in the areas of education and administration. This led to the implantation of the two languages during the colonial era; a situation that was reinforced after Cameroon became independent (1960/61). At reunification in 1961, English and French became the two official languages of Cameroon as the country opted for a policy of official language bilingualism (Echu 2003).

Principally, after independence many African states granted a European language the status of an exclusive language. In most parts of Africa, the official languages have remained those of the former colonial masters, and governments have either persistently failed in attempts to revert to indigenous or national languages or have hardly thought about such initiatives. Ndille (2016: 17) rightly poses the following questions in this regard:

How did it all start, why is it that despite the multiplicity of languages in Africa, most countries ended up adopting the European language of their colonial master as official language and language of school instruction? Why is it that no indigenous language emerged even though the general tendency and cry for indigenization has been rife since independence?

This long-standing debate, which can also be phrased “Discrimination through Language in Africa?” (Pütz 1995) has been going on for decades in the continent and elsewhere. The solutions to the problem are highly complex in nature and cannot be sufficiently answered here. The dominant role of European languages as a colonial inheritance in Africa has led to linguistic inequality and serious conflict situations in sub-Saharan states. The discussion about the fate and inferior status of indigenous languages in African states reflects a high amount of language conflict, which cannot be properly understood if it is not seen in the wider context of some major philosophical and ideological currents that have been predominant in Western societies since the eighteenth century. In spite of many changes and adaptations, the two dominant cultural models, i.e., the rationalist and romantic models, are still as vigorous as ever before. Whereas the rationalist model stresses national or even global monolingualism so that every citizen can participate in the new values of Enlightenment, the romantic model stresses the identification of language and culture, and consequently sees language as a means of local, i.e. ethnic, self-expression and self-identification (Pütz & Dirven 2007).

Today we are forced to admit that (almost) all African countries are linguistically dependent on Western Europe from which they declare themselves to be politically independent. This type of linguistic inequality has been partly caused by globalization processes and the dominant and superior status and role of ex-

European languages during and after the state of colonization. Ugwu (2019) even goes so far as to say that “Africa is on the verge of a linguistic genocide.” In her paper, she exposes the conditions of African indigenous languages and the need for actions to be taken to avert linguistic genocide in the continent.

Generally speaking, during the colonial period, language policy as exercised by the Germans (1884—1916), the British and the French (1916—1960/1961) in Cameroon tended to promote the languages of the colonizers to the detriment of local languages. The latter suffered severe linguistic persecution (especially by the French administration), as the various colonial administrators sought to eradicate them from the school system and generally from education.⁵ Regrettably, even today, indigenous languages are not finding their ways into the public school syllabus, let alone tolerated in official circles. As the LL analysis will show, this exoglossic bilingual set-up also characterizes Cameroon’s LL in the sense that the great majority of signage is reflective of the ubiquity of French and, to a lesser extent, English, both in the administrative as well as the private sector.

4.3. LL in Cameroun: Bilingual education at the University of Yaoundé

The University of Yaoundé I is the oldest state-owned university. It uses both French and English as media of instruction, but a substantial 80% of lectures are delivered in French and only 20% in English (Echu 2004: 26). It is important to state that the university functions with a tacit bilingual language policy. The language policy of the university appears to foster bilingualism in the form of bilingual texts, i.e. saying one thing twice (Reh 2004). It is evident from the present study that most of the billboards around the Yaoundé campus and inside the university are in French, but the few that are bilingual place French in a dominant position, as can be seen in Fig. 7. French clearly dominates the signboard both in terms of color (red; not visible here) and font, as can be seen in the left-hand part of the sign.

Fig. 7. University of Yaoundé (French dominance)

⁵ Overall, Phillipson (2012) refers to the fact that French colonial education policy involved no use being made of local, indigenous languages, except to a limited extent in French Indo-China.

As you enter the university, however, the bilingual policy completely shifts toward a uniform design, i.e. to monolingual French. This is evident in the following placards, which are found in several corners inside the university building (see Fig. 8).

Fig. 8. Monolingual French inside the University of Yaoundé

Consequently, the LL reveals a mismatch between language policy and actual practices, and hence shows evidence of the dominant language ideologies, particularly those of the people in charge of the signage — administrators, sign-writers, lecturers etc. In other words, this brings out power relations and an asymmetrical balance where the interests of anglophone speakers are not seriously taken into account. Based on the above, although the national language policy of Cameroon as well as that of the University of Yaoundé promotes official bilingualism, the situation is typified by unequal relations of power, as those in subordinate positions (English and speakers of indigenous languages) are obliged to use the language(s) of those in positions of power and authority.

Even though bilingual signs may be found in top-down signage, there is still a clear preference for French over English. This can be illustrated by way of the larger font size of the French text in bold (Universite de Yaounde I) and the (red) color (not visible here) in bold (Institut Universitaire de Technologie du Bois) as against those of English (Fig. 9).

From the perspective of a typology of multilingual writing, Reh (2004) proposes a model for describing and analyzing written texts in the LL of Uganda — she doesn't use the term "linguistic landscapes" though — such as spatial mobility of the object inscribed, visibility of multilingualism and foremost a specific type of arrangement of multilingual information, which she captures in terms of duplicating, fragmentary, overlapping and complementary information. Regarding visibility, Reh (2004: 5) makes a distinction between two main types of writing:

visible multilingualism and covert multilingualism, also referred to as multiple monolingualism.

Fig. 9. Signboard of Université de Yaoundé I / The University of Yaoundé I

Both types can be seen in Fig. 10 as illustrated by means of billboards to be found in anglophone vs. francophone Cameroon. Fig. 10, *a* shows a social ad (“Even with HIV, she is still a friend”) in front of the University of Buea and the exact translation into French (Fig. 10, *b*) in front of the University of Yaoundé (“Même séropositive, elle reste une amie”). This is said to be covert multilingualism since the two cities in Buea and Yaoundé are located around 320 km from each other. Objects are inscribed in a single language only and multilingualism arises from the fact that the text exists in other languages as well, though at some other place. Reh (2004: 5—6) observes:

The existence of covert multilingualism reflects the fact that an increasing number of texts has importance beyond just one linguistic community and that the majority of readers worldwide prefers reading texts in their most fluent — typically first language, even if they have knowledge of a second.

Fig. 10. Covert multilingualism: Billboards in Buea (*a*) and Yaoundé (*b*)

Visible multilingualism, on the other hand, is illustrated by means of the following signage (mostly in the health domain) in Fig. 11, which shows the two languages French and English horizontally next to each other on the same billboard. So here the reader encounters the writing on the same material unit and it can be read without changing one's spatial position. Interestingly enough, there is hardly any difference in terms of font, which means that exactly the same text is presented in more than one language. Reh (2004: 8) refers to such instances using the term “duplicating multilingual writing,” i.e. identical information is given in two different languages.

Fig. 11. Visible multilingualism (duplicating multilingual writing)

4.4. *Cameroon Pidgin English (Kamtok)*

Cameroon Pidgin English (CPE), a variety of West African Pidgin Englishes and a major lingua franca in Cameroon, is widely used not only in the anglophone regions (North-West and South-West provinces), but also in the francophone Littoral and West provinces. Presently, its influence is felt in several major towns and cities of the francophone areas such as Yaoundé and Douala. Thus, even in the francophone regions CPE has retained its strong position as a lingua franca from the early colonial days (Schneider 2007: 217). In short, CPE or Kamtok (from “Cameroon-talk”; for a discussion of the term, see Anchimbe 2013: 12) is not just a lingua franca of the English-speaking population, but a language that has a national dimension. In urban as well as rural areas, CPE is used in churches, in market places, in motor parks, in railway stations, on the streets, as well as in other informal situations. In fact, this “no man’s language” is very present in the daily socio-economic lives of the people, a role it began to play as far back as the German annexation period (Echu 2003). According to Kouega (2007: 17), it is spoken by around 2 million people and is becoming a mother tongue (creolized) in some urban communities.

Still, most studies of attitudinal research in Cameroon focus on the rejection of CPE in formal and even informal settings. CPE is officially not tolerated at all in

most educational institutions and government offices (Anchimbe 2013: 11). Moreover, the analysis of the LL in the English-speaking town of Buea shows that even on the university campus students are not permitted to converse in Pidgin. High priority is given to English as a means to communicate in the academic context whereas Pidgin is seen as a negative influence in the acquisition of Standard English. Signboards which can be found in political campaigns and on campuses such as of the University of Buea rigorously shun the use of Pidgin by the students for the reasons outlined above (see Fig. 12).

Fig. 12. Signboard shunning Pidgin English on the university campus of Buea

However, despite the negative attitudes associated with CPE, Anchimbe (2013: 12) cites scholars who are in favor of adopting CPE as the national language of the country due to being indigenous, widely understood and enjoying at least covert prestige in the country. The fact that a pidgin language entails some (covert) prestige, at least among the anglophone community mainly in the south-west and north-west, is shown by linguistic tokens implemented mainly in bottom-up (private) signage and especially in the realm of advertising and commercialization.

The following linguistic placard (Fig. 13) as a bottom-up category (private) was taken in front of a glass wall in the town of Buea (south-west Cameroon).

Fig. 13. Advertisement in Pidgin English, Buea

This is an advertisement in Pidgin English provided by the telephone company *Orange* which, however, is a French multinational telecommunications corporation. The wording “Orange don suga ma gari” literally refers to the idea that “Orange network has put sugar in my gari” (= type of food made from cassava, i.e. a very common and easily affordable food item); in other words, “Orange” has lightened his day or made him feel comfortable.

4.5. Camfranglais: A “created” language

Interestingly enough, a few signs in the vicinity of Yaoundé, especially private ones (bottom-up) occasionally show monolingual inscriptions in some of the minority languages such as Chinese and Arabic as well as the two vehicular languages in the country, i.e. Pidgin English (as seen above) and Camfranglais, which Kouega (2007: 20) refers to as a “created language.” The latter, also called *Francanglais* (Fonkoua 2015: 12),⁶ is most popular in the high-density urban centers (like Yaoundé and Douala) where anglophones and francophones meet on a daily basis to interact with each other. Camfranglais is a vernacular of Cameroon consisting of a mixture of Cameroon French, Cameroon English and Cameroon Pidgin English in addition to lexical contributions from various indigenous languages of Cameroon.

The vernacular first emerged in the mid-1970s after the reunification of francophone Cameroun and anglophone Southern Cameroons. Kießling (2005: 87) refers to Camfranglais as a “a highly hybrid sociolect of the urban youth type in Cameroon’s big cities Yaoundé and Douala, (which) serves its adolescent speakers as an icon of ‘resistance identity’.” Consequently, the variety is predominantly used by youth between the ages of 12 and 26 (Stein-Kanjora 2016: 261). Moreover, although the number of female speakers is growing, the language is mainly used and developed by males, which is at least partially due to active exclusion of women by male speakers. Also, Camfranglais is considered a “secret” language, mainly used by speakers as a way to hide their conversations, or in order to appear mysterious to others. As such, it has grown rapidly within the Cameroonian secondary school system, where students use it to communicate without being understood by outsiders (Kießling 2005).

According to Simo Bobda & Fasse Mbouya (2005), Cameroon does have cases of mixture of English and French, resulting in what is generally referred to as Franglais. In addition to these phenomena, Camfranglais has developed in Cameroon resulting from a mixture, not only of English and French, but also of Pidgin English and various local languages. The commercial billboard in Fig. 14 shows the famous Cameroonian football player Samuel Eto’o who, together with MTN (Mobile Telephone Networks), draws attention to the company by addressing the audience (or passers-by) directly. The matrix language in “switcher sur le

⁶ Fonkoua (2015) provides a recent, updated account of the vocabulary or stock of words of Camfranglais using a lexicographic as well as an ethnographic approach to data collection by presenting a complete alphabetical lexicon of Camfranglais including its underlying etymologies.

réseau” is French, which includes an English root (*switch*) attached to a French morpheme *-ez* (2nd person plural) meaning “switch on the internet”. This type of code-mixing is characteristic of Camfranglais and generally of languages in contact in Cameroon; the typical speaker daily switches between three and more codes, not necessarily within one and the same word, but rather from utterance to utterance (inter-sentential switching) or speech event to speech event.

Fig. 14. Billboard showing code-mixing in Camfranglais

4.6. Migrant languages: Chinese in Africa and Cameroon

With the introduction of Mandarin Chinese as a foreign language in secondary and high schools in Cameroon, Chinese also plays a prominent role in Africa’s LL. Makoni et al. (2012: 541) raise the question of the impact of Chinese on language policy in Africa and even hypothetically ask whether Chinese will be Africa’s next lingua franca in the future. Certainly, Chinese migration is strongly connected with Cameroon’s economy and its diplomatic relations with 48 African countries (Makoni et al. 2012: 541). With reference to Chinese, the perception of China as a superpower has motivated many Cameroonians to learn the language in order to be able to seize the opportunities that may become available to those who are fluent in Chinese. The example of Chinese suggests that the importance of a language, in our case, a migrant language, is directly linked to the economic and political influence of the country where it originated (Nana 2014: 34—35). It is especially so-called *Confucius Institutes* which are involved in the training of Chinese teachers and volunteers and which have been established through cooperation between individual universities (Makoni et al 2012: 539); likewise the Universities of Yaoundé II and Douala in Cameroon.

The following sign shows one of the numerous shops and department stores which are located at *Boulevard du Président Ahmadou Ahidjo* (Douala), named after the first President of Cameroon, who held office from 1960 until 1982. As Schmitt (2018) suggests, the meaning of foreign words as part of LLs may be completely irrelevant. Often the only point is to create the impression of

foreignness. Just like in the Western world or in the African continent, in our case Cameroon, it is a common experience to find Chinese characters in and around Chinese restaurants or shops (see Fig. 15), even though hardly any of the passers-by or potential customers will be able to decipher, let alone read and understand, them; the Chinese characters are merely meant to “index” Chinese culture or ways of living and to create a slightly more authentic atmosphere; in other words, they serve the idea of indexicality.

Fig. 15. Chinese shops at Boulevard du Président Ahmadou Ahidjo (Douala)

4.7. The invisibility of indigenous languages in the linguistic landscape

Finally, let's briefly discuss the status and role of the indigenous languages in Cameroon and see how lexical items find their way into the LL in urban and rural spaces. While quite a number of linguists deplore the current endangered state of indigenous languages in Africa, making global languages responsible for the fate of African languages (Ugwu 2019), some other researchers such as Mufwene (2016) criticize the endangered-languages movement on the grounds that language death is a natural part of the process of human cultural development and that languages die because communities stop speaking them for their own reasons.

Historically speaking, Kouega (2007) points out that during 40 years of French colonization (1920—1960) the indigenous languages of Cameroon were banned from use in the formal school context, and in over 40 more years of post-independence rule (1960—2000) the languages/varieties continued to be neglected. Accordingly, due to the alleged inferiority of their mother tongues, extremely negative attitudes on the part of their speakers, politicians and policy makers were created so that indigenous languages hardly ever found their way into the educational context or the curriculum. This negative outcome is certainly due to the fact that the two European languages, French and English, have this superordinate status in the country giving schoolchildren the opportunity to climb up the socio-economic ladder, find jobs in the public sector and become successful in life. In a country where official usage is reserved solely for official languages, indigenous

languages continue to be limited largely to oral usage, as well as to conversation in rural and family circles (Echu 2004).

Some local/African languages and lexical items of Pidgin English have found their way into Cameroonian English, as is evident from a study by Makoudjou (2018). This mixture of languages is due to language contact between Cameroonian English and local languages through processes of lexical borrowing. In this vein, Makoudjou shows how national identity is built and expressed through English in Cameroon. Generally, English has become increasingly localized in many parts of the world, a process which Sharifian (2017: 85) terms “global localization” or simply “glocalisation” of the language(s) involved. Makoudjou shows that Cameroonian English occasionally borrows words from local languages; such words refer mainly to culinary art (e.g. *ndolé*, *achu* and *eru*) and clothing (e.g. Samara, Sandja and Bubu), but also to musical instruments (e.g. *mvet*), folk music (e.g. Makossa) and sacred dances (e.g. Lam = a dance of women performed by young girls who are about to be married), honorific titles (e.g. Tchinda = Counselor of the king) and some sociocultural practices (e.g. Ashia used to express sympathy, generally used to say “I’m sorry” or “what a pity”). Regrettably, the author does not cite any examples of Cameroonian English where processes of lexical borrowing have taken place.

The present study on LL in Cameroon shows a few instances of Cameroonian English with ingredients of local/African words or phrases. Generally, however, indigenous languages are marginalized, especially in the domains of advertising and other societal domains. The following linguistic tokens are taken from the LL in Yaoundé (photographs by Neele Mundt, 2017).

Fig. 16. Indigenous language (of Fulani origin) in bottom-up signage

Fig. 16, a poster showing “Restaurant Le Boukkaarou,” is a word of Fulani origin which has been integrated into the French language. It refers to a type of thatched hut covered with hay. It resembles the “Restaurant Boukkaarou” which is here at stake.

Concerning the word “Hakkore” in the name “Pharmacie Hakkore,” this is an Ewondo lexical item meaning “to save” (Fig. 17). So, “Pharmacie Hakkore” refers to a pharmacy where people can get drugs so as to be “saved” (personal communication, Lozzi Martial Meutem Kamtchueng). The word “saved” is here used for marketing purposes.

Fig. 17. Indigenous language (of Ewondo origin) in bottom-up signage

Apart from Chinese, therefore, indigenous languages in Cameroon have no visibility and play a very marginal role beyond the family, peer-group and informal domains such as the market, streets and the home. Interestingly enough, Pavlenko (2017) shows that in the past decade, also the Russian language has become one of the most popular and widely used languages in the global service industry, tourism, and marketing, alongside English and Chinese.

5. Concluding reflections and future outlook

Generally, the LL of the university domain reveals a mismatch between their language policy and actual practices, and hence shows evidence of the dominant language ideologies, particularly those of the people in charge of the signage: administrators, sign-writers, lecturers, etc. Although the national policy of Cameroon as well as that of the University of Yaoundé promotes official bilingualism, the situation is typified by unequal power relations, as those in subordinate positions are obliged to use the languages of those in positions of power and authority. Needless to say, local/African languages are (almost) completely absent; some of the lingua francas such as Cameroon Pidgin English and Camfranglais do not prototypically characterize the LL design. Therefore, French, as the co-official language of the country, enjoys a status not equaled by any other language/variety in Cameroon.

Future studies of Cameroon’s LL should include interviews for more substantial and accurate results and also to obtain a more representative picture of the situation. With the addition of interviews, this study could be complemented in the future to show changes in the LL. Studying other neighborhoods, business centers and regional areas in the country would also lead to a more holistic and representative picture of Cameroon’s LL.

As Schulte (2016) points out, LLs may also have certain drawbacks at times. For example, information on language usage in the private sphere in most cases is not sufficiently provided by the LL; also, landscapes offer only a momentary glimpse into language usage and therefore may not be “a particularly reliable and

objective method for gathering data” (Schulte 2016: 121). Schulte’s third claim that “they (LL) are not suitable to explore oral language” does not really hold since quite a number of studies have been carried out under the label of “soundscape studies” ((see, for example (Hu 2019) on a study on multilingual audio announcements in the city of Taipei, Taiwan)). These disadvantages, however, were not pertinent in the case of the present study on the LL in Cameroon given the primary interest in an investigation of languages, actors and ideology.

It is hoped that this study will contribute to a better understanding of the Cameroonian landscape and its underlying language policy issues and ideological impact, thus serving as a basis for exciting lines of future research in the study of Linguistic Landscapes.

© Martin Pütz, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Acknowledgements

I would like to thank the two anonymous reviewers of an earlier version of this paper for their valuable comments. Thanks are also due to Katie Finnegan for proofreading the manuscript and to Emma Jäger for checking the bibliography.

REFERENCES

- Abongdia, Jane-Francis A. & John Wankah Foncha. 2017. The visibility of language ideologies: The linguistic landscapes of the University of Yaoundé. *Gender & Behavior* 15 (2). 8674—8680.
- Anchimbe, Eric. 2013. *Language Policy and Identity Construction: The Dynamics of Cameroon’s Multilingualism*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Banda, Felix & Hambaba Jimaima. 2015. The semiotic ecology of linguistic landscapes in rural Zambia. *Journal of Sociolinguistics* 19 (5). 643—670.
- Barni, Monica & Carla Bagna. 2010. Linguistic landscape and language vitality. In Elana Shohamy, Eliezer Ben-Rafael & Monica Barni (eds.), *Linguistic landscape in the city*, 3—18. Bristol: Multilingual Matters.
- Ben-Rafael, Eliezer, Elana Shohamy, Muhammad Hasan Amara & Nira Trumper-Hecht. 2006. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. *International Journal of Multilingualism* 3 (1). 7—30.
- Blackwood, Robert, Elizabeth Lanza & Hirut Woldemariam (eds.). 2016. *Negotiating and Contesting Identities in Linguistic Landscapes*. London/New York: Bloomsbury.
- Caldwell, David. 2017. Printed t-shirts in the linguistic landscape: A reading from functional linguistics. *Linguistic Landscape* 3 (2). 122—148.
- Coulmas, Florian. 2009. Linguistic landscaping and the seed of the public sphere. In Elana Shohamy & Durk Gorter (eds.), *Linguistic landscape: Expanding the scenery*, 11—24. New York: Routledge.

- Dagenais, Diane, Danièle Moore, Cécile Sabatier, Patricia Lamarre & Françoise Armand. 2009. Linguistic landscape and language awareness. In Elana Shohamy & Durk Gorter (eds.), *Linguistic landscape: Expanding the scenery*, 253—269. New York: Routledge.
- Eberhard, David M., Gary F. Simons & Charles D. Fenning (eds.). 2019. *Ethnologue: Languages of the World*. 22nd edn. Dallas, Texas: SIL International.
- Echu, George. 2003. Coping with multilingualism: Trends in the evolution of language policy in Cameroon. *Philologie im Netz* 25. 31—46.
- Echu, George. 2004. The language question in Cameroon. *Linguistik Online* 18 (1). 19—34.
- Eko, Lyombe. 2003. The English-language press and the “Anglophone problem” in Cameroon: Group identity, culture, and the politics of nostalgia. *Journal of Third World Studies* XX (1). 79—102.
- Fonkoua, Hector Kamdem. 2015. *A Dictionary of Camfranglais*. Series <Duisburg Papers on Research in Language and Culture>. Volume 107. Frankfurt: Peter Lang.
- Greene, Stephen & Damian Williams. nd. What are linguistic landscapes? <https://murbll.wordpress.com/what-is-linguistic-landscapes/>
- Heller, Monica; Pujolar & Alexandra Duchêne. 2014. Linguistic commodification in tourism. *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 18, issue 4. 539—566.
- Hu, Ying-Hsueh. 2019. Multilingual audio announcements: Power and identity. In Martin Pütz & Neele Mundt (eds.), *Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multimodality and the use of space as a semiotic resource*, 132—149. Bristol: Multilingual Matters.
- Jaworski, Adam & Crispin Thurlow (eds.). 2010. *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*. London/New York: Continuum.
- Juffermans, Kasper. 2015. *Local Linguaging, Literacy and Multilingualism in a West African Society*. Bristol: Multilingual Matters.
- Kießling, Roland. 2005. ‘bak mwa me do’ — Camfranglais in Cameroon. *Lingua Posnaniensis* 47. 87—107.
- Kouega, Jean-Paul. 2007. The language situation in Cameroon. *Current Issues in Language Planning* 8 (1). 3—94.
- Landry, Rodrigue & Richard Y. Bourhis. 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology* 16 (1). 23—49.
- Makoni, Sinfree, Busi Makoni, Ashraf Abdelhay & Pedzisai Mashiri. 2012. Colonial and post-colonial language policies in Africa. In Bernard Spolsky (eds.), *The Cambridge handbook of language policy*, 523—543. Cambridge: Cambridge University Press.
- Makoudjou, Lydie Christelle Talla. 2018. Usage of Cameroonian languages in Cameroon English. https://www.academia.edu/39735506/USAGE_OF_CAMEROONIAN_LANGUAGES_IN_CAMEROON_ENGLISH20190702_32923_1i4jk90?email_work_card=view-paper
- Makoudjou, Lydie Christelle Talla & Solange Mekamgoum. 2019. Exploring linguistic landscape as a teaching approach to language awareness in Cameroon’s secondary schools. In Pius W. Akumbu & Esther P. Chie (eds.), *Engagement with Africa: Linguistic essays in honour of Ngessimo M. Mutaka*, 301—322. Series <Grammatische Analysen afrikanischer Sprachen>. Band 58. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- McLaughlin, Fiona. 2015. Linguistic warsapes of northern Mali. *Linguistic Landscape* 1 (3). 213—242.
- Mooney, Annabelle & Betsy Evans. 2019. *Language, Society and Power*. 5th edn. London/New York: Routledge.
- Mufwene, Salikoko. 2016. A cost-and-benefit approach to language loss. In Luna Filipović & Martin Pütz (eds.), *Endangered languages and languages in danger: Issues of*

- documentation, policy, and language rights*, 115—143. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Nana, Genevoix. 2014. Medium of instruction policy and multilingual pupils' experience of learning to read and write in primary school in Cameroon. In Martin Solly & Edith Esch (eds.), *Language education and the challenges of globalization: Sociolinguistic issues*, 33—66. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Ndille, Roland. 2016. English and French as official languages in Cameroon: The intentionality of colonial representations and the failure of a Cameroon-centric identity; 1884 and after. *European Journal of Language Studies* 3 (2). 17—33.
- Nkamta, Paul Nephaleh & Themba Lancelot Ngwenya. 2017. Linguistic inequality in Cameroon: The case of advertising in Douala. *South African Journal of African Languages* 37 (2). 137—147.
- Pavlenko, Aneta. 2017. Linguistic landscapes and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *The Russian Journal of Linguistics* 21 (3). 493—514.
- Pennycook, Alastair & Emi Otsuji. 2015. *Metrolingualism: Language in the City*. London/New York: Routledge.
- Phillipson, Robert. 2012. Imperialism and colonialism. In Bernard Spolsky (eds.), *The Cambridge handbook of language policy*, 203—225. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pütz, Martin (eds.). 1995. *Discrimination through Language in Africa? Perspectives on the Namibian Experience*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Pütz, Martin & René Dirven. 2007. Language conflict seen from the perspective of the rationalist and romantic models: New developments. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies* 25 (3). 303—317.
- Pütz, Martin & Neele Mundt (eds.). 2019a. *Expanding the Linguistic Landscape: Linguistic Diversity, Multimodality and the Use of Space as a Semiotic Resource*. Bristol: Multilingual Matters.
- Pütz, Martin & Neele Mundt. 2019b. Multilingualism, multimodality and methodology: Linguistic landscape research in the context of assemblages, ideologies and (in)visibility: An introduction. In Martin Pütz & Neele Mundt (eds.), *Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multimodality and the use of space as a semiotic resource*, 1—24. Bristol: Multilingual Matters.
- Reh, Mechthild. 2004. Multilingual writing: A reader-oriented typology — with examples from Lira Municipality (Uganda). *International Journal of the Sociology of Language* 170. 1—41.
- Rubdy, Rani & Selim Ben Said (eds.). 2015. *Conflict, Exclusion and Dissent in the Linguistic Landscape*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Schmitt, Holger. 2018. *Language in the Public Space: An Introduction to the Linguistic Landscape*. No publisher.
- Schneider, Edgar. 2007. *Postcolonial English. Varieties around the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schulte, Marion. 2016. Language contact and language politics in Ireland: Linguistic landscapes in South Dublin. *10plus1: Living Linguistics* 2. 118—130.
- Scollon, Ron & Suzie Wong Scollon. 2003. *Discourses in Place: Language in the Material World*. London/New York: Routledge.
- Sharifian, Farzad. 2017. *Cultural Linguistics. Cultural Conceptualisations and Language*. Series <Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts>. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Shohamy, Elana & Durk Gorter. 2009. Introduction. In Elana Shohamy & Durk Gorter (eds.), *Linguistic landscape: Expanding the scenery*, 1—10. London/New York: Routledge.

- Shohamy, Elana. 2019. Linguistic landscape after a decade: An overview of themes, debates and future directions. In Martin Pütz & Neele Mundt (eds.), *Expanding the linguistic landscape: Linguistic diversity, multimodality and the use of space as a semiotic resource*, 25—37. Bristol: Multilingual Matters.
- Simo Bobda, Augustin & Innocent Fasse Mbouya. 2005. Revisiting some linguistic concepts and beliefs in the light of the sociolinguistic situation of Cameroon. In James Cohen, Kara T. McAlister, Kellie Rolstad & Jeff MacSwan (eds.), *ISB4: Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism*, 2122—2132. Somerville, MA: Cascadilla Press.
- Spolsky, Bernard. 2009. Prolegomena to a sociolinguistic theory of public signage. In Shohamy, Elana & Durk Gorter (eds.), *Linguistic landscape: Expanding the scenery*, 25—39. London/New York: Routledge.
- Stein-Kanjora, Gardy. 2016. Camfrang forever! Metacommunication in and about Camfranglais. *Sociolinguistic Studies* 10 (1—2). 261—289.
- Ugwu, Eucharia Okwudilichukwu. 2019. Africa on the verge of a linguistic genocide: The need for action. *European Scientific Journal* 15 (23). 57—75.
- Woldemariam, Hirut & Elizabeth Lanza. 2012. Religious wars in the linguistic landscape. In Christine Hélot, Monica Barni, Rudi Janssens & Carla Bagna (eds.), *Linguistic landscapes, multilingualism and social change*, 169—184. Bern: Peter Lang.

Article history:

Received: 20 January 2020

Revised: 18 February 2020

Accepted: 15 March 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 января 2020

Дата принятия к печати: 15 марта 2020

Bionote:

MARTIN PÜTZ is Professor of English Linguistics at the University of Koblenz-Landau (Germany). His current research interests include multilingualism in Africa with a focus on linguistic landscapes and language policy/planning, languages in contact and applied cognitive linguistics. He has done extensive fieldwork in Australia, Cameroon, Great Britain, Namibia and South Africa, and has published around 90 articles and volumes on a variety of linguistic and sociolinguistic topics. He is the main organizer of the bi-annual International LAUD Symposia (Linguistic Agency University of Duisburg) regularly taking place at Landau, Germany. His latest book (co-edited with Neele Mundt) is in line with the present contribution and is entitled *Expanding the Linguistic Landscape: Linguistic Diversity, Multimodality and the Use of Space as a Semiotic Resource* published by Multilingual Matters (2019).

Contact information:

University of Koblenz-Landau (Landau campus), Germany

Im Fort 7

D-76829 Landau

e-mail: Puetz@uni-landau.de

Сведения об авторе:

МАРТИН ПЮТЦ — профессор английского языкознания в университете Кобленц-Ландау (Германия). В настоящее время его научные интересы включают многоязычие в Африке с акцентом на языковые ландшафты и языковую политику / планирование и прикладную когнитивную лингвистику. Он провел обширную полевую работу в Австралии, Камеруне, Великобритании, Намибии и Южной Африке, а также опубликовал около 90 статей и книг по различным лингвистическим и социолингвистическим проблемам. Он является главным организатором Международных симпозиумов LAUD (Лингвистического агентства Университета Дуйсбурга), проводимых каждые 2 года в Ландау, Германия. Его последняя книга (в соавторстве с Нееле Мундт) соответствует теме данной статьи и называется *Expanding the Linguistic Landscape: Linguistic Diversity, Multimodality and the Use of Space as a Semiotic Resource* (Расширение языкового ландшафта: лингвистическое разнообразие, мультимодальность и использование пространства в качестве семиотического ресурса) (Multilingual Matters, 2019).

Контактная информация:

University of Koblenz-Landau (Landau campus), Germany
Im Fort 7
D-76829 Landau
e-mail: Puetz@uni-landau.de

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343

Research Article

Political Discourse, Code-Switching, and Ideology

Stephanie Moody¹ and Zohreh R. Eslami^{1,2}

¹ Texas A&M University
College Station, USA

² Texas A&M University-Qatar
Doha, Qatar

Abstract

Language and Ideology is an area of critical discourse analysis that has increasingly gained importance in the linguistic sciences. The vast influence of the media has provided a need for the explicit analysis of common linguistic mechanisms, particularly those in political discourse. Code-switching, general pattern in a speech community of switching between two or more available languages or dialects with respect to certain extralinguistic factors (Blom & Gumperz 1972) is strategically employed by politicians to gain support for elections (Jarraya 2013; Craig 2013). Senator Tim Kaine was one of the first White politicians to engage in code-switching during the 2016 presidential election, however his use of Spanish when engaging in political discourse was met with great resistance and skepticism by the media and voters, many of whom felt that he was pandering to Spanish-speaking citizens. Using a language ideologies framework, the present paper seeks to determine how code-switching was used as a political discourse device by Senator Kaine, and how its use varied based on the context of each speech. To answer these questions, four speeches given by Senator Tim Kaine during the 2016 presidential campaign were transcribed and translated. Following descriptive coding procedures by Saldaña (2015), two raters coded instances of code-switching in each speech for key features of political discourse: a) dissemination of personal information or background; b) repetition; c) hyperbole; d) metaphor; e) metonymy; f) comparisons; g) promises for the future; h) solidarity; i) legitimization of self as authority; and j) florid verbiage. Results show that Senator Kaine relied most heavily on code-switching during his speech in Miami, Florida, and used it as a tactic to gain support and build solidarity between himself and members of the audience. Additionally, Senator Kaine engaged in much repetition through code-switching to emphasize key points of his speech and political goals. The present study illustrates how code-switching can be used to cultivate political favor, forge alliances, and demonstrate cultural similarities between White politicians and bi- and multilingual voters.

Keywords: *bilingualism, code-switching, political discourse, critical discourse-analysis*

For citation:

Moody, Stephanie and Zohreh R. Eslami. 2020. Political discourse, code-switching, and ideology. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 325—343. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343

Политический дискурс, переключение кода и идеология

Стефани Муди¹, Зохран Р. Еслами^{1,2}

¹Техасский университет А & М
Колледж-Стейшен, США

²Техасский университет А & М в Катаре
Доха, Катар

Аннотация

Язык и идеология — это область критического дискурс-анализа, которая привлекает все большее внимание лингвистов. Возрастание влияния средств массовой информации обусловило необходимость анализа языковых механизмов, особенно в политическом дискурсе. Переключение кода между двумя и более языками или диалектами в соответствии с определенными экстралингвистическими факторами (Blom & Gumperz 1972) является стратегией политиков, используемой для получения поддержки на выборах (Jarraya 2013; Craig 2013). Сенатор Тим Кейн был одним из первых белых политиков, применивших переключение кода во время президентских выборов 2016 года. Однако использование им испанского языка в политических выступлениях вызвало неодобрение и скептицизм у средств массовой информации и избирателей, многие из которых посчитали, что он заигрывает перед испаноязычным населением. Цель данной статьи — определить, как переключение кода использовалось сенатором Кейном в качестве инструмента политического дискурса и как оно варьировало в зависимости от контекста каждого выступления. Чтобы ответить на эти вопросы, мы проанализировали четыре речи сенатора Кейна во время президентской кампании 2016 года, которые были предварительно застенографированы и переведены. Применяя метод описательного кодирования (Saldaña 2015), два эксперта выделили случаи переключения кода в каждой речи для выделения ключевых характеристик политического дискурса: а) распространение личной информации или фактов жизни; б) повторы; в) гипербола; г) метафора; д) метонимия; е) сравнения; ж) обещания на будущее; з) солидарность; и) легитимация себя как власти; к) витиеватое многословие. Результаты показали, что сенатор Кейн больше всего полагался на переключение кода и использовал его в качестве тактики, чтобы заручиться поддержкой аудитории и выстроить доверительные с ней отношения, во время своего выступления в Майами, штате Флорида. Кроме того, через переключение кода сенатор Кейн многократно делал повторы, чтобы выделить ключевые моменты своей речи и свои политические цели. Проведенное исследование показало, как переключение кода может использоваться в целях получения политического преимущества, создания альянсов и демонстрации культурных сходств между белыми политиками и дву- и многоязычными избирателями.

Ключевые слова: *билингвизм, переключение кода, политический дискурс, критический дискурс-анализ*

Для цитирования:

Moody, Stephanie and Zohreh R. Eslami. 2020. Political discourse, code-switching, and ideology. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 325—343. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343

1. Introduction

“I’m grateful to you, Hillary, for the trust that you place in me. And we’re going to be compañeros de alma in this great lucha ahead.”

Senator Tim Kaine, from his speech in Miami, FL on July 23, 2016.

The above quote is from Senator Tim Kaine, a Democratic candidate in the 2016 United States (U.S.) presidential race who became well known for his use of code-switching on the campaign trail. Code-switching is a natural practice for bi- and multilingual individuals, and its use in political campaigns is becoming increasingly common across the world (Opeibi 2007). Despite this, most research on code-switching in the U.S. has focused on dialectal shifts, such as Barack Obama’s use of “African American English” (AAE) and “standard English” (SE), and has not sought to understand politician’s code-switching between different named language systems (e.g., Young 2009). We contend that no text is neutral, including that which involves code-switching; politicians make use of certain rhetorical and discourse strategies in their political discourse to persuade voters to subscribe to their viewpoint (see Weiss & Wodak 2003). Political speech, in particular, is strategically planned to be convincing, to appeal to the emotions of voters, to portray a particular political persona (Corner 2003), and to “construct alliances and membership” (Wodak 2004). The current study presents an attempt to investigate the use of code-switching by Senator Kaine as one type of persuasive rhetorical-discursive device during his campaign for presidency in 2016. Specifically, the following questions will be answered: 1) *How did the amount and length of Senator Kaine’s use of code-switching vary across the four analyzed speeches?* and 2) *How did Senator Kaine use code-switching as a persuasive rhetorical-discursive device?*

To answer these questions, we must first understand the standard characteristics of political discourse and code-switching as an important verbal strategy in political discourse with which one can achieve pragmatic and strategic functions without assuming the responsibility or the risk of being put on record (Obeng 1997). Previous studies related to code-switching in political discourse will be reviewed for their contribution to our understanding of how politicians around the world use multiple languages, dialects, and codes to meet their political agendas.

2. Political Discourse

Political discourse is inherently different from other types of discourse (Hay 2013) in that the promotion of individual and party interests is valued over everything else, and therefore calculated deceit is a routine practice (Corner 2003). Since a politician’s main goal when speaking is to persuade the audience to their position, they are naturally attuned to every verbal nuance in their discourse (e.g., Davletbaeva, Yashina & Sharafieva 2016; Mirzaei, Eslami, & Safari, 2017; Ponton,

2016; Quam, & Ryshina-Pankova, 2016). Politicians try to make their speech clear and comprehensible for all members of the audience so that the agenda they are promoting is easily understood (Davletbaeva et al. 2016); this includes developing compelling and convincing arguments. These general goals mean that all political speech shares some similar characteristics, regardless of the country the politicians represent or the language it is delivered in.

Language is what creates politics; political activities are nonexistent without the systematic manipulation of language to formulate and perpetrate a specific political agenda (Chilton 2004). Politicians use language to create intimacy with their constituents by demonstrating their personal and emotional commonalities, so that the audience will feel that they are members of the same ‘group’ as the political leader (Reyes 2015). At the same time, they must show their expertise and authority in order to validate themselves as political leaders (Chilton 2004). To accomplish this, all political discourse includes certain features and structures. Examples of these are the sharing of personal information, repetition and anaphora, exaggeration, figurative language, comparisons between countries and political parties (Davletbaeva et al. 2016), persuasion, shallow promises, boasting about performance, positive self-presentation, analogies (Chilton 2004), use of the plural ‘we’, and horror stories about political opponents (van Dijk 1997).

Political discourse is a site of struggle for various power groups that engage in a race to gain public support at the cost of smearing their opponents. Political elites resort to various discourse structures, strategies, and rhetorical moves to present their ideologies and stand against other powerful groups (van Dijk 2006b). The present study seeks to understand the ideological loading and discursive strategies in this genre, and is driven by an understanding that political discourse is inherently ideological and an opportunity for politicians to gain public approval and status by denigrating those that stand in opposition. Our framework is focused on discovering the strategies and structures employed in the discourse of politicians to challenge their opposing party. For this purpose, the framework of critical discourse analysis (e.g., Chilton 2004; Fairclough 1995; van Dijk 1997; Weiss & Wodak 2003) is considered suitable for uncovering agendas and strategies (e.g., code-switching) of the politicians in the light of the concepts of power and dominance. We demonstrate that code-switching in political discourse is an interpersonal strategy that can be used to create, strengthen or destroy interpersonal boundaries, and thus it functions as a discourse strategy for pragmatic and strategic purposes (Wei 2003).

While language use in political campaigns, interviews, and speeches has been widely researched, few studies have examined how these discourse features are used by bi- and multilingual politicians in the United States. In the following section we will review the existing research related to the fluid use of languages within political discourse.

3. Code-Switching in Political Discourse

The application of two or more languages within a single interaction is often called code-switching, and constitutes an alternation between two or more languages within the same sentence or conversation (Scotton & Ury 1977). Speakers often switch for just one word, an entire sentence, or even for longer monologues (Scotton & Ury 1977). Code-switching can be both conscious and unconscious on the part of the speaker, but it is related to the role that the speaker wants to portray within a conversation; thus, a code-switch is indicative of a change in roles on the part of the speaker (Scotton & Ury 1977). In the U.S., many presidents have engaged in code-switching, most recently Bill Clinton's use of German and English during a speech at Brandenburg Gate, George W. Bush's consistent integration of Spanish, and Barack Obama's exchange of greetings and pleasantries in Indonesia (see "List of Multilingual Presidents in the United States" n.d.). These examples of code-switching represent a tradition of its use by presidents as a consensus-building strategy, however to our knowledge no research has focused on examining how often, in which context and for what functions it is used in political speech in the United States. A variety of research has been conducted on code-switching in political discourse in other countries, which will be discussed below.

Kementchedjhieva (2016) analyzed the discourse of the Prime Minister of Bulgaria for his code-switching tendencies and determined that he varied his speech differently depending on the context of the situation; he used more non-standard speech patterns when participating in non-mediated interactions (such as casual conversations) with common citizens, however when participating in mediated interactions (those adhering to standard interview protocol) he combined both standard and non-standard forms of interaction (Kementchedjhieva 2016). Kementchedjhieva believed this to be due to the Prime Minister's desire to seem authoritative while also portraying an image of a 'regular guy' who can connect with common people. Similarly, Uzum and Uzum (2010) studied how Turkish politicians borrowed words from a variety of languages in their campaign speeches. They examined what types of words were borrowed (nouns, verbs, etc.), the position of the word in the sentence, the context of its use, frequency, stress, and phonological variation of each word (Uzum & Uzum 2010). Their analysis revealed that borrowed words constituted 42% of the dialogue of Turkish politicians during speeches; nouns were borrowed the most frequently, were emphasized more heavily than Turkish words, and were most often used in the middle of sentences (Uzum & Uzum 2010). Swahili and English code-switching and storytelling in Tanzanian campaign speeches was analyzed by Bwenge (2009); he found that ethnic roots, membership to a certain group or culture, and personal educational attainment were all interplayed within the discourse of Tanzanian politicians. Opeibi (2007) examined how Nigerian politicians used code-switching and code-mixing in political adverts as a campaign strategy. Analysis of campaign ads from Nigerian

newspapers showed that code-switching was employed to create solidarity, express emotions, convey meaning, and break ethnic barriers (Opeibi 2007).

The abovementioned studies have two things in common: they involve politicians from countries outside of the United States, and they analyze political speeches and text through a code-switching lens.

4. The U.S. Context

There are currently 58.9 million Latinx people living in the U.S. (U.S. Census Bureau 2018), approximately 4.9 million of which are undocumented immigrants from Mexico (Pew Research Center 2019). These individuals make up one-third of the foreign born population, a number that is far greater than that of any other nationality group (McCann & Chávez 2016). Unfortunately, there has been a long history of discrimination against Mexican immigrants in the U.S., which extends to individuals who are U.S. citizens but contain Mexican ancestry (Johnson & Trujillo 2011). This has been compounded in recent years by politicians like Donald Trump, a Republican, who has targeted Mexican immigrants as “criminals” and “rapists” and has continually threatened to build a wall between the border of Mexico and the U.S. (Newman, Shah & Collingwood 2018). To counteract this type of anti-Mexican rhetoric, many politicians have sought to unite themselves with the Latinx population, especially because research has shown that Mexicans in America respond positively to campaigns inviting them to “join the party” — mostly working in favor of the Democratic party (McCann & Chávez 2016). However, McCann and Chávez (2016) caution that

...immigrants from Mexico who are well resourced and well established in the United States respond to campaign invitations to the same significant degree as those who are less incorporated. This implies that the Mexican-born on the whole — and perhaps the foreign-born population in general — may never be fully and unceasingly integrated into a political party. Such a finding underscores the paramount importance of early childhood political socialization in tying Americans to a reliable party, (McCann & Chávez 2016: 1207-8).

This research suggests that Mexican-Americans, as well as other immigrants, may be particularly influenced by political campaign strategies, such as the use of code-switching, and that candidates from both parties hoping to gain the vote of immigrants and those of Mexican American ancestry, must continually attempt to curry their favor to align them to their political party.

5. Methodology

We relied on a *political discourse analysis* framework from van Dijk (1997) to guide the data analysis. van Dijk posits that political discourse analysis (PDA) is a systematic account of the relationship between the context and the discursive structures present. In this view, “text and context mutually define each other” (van Dijk 1997: 14). By considering code-switching as a strategic approach to communication, and viewing PDA as context driven, we will gain a clear picture of

the ways in which Senator Kaine used code-switching in four of his campaign speeches.

Four speeches given by Senator Tim Kaine during the 2016 Presidential campaign were selected for inclusion in this study. These speeches were found on YouTube and selected based on Senator Kaine's use of code-switching. The first speech analyzed was the official announcement of Senator Kaine as Hillary Clinton's running mate, which took place in Miami, Florida on July 23. Also selected was his speech at the Democratic National Convention (DNC) in Philadelphia, Pennsylvania on July 27, where he introduced himself as the Democratic running mate, endorsed Hillary Clinton, and attacked Republican candidate Donald Trump. The other two speeches were from the campaign trail; one took place in Austin, Texas on August 9 and the other was in Lancaster, Pennsylvania on August 30. Both were for the purpose of promoting Hillary Clinton as the next President of the United States.

Each speech was transcribed in its entirety, after which all instances of code-switching (when he switched from Spanish to English or English to Spanish) were highlighted. Spanish text was translated by a native Spanish speaker, and recorded in a spreadsheet. To determine the purpose for his code-switching, each instance was coded based on common political discourse strategies. That is, his code-switching was categorized based on the political function it served, and each text could be categorized as serving multiple functions. Thus, coding was not mutually exclusive, and the raters acknowledged that a phrase and/or sentence could have multiple political functions. The data was double-coded by a second trained graduate student to establish inter-rater reliability. Any disagreements on functions were discussed by both coders until a consensus was reached. Due to the qualitative nature of the data and categorization system, we do recognize the inherent subjectivity that may exist in the classification system.

Political discourse strategies were gathered from studies by Chilton (2004), Davletbaeva et al. (2016), Reyes (2015), and van Dijk (1997). Strategies that overlapped between studies and have been found to be common in American political discourse were used in the analysis. These include: a) dissemination of personal information or background-when politicians share the historical background of their families in an effort to erase boundaries between themselves and others; b) repetition-consistent repeating to ingrain sentiments in the listener's minds, to consistently persuade; c) hyperbole-elaborations of their own contributions and "horror stories" about political enemies; d) metaphor-expressing a concept differently than would be expected given the context; e) metonymy-substitutions of an attribute for a moniker, which may be implicit; f) comparisons-highlighting differences between beliefs, characteristics, and attributes of the opposing political party and/or candidate; g) promises for the future-references to actions the candidate will undertake in the future; h) solidarity-signaling political distinctions through language use to instill group bonding and boundaries; i) legitimization of self as authority-building on personal authority, expressing a

persona of credibility and expertness; and j) florid verbiage-words and phrases designed to enrich political stances (Chilton 2004; Davletbaeva et al. 2016; Reyes 2015; van Dijk 1997).

6. Results

6.1. Research Question One

The first research question asked, *how did the amount and length of Senator Kaine's use of code-switching vary across the four analyzed speeches?* Results show that Senator Kaine used code-switching 25 times across the four speeches, as evidenced by the chunks of his speech that involved a fluid movement between Spanish to English to Spanish or English to Spanish to English. He used code-switching the most during his speech in Miami, followed by his campaign speech in Austin, Texas (see Figure 1). The context-sensitive nature of code-switching is, of course, expected as there is a higher proportion of Hispanics in Florida and Texas. It should be noted that his code-switching during the speech in Austin consisted of much shorter sentences or phrases, and occurred almost entirely at the beginning of the speech. By contrast, he used code-switching much more frequently throughout the entire Miami speech, and with longer chunks of text; this was also true of his speech at the DNC.

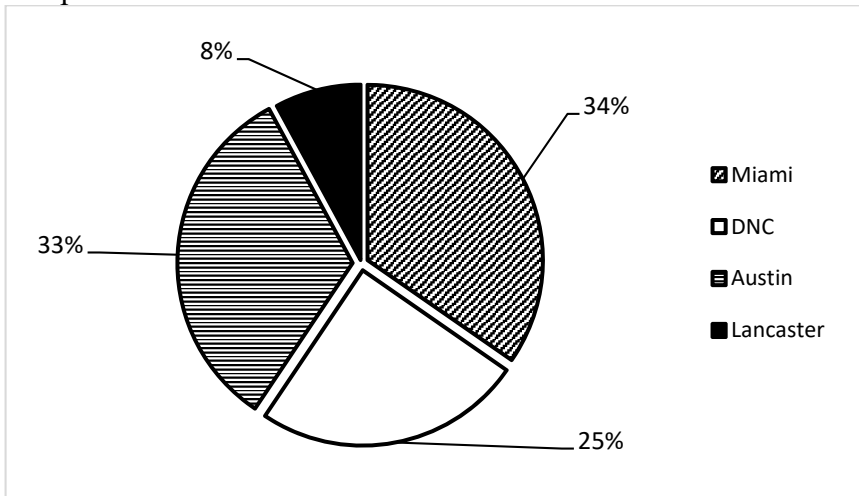

Fig. 1. Code-switching by City

6.2. Research Question Two

The second research question asked, *how did Senator Kaine use code-switching as a persuasive rhetorical-discursive device?* Analysis showed that Senator Kaine mostly used code-switching to express solidarity (75%), for repetition (29%), to disseminate personal information (17%), to make promises for the future (17%), for legitimization (13%), and to use political metaphors (13%). These findings are shown in Figure 2, and will be discussed in further detail in the following sections.

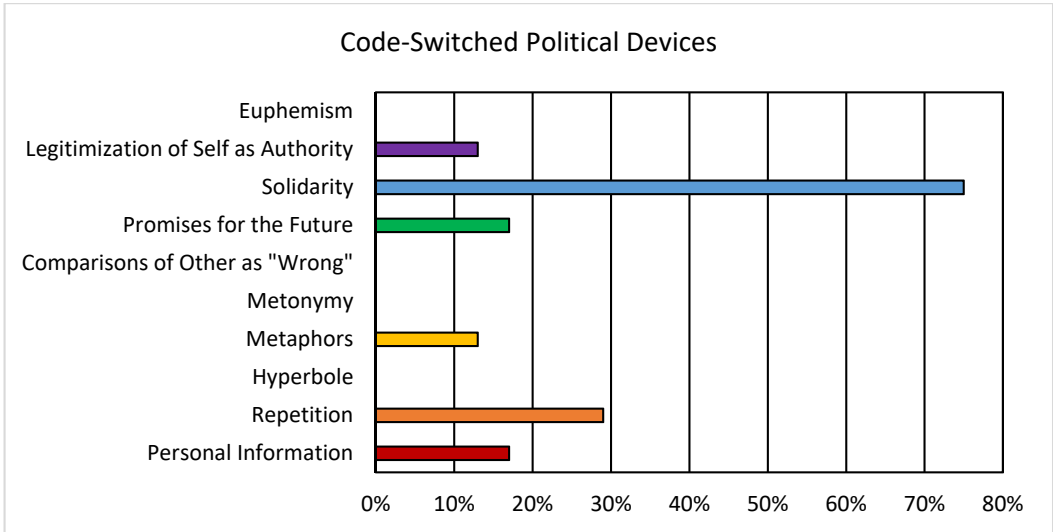

Fig. 2. The Use of Code-switching as a Political Discursive Device

6.2.1. Code-Switching for Solidarity

Results of the analysis showed that 75% (n = 18) of Senator Kaine’s code-switching was for the purpose of creating solidarity between himself and his audience. In three of the four speeches reviewed, Senator Kaine used code-switching to welcome and thank the audience, such as in the following statement from his Miami speech: “Hello Miami...Hello FIU...*Bienvenidos a todos. Bienvenidos a todos en nuestro país, verdad, porque somos Americanos todos.* I, um, I’m feeling a lot of things today...,” (Kaine 2016a). Translated, the Spanish portion means “Welcome to all. Welcome to all in our country, right, because we’re all Americans”. He also attempted to build solidarity in his Miami and DNC speeches by discussing the time he spent abroad, purposefully switching codes to explain to the audience the values that he learned while living in Honduras, stating “*Aprendí los valores de mi pueblo: fe, familia, y trabajo.* Faith, family, and work. *Los mismos valores de la comunidad latina aquí en nuestro país, verdad?*” (Kaine 2016a; 2016b), which translates to “I learned the values of my people: faith, family, and work. Faith, family, and work. The same values as the Latino community here in our country, right?”

In Miami, Senator Kaine also switched codes (to Spanish) when discussing religion. He established solidarity with the audience when he stated “*Soy católico, soy católico.* I’m a Catholic and Hillary is a Methodist...” (Kaine 2016a) (Translation: “I’m a Catholic, I’m a Catholic”). In two of his speeches Senator Kaine referred to himself and his running mate, Hillary Clinton, as “*compañeros de alma*” (Kaine 2016a; 2016b), which translates to “soulmates.

6.2.2. Code-switching for Repetition

Repetition is a political strategy that involves restating a word, phrase, or idea to draw attention to and/or to create mental images of its meaning (van Dijk 1997).

Repetition makes political ideas or concepts more memorable, so that the listener will continue to be persuaded long after the speaking event has concluded (van Dijk 1997). Some political rhetoric includes repetition of campaign catchphrases (such as the “Make America Great Again” slogan made popular by Donald Trump during his 2016 presidential race), however repetition can also be used to simply reiterate political ideas. Senator Kaine engaged in repetition through code-switching during the 2016 election when he discussed his running mate, Hillary Clinton. While in Miami, Austin, and at the DNC he repeatedly stated that she was “*lista*” (Kaine 2016a; 2016b; 2016c) or “ready” for the job of President. The use of “*lista*” is not accidental; during the DNC, Senator Kaine references his time in Honduras, where “*lista*” was considered to be the highest compliment that could be given. By repeatedly referencing Hillary this way, Senator Kaine was seeking to embed this complimentary image of Hillary in the minds of Latinx voters in a way that he believed they would find meaningful.

6.2.3. Code-switching to Make Promises for the Future

Senator Kaine’s use of the word “*lista*” (Kaine 2016a; 2016b; 2016c) was also a promise for the future. Making pledges, assurances, or even threats about future actions or events is a strategy frequently employed by politicians (van Dijk 1997: 27). Senator Kaine’s use of the word “*lista*” promises the American public, and especially Latino voters, that Hillary Clinton will be a great President. By the same token, he used code-switching to make promises that he would prioritize immigration reform during his first 100 days in office.

6.2.4. Code-switching to Convey Personal Information

Most political discourse contains personal information about the politician, including family history details, in order to portray the politician as a ‘regular person’ (Davletbaeva et al. 2016: 244). Senator Kaine used code-switching to share certain personal facts in an effort to identify with his Latinx audience and erase boundaries between himself and them (Davletbaeva et al. 2016). For example, he employed code-switching when discussing his Catholic identity, as many Latinx voters are part of the Catholic faith. Additionally, Senator Kaine used code-switching when referencing the time he spent in Honduras to convey his experience living in Latinx countries, and his knowledge of the Honduran culture. It is particularly notable that he referenced this during his Miami speech, as Florida has the second largest concentration of Hondurans in the U.S. (Pew Research Center, 2019). Considering that only 24% of foreign-born Hondurans are U.S. citizens (Pew Research Center, 2019), meaning that the majority are under constant threat of deportation (Medina, 2018), it was particularly important for Senator Kaine to present his personal history, thus emphasizing his group membership, with this population.

Table 1

Code-Switching by Senator Tim Kaine

Speech Location & Date	Instances of Code-Switching
Miami, FL July 23, 2016	<p><i>Bienvenidos a todos</i> [welcome to all].</p> <p><i>Bienvenidos a todos en nuestro país, verdad, porque somos Americanos todos</i> [Welcome to all in our country, right, because we're all Americans]. I, um...I'm feeling a lot of things today. Most of all, gratitude. I'm grateful to you Hillary for the trust that you place in me. And we're going to be <i>compañeros de alma</i> [companions of the soul/soulmates] in this great <i>lucha</i> [fight] ahead.</p> <p>And that's why, after racing through the University of Missouri in three years and starting at Harvard law school, I decided to take a year off from school to volunteer with Jesuit missionaries in Honduras. <i>¿Hay un Hondureños, aquí?</i> [Are there any Hondurans here?] <i>¿Hay un Hondureños, aquí?</i> [Any Hondurans here?] Okay, <i>un poquito, si</i> [Okay, a few, yes].</p> <p><i>Aprendí los valores de my pueblo: fe, familia, y trabajo.</i> [I learned the values of my people: faith, family, and work]. <i>Fe, familia, y trabajo.</i> [Faith, family, and work] <i>¿Los mismos valores de la comunidad latina aquí en nuestro país, verdad?</i> [The same values as the Latin community here in our country, right?]</p> <p><i>Soy Catolico, soy Catolico,</i> [I'm a Catholic, I'm a Catholic] I'm a Catholic and Hilary is a Methodist but I tell ya, her creed is the same as mine: do all the good you can.</p> <p><i>En el senado, assimos eso casi tres años y estamos esperando todavía para la casa representes a tener un debate un voto en la Sistema de voto de inmigración reform ¿verdad? Entonces, vamos a trabajar juntos en el primero ciento dias de ese administracion.</i> [In the Senate, we did that almost three years ago and now we are still waiting for the House of Representatives to have a debate, a vote on the immigration reform, right? So we are going to work together on that during the first 100 days of this administration].</p> <p><i>Cualquier persona que llama tanto los estados unidos mereci esta aqui</i> [Anybody who loves America this much deserves to be here].</p>
DNC July 27, 2016	<p>That's why I took a year off law school to volunteer with Jesuit missionaries in Honduras. I taught kids welding and carpentry. <i>Aprendí los valores del pueblo — fe, familia, y trabajo</i> (I learned the values of my people- faith, family, and work). Faith, family, and work. <i>Los mismos valores de la comunidad Latina aquí en nuestro país. Somos Americanos todos</i> [The same values of the Latin community here in our country. We are all Americans.].</p> <p>Hillary Clinton and I are <i>compañeros del alma</i> [companions of the soul/soulmates]. We share this belief: Do all the good you can. Serve one another. That's what I'm about. That's what you're about. That's what Bernie Sanders is about. That's what Joe Biden is about. That's what Barack and Michelle Obama are about. And that's what Hillary Clinton is about.</p>
	<p>The next president will face many challenges. We better elect the candidate who has proven she can be trusted with the job. The candidate who has proven she's ready for the job. And, by the way, I use the word "ready" for a specific reason. When I lived in Honduras, I learned that the best compliment you could give someone was to say they were "<i>listo</i>" — ready. Not "<i>inteligente</i>" — smart. Not "<i>amable</i>" — friendly. Not "<i>rico</i>" — rich. But "<i>listo</i>". Because what "<i>listo</i>" means in Spanish is prepared, battle-tested, rock-solid, up for anything, never backing down. And Hillary Clinton is "<i>lista</i>".</p>

Speech Location & Date	Instances of Code-Switching
	Thomas declared all men equal, and Abigail remembered the women. Woodrow brokered peace, and Eleanor broke down barriers. Jack told us what to ask, and Lyndon answered the call. Martin had a dream, <i>Cesar y Dolores</i> said <i>si se puede</i> [yes we can], and Harvey gave his life. Bill bridged a century, and Barack gave us hope.
Austin, TX August 9, 2016	<p><i>Hola, ¿que tal? ¿Que tal a todos?</i> [Hi, what's going on? What's going on everybody?]</p> <p><i>Mil gracias a Austin.</i> [A million thanks to Austin.]</p> <p>I haven't seen Jackie Oreste, who is the state director, Jackie where are you? Give Jackie a round of applause. Yeah! Um...you got your mayor, I was <i>un alcalde tambien</i> [A mayor also], in Richmond, VA the state capitol. Mayor is the toughest job there is. <i>Cuando yo estaba alcalde de Richmond, quince anos, yo encuentre este jovencito, Kirk Watson aqui</i> [When I was the mayor of Richmond, 15 years, I met this youngster, Kirk Watson, here] when he was mayor, your state senator and a very dear personal friend. So glad to be with Kirk.</p> <p>And then I also understand we have a council member, <i>Pio Altreno aqui, de donde Pio?</i> <i>Gracias por su trabajo</i> [Pio Altreno, here, where are you Pio? Thank you for your work].</p> <p>When I was in Honduras I was taught this phrase, the highest compliment to pay somebody was to say that they were "<i>listo</i>" [ready], which is ready, it translates into ready, but we don't use ready in quite the same way...in <i>Español</i> [Spanish], in Honduras at least, <i>listo</i> [ready] means prepared, battle tested, rock solid, never backing down...Hilary Clinton is <i>lista</i> [ready] folks, she's <i>lista, la candidata más lista de todos</i> [ready, the most prepared candidate of all].</p> <p>...and if you want <i>los detalles</i> [the details], the details are important, go to hillaryclinton.com, you'll get details from Hilary Clinton...</p>
Lancaster, PA August 30, 2016	<p><i>Mil gracias a ustedes</i> [A million thanks to you guys] ...I am so glad that you pronounce Lancaster the same way that we do in Virginia.</p> <p>It's gotta come home and make a difference in the places where people live and work or <i>no vale la pena</i> [not worth the effort] as they say...it doesn't make any difference, it's not worth the effort.</p>

6.2.5. Code-switching in Metaphors and Legitimization

Two of the least used political discourse strategies by Senator Kaine were metaphors and legitimization. Metaphors are critical within political discourse (Chilton 2014) because they allow politicians to either mask or highlight certain political situations, ideologies, or mindsets (Davletbaeva et al. 2016). Senator Kaine's description of himself and Hillary Clinton as "*compañeros de alma*" (Kaine 2016a; 2016b) is an example of a political metaphor. By repeatedly referring to their partnership as such, Kaine illustrates their joint ideologies and mindsets.

By the same token, political metaphors can be used to portray one side as righteous and truthful, and the other as villainous and dishonest (Chilton 2004; van Dijk 1997). This process is called legitimization, and it is articulated through boasts about performance, self-praise, self-justification, self-identification as the authority, and an overall emphasis of one political group as the reasonable and sane choice (Chilton 2004). In several instances, Senator Kaine used code-switching to legitimize himself and the Democratic party. He did this by sharing his background

as mayor of Virginia and discussing his work on immigration reform in the Senate, which can be seen in Table 1 above.

7. Discussion

Political discourse involves conflict resolution and persuasion, with language serving as a primary and significant tool (Hague, Harrop & Breslin 1998). To aim to influence the minds of recipients is not a straightforward affair for political leaders. It involves the strategic use of some discourse practices that are mostly indirect and implicit. One such strategy is the use of multiple codes (code-switching) to serve the interests of the agents to achieve a political agenda (van Dijk 2006a). In such cases, the intents are typically concealed from the public. As a result, political speeches, acts, and activities tend to be ideological in nature to fulfill hidden intentions (Fairclough 1995). “Ideology” is assumed as a system of ideas that have social significance, or a set of factual and evaluative beliefs and opinions of a group functioning as a social entity (van Dijk 1998: 48). Using discursive dimensions, political elites intend to change the mind of others for their own interests (van Dijk 1993: 254). The discursive practices pervade through the ideologically employed forms and strategies (Chouliaraki 2005). In this sense, ideology is not only the instrument of domination but also of in-group cohesion, competition, resistance, and opposition wherein status quo and power structures are accepted as legitimate (Wodak 2009). One of the less investigated political discourse strategies used to convey ideology is code-switching.

The first research question asked *how did the amount and length of Senator Kaine’s use of code-switching vary across the four analyzed speeches?* Results showed that Senator Kaine engaged in the most code-switching during his speech in Miami. There are several possible explanations for this, the first of which being that Miami is an international city with a population of roughly 2.6 million, 66.8% of which is Latinx (U.S. Census 2015). It is likely that Senator Kaine knew that many of the Miami voters would speak Spanish, and thus sought to use his knowledge of Spanish to mark himself as a bilingual politician who identifies with the Latino population of the U.S. and is ready to fight for their needs and interests. For this same reason, Senator Kaine also engaged in code-switching during his Austin, Texas speech. Texas is a border state with a large Latinx population, who encompass about 35% of the population of the city of Austin (Robinson 2016). A second explanation for Senator Kaine’s code-switching during his Miami speech is that it was his first speech as Hillary Clinton’s running mate. At this time he wanted to establish himself as a bilingual candidate to gain support from left-wing bilinguals, as well as to differentiate himself from Mike Pence, the Republican vice presidential nominee. Thus, across the four speeches Senator Kaine was using language to perpetuate a particular agenda and ideology that was specific to each area that he visited (Chilton 2004).

The second research question sought to understand *how did Senator Kaine use code-switching as a persuasive rhetorical-discursive device?* Code-switching is

routinely adopted by bilinguals to gain the upper hand, which was evidenced through Senator Kaine's strategic choice to use code-switching to gain political favor. Almost half (46.6%) of his code-switching was done to create solidarity between himself and his audience, which is likely a response to the 56.6 million Latinx people in the U.S. (U.S. Census 2016) and a recognition that his ability to speak in both Spanish and English is an asset for his campaign.

Code-switching was used to build solidarity substantially more than for any other political discourse strategy. This is not surprising, as it is common for politicians to attempt to establish solidarity between themselves and their audience by explaining their commonalities to the cultural or social group of the audience and through narratives designed to evoke emotions (Reyes 2015). Monolingual politicians often use the plural "we" or possessive "our" to demonstrate solidarity with their audiences (van Dijk 1997). For Senator Kaine, code-switching was strategically employed to create a bond with his audience. He used this strategy early on to increase voter enthusiasm and to establish a level of familiarity with the audience, especially since he was relatively unknown to most Americans before he became Hillary Clinton's running mate. One interesting finding is his use of code-switching in his welcome statement to the Miami audience; Florida has one of the largest populations of illegal immigrants in the country (Office of Immigration Statistics 2013), so this introductory statement is strategic and fraught with implications. In this case, Senator Kaine spoke in Spanish to show that he supports the immigrants in Miami and that his political party is going to welcome everyone, which is in sharp contrast to the policies of his opponent Donald Trump. Through his strategic use of code-switching the inclusive terms and pronouns 'our country' and 'we all are Americans', and the use of emphatic 'right', Senator Kaine was not only able to convey the goals of the Democratic party, but he was also able to establish intimacy and solidarity with his audience through his use of a language that many feel emotionally connected to.

When Senator Kaine discussed the values he learned while living abroad in Honduras, he was hoping to impress the Latinx community with their shared experiences and his application of Latinx values to his personal and political life. Through this, he hoped to differentiate himself from other political candidates and to gain membership to the Latinx community. By the same token, Senator Kaine engaged in code-switching when discussing his Catholicism. Recent statistics show that 34% of Catholics are Latinx (Pew Research Center 2015), so his use of code-switching indicates that he wants the Latino community to recognize that he is 'one of them'. Once again, Senator Kaine highlighted his similarities to the Latinx community using the Spanish code in order to create solidarity. This is similar to how code-switching was used by Nigerian politicians within newspaper ads (Opeibi 2007), indicating that alternating between languages is a strategic and purposeful way for politicians to express solidarity, and one that has long been used by politicians around the world.

Senator Kaine also engaged in repetition through code-switching across the four speeches. For the most part, he was seeking to drive home one important

political message for his campaign: the Democratic party will welcome immigrants. By saying this in both Spanish and English, Senator Kaine was attempting to make the message accessible to all audience members. He was also seeking to embed the message into the minds of all the Spanish-English bilinguals who were listening, in the hopes that they would recall his words when deciding which party to support. Code-switching and repetition were again combined to highlight that Hillary Clinton was more prepared to be President than her opponent Donald Trump. He used ‘lista’ to describe Hillary Clinton in a way that could only be understood by the Latinx community. The word ‘lista’ conveys a shared linguistic experience that could only be understood by members of the same sociocultural circle, and thus its repeated use continually emphasized the alignment of Clinton-Kaine with the Latinx population.

8. Conclusion

The findings about Senator Kaine are unique in that there is currently a paucity of research related to code-switching in U.S. political discourse. In order to fully understand these practices, future research is needed on how Senator Kaine’s code-switching was perceived by the public and how it impacted the results of the election. Additionally, it would behoove researchers to determine the ways that bilingual politicians around the world engage in code-switching, what purpose it serves in each context, and how it is received by the different groups of voters. This information could inspire some politicians in the U.S., and other countries, to incorporate code-switching into their discourse practices and could also indirectly promote multilingualism.

Since Senator Kaine was a Spanish-English bilingual speaker, we only analyzed four of his speeches addressing voters with a significant number of Latinx members. It would be insightful to examine other speeches given by Senator Kaine to mostly monolingual white English speakers and compare the findings with the findings of this study. Additionally, this study only examined Senator Kaine’s use of code-switching in his Presidential campaign. It is likely that he used code-switching differently in those speeches than he would in other political scenarios, and thus it is recommended that future researchers examine his use of language in other settings to see how the discourse meets his political agenda.

While building solidarity to gain voters’ support through code-switching was a chief concern for Senator Kaine, he also used code-switching to make promises for the future, convey personal information, and express metaphors. Through code-switching, he sought to indicate that he was speaking directly to the Latinx members of the audience, and was thus highlighting their importance in his campaign. He wanted to illustrate the importance of immigration reform, and assure the Latinx voters that he would not forget his promises once in office. By the same token, he used code-switching to discuss his time spent in Honduras to establish himself as a member of the Latinx community. This aligns with findings by Kementchedjhieva (2016), who determined that the Prime Minister of Bulgaria manipulated his

language use to appear more like a ‘regular guy’. In both examples, the politicians are attempting to use language to establish themselves as members of the community. Finally, Senator Kaine used code-switching to express metaphors about his alignment with the Latinx community, and to make his long history in politics clear to every voter, so that they would consider him a political authority and a supporter of the Latinx population.

© Stephanie Moody and Zohreh R. Eslami, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Blom, Jan-Petter, John Gumperz & Dell Hymes. 1972. Directions in sociolinguistics. 407—434.
- Bwenge, Charles. 2009. Linguistic identity and (re)construction in electoral politics: The case of 2005 Tanzanian parliamentary campaigns. In Koen Bostoen, Akinloye Ojo & Lioba Moshi (eds.), *Selected proceedings of the 39th annual conference on African linguistics*, 166—178. Cascadilla Proceedings Project.
- Chilton, Paul. 2004. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London, UK: Routledge.
- Chouliaraki, Lilie. 2005. Introduction: The soft power of war: Legitimacy and community in Iraq war discourses. *Journal of Language and Politics* 4(1). 1—10.
- Corner, John. 2003. Mediated personal and political culture. *Media and the Restyling of Politics*. 67—84.
- Craig, Geoffrey. 2013. How does a Prime Minister speak?: Kevin Rudd’s discourse, habitus, and negotiation of the journalistic and political fields. *Journal of Language and Politics* 12 (4). 485—507.
- Davletbaeva, Diana N., Marianna E. Yashina & Alina D. Sharafieva. 2016. Linguistic peculiarities of the modern political discourse of Russia and the USA. *Journal of Organizational Culture, Communication, and Conflict* 20. 242—247.
- Fairclough, Norman. 1995. *Critical Discourse Analysis*. Longman.
- Hague, Rod, Martin Harrop & Shaun Breslin. 1998. *Comparative Government and Politics: An Introduction*. 4th edn. Palgrave Macmillan.
- Hay, Colin. 2013. Political discourse analysis: The dangers of methodological absolutism. *Political Studies Review* 11 (3). 321—327.
- Jarraya, Soufien. 2013. Persuasion in political discourse: Tunisian President Ben Ali’s last speech as a Case Study.
- Johnson, Kevin R. & Bernard Trujillo. 2011. *Immigration Law and the US—Mexico Border: ¿Si Se Puede?*. University of Arizona Press.
- Kementchedjhieva, Yova. 2016. Code-switching as strategically employed in political discourse. *Lifespans and Styles* 2 (1). 3—9.
- Krogstad, Jens Manuel, Jeffrey S. Passel & D’Vera Cohn. 2019. *5 facts about illegal immigration in the U.S.* Pew Research Center. [Electronic resource]. URL:

- <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/>
- Lipka, Michael. 2015. *A closer look at Catholic America*. Pew Research Center. [Electronic resource]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/09/14/a-closer-look-at-catholic-america/>.
- McCann, James A., & Katsuo A. Nishikawa Chavez. 2016. Partisanship by invitation: Immigrants respond to political campaigns. *The Journal of Politics* 78 (4). 1196—1210.
- Medina, Brenda. 2018. *Hondurans in South Florida 'hopeless' after Trump administration ends immigration protection TPS*. Miami Herald. [Electronic resource]. URL: <https://www.miamiherald.com/news/local/article210523599.html>
- Mirzaei, Azizullah, Zohreh R. Eslami & Fatemeh Safari. 2017. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: A Discourse of Persuasion. *Russian Journal of Linguistics*. Special issue Discourse Analysis in the 21st Century: theory and practice 27 (1). 161—182.
- Ponton, Douglas, M. 2016. Movements and Meanings towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 122—139.
- Newman, Benjamin J., Sono Shah & Loren Collingwood. 2018. Race, place, and building a base: Latino population growth and the nascent Trump campaign for president. *Public Opinion Quarterly* 82 (1). 122—134.
- Noe-Bustamante, Luis, Antonio Flores & Sono Shah. 2019. *Facts on Latinxs of Honduran origin in the United States, 2017*. Pew Research Center. [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/Latinx/fact-sheet/u-s-Latinxs-facts-on-honduran-origin-latinos/>.
- Obeng, Samuel Gyasi. 1997. Language and politics: Indirectness in political discourse. *Discourse & Society* 8 (1). 49—83.
- Opeibi, Tunde Olusola. 2007. One message, many tongues: An exploration of media multilingualism in Nigerian political discourse. *Journal of Language and Politics* 6 (2). 223—248.
- Quam, Justin & Marianna Ryshina-Pankova. 2016. "Let me tell you..." Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump Clinton, and Sanders. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 140—160.
- Reyes, Antonio. 2015. Building intimacy through linguistic choices, text structure, and voices in political discourse. *Language & Communication* 43. 58—71.
- Robinson, R. 2016. *Top ten demographic trends in Austin, Texas*. Austintexas.gov
- Saldaña, Johnny. 2015. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. Sage Publishing.
- Scotton, Carol Myers & William Ury. 1977. Bilingual strategies: The social functions of code-switching. *International Journal of the Sociology of Language* 13. 5—20.
- Uzum, Baburhan & Melike Uzum. 2010. The historical and linguistic analysis of Turkish politician's' speech. *International Journal of Politics, Culture, and Society* 23 (4). 213—224.
- van Dijk, Teun A. 2006a. Discourse and manipulation. *Discourse & Society* 17 (2). 359—383.
- van Dijk, Teun A. 2006b. Politics, ideology, and discourse. *Encyclopedia of Language & Linguistics*. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/b0-08-044854-2/00722-7>
- van Dijk, Teun A. 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. SAGE.
- van Dijk, Teun A. 1997. What is political discourse analysis? *Belgian Journal of Linguistics* 11 (1). 11—52.
- van Dijk, Teun A. 1993. Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society* 4 (2). 249—283.
- Wei, Jennifer M.Y. 2003. Codeswitching in campaigning discourse: The case of Taiwanese president Chen Shui-bian. *Language and Linguistics* 4 (1). 139—165.

- Weiss, Gilbert, & Ruth Wodak. 2003. Introduction: Theory, interdisciplinarity and critical discourse analysis. In Gilbert Weiss & Ruth Wodak (eds.), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*, 1—34. Hampshire: Palgrave MacMillan.
- Wodak, Ruth. 2009. Language and politics. In Jonathan Culpeper, Paul Kerswill, Ruth Wodak, Tony McEnery & Francis Katamba (eds.), *English Language: Description, Variation and Context*, 576—593. Palgrave Macmillan.
- Wodak, Ruth. 2004. Preface: The power of language in political discourse. *Journal of Language and Politics* 3 (3). 381—383.
- Young, Vershawn Ashanti. 2009. "Nah, we straight": An argument against code switching. *JAC*. 49—76.

Internet Resources

- ABC15 Arizona. 2016, July 27. *Full Tim Kaine acceptance speech 2016 Democratic National Convention*. YouTube. <https://youtu.be/w1scCwsnwIs>
- Grossmand, Les. 2016, July 23. *Tim Kaine full speech in English and Spanish in Miami*. YouTube. <https://youtu.be/rR0j7Xt8ez4>
- Grossmand, Les. 2016, July 23. *Tim Kaine full speech in English and Spanish in Miami*. YouTube. <https://youtu.be/rR0j7Xt8ez4>
- Kaine, Tim. 2016, August 9. *Full speech: Tim Kaine speech in Austin, Texas*. YouTube. <https://youtu.be/LfMltcKO43c>
- Kaine, Tim. 2016, August 30. *Tim Kaine speech in Lancaster, PA*. YouTube. <https://youtu.be/hfdyYThogs>
- Office of Immigration Statistics. 2013. *Immigration data and statistics*. Department of Homeland Security. <https://www.dhs.gov/data-statistics>
- U. S. Census Bureau. 2015. *Quick facts: Miami-Dade County, Florida*. <http://www.census.gov/quickfacts/table/RHI725215/12086>
- U. S. Census Bureau. 2016. *Newsroom: Facts for features*. <http://www.census.gov/newsroom/facts-for-features/2016/cb16-ff16.html>

Article history:

Received: 26 February 2020

Revised: 18 March 2020

Accepted: 15 March 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 февраля 2020

Дата принятия к печати: 15 марта 2020

Bionotes:

STEPHANIE MOODY has over a decade of experience teaching elementary ESL, and is currently a Ph.D. candidate at Texas A&M University. Her research focuses on translanguaging as a literacy strategy and pre-service teacher preparation for ELL writing instruction.

Contact information:

Texas A&M University

College Station, Texas, USA

e-mail: smmoody@tamu.edu

Orcid: 0000-0001-7796-130X

ZOHREH R. ESLAMI is a Professor in Bilingual/ESL Education program in the Department of Educational Psychology at Texas A&M University. She has published more than 120 journal articles in journals such as *Intercultural pragmatics*, *ELT Journal*, *Modern Language Journal*, *System*, *Journal of Pragmatics*, *Journal of Asian Pacific Communication*, and *Bilingual Education Journal*. Her research interests include intercultural communication, Discourse Analysis, Instructional and intercultural pragmatics, cyber-pragmatics, L2 literacy development, L2 literacy in content areas, and task-based language teaching and technology.

Contact information:

Texas A&M University
College Station, Texas, USA
Texas A&M University-Qatar
Doha, Qatar
e-mail: zeslami@tamu.edu
ORCID: 0000-0003-2969-5056

Сведения об авторах:

СТЕФАНИ МУДИ имеет более чем десятилетний опыт преподавания английского языка как иностранного. В настоящее время она работает над диссертацией в Техасском университете А&М. Область ее исследования включает переключение кода, подготовку преподавателя к работе по программе ELL.

Контактная информация:

Texas A&M University
College Station, Texas, USA
e-mail: smmoody@tamu.edu
ORCID: 0000-0001-7796-130X

ЗОХРЭ Р. ЭСЛАМИ — профессор кафедры педагогической психологии в Техасском университете А&М, США. Реализует программу двуязычного образования / преподавания английского языка как иностранного языка. Она автор более 120 статей в таких журналах, как *Intercultural pragmatics*, *System*, *ELT Journal*, *Modern Language Journal*, *Journal of Pragmatics*, *Journal of Asian Pacific Communication*, *Bilingual Education Journal*. Область ее исследований — межкультурная коммуникация, дискурс-анализ, учебная и межкультурная прагматика, кибер-прагматика, развитие грамотности в обучении иностранному языку, применение технологий в обучении иностранному языку.

Контактная информация:

Texas A&M University
College Station, Texas, USA;
Texas A&M University-Qatar
Doha, Qatar
e-mail: zeslami@tamu.edu
ORCID: 0000-0003-2969-5056

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365

Research Article

The encounter of two cultural identities: The case of social deixis

Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová and Ingrida Vaňková

University of Prešov in Prešov
Prešov, Slovakia

Abstract

In contact with foreign environment, the encounter of two (or more) cultures is common in situations with an incompatible cultural aspect. A typical example is T-V distinction. In most languages, mainly European ones, conveying social deixis oscillates between two poles: T and V forms. Present-day English is the only mainstream language with the absence of morphological markers for conveying T/V relationships. The present research examines the concept of expressing social distance in Slovak and in English, languages respectively having and lacking overt T/V markers, in order to specify the distinctiveness of English vs. Slovak lingua-cultural identity and/or discursive practice of the respective culture with regard to expressing social distance. This is done in two steps. Firstly, the underlying concepts (a lingua-cultural identity, social distance, T/V forms) are studied by means of the conceptualizing scheme (Kačmárová, Bilá, Vaňková 2018); its essence lies in accounting for and in aligning four sub-processes: frame establishment, encoding (pre-understanding), contextualization (salience), and code configuration. The conceptualization process utilized a set of principles (adopted from Clyne, Norrby & Warren 2009). Secondly, based on the theoretical results, the questionnaires were designed. The questions for native speakers of Slovak examined the preferences in the usage of T vs. V forms; the questions for native speakers of English examined the preferences in the usage of informal vs. formal ways of communication. The present study indicates that the conceptualizing process may as well be of hierarchical nature. Thus, the mere conceptualization of T vs. V or informal vs. formal may emanate from the conceptualization of social distance in terms of a set of principles, the conceptualization of the specific principle in terms of the relationship types, the conceptualization of the relationship type in terms of a specific culture and the conceptualization of a culture-specific relationship type through language means (T or V).

Keywords: *lingua-cultural identity, social distance, power and solidarity, T/V forms, native speakers of English, native speakers of Slovak*

For citation:

Bilá, Magdaléna, Alena Kačmárová and Ingrida Vaňková. 2020. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 344—365. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365

Проявление культурной идентичности в социальном дейксисе

Магдалена Била, Алена Качмарова и Ингрида Ванькова

Прешовский университет в Прешове

Прешов, Словакия

Аннотация

В межкультурных контактах неизбежно проявляются различия, особенно в ситуациях, где расхождения предопределяются культурой. Типичным примером является передача ты/Вы отношений. В большинстве языков, в основном европейских, передача социального дейксиса колеблется между двумя полюсами: ты/Вы формами. Современный английский язык является исключением, так как в нем отсутствуют морфологические маркеры для передачи отношений ты/Вы. В данном исследовании рассматривается выражение социальной дистанции в словацком и английском языках, т.е. в языках, один из которых имеет, а другой не имеет ты/Вы маркеров. Цель исследования — определить различия между английской и словацкой лингвокультурными идентичностями и/или дискурсивными практиками соответствующих культур в отношении выражения социальной дистанции. Исследование проводилось в два этапа. Сначала были изучены базовые понятия (лингвокультурная идентичность, социальная дистанция, ты/Вы формы), для чего была привлечена концептуализирующая схема (Kačmárová, Bilá, Vaňková 2018), суть которой заключается в учете и согласовании четырех процедур: установление рамок, кодирование (предварительное понимание), контекстуализация и кодовая конфигурация. В процессе концептуализации использовался набор принципов, взятых из Clyne, Norrby & Warren 2009. На втором этапе, на основе полученных теоретических результатов, были разработаны анкеты. Вопросы для носителей словацкого языка отражали предпочтения в использовании ты/Вы форм; вопросы для носителей английского языка отражали предпочтения в использовании неформальных и формальных способов общения. Данное исследование показывает, что процесс концептуализации также может иметь иерархическую природу. Простая концептуализация ты/Вы форм или формальности/неформальности может вытекать из концептуализации социальной дистанции на основе набора принципов, концептуализации конкретного принципа исходя из типа отношений, концептуализации типа отношений в рамках конкретной культуры и концептуализации культурно-специфичного типа отношений через языковые средства (ты или Вы).

Ключевые слова: *лингвокультурная идентичность, социальная дистанция, власть и солидарность, ты/Вы формы, носители английского языка, носители словацкого языка*

Для цитирования:

Bilá, Magdaléna, Alena Kačmárová and Ingrida Vaňková. 2020. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 344—365. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365

1. Introduction

Once conducted research on expressing social deixis in two languages led to an important conclusion that serves as a research problem in the present study. The study concerned (Bilá, Kačmárová & Kraviarová 2018) dealt with expressing interpersonal relationships, namely T and V (tous vs. vous) address in Slovak and in English based on phonic realization of utterances. We compiled a corpus of

utterances spoken in everyday situations, categorized them based on socially acceptable principles for T and V distinction, and subdivided them into two subcorpora (utterances complying with T-form and those complying with V-form lingua-cultural behavior). As a result, we obtained unbalanced corpora in that the latter was significantly lower in number. The important finding (and the tentative research problem) is that the American culture seems to apply the model of “dispersion” rather than bipolarity, which makes it an intricate task to identify V (*vous*) encounters.

Thus, we consider it an issue worth investigation to find out what principles are applied in the decision-making process in addressing someone through T-forms or V-forms. The two inherently imply different concepts in the two cultures: in Slovak, it may well be a grammatical concept (due to adopting morphological means) and is closely associated with politeness marking (*cf* Rhee 2019); in English, it may as well be a socio-pragmatic and lexical concept (due to adopting other than morphological means). We argue that examining the concept of expressing social distance in languages with and without overt grammatical T/V markers must consider what the speaker is committed to in interaction (Haugh 2013: 41): “A speaker means something by intending that the hearer recognise what is meant as intended by the speaker,” but also, the speaker is held accountable to the moral order for what he or she is taken to mean in interaction. The notion of speaker meaning must be delineated by culturally conventionalized sets of principles of linguistic and non-linguistic behavior.

The present study aims to specify the distinctiveness of English vs. Slovak lingua-cultural identity and/or discursive practice of the respective culture with regard to expressing social distance. The underlying concepts of this study include the concepts of a lingua-cultural identity, social distance, discursive practices, and a multilingual and a multilingual’s mind. These concepts are tackled and our understanding of their standing in the present study is presented in the second section. The methodology of research including the aim, research questions, a research plan, utilized methods and tools make part of the third section. The research findings are given and commented on in the fourth section.

2. The research underlying concepts

2.1. *Lingua-cultural identity and Social distance*

Anthropologists approach culture as something belonging to a particular society, something that makes that society different from others. Hall (1983) sees culture as an invisible mechanism controlling one’s thoughts. Hofstede (1994) treats it as a representation of collective programming of the mind typical of a particular group of people. Spencer-Oatey (2004: 4) understands culture as “... a fuzzy set of attitudes, beliefs, behavioural norms, and basic assumptions and values that are shared by a group of people and that influence each member’s behavior and his/her interpretation of the ‘meaning’ of other people’s behavior.” One way or

another, we deal with a sense of (lingua)cultural identity developed under certain circumstances and conventionalized over time, which is pertinent to a specific lingua-cultural community.

Within the anthropocentric (Vaňko 2014) and socioconstructivist (Kirschner & Martin 2010) paradigms, a lingua-cultural identity can be seen as a structure permanently created in the interaction of ‘I — others — a lingua-culture’. Vignoles, Schwartz, and Luyckx (2011) argue that within any cultural environment and historical moment, identity categories, including a cultural identity, possess particular meanings established, structured and manifested through social discourse as a sum of everything that is said, written, talked about and represented in a given state of society. Therefore, one of the manifestations of lingua-cultural identity is linguistic behavior through which a language user verbalizes all concepts, values, and schemes of conduct practiced in a particular lingua-culture. An inherent part of a lingua-cultural identity is the experience-and-knowledge based competence to understand what is appropriate and inappropriate in their lingua-culture, what language means comply with unwritten rules of conduct (e.g. social distance, social deixis), what is allowed, what is already taboo. Succinctly, as Matos Lisboa and Leite de Oliviera (2017: 321) state, “identities are very complex, built through discourse.” In a similar vein, the culture-based investigation views an identity as “historically and discursively constructed”, as an entity which is fluctuating and not primeval (Moghadam 2018).

Comparing the verbalization of social distance and social deixis in English and Slovak, significant discrepancies may be observed, mainly in the presence vs. absence of their expression through morphological means. The lack of morphological means in English serving as a “corridor” for the present-day lingua-cultural behavior may not directly source from the suppression of detailed stratification of relationships. Although the verbalization of social stratification in English through pronominal and morphological means is much simpler than in Slovak, a detailed socio-linguistic analysis may reveal other distinctive channels and means through which social distance is expressed and verbalized.

When clarifying the discrepancies in the conceptualization of social stratification in English and Slovak, it is necessary to draw on the delineation of singular "you" in English and "ty/vy" (T/V form) in Slovak as linguistic signs, i.e. semiotic concepts understood in the semiotic-cognitive-axiological interspace. A useful approach may as well be the considering of the relationship of referential and contextual meaning types. The concept of respect is the semantic feature of the referential lexico-grammatical meaning of V-form as a ‘respectful you’ operating also at the level of connotative meaning; V-form is typical for the children/teenagers-to-elderly conversations, formal situations, and small talks (which are generally of formal nature).

The conceptualization of social distance through singular "you" in English is structured as the fusion of its referential and contextual meaning with the predominance of contextual meaning. With regard to its referential meaning

singular 'you' refers to a single recipient. The overall meaning of this personal pronoun expressing and encompassing concepts of respect and familiarity is comprehensively structured in its contextual meaning through the deployment of other language means within the immediate linguistic environment.

In Slovak, social distance is also conceptualized as the fusion of referential and contextual meaning, however with the predominance of referential meaning. The concept of social distance is an intrinsic part and a semantic feature of both T-form and V-form referential lexico-grammatical meanings. The basic semantic feature identified within the semantic structure of referential and lexico-grammatical meaning of T-form is familiarity operating also at the level of connotative meaning in the sense of stylistic reference of T-form and its emotional coloring. The usage of the T-form thus may be observed in encounters within family, among friends and as part of child-to-child, teenager-to-teenager, or the elderly-to-children/teenagers conversations.

The usage of T/V forms in Slovak uncovers unwritten rules conventionalized within the lingua-culture. To exemplify the most interesting ones, several situations may be described. During an adult-to-person-under-18 conversation, an adult can use 'familiar you' (T-form), while a young person is supposed to adhere to 'respectful you' (V-form). The transition from V-form to T-form in conversation between strangers implies a shift in their relationship towards a closer friendship or a more relaxed relationship. Such a development may be observed also in relations among work associates, with the exception of business talks and negotiations, during which the social distance of superiority is established either through V-form and/or other language means. Linguistic behavior of Slovak native speakers unveils that the decision for T- or V-form highly depends on the level of acquaintance, level of familiarity, or gender (e.g. at work, it is more typical of men-to-men to start first-name relationship sooner than of woman-to-woman or man-to-woman relationship).

2.2. Discursive practice

The use of language in a variety of settings, discourse, is viewed upon as a three-dimensional concept: as text, discursive practice, and social practice (Fairclough 1992). As social practice, the use of language is entrenched in social and historical environment, participates in the social structuring of reality, in the social modeling of a community, in the crafting of social identities, in the modelling of social relations and in the generating of intricate discursive practices and discourse conventions (Resta 1998, Van Dijk 2006). Discursive practices are responsible for configuring discursive commitment. Since discursive commitment (on the term, cf Brandom 1994) becomes socially consequential, it abides by cultural norms, hence relies on conventionalized communication styles. For this reason, speaker meaning may as well embody social commitment, which as a matter of fact is culture-sensitive.

Discursive practice, a “poststructuralist term, denotes the way in which a discourse is acted on and circulated within a culture” (online, behavenet). Foucault (2001, 2010) understands discursive practices as the indicators of power relations in the society and routines in which a power relationship is created by enhancing it through the use of language. The power relationship is then revealed through a range of practices such as speech styles which include lexis, morphosyntactic structures, intonation, forms of address, naming strategies, etc. The discursive practices thus signify and through their recurrence eventually confirm the social status of the speakers thus pointing to social stratification in a society (Chiluwa 2010). “‘Discursive practice’ represents how discourse is involved in the construction of social and cultural practice including beliefs, knowledge, religion, norms and values” (Chiluwa 2010: 113).

Discursive practices further translate in “linguistic behavior, an aspect of culture conceptualized as a blend of inborn and acquired individual traits operating in communication and manifested in the attitude to the language and linguistic activity” (Valeyeva 2014: 986). Learned or acquired (i.e. extrasomatic or extragenetic) behavior may just as well be referred to as cultural behavior. In linguistic and cultural behavior, the principles, rules, values and narratives of a given cultural community are repeatedly (overtly or covertly) exhibited, strengthened, and authorized. Thus, they transform into cultural patterns which are transmitted to future generations, maintain and sustain the culture in question. In such a manner, language use and discursive social interaction contribute to the development of cultural identities and cultural sensitivity (Komlósi 2003).

Cultural embeddedness of discursive practices and social dependence of social commitment represent one of the troublesome areas for anybody involved in intercultural communication. Effective intercultural communication presupposes much more than the mere knowledge of L2 lexis and grammar, the means of social deixis considered appropriate and polite in one linguacultural community may be inappropriate and impolite in another. Hence, acquaintance with the culturally appropriate L2 discursive practices is of major importance. As generally acknowledged, there is a reciprocal and complex relationship between language and culture in that a language mirrors a community’s cultural features and “constitutes cognitive and affective coherence in the social reality of culture whereas cultural-societal phenomena secure the grounding of meaning in language and lend meaning-contents to linguistic expressions. [...] Knowledge of the extra-linguistic world gets delicately integrated into detailed and fine-grained linguistic knowledge” (Komlósi 2003: 163).

There is ample evidence that comprehending an utterance (especially in L2) requires the involvement of several mental domains representing different knowledge sources (Komlósi 2003). A typical example is English and Slovak (together with other languages): the latter possess(es) pronominal and morphological means of social deixis; the former lacks such elements. Hence, the underlying question is whether or not native speakers of a language lacking overt

markers of social deixis (lexical or morphological) have such a frame in their minds. As mentioned above, social deixis is necessarily linked with culture-specific discursive commitment. However, it is necessary to seek answers to questions like what commitment rules in expressing social deixis exist and what conventional (or rather conventionalized, as it were) means or discursive practices allow a hearer access the speaker's commitment. Unveiling discursive practices and social commitment rules in L2 culture can as well provide hints for linguistic behavior of a speaker raised in an L1 culture.

2.3. A Multilingual and a Multilingual's Mind

The number of countries largely differs from the number of languages, which makes us think that many languages get in contact. Consequently, many people are exposed to more than a single language. Hence, bilingualism (or multilingualism) is a natural part of everyday life (Kortvélyessy 2010: 44-45). The practice of alternately using two (or more languages) is the basis for all subsequent treatments of bi-/multilingualism. In defining a bi-/multilingual, different theories consider based on whether they account for origin, competence, function (self-)identification, age, context, approach, order and sequence. Hoffman (1991: 18) states seven factors that influence bilingualism, and recognizes subtypes within each, namely: age, context, the relationship between a sign and a meaning, order and sequence, competence, function, and approach.

Grosjean (1985: 24) holds a holistic view of bilingualism which “proposes that the bilingual is an integrated whole which cannot easily be decomposed into two separate parts.” A multilingual's identity is not only a matter of personal identity but is greatly influenced by the sociocultural context. It is a structure created in line with how people interpret their contact with reality. It is permanently shaped by socialization and individualization followed by individuation, i.e. interpersonal contact with appropriate communication partners on appropriate topic in appropriate situations at appropriate times. It becomes realized in such kind of discourse that involves a balanced share of elements studied by (social) psychology, anthropology, and philosophy. The three perspectives work in synergy.

(Social) psychology suggests the usage of language as an artifact of culture. This implies that a human being is a creator of meaning, a self-interpretive being. Hence, identity is constructed through cultural symbols and traditions. As a matter of fact, culture comprises all artifacts and practices accumulated by a particular community through its historical development. The perspective of anthropology implies that communication involves a deep-rooted plan of non-conscious norms and structures of thinking (non-conscious in the sense of automatic, routine). A cultural sign can be understood as a representation of an unconscious thought structure of a cultural phenomenon. Cultural signs cannot be studied as autonomous entities; they fall into a set of syntagmatic and paradigmatic relations, and through their presence in these relations they obtain a specific meaning. The philosophy-based view advocates that the identity of ‘I’ need be considered within the domain

of self-interpretation since ‘I’ cannot exist on its own. Taylor (1985) claims that a language is not a mere cluster of discrete tools; it is a network, and in each part of the network a whole is represented. Thanks to people’s ability to use language, they are responsible for sharing meaning and experience in the incessant creation of a language. This process is constant — people can never capture a language in all its complexity.

In a language, a speaker, text, and socio-cultural context are put into mutual relationship. Ricoeur’s (1974, 1976) understanding of discourse is such that even though a language is a prerequisite for communication, it is in discourse that the exchange of messages actually happens. A language does not entail a world; however, a discourse always revolves around a subject-matter. This leads Ricoeur (*ibid*) to believe that a language is a mediator between meaning (as the outcome of an activity) and discourse (as an event). Discourse is linked with a person (the speaker) illustrating the dialectal relationship between an event and meaning.

After one’s exposure to a different culture, we start to notice differences and start to consciously contemplate other people’s linguistic behavior (*cf.* Larina 2015; Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017). The mind of a monolingual/monocultural person continuously changes to that of a bi-/multilingual or bi-/multicultural. This change lies in the change of the nature of the so-called common underlying conceptual base (Kecskes & Papp 2000: 42): “the full acquisition and proper use of a concept requires the learner to know not only its lexical-semantic counterpart and associated declarative knowledge but also the multimodal mental representation and culturally based behavioral scripts and schemas that are required through genuine communication.” In the course of change from a monolingual/monocultural to a multilingual/multicultural, the configuration of language-culture-identity element is altered. It culminates with the stage of individuation seen as a unique quality attributable to multicompetence. Its essence is conceptualization. In the present study, we implement the four-item conceptualization scheme to identify a lingua-cultural identity and/or discursive commitment with regard to expressing social distance.

3. Research methodology

The research questions that we ask are as follows:

1. What is embodied in the concept of social distance and/or (in)formality in communication in a specific lingua-cultural identity?
2. What are the implications in case the encounter of two cultural identities occurs?

We look for the answers to these questions through implementing the conceptualization scheme (Kačmárová, Bilá & Vaňková 2018). In our approach, the process of conceptualizing comprises four constituents that all together yield the conceptualization of a particular language unit or phenomenon: frame establishment, pre-understanding, salience, and code configuration. Frame establishment represents a field or a higher-order principle that the language

unit/phenomenon is part of. Pre-understanding stands for defining the meaning, pre-conceptual knowledge of cultural/linguistic systems and codes. Saliency embodies example usage of the language phenomenon in a specific context. Code configuration signifies considering a language pair within which a semantic equivalent is searched for, or the way that will enable us to identify a semantic equivalent (Bilá et al 2018, Kačmárová, Bilá & Vaňková 2018). The idea that triggered this model was to provide information enhancing the deep structure rather than the surface structure of a language unit and/or phenomenon. This four-point model should guarantee that the actual conceptualization has taken place. We dare venture, only after the conceptualization is adopted, can the language phenomenon be appropriately approached and used with confidence.

The starting point is the concept of a lingua-cultural identity. If we take this term as a frame, we need to “dissect” it into pieces. To be able to do so, we adopt two tools: 1/ a set of principles of social distance, and 2/ a questionnaire. The former (adopted from Clyne, Norrby & Warren 2009: 158) consists of six principles:

Familiarity principle: Do I know this person?

Maturity principle: Do I perceive this person to be an adult?

Relative age principle: Do I perceive this person to be considerably older/younger than me?

Network membership principle: Is the person a regular and accepted member within a group I belong to?

Social identification principle: Do I perceive this person to be similar or different from me?

Address mode accommodation principle: If this person uses T/V, or a T/V-like address with me, will I do the same?

The questionnaire was prepared in two versions; one for native speakers of Slovak, one for native speakers of English. The questionnaire was filled out by 51 respondents (25 NSS, 26 NSE), male and female, 21 — 67 years of age, 30 years of age in average.

The research plan was as follows. First, we analyzed the concept of expressing social distance as a reflection of a lingua-cultural identity through implementing the four-point conceptualization scheme. In the applied scheme, the analyzed concept is considered in two directions — it is at once a conceptual hyponym and a conceptual hyperonym. For instance, if the concept under study is social distance, it is a conceptual hyponym to the concept of lingua-cultural identity and a conceptual hyperonym to T/V forms of expressing relationships of power and solidarity. Secondly, based on the results obtained through the conceptualizing process, we designed the questionnaires. The questions for native speakers of Slovak examined the preferences in the usage of T vs. V forms. The questions for native speakers of English examined the preferences in the usage of informal vs. formal ways of communication. Thirdly, we analyzed the questionnaires. The process of conceptualizing and the analysis of questionnaire data is presented in Section 4.

4. Research findings

4.1. *The analysis of the concept of social distance*

FRAME: The concept of social distance can be framed within the notion of lingua-cultural identity.

PRE-UNDERSTANDING: It is a culture-specific notion of one's position in a society expressed through the linguistic expression of person-to-person relationship, or power and solidarity concept. Social distance or closeness presupposes common ground between the interlocutors, which is to say the conceptual fluency of discursive routines typical of a particular lingua-cultural community.

SALIENCE: The typical means of expression is T (tous) or V (vous) forms in languages that have such forms in possession. It seems that English is the only major language that lacks overt morphological markers; however, it does not exclude the existence of social distance. The network of social relationships necessarily includes both T and V relations, their linguistic expression just differs from that in the languages with overt morphological markers.

CODE CONFIGURATION: The used morphological and lexical markers of the T/V phenomenon must follow certain principles. It is necessary to identify these principles.

4.2. *The analysis of the concept of T and V forms*

FRAME: The concept of T and V forms is framed within the concept of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: There must be some principles operating in each lingua-cultural community, yet of idiosyncratic nature.

SALIENCE: The principles that can explain discursive practices with regard to T/V relationships may as well be abundant in each culture. Still, a comprehensive framework will ease the present analysis. We opt for the set of principles proposed by Clyne, Norrby & Warren (2009: 158): familiarity principle, maturity principle, relative age principle, network membership principle, social identification principle, address mode accommodation principle.

CODE CONFIGURATION: Each principle can be rephrased by means of targeted questions (see 3 Research Methodology). Within each principle, types of relationships can be identified.

4.3. *The analysis of the concept of principles*

4.3.1. *Familiarity principle*

FRAME: Principles for specifying verbal expression of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: Familiarity principle implies how much I know the person I am talking to. On one side, this is based on the facts like how long I have known the person, how frequently I am in contact with the person. However,

on the other side, we need to consider how close relationship I have developed with the person based on the level of trustworthiness or willingness to share personal information.

SALIENCE: The familiarity principle encompasses an array of relationships that can be identified within this concept. We can consider these relationships on a sliding scale from very formal to very informal. These include: acquaintance, friend, close/distant relative, co-worker, boss in the lower/higher management.

CODE CONFIGURATION: Every relationship type has particular distant features that make one consider an acquaintance not a friend, or a distant relative rather than a close relative. Some of these relationships are based on objective features like work affiliation, position in a family tree. Others may imply some subjective evaluation — somebody may be just a co-worker; somebody else may be more of a friend than just a co-worker. In addition, there might also be cultural differences in specifying the borderlines between certain relationships — someone who is a close relative in India may as well be a distant relative in Slavic cultures. The task is to realize the socio-cultural restraints in this respect.

Based on this code configuration, we specified the questionnaire tasks as follows: Please indicate in what situations you are most frequently on formal terms (and/or use V forms and adequate vocabulary) and in what situations you are most frequently on informal terms (and/or use V forms and adequate vocabulary). If it is hard for you to decide, as the ratio of such situations is balanced, please mark the “T/V” column. The situations are as follows:

1. The conversation partner is your ...

The respondents were supposed to provide answers for each of the following relationship types: acquaintance, friend, close friend, co-worker, boss in the lower/higher management, close relative, distant relative.

2. I have known the conversation partner ...

The respondents were supposed to provide answers for each of the following options: for a very long time, for a long time, for a short time, for a very short time.

The following results have been obtained (Table 1).

Table 1

Familiarity principle data

	Formal		Informal		formal or informal	
	NSS	NSE	NSS	NSE	NSS	NSE
Acquaintance	3.10 %	27.30 %	28.10 %	27.30 %	68.80 %	45.40 %
Friend	0.00 %	9.10 %	100.00 %	81.80 %	0.00 %	9.10 %
Co-worker	3.10 %	18.20 %	50.00 %	45.50 %	46.90 %	36.30 %
Boss-lower	68.80 %	27.30 %	15.60 %	27.30 %	15.60 %	45.40 %
Close relative	0.00 %	0.00 %	62.50 %	90.90 %	37.50 %	9.10 %

Legend: NSS — native speakers of Slovak, NSE — native speakers of English,

The research shows from balanced to almost identical results in the following relationship types: informal behavior when involved in a conversation with a close friend, formal in interaction with a boss (a representative of higher management) and also in interaction with a distant relative. The results worth further discussion are those regarding the concept of friend. Based on the obtained data, it follows that the notion of “friend” has different conceptualization for native speakers of Slovak than for native speakers of English, see Table 2.

Table 2

The conceptualization of ‘friend’

100.00 % of native speakers of Slovak:	friend equals informal communication
81.80 % of native speakers of English:	friend equals informal communication
9.10 % of native speakers of English:	friend equals formal communication
9.10 % of native speakers of English:	friend equals formal or informal communication

It follows that the notion of friend in English not necessarily implies informal relationship; the term friend is less intimate or more dispersed for the native speakers of English than for the native speakers of Slovak who took part in the survey. The conclusion is that the term ‘friend’ may as well be a culture-specific term necessitating further specification of its lingua-cultural parameters.

The criterion of length of relationship yielded the following results (Table 3).

Table 3

Familiarity principle / length of relationship

	Long formal	Long informal	Short formal	Short informal
NSE	27.30 %	72.70 %	72.70 %	27.30 %
NSS	53.10 %	46.90 %	93.80 %	6.20 %

Regarding a long relationship, the more common behavior in line with politeness principles is other than formal; regarding a short relationship, quasi default conduct may be considered other than informal. For this reason, it is interesting to observe the difference in the tinted areas of the table. They point to a tentative dissimilarity in the conceptualization of what short and long may mean and/or what effect such conceptualization has on the mere linguistic behavior of a particular lingua-cultural community.

4.3.2. Maturity principle

FRAME: Principles for specifying verbal expression of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: Maturity principle implies the understanding of whether I perceive the person an adult. In some countries, it may imply a border when I am quasi-allowed to use T form and/or informal address, and since what age it is impolite or disrespectful to do so.

SALIENCE: Maturity principle encompasses situations in which irrespective of the physical age of the conversation partner I consider or I do not consider him/her mature and adult and I express myself accordingly.

CODE CONFIGURATION: The task is to realize the socio-cultural restraints in this respect, i.e. how a particular culture linguistically treats mature and immature persons.

The questionnaire data show the contradictory tendency in the linguistic behavior between native speakers of English and native speakers of Slovak. If the native speakers of English were in a conversation with a person that they consider mature, 54.50 % of them would behave informally and 9.10 % formally. If the native speakers of Slovak, were in a conversation with a person that they consider mature, 6.30 % of them would behave informally and 53.10 % formally.

4.3.3. *Relative age principle*

FRAME: Principles for specifying verbal expression of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: Relative age principle implies considering whether I perceive my communicative partner to be of (approximately) my age or (considerably) older/younger than me. The principle draws on verbal behavior principles which humans as sociocultural beings have developed in socialization and social interaction. In socialization, the process by which the values, patterns of behavior, attitudes, and skills are considered as culturally appropriate, many agents are involved (family, peers, education, the media) and operate jointly rather than separately (Leidy & Parke 2015). These processes are responsible for legitimizing and institutionalizing the communication norms pertaining to our interactants of (near) similar or different age (older vs. younger). As a rule, these norms tend to be consensually accepted, relatively firm and pervasive (Tajfel 1979).

SALIENCE: Relative age principle operates in situations in which I consider the physical age of the conversation partner, compare and associate it with my age.

CODE CONFIGURATION: In this stage, cognitive-evaluative operations need to get involved in order to identify (assume) my interactant's physical age and to correlate it with mine, i.e. as being (near) similar to mine, identical with mine, different from mine (younger or older).

The respondents were asked to express their preference in T or V forms in conversation with someone who is the same age, younger, significantly younger, older, or significantly older, irrespective of their physical age. The data show balanced results in the significantly younger and significantly older age groups in NSE and NSS respondents and differing results in that in the native speakers of Slovak a tendency to formal linguistic behavior was observed. The differing results for the criterion of relative age are as follows (Table 4).

Table 4

Relative age principle				
	Same age & younger formal	Same age & younger Informal	Older formal	Older informal
NSE	0.00 %	100.00 %	9.00 %	81.00%
NSS	15.60 %	84.40 %	59.40 %	40.60 %

4.3.4. Network membership principle

FRAME: Principles for specifying verbal expression of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: Network membership principle implies considering the person a regular and accepted member within a group I belong to. The underlying conceptualization of the principle refers to “the social group as a collection of individuals who identify themselves as members of a social category sharing some emotional involvement in their common definition of themselves, and achieve some degree of social consensus about the evaluation of their group and of their membership of it” (Tajfel 1979: 40)¹. This type of social categorization serves as a cognitive tool for segmenting and systematizing the social reality and providing an orientation tool for self-reference (Tajfel 1979).

SALIENCE: Network membership principle operates in situations in which I consider the network membership of the conversation partner, compare and associate it with mine.

CODE CONFIGURATION: In this stage, cognitive-evaluative operations need to get involved to identify my interactant’s network membership and to juxtapose it with mine, i.e. identify our relationship as in-group vs. out-group and, consequently, adhere to appropriate communication norms.

The respondents were asked to express their preference in the usage of T or V forms based on whether as in-group members they share 1/ pastime activities, hobbies, 2/ work-related interests, or 3/ both pastime activities and work interests. The questionnaire data reveal that the principle under consideration is conceptualized and manifested in a very similar communication norm, namely the adherence to T forms in 100% in NSE and to informal language in 98% in NSS. The balanced results achieved in the study imply that this principle may universally operate across cultures. In addition, it is in accord with the findings of other communication studies showing that the individuals highly identified with their in-groups tend to communicate more formally with the out-group members (exhibiting more social distance) and informally (exhibiting less social distance) with the in-group member.

¹ The notion of group (network) membership is treated within his paradigm of social identification theory which is present in socio-political discussions and research on the issues of social inclusion and exclusion. Gradually the term acquired more negative connotation due to its application in socio-political research on the discrimination and inequality. We have adopted the concept and applied it to the present research as a notion void of any negative connotation and referring to cognitive-evaluative tool necessary in order to allocate *Self* on a social map.

4.3.5. *Social identification principle*

FRAME: Principles for specifying verbal expression of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: Social identification principle implies considering whether I perceive this person to be similar or different from me. The principle is closely interconnected to the notion of social identity structured as an interface between three socio-operative notions of social categorization, social identification, and social comparison. Social categorization (Tajfel 1979) as a cognitive and evaluative tool is used in order to understand the social environment in terms of social stratification categories. Social identification (a process of categorizing oneself into the group they belong to) builds on the acquired and experienced knowledge of social stratification and presupposes social comparison. Once a person has categorized themselves as part of a group within a social stratification system and has identified with that group, they exercise comparison of that group with other groups.

SALIENCE: Social identification principle operates in situations in which I delineate social status of the conversation partner, compare and associate it with the social status of mine.

CODE CONFIGURATION: In this stage, cognitive-evaluative operations are carried out to clarify my and conversational partner's social status and to interrelate them in terms of the following social status interrelations types: social status similar to mine, identical to mine, different from mine, very different from mine.

The respondents were asked to express their preference in the usage of T or V forms according to the social status of their conversation partner; the options were as follows: similar to mine, identical as mine, different from mine, and very different from mine. The questionnaire data reveal that the principle under question is structured and verbalized differently in the two lingua-cultures. Two thirds of native speakers of English use it as an autonomous principle; on the contrary, within the Slovak lingua-culture, two thirds of the native speakers of Slovak claimed that supplementary criteria would be necessary to make a proper choice.

4.3.6. *Address mode accommodation principle*

FRAME: Principles for specifying verbal expression of social distance.

PRE-UNDERSTANDING: Address mode accommodation principle implies the idea of what influence it has on my linguistic behavior if the person uses T/V or a T/V-like address with me. Address mode accommodation principle as one of the fundamental social skills of adapting and/or non-adapting to certain communicative situation can be regarded as an integral constituent of communicative competence and linguistic behavior. Non-adaptation to communicative style and linguistic behavior of the conversational partner does not necessarily mean that a language user does not possess this skill.

SALIENCE: Accommodation and/or non-accommodation to a communicative situation (*cf* Giles & Soliz, 2014) is a result of its complex evaluation and

involves the cognitive-evaluative analysis of all six aforementioned principles.

CODE CONFIGURATION: The task is to conceptualize lingua-cultural rules of symmetry standing for address mode accommodation and of asymmetry expressing address mode non-accommodation.

The respondents were asked to consider two situations: Do you ever find yourself in the following situations? 1/ The conversation partner treats me in an informal way; I treat him/her in a formal way. 2/ The conversation partner treats me in a formal way; I treat him/her in an informal way. They were supposed to answer by selecting one of the frequency words on a scale (never, sometimes, often, very often). The questionnaire data evidence the absence of the address mode accommodation in the linguistic behavior of the native speakers of English (0% of respondents use the asymmetry); the answers provided by the native speakers of Slovak show that the asymmetry of this kind may well be relatively common (43.8% of NSS respondents exercise the address mode of non-accommodation).

4.4. Summary and discussion

The research problem of identifying informal (T) and formal (V) linguistic conduct in the English-based lingua-culture necessitates the analysis that we have decided to undertake by means of a four-point conceptualization scheme. The mere analysis comprised 3 sub-analyses. Firstly, our view is that the starting point is placing the concept of social distance in the framework of lingua-cultural identity. It follows that this concept is expressed by means of T and V forms that must be used in a particular lingua-culture based on certain principles. The analysis of this concept has yielded the task to identify the principles.

Secondly, the concept of T and V forms can be framed into social distance. They are used based on certain principles controlling discursive practices; we have opted to specify the principles in compliance with Clyne, Norrby & Warren (2009: 158): familiarity principle, maturity principle, relative age principle, network membership principle, social identification principle, address mode accommodation principle. So, to proceed with analysis, it is necessary to identify relationship types within each principle.

Thirdly, we analyzed each principle. All of them can be framed within social distance. Individually, they provide the understanding of relationships based on certain rules pertinent to a particular culture. We specified these relationship types as follows:

- Familiarity principle: acquaintance, friend, close/distant relative, co-worker, boss in the lower/higher management.
- Maturity principle: someone I consider mature and an adult vs. someone I do not consider so.
- Relative age principle: someone I consider approximately of my age, someone I consider younger/older, someone I consider significantly younger/older.

- Network membership principle: someone I consider a regular and accepted member within a group I belong to, someone I do not consider so.
- Social identification principle: someone I consider socially similar to me vs. someone I consider socially different from me
- Address mode accommodation principle: I adapt to the T/V forms used by my conversation partner, I do not adapt to the T/V forms used by my conversation partner.

Within the conceptualization scheme, the code configuration of each principle yields a task to identify socio-cultural restraints and lingua-cultural preferences. To do so, we designed two questionnaires; one for native speakers of English (hereinafter NSE) and one for those of Slovak (hereinafter NSS). The data provided the following results.

The familiarity principle shows interesting results in the relationship with boss in the lower management — for two thirds of the NSS, it is a formal relationship, while it is so only for one third of NSE. Another interesting result is in the notion of friend — for 100% of the NSS it represents an informal relationship, while for 9% of the NSE it may also represent a formal relationship. Regarding the length of a relationship, the NSE expressed a much quicker transition to an informal relationship than the NSS — in a long relationship, 27% of NSE in comparison with 53% of NSS keep the relationship formal. This can be seen in the fact that in short relationship only 6% of NSS in comparison with 27% of NSE switch to an informal relationship.

The maturity principle supports the results of the familiarity principle. If the NSE considered the interactant mature, 54.5%, in comparison to only 6% of NSS, would behave informally. The relative age principle shows very similar results. If the NSE considered an interactant same age and younger, all of them, in comparison with 84% of NSS, would behave informally. If the NSE considered an interactant older, 81% of them, in comparison with 41% of NSS would behave informally. The network membership principle shows balance in the results between NSE and NSS. The social identification principle has a different standing in the two cultures: the NSE can easily identify with other interactants, the NSS cannot decide based just on this principle (two thirds of them would need supplementary criteria). The address accommodation principle shows differing approaches in the two cultures: 100% of the NSE express the symmetry in the relationship, while 44% of the NSS expressed they accept asymmetry, irrespective in which direction.

The claimed research problem of T/V address rules being dispersed in English-based lingua-cultures may as well lie in the fact that the English lingua-culture tolerates or even supports fast transition and accommodation to the interactant's (non/)linguistic conduct, social closeness rather than distance in verbal expression, yet not necessarily in the true nature of a relationship. Such lingua-cultural rules may well be in sharp contrast with other lingua-cultures, as it can be seen in the example of the Slovak language in the present study.

5. Conclusion

In our quest for the answer to the 1st research question (What is embodied in the concept of social distance and/or (in)formality in communication in a specific lingua-cultural identity?) our point of departure was the concept of a lingua-cultural identity whose function in expressing (in)formal relationship with a respective communication partner is the concept of social distance. Two research tools were applied in order to conceptualize this notion, namely a hierarchical conceptualizing scheme of a set of principles encapsulated in the said notion, and a follow-up questionnaire investigating the preferences in NNS and NSE usage of informal vs. formal ways of communication. In our quest for the answer to the 2nd research question (What are the implications in case the encounter of two cultural identities occurs?) we referred to the analyses of the conceptualizing schemes employed for a set of principles and linked them with the questionnaire data. The present study indicates that the conceptualizing process may as well be of hierarchical nature. Thus, the mere conceptualization of T vs. V or informal vs. formal may emanate from the conceptualization of social distance in terms of a set of principles, the conceptualization of the specific principle in terms of the relationship types, the conceptualization of the relationship type in terms of a specific culture and the conceptualization of a culture-specific relationship type through language means (T or V). Frequent involvement in communication acts using more than a single language may be viewed upon as an encounter of two or more cultures, which may impact an individual's identity. In time, the mind of each individual acquires a new quality of the so-called common underlying conceptual base (Kecskes & Papp 2000) and thus may be treated as bi(multi)lingual and bi(multi)cultural from a socio-pragmatic perspective. Regarding a culture-specific relationship type (T or V), in order to arrive at its conceptualization in other than an individual's lingua-culture, a multilingual's mind has to be open to the (hierarchical) conceptualization process and be able to opt for appropriate language means (be it overt syntactic, morphological or lexical means or an amalgam of dispersed features).

© Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová, and Ingrida Vaňková, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Acknowledgment

The present research study is part of research activities conducted within a research grant project KEGA 007PU-4/2019 “Defining a writing style of scholarly papers written in English vs. Slovak/Slavic lingua-culture conventions.”

REFERENCES

- Bilá, Magdaléna, Alena Kačmárová & Marianna Kraviarová. 2018. Expressing social deixis through prosody. A case study of American English. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 15 (1). 80—93. [Electronic resource]. URL: <http://www.skase.sk/Volumes/JTL36/index.html>.
- Chiluwa, Innocent. 2010. Discursive Practice and the Nigerian Identity in Personal Emails. In Rotimo Taiwo (eds.), *Handbook of Research on Discourse Behavior and Digital Communication: Language Structures and Social Interaction*. 1st edn, 112—129. DOI: 10.4018/978-1-61520-773-2.ch007
- Clyne, Michael, Catrin Norrby & Jane Warren. 2009. *Language and Human Relations (Styles of Address in Contemporary Language)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fairclough, Norman. 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
- Foucault, Michel. 2001. *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. London: Routledge.
- Foucault, Michel. 2010. *The Archeology of Knowledge: and the Discourse on Language*. New York: Vintage books.
- Giles, Howard & Soliz Jordan. 2014. Communication Accommodation Theory — A Situated Framework for Relational, Family, and Intergroup Dynamics. In Leslie Baxter & Dawn O. Braithwaite (eds.), *Engaging Theories in Interpersonal Communication: Multiple Perspectives*. 157—169. Thousand Oaks: Sage Publications. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/284957847_Communication_accommodation_theory_a_situated_framework_for_interpersonal_family_and_intergroup_dynamics.
- Grosjean, François. 1985. The bilingual as a competent but specific speaker-hearer. *Journal of Mul-tilingual and Multicultural Development* 6. 467—477.
- Hall, Edward T. 1983. *The dance of Life: the other Dimension of Time*. Garden City, N.Y.: Anchor Press.
- Haugh, Michael. 2013. Speaker Meaning and Accountability in Interaction. *Journal of Pragmatics* 48 (1). 41—56. [Electronic resource]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378216612002925>.
- Hoffman, Charlotte. 1991. *An Introduction to Bilingualism*. Longman.
- Hofstede, Geert. H. 1994. *Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural*. London: Harper Collins.
- Kačmárová, Alena, Magdaléna Bilá & Ingrida Vaňková. 2018. *The Conceptualizing of Conceptualization (of linguistics metalangue)*. Prešov: Prešovská univerzita. [Electronic resource]. URL <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Kacmarova6>.
- Kecskes, Istvan & Tunde Papp. 2000. *Foreign Language and Mother Tongue*. New York, London: Psychology Press, Taylor & Francis Group.
- Kirschner, Suzanne & Jack Martin. 2010. *The Sociocultural Turn in Psychology: The contextual Emergence of Mind and Self*. New York: Columbia University Press.
- Komlósi, László I. 2003. In Quest of Cultural and Conceptual Universals for Situated Discursive Practice. In László Komlósi, Peter Houtlosser & Leezenberg Michiel (eds.), *Communication and Culture Argumentative, Cognitive and Linguistic Perspectives*. 159—176, Amsterdam, Sic Sat.
- Kortvélyessy, Livia. 2010. *Vplyv sociolingvistických faktorov na produktivitu v slovotvorbe* [The impact of sociolinguistic factors on productivity in word-formation]. Prešov: Slovacontact.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres. 195—215.

- Larina, Tatiana V., Vladimir I. Ozyumenko, & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs. we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 1 (1). 109—128.
- Leidy, Melinda S. & Ross D. Parke. 2015. Socialization in Infancy and Childhood. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd edn. 866—872. Elsevier.
- Leite de Oliviera, Maria do Carmo & Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa. 2017. Narratives about displacement and stigmatization of identities. *Russian Journal of Linguistics* 21 (2). 320—334.
- Moghadam, Valentine M. 2018. Introduction: Women and identity in Theoretical and Comparative Perspective. *Identity Politics and Women: Cultural Reassertions and Feminisms in International Perspective*. Routledge. New York.
- Resta, Simonetta. 1998. Words and social change. The impact of power and ideology on the language of Economics and Law, 19—22. *ASpla revue du GERAS. Théorie et pratique des discours spécialisés*. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/asp/2760>. DOI: 10.4000/asp.2760.
- Ricoeur, Paul. 1974. *The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics*. Evanston: Northwestern University.
- Ricoeur, Paul. 1976. *Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning*. Fort Worth: Texas Christian University.
- Rhee, Seongha. 2019. Politeness Pressure on Grammar: The Case of First and Second Person Pronouns and Address Terms in Korean. *Russian Journal of Linguistics* 23. 950—974. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-950-974.
- Spencer-Oatey, Helen. 2000. *Culturally Speaking: Managing Report through Talk across Cultures*. London: Continuum.
- Tajfel, Henri & John Turner. 1979. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In William G Austin. & Stephen Worchel (eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations*, 33—47. Monterey, CA: Brooks/Cole. [Electronic resource]. URL: <http://www.ark143.org/wordpress2/wp-content/uploads/2013/05/Tajfel-Turner-1979-An-Integrative-Theory-of-Intergroup-Conflict.pdf>
- Taylor, Charles. 1985. *Philosophical papers I.: Human Agency and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Valeyeva, Alsu. 2014. Linguistic Behavior as a Social and Cultural Potential in the Multiethnic Community. *Procedia — Social and Behavioral Sciences* 149, 984—989. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275544460_Linguistic_Behavior_as_a_Social_and_Cultural_Potential_in_the_Multiethnic_Community
- Van Dijk, Teun A. 2006. Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies* 11(2). 115—140
- Vaňko, Juraj (eds.) 2014. *Obraz človeka v jazyku*. [A human being's reflection in language] Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta. Faculty of Arts, Constantine the Philosopher University in Nitra.

Article history:

Received: 27 January 2020

Revised: 18 March 2020

Accepted: 25 March 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 января 2020

Дата принятия к печати: 25 марта 2020

Bionotes:

MAGDALÉNA BILÁ is Dr. of Philology, Full Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include comparative and contrastive studies (juxtaposing English and Slovak), discourse analysis, and translation studies (conceptualization in a source and a target language).

Contact information:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, 17 Novembra Street 1, 080 01 Prešov, Slovakia

e-mail: magdalena.bila@unipo.sk

ALENA KAČMÁROVÁ is Dr. of Philology and Full Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include comparative and contrastive studies (juxtaposing English and Slovak), discourse analysis, and intercultural and conceptual pragmatics.

Contact information:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, 17 Novembra street 1, 080 01 Prešov, Slovakia

e-mail: alena.kacmarova@unipo.sk

INGRIDA VAŇKOVÁ is Dr. of Philology, Assistant Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include comparative and contrastive studies (English and Slovak lexicology, phraseology, and word formation), text hermeneutics, and translation studies.

Contact information:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, 17 Novembra street 1, 080 01 Prešov, Slovakia

e-mail: ingrida.vankova@unipo.sk

Сведения об авторах:

МАГДАЛЕНА БИЛА — доктор филологических наук, профессор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета Прешовского университета в Прешове. Ее научные интересы включают сопоставительное языкознание (сопоставление английского и словацкого языков), анализ дискурса и переводоведение.

Контактная информация:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov, 17 Novembra street 1, 080 01 Prešov, Slovakia

e-mail: magdalena.bila@unipo.sk

АЛЕНА КАЧМАРОВА — доктор филологических наук, профессор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета Прешовского университета в Прешове. Ее научные интересы включают сопоставительные исследования (сопоставление английского и словацкого языков), анализ дискурса, а также межкультурную и когнитивную прагматику.

Контактная информация:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov,
17 Novembra street 1, 080 01 Prešov, Slovakia
e-mail: alena.kacmarova@unipo.sk

ИНГРИДА ВАНЬКОВА — доктор филологических наук, доцент Института британских и американских исследований гуманитарного факультета Прешовского университета в Прешове. Ее исследовательские интересы включают сопоставление английской и словацкой лексикологии, фразеологии и словообразования, герменевтику текста и переводческие исследования.

Контактная информация:

Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, University of Prešov,
17 Novembra street 1, 080 01 Prešov, Slovakia
e-mail: ingrida.vankova@unipo.sk

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-366-385

Research Article

Multimodal IT marketing discourse: An integrated approach investigation

Natalia Sokolova

Perm National Research Polytechnic University

Perm, Russia

Abstract

Websites of software vendors feature verbal and nonverbal means providing for a number of parameters to be taken into account in order to gain more comprehensive insights into the range and interplay of the means in use. This paper investigates the multimodal website marketing discourse of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* relying on an approach which makes use of multimodal critical discourse analysis, pragmatics, and text linguistics. The integrated framework allows for consideration of the discourse-generating intention of the locutionary source, the discourse function, verbal content categories and audio-visual techniques employed in the nonverbal discourse contributing to the global category of ideologeme consisting of key ideas and aimed at the locutionary target. The intention of such discourse is to persuade consumers to purchase IT solutions which is manifested in the persuasive function. The textual content has been investigated in terms of a set of categories such as: the theme, including IT terms; tonality, made explicit through positively charged words and imperative sentences; time and space, emphasizing time saving efforts to deal with challenges enterprise-wide. The findings are similar to those revealed in the verbal content of customer testimonial videos, with audio-visual techniques such as invigorating music, company settings, contrast colors, etc. being alike. It is of particular interest that the linguistic means in these three marketing discourses are different only when it comes to metaphorical expressions. The global ideologeme is made explicit by urging customers to optimize data and feel IT-powered performance benefits. It is conveyed through multiple antitheses such as data challenges vs. one solution, previously vs. now, old vs. new, and slowly vs. fast. The antitheses in the three marketing discourses are similar as are the typical manifestations of categories and audio-visual techniques which may encourage further research in terms of making the specific discourse of a company stand out to its customers.

Keywords: *marketing discourse, information technology, intention, persuasion, category, ideologeme*

For citation:

Sokolova, Natalia. 2020. Multimodal IT marketing discourse: An integrated approach investigation. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 366—385. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-366-385

Мультимодальный маркетинговый дискурс сферы информационных технологий: интегративный подход к анализу

Н.В. Соколова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Россия

Аннотация

На веб-сайтах компаний сферы информационных технологий представлены вербальные и невербальные средства, что требует учета ряда параметров в ходе анализа для получения более полного представления о спектре и взаимодействии данных средств. В работе проводится интегративный анализ мультимодального маркетингового дискурса веб-страниц производителей программного обеспечения Microsoft, Oracle и SAP с учетом положений мультимодального критического дискурс-анализа, прагматики, а также лингвистики текста. Полагаем, что целесообразным является учет следующих параметров: дискурсопорождающая интенция адресанта, функция дискурса, реализация категорий в вербальном контенте мультимодального дискурса и использование аудиовизуальных приемов в невербальном контенте, глобальная идеологема, или ключевая идея дискурса, а также адресат. Дискурсопорождающей интенцией является побуждение потребителя к приобретению ИТ-решения, при этом дискурс реализует воздействующую функцию. Текстовое наполнение веб-сайтов рассматривается в рамках таких категорий, как тема (терминология сферы информационных технологий); тональность (положительно окрашенная лексика; повелительное наклонение); хронотоп (экономия времени для решения глобальных задач в рамках всего предприятия). Проведенный анализ позволил получить аналогичные результаты в отношении категорий на материале вербального наполнения видеоотзывов клиентов, при этом аудиовизуальные приемы в виде использования динамичной музыки, видов компании, контрастных цветов и пр. сходны. Примечательно, что использование различных лингвистических средств было выявлено лишь в ходе анализа метафорических выражений, представленных в маркетинговых дискурсах трех компаний. Глобальной идеологемой маркетинговых дискурсов является призыв к реципиенту оптимизировать управление данными для обеспечения эффективного развития в ближайшем будущем. Прием реализации типичной идеологемы становятся многократно используемые антитезы: проблемы работы с большим количеством данных vs. одно ИТ-решение, ситуация до и после, старое vs. новое, медленно vs. быстро. Анализ показывает, что в рамках маркетинговых дискурсов трех компаний используются сходные антитезы, а реализация категорий и аудиовизуальных приемов также аналогична, что может потребовать дальнейших исследований маркетингового дискурса с точки зрения восприятия его специфичности клиентами.

Ключевые слова: *маркетинговый дискурс, информационные технологии, интенция, убеждение, категория, идеологема*

Для цитирования:

Sokolova, Natalia. 2020. Multimodal IT marketing discourse: An integrated approach investigation. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 366—385. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-366-385

1. Introduction

Nowadays, enterprise websites are instrumental in paving the way for projecting ideas to customers. The webpages of such websites feature verbal, or textual, information about the benefits of products and services envisaged to meet customers' needs. Nonverbal content, that is nonlinguistic information transmitted through visual and auditory channels, is also an integral part of the websites: users can enjoy background colors, browse through photos, and play customer testimonial videos providing insights into the benefits of products.

Both the verbal and nonverbal audio-visual content makes up the website discourse which needs to be investigated through integrated approaches due to its heterogeneous components aimed at producing some synergetic impact. Contemporary linguistic studies demonstrate an ongoing search for new integrated ways taking into account a number of parameters to deliver comprehensive insights into the material under study (Abbamonte, Cavaliere 2017; Klushina 2012; Klushina 2016; Kress 2010; Mooney 2019). This paper attempts to identify an integrated approach to investigating the verbal and nonverbal discourse of software vendors' websites.

2. Multimodal critical discourse, pragmatics, and text linguistics

First of all, the notions of text and discourse must be differentiated. Discourse can be described as the broadest term for describing all the forms of using language (Kibrik 2009: 1). There exists a definition we consider to be making the most of the existing ideas about discourses intrinsically connected to and associated with some spheres of life (Fairclough 2000), with discourses being identified as collections of texts having some key parameter in common that may be made explicit through adjectives such as, 'Crimean discourse', 'theatrical discourse', etc. (Klushina 2016: 82). The idea of the interaction between discourse and social life was particularly emphasized by N. Fairclough: "The term **discourse** (in what is widely called 'discourse analysis') signals the particular view of language in use I have referred to above — as an element of social life which is closely interconnected with other elements" (Fairclough 2000: 3). Various types of discourses can be in the research spotlight such as the discourse of luxury brands (Adebeshin 2015), tourism (Caruana 2011), consumers (Roper, Caruana, Medway, Murphy 2013), etc.

This paper deals with information technology discourse reaching out to customers through the websites of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP*. Since the websites under study feature not only texts but also nonverbal content such as videos (as demonstrated in Figure 1 below), this discourse is definitely a **multimodal** one (Kress 2010; Van Leeuwen 2013), with visual semiotics being intrinsic to it (Van Leeuwen, 2013) while the meaning results from the use of all the means (Lemke 1998).

The discourse under study is obviously part of computer-mediated communication (Shchipitsyna 2009) being a multimedia one (Oggenhaffen 2001).

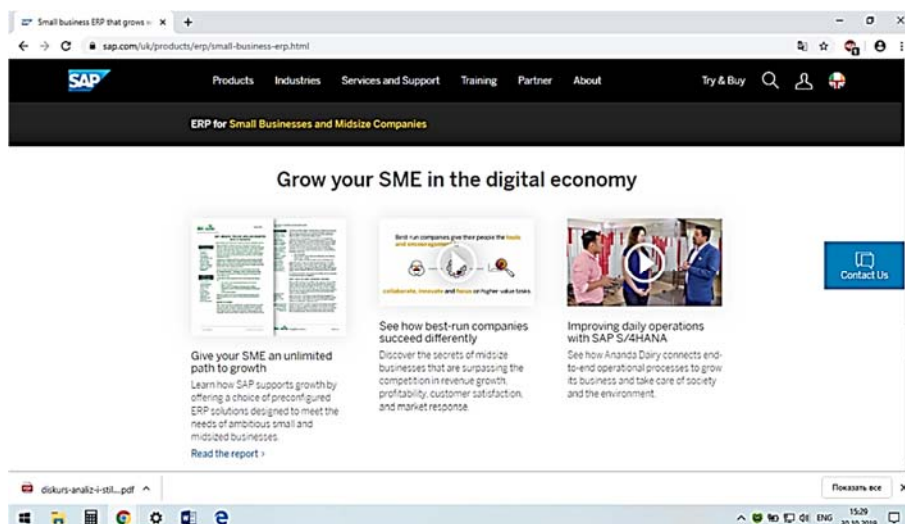

Fig. 1. SAP webpage screenshot

The next point to be clarified within the methodology section of this paper regards the notions of **advertising** and **marketing discourses**. The so-called language of advertising has been in the spotlight for quite a long time (Pirogova, Parshin 2000; Dyer 1988). However, according to E.G. Borisova, today we can speak of marketing linguistics as a particular area of study dealing with ‘marketing discourse’ made of advertising slogans, texts, promotion speeches, brand names, verbal components of logos and so on (Borisova 2016; see also Borisova, Vikulova et al. 2019) and differentiated from other discourses based on the type of social activity. That is, marketing activity is aimed at “creating, communicating, delivering, and exchanging offerings that have value for customers, clients, partners, and society at large”¹ in some specific sector so we can speak of tourism marketing discourse, health marketing discourse, etc. (Caruana and Fitchett 2015), real estate marketing discourse (Savelyeva 2015), etc. and—as in this case—IT marketing discourse. Marketing discourse per se is an all-encompassing phenomenon as compared to advertising discourse. Similarly, a carefully elaborated marketing activity consists of advertising campaigns and not the other way around.

The idea of a **multimodal marketing discourse of IT** translated through the corporate websites under study also goes well with the fact that the websites demonstrate the results of implementing some other marketing activity involving case studies, blogs, expert reviews, infographics, customer testimonials, videos, photos, etc. **Critical discourse analysis** unraveling central ideas expressed in the discourse is also instrumental in this respect since it has moved towards including multimodal means into analysis (Kress 2010) showing how graphics also work together to augment meanings communicated through texts.

¹ American Marketing Association [Electronic resource]. URL: <https://www.ama.org/the-definition-of-marketing-what-is-marketing/> (accessed 02.11.2019).

Since marketing discourse and the company-customer communication are intrinsic, **pragmatic issues** come to the foreground involving both the source and the target of the communicative process.

One of the proven integrated approaches has been elaborated by N.I. Klushina on the material of the publicistic discourse. The so-called ‘intentional method’ provides an outline of the following communicative process: locutive source — intention — text + communicative situation — locutive target — decoding — impact (perlocution) (Klushina 2012) taking into account communicative, pragmatic, and semiotic aspects and demonstrating an undeniable explanatory potential.

So it is of primary importance in my opinion to begin with the pragmatic issues involving the locutionary source since the starting point of generating any discourse is the intention (Klushina 2012) of the locutive source which yields some function (Kozhina 2006: 576) to the generated outcome and finds manifestation in the global category of ideologeme (Klushina 2012) and other categories constituting this or that discourse. The intentional method (Klushina 2012) provides for analyzing discourses through identifying the discourse-related category of the **ideologeme which is defined as the key ideas to be conveyed through the discourse activity** (Klushina 2012).

Texts and the textual content of videos can be also investigated within the framework of other categories of **text linguistics** such as theme, or the matter under discussion (Matveeva 2006: 542—544), tonality, demonstrating the source’s attitude (Matveeva 2006b: 549—552), time and space, as well as the composition, or the structure, which are intrinsic and essential features finding their linguistic manifestation in texts (Matveeva 2006c: 533—536). Since texts make up discourses, textual categories can be easily transposed and projected onto the entire marketing discourse and considered as discourse-related ones.

3. Material and integrated methodology

To apply the integrated methodology outlined above, the paper draws upon both the verbal and nonverbal website content of first-class software vendors such as *Microsoft*^{2,3}, *Oracle*^{4,5}, and *SAP*^{6,7} in the amount of about 80,000 characters

² Microsoft [Electronic resource]. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365> (accessed 02.11.2019).

³ Microsoft [Electronic resource]. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/business> (accessed 02.11.2019).

⁴ Oracle [Electronic resource]. URL: <https://www.oracle.com/index.html> (accessed 02.11.2019).

⁵ Oracle [Electronic resource]. URL: <https://www.oracle.com/big-data/> (accessed 02.11.2019).

⁶ SAP [Electronic resource]. URL: <https://www.sap.com/index.html> (accessed 02.11.2019).

⁷ SAP [Electronic resource]. URL: <https://www.sap.com/uk/products/erp/small-business-erp.html>; https://www.sap.com/products/erp/erp-cloud-exp-sme.html?adobe_mc_ref=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F&adobe_mc_sdid=SDID%3D71393FEA67F96A85-1227EC351509D7EF%7CMCORGID%3D227AC2D754DCAB340A4C98C6%2540AdobeOrg%7CTS%3D1532250423#video=c4496fe2-137d-0010-87a3-c30de2ffd8ff (accessed 02.11.2019).

while relying on a number of proven methodologies elaborated in the fields of discourse studies (Klushina 2012; Klushina 2016), multimodal critical discourse analysis (Bateman 2014; Kress 2010; Kress and Van Leeuwen 2001) and visual semiotics (Van Leeuwen, 2013) as well as pragmatics of advertising (Popova 2005) and text linguistics (Kozhina 2006; Matveeva 2006a). The methodology perspective outlined in this paper provides for analyzing both the verbal and audio-visual components of the material under study such as images, colors, and testimonial videos.

So the integrated analysis framework proposed in this paper to investigate the multimodal marketing discourse of IT vendors' websites provides for identifying the **locutionary source's intention** as a discourse-generating component and an **ideologeme**—the key idea to be conveyed through the discourse activity (Klushina 2012)—as a global discourse-generating category.

The **verbal content** of the websites can be investigated through the use of **textual categories** such as composition, theme, tonality, time and space. These categories can also be instrumental in analyzing the verbal content of customer testimonial videos. **Audio-visual techniques** such as music, voice, and color are also taken into account to deal with the **nonverbal content**. The **global ideologeme** is realized throughout the entire discourse made of texts.

Since **the ideologeme of marketing discourse** is supposed to be appealing to existing and potential customers it can be also identified in terms of **lines of appeal** (Dyer 1988)—**themes proven to appeal** to the audience such as elite lifestyles, success stories, etc. (Dyer 1988). However, as compared to such lines of appeal, ideologemes seem to be a more appropriate term in our context because they tend to be more comprehensive, both negative and positive, while lines of appeal deal with specific good things such as success, health, etc.

Thus, the framework proposed in this paper to analyze multimodal marketing discourse of software vendors' websites provides for identifying:

- the intention (or illocution) of the locutionary source aimed at the locutionary target;
- the function of the discourse;
- the categories of the verbal, or textual, content such as composition, theme, tonality, time and space;
- the audio-visual techniques employed in the nonverbal content such as background colors and images, as well as voice, music, settings, and salience, or dominant images that draw attention, in videos;
- the global discourse category of ideologeme.

4. Analysis and results

The marketing discourse of the *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* websites under investigation is generated with the overall intention of persuading customers to purchase IT solutions. Hence, it is the persuasive function that is dominant in the discourse.

4.1. Verbal content

First of all, it is necessary to focus on the categories which find manifestation in the verbal discourse. And this is when the discourse-generating category of intention should be considered as the key one. Hypertextual, interactive, and multimodal websites and webpages (Opgenhaffen 2011; Shchipitsina 2009) consist of multiple texts, videos, etc. having titles and subtitles of their own while users can browse through and choose some content (see Figure 1 above) so it is the global category of intention that brings all these constituent parts together.

The webpages under study have a typical composition and feature the title and some subtitles followed by texts providing insights into specific software benefits. The table below contains some titles and subtitles. These are mostly imperative sentences and can be explained by their dominant persuasive function. There are also nominative sentences to name the products and technologies in use and some interrogative sentences, with the answers to these questions supposed to emphasize the product benefits (Table 1):

Table 1

Webpage titles and subtitles

Software vendor	Microsoft	Oracle	SAP
Title	Microsoft 365 for business	Why Big Data from Oracle?	Solve your specific ERP small business needs
Subtitles	Everything you need, everywhere you need it	Elements of Successful Big Data Platforms	Take control with SME ERP
	Don't drown in paperwork	Big Data Technologies	Meet cloud-based ERP
	Protect what matters most	See the Proof	Simplify life at work

The discourse-generating intention of persuading customers to make a purchase finds its manifestation in the categories of **theme, tonality, time and space**, with one of the most accurate natural language processing APIs—TextRazor⁸—being utilized in the study to extract examples of the categories.

The theme manifests itself through repetitive uses of words such as neutral IT terms *application, software, data, cloud, etc.* and related words *customer, business, company, etc.* The themes identified in the study are very similar for all the three software vendors: *customer — business — productivity — application — data — cloud — email* for Microsoft; *business — data — cloud — application* for Oracle; and *business — customers — cloud — solution* for SAP.

The tonality of the material under analysis is generally positive, with the words such as *easi(ly), quick(ly), rapid(ly), fast, etc.* being repeatedly used in all the three discourses to emphasize the fact that customers can improve their performance in no time:

⁸ TextRazor [Electronic resource]. URL: <https://www.textrazor.com/> (accessed 02.11.2019).

(1) *Make repetitive tasks **easy**; **Quickly and easily** automate processes [Microsoft].*

(2) *Prepare and manage your data **more easily**; Combine your data **more easily**; And start analyzing it **more easily** to uncover insights you've never seen before; Utilizing big data allows organizations to make smarter and **faster** decisions using data and insights [Oracle].*

(3) *Maximise business **agility** with standardized processes, **rapid** innovation, and **fast** time-to-value [SAP].*

The comparative and superlative forms of adjectives and adverbs are also typical: *more easily, better, greater, etc.* to focus on the positive change. In addition, words such as *efficiently* and *effectively* can be used in this way:

(4) *Learn how Fissler uses an intelligent cloud ERP solution to **efficiently** implement new subsidiaries in strategic markets worldwide [SAP].*

The terminology and theme-related words can be preceded by positive adjectives such as *best-in-class productivity, intelligent new way, advanced, world-class security* [Microsoft]; *smarter and faster decisions, true data discovery* [Oracle]; *ambitious businesses, profitable growth* [SAP], etc.

All three discourses of the software vendors demonstrate the presence of popular marketing words which can be classified as lines of appeal to potential customers. A good example is the word *insight(s)* which denotes valuable, visionary information enhancing company performance:

(5) *Create surveys, polls, and questionnaires to **quickly** gather data and **insights** with Microsoft Forms [Microsoft].*

(6) *And start analyzing it **more easily** to uncover **insights** you've never seen before—with true data discovery [Oracle].*

(7) *Use it to streamline processes from finance to CRM, act on real-time analytics **insights**—and jump on new opportunities; gain **greater insight** into your business, and make decisions based on real-time information—so you can drive profitable growth [SAP].*

The marketing discourse is abundant in imperative sentences starting with positively charged verbs such as *streamline, enhance, improve, innovate, etc.* encouraging and persuading customers to try the IT products:

(8) ***Improve** productivity and **foster** a culture of collaboration; **Enhance** customer relationships; **Stay up to date with** the latest versions; **Streamline** customer feedback; **Defend against** malware [Microsoft].*

(9) ***Maximize** efficiency and increase revenue; **Discover** the top big data use cases [Oracle].*

(10) ***Solve** your specific ERP small business needs; **Gain greater control** over your SME with small business management software and ERP tools designed to grow with you; **Innovate and transform** at the speed of digital; **Streamline** key processes [SAP].*

It is of particular interest that the theme-related and positively charged words are similar in all the three discourses of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP*, with words such as *easi(ly)*, *quick(ly)*, *efficient(ly)*, *great*, *data*, *insight*, *streamline*, etc. being repeatedly used. This can make it really challenging for customers to differentiate between the discourses of the three companies and—respectively—to choose a solution among some counterparts. For example, verbs such as *transform*, *enhance*, *streamline*, etc. [Microsoft]; *enhance*, *improve*, *leverage*, etc. [Oracle]; *improve*, *innovate*, *transform*, *streamline*, etc. [SAP] tend to be used by all three vendors.

At the same time, the discourses under study make very specific use of positively charged metaphors to emphasize the benefits of their IT solutions:

(11) *Don't drown in paperwork* [Microsoft].

(12) *Unlock new levels of performance across your organization; Jump onto new opportunities; Use automation and intelligent technologies to break new ground* [SAP].

(13) *Only Oracle delivers a data management platform that absorbs and delivers data of any size and shape for any type of application: analytics or algorithm, across any type of environment: public cloud, local cloud, or on-premises; ERP software is the backbone of many organizations* [Oracle].

Thus, theme and tonality find their manifestation in the *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* discourses through a similar use of IT-related terms and popular marketing words, positive adjectives and adverbs being part of imperative sentences urging customers to benefit from the IT solutions. It is also due to a specific use of metaphors that the discourses of the three vendors get their specific appeal.

Time and space categories are also closely intertwined in the discourses under investigation. The present days are described as a time of dealing with massive amounts of data:

(14) *22 Big Data Use Cases for the Modern Business; Data arrives from everywhere these days* [Oracle].

This is when the solutions of the IT companies are supposed to come in handy to easily and quickly solve this problem so the idea of saving time due to optimizing data management is crucial in this respect.

As for the category of space, all the vendors under study focus on the feature of providing powerful all-encompassing enterprise-wide solutions within just a single software suite:

(15) *Manage your files from anywhere with 1 TB of OneDrive storage* [Microsoft].

(16) *Only Oracle delivers a data management platform that absorbs and delivers data of any size and shape for any type of application: analytics or algorithm, across any type of environment: public cloud, local cloud, or on-premises; Bring all of the different types of data into your organization. Whether it's data at rest or data in motion, internal or external data, all of your data must be moved and prepared so that others can consume it* [Oracle].

(17) *Control **your entire organisation** with streamlined business processes and integrated business intelligence—all in one affordable, scalable ERP software solution; Transform **your business** with unparalleled service support **enterprise-wide** [SAP].*

So the discourse manifestation of the time and space categories contributes to the locutionary targets of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* the same idea of getting an all-encompassing solution to handle current data challenges enterprise-wide while the use of *you* and *your* is typical (Serrano 2018) in reaching out to potential customers.

Ultimately, the categories of composition, theme and tonality, time and space work together to deliver **the global ideologeme**, or the central idea, of the marketing discourse under study. This ideologeme of IT-powered efficient performance is made explicit by urging the locutive targets to quickly optimize data management through the use of a single efficient solution for managing all company data to feel the benefits of enhanced performance as soon as possible.

This typical ideologeme is conveyed to the locutionary target through sophisticated antitheses, or juxtapositions (Roper, Caruana, Medway, Murphy 2013), embedded in the marketing discourse for persuading the recipients to experience the benefits of the IT solutions.

The analysis of the *SAP*, *Microsoft*, and *Oracle* webpages demonstrates the use of the following antitheses summarized with only a few of examples from above (Table 2):

Table 2

Antitheses of the marketing discourse

	Microsoft	Oracle	SAP
Multiple data challenges vs. a single solution to deal with all these challenges in a company	Microsoft 365 integrates with hundreds of third-party cloud apps so you can sign in once to access all your tools ; etc.	Bring all of the different types of data into your organization ; etc.	Capture all of your data in an integrated enterprise resource planning (ERP) system for small businesses and midsize companies; etc.
Previously vs. nowadays implying old vs. new, slowly vs. fast, inefficiently vs. efficiently	Microsoft 365 brings together the best-in-class productivity of Office 365 with simple device management and security to connect people and information in an intelligent new way. Quickly and easily automate processes within your business with Microsoft Flow; etc.	Utilizing big data allows organizations, analysts, and line-of-business users to make smarter and faster decisions using data and insights that were previously unobtainable or unknown ; etc.	Use it to streamline processes from finance to CRM, act on real-time analytics insights—and jump on new opportunities ; etc.

One more important part of the verbal content is **customer testimony** demonstrating the same manifestations of the data-related theme, positive tonality,

business-focused time and space as well as the antitheses identified in the marketing discourse above.

The similar antitheses of multiple data vs. one solution and previously vs. now are repeated in the customer comments below, for example, while talking about using one solution to handle lots of data:

(18) *Microsoft 365 Business is pretty much the baseline for how we start running everything. We need creativity to push that next thing. We use Microsoft 365 Business. It's all the things we need in one place* [Microsoft].

(19) *With Oracle Cloud, we automated our procurement and inventory processes on a single cloud platform with in-depth reporting on all commercial cement operations* [Oracle].

It's also important for the customers to feel the difference between how it was before and how it is now:

(20) *Microsoft 365 Business brings a new level of confidence and security we didn't have before* [Microsoft].

(21) *Oracle Advanced Customer Services optimized our deployment and their services ensure that we always have expertise to resolve any issue* [Oracle].

Focusing on the before vs. now juxtaposition, the customers also emphasize the fact that they can do things faster and better:

(22) *With Teams, we immediately felt the impact of having channels where you get a fast response because your question is relevant to that channel rather than something that could get lost in a giant group chat* [Microsoft].

(23) *Deloitte Mexico achieves faster time-to-market with Oracle Big Data Appliance. Clover Infotech. Oracle ERP helped Clover Infotech better manage their data and reporting, save time, and automate processes* [Oracle].

(24) *Find out how a cloud-based ERP system helps a growing candle business save time and boost operational efficiency while creating customised goods* [SAP].

However, the composition of the customer testimony is different since it is a narration delivering such lines of appeal as success, security, etc. without any use of imperative sentences as compared to the imperative discourse of the vendors.

Thus, the imperative discourse, the IT theme, positive tonality, all-encompassing time and space categories of the verbal content work together to deliver the juxtaposed prior vs. now positive ideologemes of the IT-powered efficient performance as the locutionary sources encourage their customers to feel the benefits of the IT solutions while the locutionary sources share their success stories focusing on their lines of appeal.

4.2. Nonverbal, or audio-visual, content

The IT marketing discourse under analysis is multimodal, with colors, images, and videos also playing their role.

The importance of using background contrast colors cannot be ignored: lines between the texts of SAP (see Figure 1 above); the grey-and-white background of

Microsoft (see Figure 2 below); contrasts in black, blue and white colors on the Oracle website (see Figure 3) help information stand out.

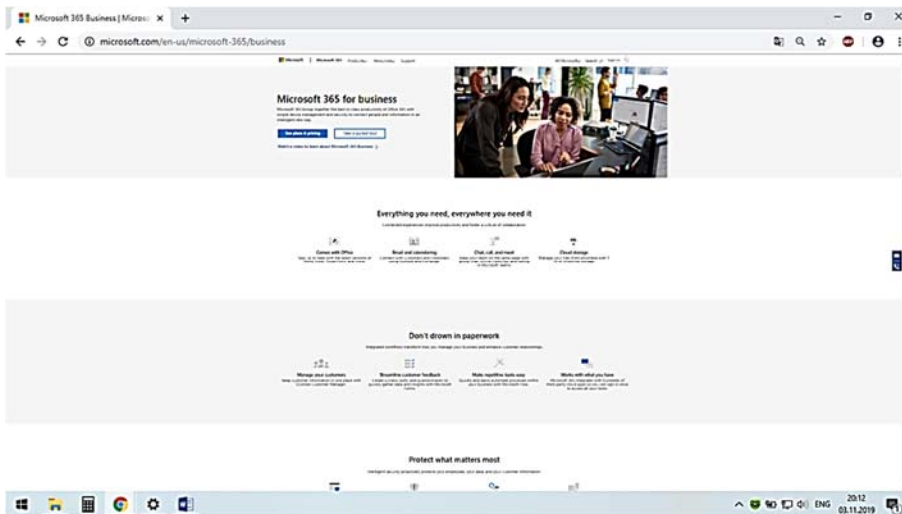

Fig. 2. Microsoft webpage screenshot

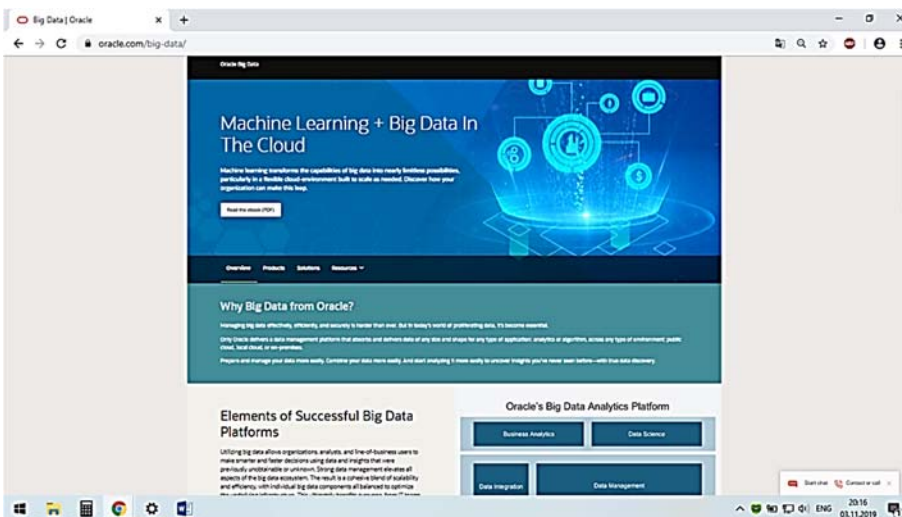

Fig. 3. Oracle webpage screenshot

The photos on the websites feature customers in the working settings (Figure 2 above). Customer testimonial videos can also be found on the websites under study making them part of the multimodal marketing discourse.

Nine customer testimonial videos will be analyzed below taking into account a number of parameters for investigating the verbal content such as speeches and nonverbal components including music, settings, and salience (the dominant image that draws our attention). The following parameters seem to be the most relevant in our case: composition, antithesis, theme, tonality, time and space, audio techniques (voice and music), visual techniques (salience and setting), and ideologemes.

As mentioned before, the **ideologeme** of the locutionary source is made explicit by urging the locutive targets to quickly optimize data management through the use of one efficient solution to manage all company data and to feel the benefits of enhanced performance as soon as possible. Via the customer testimonial videos, this ideologeme transforms into some experience of a particular company focusing more on lines of appeal such as success, security, etc. while this transformation has also been identified earlier in the customer testimony texts.

Generally, the textual content of the customer testimonial videos is a narrative providing some information about the successful implementation of the vendors' solutions similarly to the customer testimony texts. The composition of the customer testimonial videos analyzed relies on the typical antithesis of the situation prior and after implementing the solutions.

All the videos of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* under study have a similar composition:

1) Company information: providing some information about the company, including facts and figures;

2) Challenges: focusing on the challenges the business had to face and cope with;

3) Solutions and benefits: commenting on how the acquired solutions have contributed to solving all the problems;

4) Future outlook: outlining future perspectives for the growing and evolving business.

Below are Tables 3, 4, and 5 providing the details of this analysis, with some changes being evident in the customer testimonial videos since the theme shifts from the IT terms to core values such as *quality*, *innovation*, *saving*, *security*, etc. while the tonality remains positive. The categories of time and space find a typical manifestation since the information is just about doing things faster on an enterprise-wide scale. As for the antitheses employed in the customer testimonial videos, they are generally related to the situation prior and after, however, the spokespeople tend to dwell into more detail such as *non-customized vs. customized*, *old vs. new*, *worse vs. better*, etc. Some audio-visual techniques are used in this case to make the content more persuasive through a synergy of verbal and nonverbal means, for example, invigorating music, scenes of the facilities, and top spokespeople enumerating the benefits gained.

Table 3 below outlines a summary of the *Microsoft* customer testimonial video analysis providing insights into the composition, antitheses, appealing themes, tonality, time, space, and audio-visual techniques, such as: music, voice, setting, and salience. The findings demonstrate that *Microsoft* customers tend to focus on such themes and lines of appeal as *quality*, *security*, *integration*, *innovation*, *growth*, etc. The composition is typical being centered around company spokespersons—both males and females—and evolving from the company details and settings through *challenges* to *solutions* creating the positive tonality of the resulting *faster*, *better*, *right*, *rocketing*, etc. performance backed up with

invigorating music. Having been put together, the constituent elements contribute to creating an antithesis of the *prior* and *current* state of things, with the former being disintegrated and slow and the latter—consolidated and fast—due to a single efficient solution:

Table 3

Analysis of Microsoft customer testimonial videos

Video	Microsoft customer testimonial video 1 ⁹ . Duration 02:13	Microsoft customer testimonial video 2 ¹⁰ . Duration 02:03	Microsoft customer testimonial video 3 ¹¹ . Duration 01:30
Company	UMBRAGROUP	Urban Agriculture Co.	Garner Food Company
Composition	1) company information: five world-wide units of a world-leading provider for the space and energy market 2) challenges: reduce costs and increase the security and agility level 3) solutions: they can share KPIs across the company and with their partners, make decisions faster, scale processes faster 4) future outlook: they can get better	1) company information: operating in 50 states of the USA 2) challenges: start running the business effectively 3) solutions: improved company performance 4) future outlook: they can grow further	1) company information: a family business producing tens of millions of sauce bottles 2) challenges: handling lots of things 3) solutions: better company operation 4) future outlook: they can expand
Antithesis	prior: disintegrated and slow now: consolidated and fast	prior: disintegrated now: consolidated	prior: lots of things to handle now: one solution for everything: it's all the things that we need in one place
Appealing themes	quality, innovation, integration, success	security, partnership, growth	quality, change, security, integration
Tonality	seamless interplay; faster decisions; an open dialogue; a better integration	healthier, easier life; excited	the right message to the right people; rocketing performance
Time and space	now and across the company	on the fly	enterprise-wise and around-the-clock
Audio-visual techniques: music, voice	invigorating music, male and female speakers	invigorating music, only male speaker	invigorating music, male and female speakers
Audio-visual techniques: setting and salience	working and office settings, happy customers, people browsing through infographics, planes at take-off	working and office settings, infographics, organic food	working and office settings, through infographics, bottles of sauce

⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PXuDYk8QDH0>

¹⁰ URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/business>

¹¹ URL: <https://www.microsoft.com/en-us/microsoft-365/business>

Table 4 gives the details of analyzing *Oracle* customer testimonial videos, with the customers providing testimony on themes, such as: *speed, flexibility, security, saving, etc.* Similarly to that of the Microsoft client testimonials, the composition focuses on company information and settings, challenges, and—eventually—solutions in order to create a similar antithesis of the *prior* and *current* situations culminating in the positive tonality of *better, leading, faster, etc.* experience:

Table 4

Analysis of Oracle customer testimonial videos

Video	Oracle customer testimonial video 1 ¹² . Duration 03:11	Oracle customer testimonial video 2 ¹³ . Duration 01 :14	Oracle customer testimonial video 3 ¹⁴ . Duration 01:00
Company	Allianz	FireEye Cyber Security	CARE
Composition	1) company information: leading financial services provider 2) challenges: consolidate data management, work faster, reduce costs 3) solutions: they are faster and on-premise, they've overcome all the challenges 4) future outlook: they can achieve a higher maturity level	1) company information: security solutions provider 2) challenges: improve performance, tens of millions of emails 3) solutions: they can save costs 4) future outlook: protect their customers better	1) company information: helping mothers and babies 2) challenges: high maternity mortality 3) solutions: they have accelerated organizational change, helping people and saving lives 4) future outlook: to succeed in making an impact on lives
Antithesis	prior: problems with migrating data now: consolidated and fast, less expensive, more flexible	prior: lots of emails to scan now: consolidated effort, saved costs	prior: maternity and infant deaths, lost hope now: fewer deaths, positive transformation underway
Appealing themes	flexibility and elasticity, speed	security, saving	commitment, impact, change
Tonality	faster, more elasticity; solid experience; a real mission; a lot of positive experience; an exciting journey/path to the positive	leading technology; better protected; significant improvement	accelerating change
Time and space	faster and on-premise	Quickly	anywhere
Audio-visual techniques: music, voice	invigorating music, male speaker	invigorating music, only male speakers	invigorating music, female speakers
Audio-visual techniques: setting and salience	working and office settings, happy customers, people browsing through infographics	working and office settings, through infographics, organic food	ethnic settings, India, females and infants

¹² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S12xJXw71AQ>

¹³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=stWqDXh0TCc>

¹⁴ URL: <https://www.oracle.com/customers/infrastructure/care/>

Table 5 illustrates the results of analyzing *SAP* customer testimonial videos whereas the customers focus on *growth and future* as well as *security*, with the other elements of testimonials being very similar to those of *Microsoft* and *Oracle* outlined above:

Table 5

Analysis of SAP customer testimonial videos

Video	SAP customer testimonial video 1 ¹⁵ . Duration 3:00	SAP customer testimonial video 2 ¹⁶ . Duration 05:50	SAP customer testimonial video 3 ¹⁷ . Duration 01:00
Company	ISlide	Markgräflich Badisches Weinhaus	Devialet
Composition	1) company information: customised slide producer 2) challenges: keep all the data in one place, manual reporting 3) solutions: they have achieved the growth they need 4) future outlook: they are excited about the future	1) company information: German wine maker 2) challenges: collect data, convert the business into a viable structure for the future 3) solutions: they can collect data from all the sensors in the vineyard to send it to the cloud 4) future outlook: protect the data in real time, help decision making for the future	1) company information: best sound provider 2) challenges: growth 3) solutions: manage distribution, supply chain 4) future outlook: grow in the business
Antithesis	prior: problems with reporting and handling data, no communication now: integrated, increased communication effort	prior: lots of information to be collected from sensors now: just one laptop to get information from all the sensors	prior: growth challenges now: focused on the data
Appealing themes	vision, growth, efficiency	benefit, decision-making, security, future	growth, future
Tonality	happy, extremely excited; comfortable; personal touch; a huge part of their growth	revolutionize; easy, amazing; competitive edge; proud, excited; magic; an easier process; a fully-blown system; a more superior product	best; a fast-growing company; new ways; confident
Time and space	fast and on-premise, focused on the future	real-time and on-premise	anywhere
Audio-visual techniques: music, voice	invigorating music, male speakers	invigorating music, female and male speakers	invigorating music, male speaker
Audio-visual techniques: setting and salience	working and office settings	working and office settings, through infographics, vineyards	sound equipment, dancing people

¹⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c1sIELDwMuQ>

¹⁶ URL: <https://news.sap.com/2018/09/blending-tradition-technology-markgraflich-badisches-weinhaus/>

¹⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LDiTMFyslAs>

As can be seen from the tables above, despite some differences, all the customers of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* are very likely to focus on very similar themes, or lines of appeal, such as *growth*, *success*, *future*, *security*, etc. Thus, the audio-visual part of the multimodal discourse in the form of customer testimonial videos delivers some experience of a particular company while heavily relying on the same antitheses as previously employed in the marketing discourse of the locutionary sources.

5. Conclusion

Ultimately, this paper has attempted to gain insight into the multimodal marketing content of the *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* websites using the integrated approach which incorporates the assumptions of pragmatics, multimodal discourse analysis, and text linguistics in a search for a more comprehensive understanding of how the verbal and audio-visual means of the websites work together to deliver the ideologemes of the IT marketing discourse.

Since it is the intention that is behind the positive marketing discourse of IT under investigation, the discourses delivered by the vendors and the customers can be different. The vendors encourage and urge their clients to try the **benefits of the IT-powered performance** in the predominantly imperative discourse while the existing customers share their appealing stories of success achieved through the use of the solutions focusing on lines of appeal such as **positive change, growth, success, quality, security, speed, integration, saving, etc.** Nevertheless, it is the global persuasive intention of the software vendors that is dominant in constructing and delivering the overall marketing discourse.

It is of particular interest that all the three marketing discourses of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* as well as their textual and audio-visual customer testimonials make use of very similar antitheses juxtaposing *multiple data vs. one solution* and *previously vs. now*, implying *old vs. new*, *slowly vs. fast*, *inefficiently vs. efficiently*, etc.

The manifestation of IT themes, positive tonality, time and space is also very typical in all the three *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* discourses making the most of words such as *insight(s)*, *data*, *streamline*, *enhance*, *easi(ly)*, *quick(ly)*, *now*, *across*, *enterprise-wide*, etc. and demonstrating some striking differences only when it comes to metaphors yielding some company-specific appeal, for example, *don't drown in paperwork* in the *Microsoft* discourse; *jump on opportunities* on the *SAP* website; or *absorbing data* in the *Oracle* context, etc.

The multimodal messages from the customer testimonial videos tend to focus more on the metaphorically and positively laden ideas of the IT solutions helping the inspired customers to feel the positive enterprise-wide change they have desperately aspired to before while the audio-visual techniques such as invigorating music and specific company settings are very typical.

Through the synergy of verbal and nonverbal means, the overall marketing discourse of *Microsoft*, *Oracle*, and *SAP* employs juxtapositions to render

the global, all-pervasive and persuasive ideologeme of a more efficient IT-powered performance, with the resulting benefits being fully embraced by customers.

© Natalia Sokolova, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Abbamonte, Lucia & Flavia Cavaliere. 2017. Shopping as 'best practice' — analyzing Walmart's debated sustainability policies. *Russian Journal of Linguistics* 21 (1). 105—125.
- Adebeshin, Keji. 2015. *Explosing Symbolism in Masstige Brand Advertising within the Discursive Context of Luxury: A Semiotic Analysis*. Dissertation. Auckland University.
- Bateman, John. 2014. *Text and Image: A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide*. London and New York: Routledge.
- Borisova, Evgeniya G. 2016. Marketingovaya lingvistika: napravleniya i perspektivy [Marketing linguistics: directions and prospects]. *Verhnevolzhski philological bulletin* 4. 140—143.
- Borisova, Evgeniya G., Larias G. Vikulova & Lyubov' G. Antonova. 2019. *Marketingovaya Lingvistika. Zakonomernosti Prodvigayushchego Teksta* [Marketing Linguistics. Promotional text patterns]. Moscow: Flinta.
- Caruana, Robert & Andrew Crane. 2011. Getting away from it all: Exploring freedom in tourism. *Annals of Tourism Research* 34 (4). 1495—1515.
- Caruana, Robert & James Fitchett. 2015. Exploring the role of discourse in marketing and consumer research. *Journal of Consumer Behaviour* 14 (1). 1—12. DOI: 10.1002/cb.1497.
- Dale, Robert. 2017. The commercial NLP landscape in 2017. *Natural Language Engineering* 23 (4). 641—647. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1017/S1351324917000237>. (Accessed 02 November 2019).
- Dyer, Gillian. 1988. *Advertising as Communication*. London and New York: Routledge.
- Fairclough, Norman. 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge.
- Kibrik, Andrei. A. 2009. Modus, zavr i parametry klassifikacii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy Yazykoznaviya* 2. 3—21. (In Russ.).
- Klushina, Natalia I. 2012. Intentsional'nyi metod v sovremennoi lingvisticheskoi paradigmat [Intentional Method in the Modern Linguistic Paradigm]. *Mediastilistika* 4. [Electronic resource]. URL: <http://mediascope.ru/node/1242>. (Accessed 01 November 2019).
- Klushina, Natalia I. 2016. Diskurs-analiz i stilistika: integrativnye metody issledovaniya media kommunikatsii [Discourse Analysis and Stylistics: Integrative Methods for Research of Media Communication]. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 78—90. (In Russ.).
- Kozhina, Margarita N. 2006. *Stilisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar' Russkogo Yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. In Margarita Kozhina (eds.), Moscow: Flinta, Nauka Publ.
- Kress, Gunther. 2010. *Multimodality*. London and New York: Routledge.

- Kress, Gunther & Theo Van Leeuwen. 2001. *Multimodal Discourse*. London: Arnold.
- Lenke, Jay. 1998. Multiplying meaning: Visual and verbal semiotics in scientific text. In Jim Martin & Robert Veel (eds.), *Reading science: Critical and functional perspectives on discourses of science*, 87—113. London: Routledge.
- Matveeva, Tatiana V. 2006a. Tekstovaya kategoriya [Text category]. In Margarita Kozhina (eds.), *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, 533—536. Moscow: Flinta, Nauka Publ.
- Matveeva, Tatiana V. 2006b. Tema [Theme]. In Margarita Kozhina (eds.), *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, 542—544. Moscow: Flinta, Nauka Publ.
- Matveeva, Tatiana V. 2006c. Tonal'nost' [Tonality]. In Margarita Kozhina (eds.), *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, 549—552. Moscow: Flinta, Nauka Publ.
- Mooney, Annabelle. 2019. A fool and his money are soon parted: A critical examination of credit card websites. *Russian Journal of Linguistics* 23 (3). 642—658. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-642-658.
- Opgenhaffen, Michael. 2011. Multimedia, interactive and hypertextual features in divergent online news platforms: An exploratory study of Flemish online news. *First Monday Journal* 16 (3). [Electronic resource]. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2826/2814> (Accessed 02 November 2019).
- Pirogova, Yulia. K. & Pavel B. Parshin. 2000. *Reklamnyi Tekst: Semiotika i Lingvistika* [Promotional text: semiotics and linguistics]. Moscow: International Institute of Advertising, Grevennikov Publishing House.
- Popova, Elena S. 2005. *Reklamnyi Tekst i Problemy Manipulyatsii* [Advertising text and problem of manipulation]. Dissertation. Ekaterinburg.
- Roper, Stuart, Robert Caruana, Dominic Medway & Phil Murphy. 2013. Constructing luxury brands: Exploring the role of consumer discourse. *European Journal of Marketing* 47 (3—4). 375—400. DOI: 10.1108/03090561311297382.
- Savelyeva, Irina P. & Antonina I. Ukhova. 2015. *Formirovanie Kompleksa Marketingovykh Kommunikatsii na Rynke Zhiloi Nedvizhimosti* [Formation of Marketing Communications Complex in the Primary Residential Real Estate Market]. South-Urals State University.
- Shchipitsyna, Larisa. Yu. 2009. *Zhanry Komp'yuterno-Oposredovannoi Kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Monograph. Arkhangelsk: Pomor University.
- Serrano, María José. 2018. The construction of advertising discourse by the use of the second-person object Te and the clitic Se. *Sociocultural Pragmatics: An International Journal of Spanish Linguistics* 2. 173—196. [Electronic resource]. URL: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/soprag.2018.6.issue-2/soprag-2018-0005/soprag-2018-0005.pdf>. (Accessed 02 November 2019).
- Van Leeuwen, Theo. 2013. Colour schemes. In Margit Boeck & Norbert Pachler (eds.), *Multimodality and social semiosis: Communication, meaning-making, and learning in the work of Gunther Kress*. London: Routledge.

Article history:

Received: 17 March 2020

Revised: 08 April 2020

Accepted: 15 April 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 марта 2020

Дата принятия к печати: 15 апреля 2020

Bionote:

NATALIA N. SOKOLOVA PhD, Associate Professor at Perm National Research Polytechnic University (Department of Foreign Languages, Linguistics, and Translation). Research interests: Critical discourse analysis, marketing linguistics, sociolinguistics, text linguistics, terminology, natural language processing tools.

Contact information:

Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomolsky Prospekt, Perm, Perm Territory, 614990, Russia
e-mail: ntlk0@mail.ru
SPIN-RSCI: 2391-7440
ORCID ID: 0000-0003-0550-2272
Researcher ID: K-4038-2018

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА СОКОЛОВА — кандидат филологических наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета (кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода). Сфера научных интересов: критический анализ дискурса, маркетинговая лингвистика, социолингвистика, лингвистика текста, терминология, инструменты обработки естественных языков.

Контактная информация:

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
e-mail: ntlk0@mail.ru
SPIN-RSCI: 2391-7440
ORCID ID: 0000-0003-0550-2272
Researcher ID: K-4038-2018

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418

Research Article

Celebrity gossip as a genre in English-language mass media discourse

Svetlana V. Ivanova¹ and Gulnara Khakimova²¹Pushkin Leningrad State University
*Saint-Petersburg, Russia*²South Ural State University Branch in Zlatoust
Zlatoust, Russia

Abstract

The multidimensionality of rumours as part and parcel of mass communication has stipulated the research in their linguistic nature. The present paper studies this specific communication phenomenon and the discursive practices by means of which it is realized across the Anglophone mass media discourse continuum. The theory of discourse-analysis underpinning the present paper predetermines an integrative approach with various methods employed. This approach makes it possible to gain an insight into the complex nature of the object under study. The research is targeted at media rumours, namely celebrity gossip, manifested in on-line versions of the printed press and original web outlets in 2015—2018. The main goal of the research is to reveal specific features of media rumors as a speech genre in the Anglophone media communication. Celebrity gossip texts make up the empiric material for the present study. This aim is achieved via the description of the content and form of the text-type structure supplemented by an application of stylistic analysis. In terms of the topics, the findings demonstrate a wide variety of topoi comprising both public (social interactions) and private spheres of celebrities' life with an emphasis on privacy, sensationalism and scandalous impropriety as dominant discursive characteristics of the text-type samples under study. The structure of the celebrity gossip discourse is represented by texts in different journalistic forms: from informative genres to feature type variations used by authors as means of constructing celebrity culture. The information of trivial content and questionable validity because of its unverified character is disguised as reports of high testimonial trustworthiness and epistemic value with the help of a variety of language and textual resources. The results of the study enable us to argue that within the mass media communication there exists a specific discourse which is hybrid by nature and non-evidential by verification.

Keywords: *media linguistics, mass media discourse, media rumours, celebrity gossip, text, genre*

For citation:

Ivanova, Svetlana V. and Gulnara Khakimova. 2020. Celebrity gossip as a genre in English-language mass media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 386—418. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418

Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа

С.В. Иванова¹, Г.Ш. Хакимова²

¹Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия

²Филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте
Златоуст, Россия

Аннотация

Многомерность слухов как неотъемлемого элемента системы массовой коммуникации обусловила необходимость осмысления их лингвистической природы. Настоящая статья посвящена исследованию данного коммуникативного феномена и тех дискурсивных практик, которые реализуют его в континууме англоязычного массмедийного дискурса. Обращение к теории дискурс-анализа в качестве методологической основы в данной работе обуславливает интеграцию подходов и привлечение различных методов к изучению исследуемого конструкта, что обеспечивает возможность проникновения в его сложную природу. Объектом исследования избраны медиаслухи категории *celebrity gossip* (светские слухи), размещенные в электронных версиях англоязычных периодических изданий (газет и журналов) и оригинальных сетевых изданиях в 2015—2018 годах. Цель настоящего исследования заключается в выявлении специфики медиаслухов как речевого жанра англоязычной медиакommunikации на примере текстов-слухов о селебрити. Указанная цель реализуется посредством выявления содержательного (тематического) и формального (структурно-композиционного) уровней архитектоники исследуемого текстотипа с привлечением стилистического компонента. В результате установлено, что тематический план медийных текстов-слухов о селебрити отличается широким диапазоном топосов, охватывающих как публичную сферу (социальные взаимодействия), так и приватную, зачастую интимную область жизни знаменитостей, с явным акцентом на последней. При этом сенсационность и скандальность оказываются доминантными дискурсивными характеристиками репрезентаций исследуемого текстотипа. В плоскости формального устройства дискурс светских слухов конституируется текстами, облеченными в различные журналистские формы: от жанров информационного блока до публицистических вариаций категории *features*, которые используются авторами в качестве средства конструирования реальности, связанной с культурой селебрити. Информация, имеющая, по сути, тривиальный по содержанию и сомнительный в силу своей неподтвержденности характер, с помощью разнообразных языковых и текстовых ресурсов камуфлируется под сведения, обладающие высокой степенью достоверности и эпистемической ценности. Полученные результаты свидетельствуют о существовании в рамках обширного коммуникативного пространства массмедиа специфического типа дискурса, гибридного по своей природе и неэвидентного в верификативном плане.

Ключевые слова: медиалингвистика, массмедийный дискурс, медиаслухи, светские слухи, текст, жанр

Для цитирования:

Иванова С.В., Хакимова Г.Ш. Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 386—418. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418

1. Введение

Данная работа посвящена исследованию природы своеобразного феномена — слухов — с позиций языковой практики. Научный потенциал лингвистики лишь только начинает привлекаться к его осмыслению. По оценкам специалистов, способ коммуникации, сопровождающий человечество с древнейших времен, переживает в настоящее время свое «второе рождение». Перестройка коммуникативных систем современного информационного общества, и, прежде всего, бурное развитие глобальной сети и компьютерных технологий, медиаконвергенция, обусловившая технологическую и культурную интеграцию коммуникационных и информационных технологий (старых и новых медиа), повлекшую за собой перераспределение ролей традиционных СМИ, привели к качественному изменению свойств слухов. Очевидным является тот факт, что слухи оказались весьма живучей и устойчивой формой передачи информации, способной успешно адаптироваться к новым условиям системы массовой коммуникации, мутируя и изменяя свои качественные характеристики (Куликов 2011, 2014). Парадоксально, но в рамках социальной психологии всё чаще звучит мнение о том, что с дальнейшим усилением институционализации общества индивидам будет сложнее получить жизненно важную для них информацию, в связи с чем информационная роль «слухового» канала будет лишь возрастать (Demerath and Korotayev 2015). Вслед за социологами представители философского направления, также указывая на усиливающуюся роль слухов в социуме, объясняют эту тенденцию валидностью слухов как источника информации, причем единственного в условиях продолжающейся институционализации, сопровождающейся все большим отчуждением от рядовых граждан значимой для них информации институтами власти (Gelfert 2012). Данные соображения обуславливают необходимость продолжения исследований в этой области в рамках различных подходов, включая лингвистическую парадигму, с целью системного описания категориальных признаков слухов, а также выявления новых свойств этого «мутирующего» феномена, что и позволяет аргументировать актуальность данной работы.

Объектом настоящей статьи являются такие конституэнты коммуникативного пространства, весьма типичные для современной англоязычной прессы, как медиаслухи категории *celebrity gossip*. Поскольку лингвистическая основа феномена слухов может быть выявлена в том числе с помощью описания текстовых репрезентантов, относящихся к избранному для анализа жанру медиатекстов, в качестве предмета исследования обозначены жанрово-дискурсивные характеристики текстов-слухов о селебрити в англоязычных массмедийных дискурсивных практиках. Соответственно, целью предпринятого исследования ставится выявление специфики медиаслухов как речевого жанра англоязычной прессы посредством конструирования прототипической модели слухов на примере текстотипа *celebrity gossip* в рамках англоязычной медиакommunikации. Для её решения представляется необходимым осветить

ряд вопросов: (1). Какой спектр тем (топиков) охватывают англоязычные тексты-слухи о селебрити? (2). Каков диапазон интенций создателей подобных текстовых экземпляров? (3). Каковы функции репрезентантов жанра *светские слухи* в системе англоязычного массмедийного контента и какая функция является доминирующей? (4). Какой арсенал журналистских форм задействован при конструировании слухов о селебрити? (5). Каковы структурно-композиционные особенности репрезентаций исследуемого текстотипа? (6) Проявляет ли медиаслуховой дискурс признаки диффузности и конвергенции? (7) Наконец, каковы инвариантные и вариативные жанрово-стилевые признаки англоязычных текстов-слухов, подпадающих под категорию светских слухов?

Эмпирическим материалом предпринятого исследования послужили около 300 публикаций, представляющих собой медиаслухи рубрики *gossip column* или *celebrity-gossip* (ср.: *светская хроника*, *колонка слухов*, *светские сплетни*), размещенных в электронных версиях англоязычных периодических изданий (газет и журналов) и в англоязычных веб-изданиях в период с 2015 по 2018 годы. Настоящий выбор оправдан тем фактом, что репрезентанты данного текстотипа выступают как слухи *per se*, т.е. слухи в наиболее «чистом» виде.

Методологической основой данной работы послужил дискурсивно-ориентированный подход. Поскольку «в пределах своих границ он [дискурс-анализ] включает в себя разнородные подходы, аналитические инструменты и методологии, <...> объединяет различные научные школы» [Понтон, Ларина 2017: 18], в настоящем исследовании соединяются теоретические положения отечественной лингвистики текста, генристики, жанроведения и дискурсологии, воплощающие совокупность собственно языкового, лингвопрагматического, когнитивного и социально-психологического аспектов. Сложность исследуемого конструкта детерминирует необходимость проведения мультиметодного исследования с привлечением лингвокультурологического анализа, индуктивного метода, включающего наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также частнонаучных лингвистических методов: семантического анализа в дефинитивном варианте, контекстуального, текстового и стилистического типов анализа. Представляется, что интеграция различных методов позволит приблизиться к созданию полной дискурсной модели медиаслухов.

Помимо введения статья включает четыре раздела и заключение. Первый раздел посвящен описанию общей характеристики жанра и параметризации, положенной в основание жанровой модели рассматриваемых текстов. Последующие два раздела представляют собой обсуждение эмпирического материала в двух классических измерениях: содержания и формы. Содержательный аспект репрезентаций исследуемого текстотипа, раскрывающийся во втором разделе, рассматривается в тематическом ракурсе. Анализ формального устройства текстов в третьем разделе производится сквозь призму их

функциональности с привлечением стилистического анализа. В четвертом разделе обсуждаются результаты исследования. В заключительной части наблюдения обобщаются.

2. Параметризация жанрово-дискурсивных признаков текстов-слухов

Научный контекст проблемы предполагает обсуждение ряда вопросов, имеющих первостепенное значение. Одним из них является вопрос о делимитации и идентификации слуха, связанный с его дефиниционными аспектами. Несмотря на длительную научную историю слухов, их понятийный статус в настоящее время весьма далек от окончательного разрешения. При анализе различных трактовок этого коммуникативного явления выявляется их достаточно серьезно выраженная противоречивость. Трактовки слухов зависят от парадигмальных оснований того или иного подхода, в рамках которого работают исследователи. Это позволяет высветить различные грани и аспекты исследуемого сложного конструкта. В силу ограниченности рамками статьи и невозможности озвучить все подходы¹ к научной квалификации слухов обозначим основной вектор предлагаемой трактовки². Принципиальная позиция выражается в том, что из многочисленного набора признаков феномена слухов базовой, инвариантной характеристикой их сущности является дихотомия — невалидность, неверифицируемость, неэвидентность передаваемой информации, но восприятие её как достоверной, на чем будут построены следующие рассуждения.

При изучении текстово-жанровых особенностей исследуемого явления мы отталкиваемся от двух оснований. Во-первых, это идея о том, что тексты-слухи массмедиа выступают полноправными репрезентантами речевого жанра слухов, обладая всеми признаками текстуальности. Во-вторых, тексты сетевых изданий наряду со специфичными свойствами, накладываемыми на них особым медиальным форматом, рассматриваются нами как распространяемые через глобальную компьютерную сеть информационные продукты, которые сохраняют все основные жанрово-стилевые характеристики массмедийных текстов³.

Специфичность исследуемого коммуникативного поля массовой коммуникации заключается в том, что его массмедийная репрезентация уходит корнями в традиционную устную речевую практику, поскольку слухи по своей природе являются информационным жанром устной неформальной

¹ Особый интерес вызывает концепция Е.В. Осетровой, рассматривающей феномен слухов на русскоязычном материале как неавторизованную информацию в рамках речеведческого подхода на основе методологического треугольника: язык—текст—речь (Осетрова 2015).

² Подробный анализ признаков слухов в аспекте концептуального подхода см. в (Хакимова 2016 а, б).

³ Это коррелирует с позицией Т.Г. Добросклонской, согласно которой они [интернет-тексты] «сочетают в себе признаки «сетевого» текста <...> с формально-содержательными особенностями печатных медиа-текстов» (Добросклонская 2013: 79).

межличностной коммуникации. Нельзя не согласиться с мнением В.И. Карасика, согласно которому «институциональный дискурс в значительной степени может быть прояснен, если исследователь примет в качестве исходной посылки тезис о переосмыслении бытового дискурса в институциональный, поскольку бытовое, обыденное общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне» (Карасик 2004: 236). Иными словами, первичный жанр всегда является элементом структуры вторичного, поскольку последний (жанр-текстотип) создается на основе первичных речевых жанров. Фактически массмедийный жанр светских слухов можно рассматривать как вторичный по отношению к первичным речевым жанрам слухов и сплетен, относящимся к обиходно-бытовому общению. Опираясь на этот основополагающий принцип, необходимо учитывать два уровня типологизации речи: общей типологии речи, выделяемой в рамках классической лингвистики, лингвистики текста, и типологической классификации массмедийных жанров, основывающейся на учении о журнально-газетных жанрах в рамках медиалингвистики.

Несмотря на отсутствие единого принципа, на основе которого можно было бы описать все многообразие таксономии речевых жанров, лингвисты-коллоквиалисты, работающие в русле общетипологического подхода, традиционно выделяют среди наиболее существенных признаков, влияющих на жанровую дифференциацию речи, следующие: характер коммуникации (официальная / неофициальная), вид коммуникации (личная / публичная), коммуникативная цель, число участников, вид адресата (личный / коллективный / массовый), образ адресата и его ролевой статус (равный / подчинённый, мужской / женский, подготовленный / неподготовленный (коллега / неспециалист), пассивность / активность адресата (Земская 1988: 43). В системе медиалингвистики при типологическом описании медиатекстов Т.Г. Добросклонская предлагается учитывать, помимо дихотомий, определяющих форматные и языковые свойства текстов, и их функциональные характеристики на основе разработанной ею концепции функционально-жанровых типов речи. Вследствие этого жанрообразующими параметрами текстов выделяются следующие: способ создания (авторский — корпоративный, устный — письменный); способ воспроизведения (устный — письменный); канал распространения (конкретное средство массовой информации: печать, радио, телевидение, Интернет); функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, features, реклама); тематическая доминанта или медиатопик (Добросклонская 2013: 44).

С точки зрения жанрово-стилевой принадлежности сплетни относят к информационно-фатическому жанру устного бытового общения («утоление «информационного голода» сочетается с приятным времяпрепровождением»), свойственного определенной группе лиц, обладающей некоторой системой коллективных знаний и представлений, имеющему нарративный характер, затрагивающему приватную сферу, включающему элементы косвенного осуждения третьего лица (Панченко 2007: 224, 232). В жанровой

модели сплетни выделяются следующие базовые компоненты: (1) предмет речи, распадающийся на два компонента: а) исходный (предлагаемый адресантом) — информация об имевшем месте факте, событии, касающемся объекта сплетни, его неблагоприятных поступков, б) воспринятый и часто дополненный некими элементами присочинений, содержащий эмоционально-оценочный компонент (трансформирующаяся часть); (2) участники коммуникативной ситуации — два лица: лицо, инициирующее распространение сплетни, и лицо, воспринимающее и усваивающее сплетню (может быть дальнейшим её распространителем) (Рабенко 2013: 47—48). В целом жанроведы признают неоднозначность исследуемого явления. Указывая на совмещение фатического и информационного начал речевого жанра сплетни, В.В. Дементьев справедливо замечает, что уже семантика данного существительного «характеризуется внутренней глубокой неоднородностью, охватывая сложный комплекс разных коммуникативных интенций, ситуаций, тем» (Дементьев 2010: 228).

Что касается жанра слухов и сплетен, принадлежащего к массмедийному дискурсу, его представителями являются тексты, появившиеся в результате взаимопроникновения речевых форм устного высказывания и письменного сообщения. По сути, медиаслух — это текст, передающий слух в письменной форме. Основные характеристики СМИ (обращенность к массовому, рассредоточенному адресату, общедоступность и оперативность) накладываются на свойства устно-слуховых сообщений (цепочечный характер передачи и, в конечном счете, охват диффузной аудитории в совокупности с быстротой распространения) и многократно усиливают их. Другими словами, медиаслухи выступают как гетерогенный тип текстов, образовавшийся на пересечении двух коммуникативных сфер: повседневно-бытового общения и массмедийного дискурса. Являясь изначально элементом неформальной коммуникации, слухи стали равноправным элементом институционального дискурса — дискурса СМИ. Наложение конститутивных свойств слухов и сплетен как элементов устной коммуникации на дискурсивные признаки массмедийных текстов привело к возникновению пограничного, специфического, сложного образования (гибридного по своей природе), существующего в континууме массмедиа и наделенного конкретными коммуникативно-дискурсивными характеристиками. Этот феномен является одним из ярких подтверждений существования устойчивых тенденций в развитии современной массовой коммуникации, отмечаемых многими лингвистами: (1) сближение устно-разговорной и книжно-письменной сфер речи в целом и трансформация массмедийных жанров под влиянием экспансии в них фатического речевого поведения в частности⁴; (2) гибридизация жанровых форм, дискурсивных практик и конвергенция стилей, что способствует повышению персуазивного потенциала гибридного дискурса⁵.

⁴ См., например, в (Лаптева 2015).

⁵ См., на примере актовой речи в (Иванова 2017).

Как утверждают Б.В. Дубин и А.В. Толстых, «печатные источники информации как бы пристроены сегодня к системе слухов, живут на них» (Дубин, Толстых 1993: 80). К этому можно добавить, что современные СМИ отличает гипертрофированное внимание прежде всего к новостям из мира успешных, богатых и знаменитых. «Слухи — это своеобразный “перпетууммобиле” для нынешней прессы, поскольку в случае дефицита достоверной информации есть возможность заполнить полосы именно ими» (Тертычный 2003: 73). Намеренно оставляя за рамками данной статьи диахронический аспект, заслуживающий отдельного, детального рассмотрения, лишь отметим, что эволюционный процесс развития текстотипа светских слухов в массмедийной англоязычной коммуникации, зиждущийся на культуре селебрити, предстает как ряд трансформаций структурно-композиционной формы, смещения семантических аспектов, стилистических модификаций, изменения вектора идеологической модальности⁶. Анализируя синхронический срез текстового континуума светских медиаслухов, с уверенностью можно констатировать, что не только «желтые» газеты и журналы, ориентированные на самую широкую аудиторию, «заточены» на эксплуатацию слухов из мира знаменитостей. Не обходит их стороной и таблоидная пресса, занимающая промежуточное положение по степени серьезности и аналитичности представляемых информационных материалов между откровенно «желтой» и качественной прессой⁷. Подобные издания всегда имеют в своем арсенале отделы, колонки, отдельные полосы светской хроники, помещающие сведения, основанные на слухах и сплетнях, чаще всего под рубрикой *gossip column, celebrity gossip, celebrity, rumours, gossip, hot stuff, celebrities gone bad, showbiz, the dirt, hottest celebrity stories revealed, celeb news and dirt* и мн. др. (ср.: *светская хроника, отдел светской хроники, колонка слухов, светские сплетни*). Данный жанр завоевывает все большую популярность, становясь самодостаточным и организуя отдельные издания с развитой системой тематических блоков. В качестве родового обозначения исследуемого медиаявления мы выбрали термин *светские слухи (celebrity gossip)* для обозначения указанного ряда смежных понятий, поскольку все они содержат материалы, репрезентирующие устойчивый текстотип массмедийной коммуникации, связанный с неподтвержденными новостями из жизни селебрити.

Архитектоника того или иного текстотипа может быть раскрыта посредством привлечения разных моделей и схем речевого жанра. С позиций жанроведения классическими текстообразующими признаками, предложенными еще М.М. Бахтиным, являются тематический, композиционный и стилистический аспекты (Бахтин 1979). В данной работе при составлении «портрета» жанра текстов-слухов о селебрити в медийном дискурсе акцент сделан

⁶ См. работы англоязычных авторов разных периодов, например (Levin and Kimmel 1977; Walls 2001; Mole 2004; Chambers 2009).

⁷ См. подробно топологию современных СМИ в (Мальцева, Лесная 2008) и характеристики таблоидных изданий Великобритании в (Лесная 2009).

главным образом на двух проекциях: содержательной и структурной в силу ограниченной возможности в рамках одной статьи охватить все три основополагающих «кита» формирования жанра. Стилистический ракурс, несомненно, играет одну из ключевых ролей в построении текстового пространства и заслуживает пристального внимания и детального описания. Он будет привлекаться спорадически как вспомогательное средство, эвристический потенциал которого будет способствовать более глубокому пониманию формального устройства отдельных репрезентантов изучаемого жанра.

3. Содержательный аспект жанра светских слухов

Каждый жанр обладает своей иерархией признаков, определяющих его специфику. В случае массмедийного жанра светских слухов тематический фактор является наиболее существенным, поскольку определяет коммуникативные цели, способы их языкового воплощения и стилистические особенности текстов. Эмпирическим объектом журналистского дискурса в жанре «светские слухи» и выступают публичные персоны разной величины и ранга по шкале известности: актеры, представители шоу-бизнеса и другие деятели массовой культуры, спортсмены, политики, бизнесмены, представители высшего общества, что запечатлено в номинации рубрики. Национально-культурной спецификой исследуемого поля в англоязычном массмедийном дискурсе является ориентированность прежде всего на американские и западно-европейские известные лица, что обусловлено в частности отсутствием интереса у массовой англоязычной аудитории к инокультурным явлениям и в целом признанием доминирующей роли британской и американской культур в современном мире, сформулированной в концепции культурного империализма, компонентом которой является медийный или информационный империализм (Boyd-Barret 1977).

Исследуемое жанровое образование характеризуется наличием трех устойчивых тематических блоков, создающих его смысловой каркас. Обозначим их как топосы, которые связаны с различными аспектами жизни селебрити и которые распадаются, в свою очередь, на несколько доминантных топиков. Первый топос посвящен публичной стороне жизни «звезд», связанной с их профессиональной деятельностью и карьерой, их социальными взаимодействиями. Приведем в качестве примеров информативные заголовки некоторых статей:

(1) *Cameron Diaz Confirms She Has “Actually Retired”*⁸

[<https://www.dailymail.co.uk>, 20.03.2018]

(2) *Erica Mena Reportedly Joining “Love & Hip Hop Atlanta” As Joseline’s Replacement* [<http://gossiponthis.com>, 12.12.2017]

⁸ Здесь и далее сохраняется оригинальный тип технического оформления заголовков текстов, приведенных из медиаисточников.

(3) *De Niro and Schwarzenegger's angry public stoush*

[<https://www.news.com.au>, 10.12.2016]

(4) *Dwayne 'The Rock' Johnson To Run For President In 2020?*

[<https://www.vanityfair.com>, 12.05.2018]

Следующие два топоса охватывают частную жизнь знаменитостей и их окружения, где, по нашим наблюдениям, можно выделить два уровня «вторжения» СМИ в их «личное пространство». Применительно к ним можно использовать термины, предложенные Е. Сазоновым, — «мягкая» и «жесткая» степени вмешательства (Сазонов 2005), прямо или косвенно влияющего на репутацию знаменитых персон. Первый уровень интенсивности внедрения предполагает освещение событий приватной сферы, но тесно связанных с публичной благодаря пересечению личностной и социальной семантических сфер. Такие события «личной публичной» жизни быстро становятся достоянием широкого круга людей. Здесь наиболее разработанными топиками являются как положительно заряженные, так и трагические, отрицательно окрашенные события и ситуации: помолвка, брак, фертильность (беременность, рождение детей), развод, смерть, девиантное поведение в социуме и др., наглядной иллюстрацией чего служат следующие примеры заголовков статей:

(5) *Kate Middleton: Pregnant with Twins?!*

[<https://www.thehollywoodgossip.com>, 26.12.2017]

(6) *Halle Berry & Olivier Martinez will likely dismiss their divorce & stay married* [<https://www.celebitchy.com>, 30.09.2016]

(7) *Meghan Markle Could Be (Unintentionally) Spilling Some Money Secrets About the Royal Family* [<https://www.bravotv.com>, 30.05.2018]

(8) *Drake Is a Good Dad! Allegedly.* [<https://www.thecut.com>, 10.05.2018]

(9) *WHO BIT BEYONCÉ? HERE'S A LIST OF SUSPECTS*

[<http://www.celebuzz.com>, 30/03.2018]

(10) *What Really Happened The Night George Michael Died?*

[<http://www.celebritygossip.com>, 03.01.2017]

Второй уровень вмешательства означает обращение прессы к табуированной проблематике, не подлежащей публичной огласке, агрессивное проникновение вглубь личностных взаимодействий, прежде всего семейных и неофициальных отношений, а также сугубо интимных аспектов приватной сферы человеческой жизни. В этом случае под прицелом журналистов оказываются любовные романы, адюльтер, ссоры, примирения, девиантное поведение в быту, отдых и пр. Особое место занимает обсуждение прессой информации, связанной со здоровьем, трансформациями внешности, сексуальными предпочтениями и другими проявлениями исключительно интимного характера. Типичными образцами топиков этого блока являются заголовочные комплексы следующих текстовых репрезентаций:

- (11) *Did Ray J Cheat on His Pregnant Wife? Princess Love Hints at Marriage Troubles With Cryptic Social Media Posts* [<http://gossiponthis.com>, 03.02.2018]
- (12) *XXXTentacion's mom hints that he has a kid on the way* [<http://www.celebuzz.com>, 30.03.28]
- (13) *'He really likes her' Lewis Hamilton and Winnie Harlow fuel dating rumours at GQ Awards* [<http://www.express.co.uk>, 10.09.2016]
- (14) *Is Brad Okay? Pitt Spotted Entering Infectious Disease Specialist's Office* [<http://radaronline.com>, 03.11.2016]
- (15) *Two women, one man to sue Usher over herpes claims* [<http://gossiponthis.com>, 30.01.2018]
- (16) *WHO'S THAT BOY? Madonna's daughter Lourdes looks loved-up as she larks about with her rumoured boyfriend in New York* [<https://www.thesun.co.uk>, 10.11.2016]
- (17) *Jim Carrey alleged STD test has been submitted as evidence* [<http://www.news.com.au>, 30.10.2016]

Как известно, одним из факторов текстообразования является масштаб освещаемой проблемы, и, если информация имеет низкую содержательную ценность, как в случае текстов-слухов о селебрити, журналист по своему усмотрению придает ей статус актуального социально-релевантного события, смело нарушая этические границы. Данный журналистский прием М.Н. Ким обозначает как «объективацию субъективного», под которым кроется журналистский прием перевода личностно окрашенного события в разряд объективного факта (Ким 2005: 108).

Содержание обсуждаемого события, как правило, носит сенсационный характер. Сенсационность — доминантная типологическая характеристика жанра светских слухов англоязычных СМИ. Она проистекает из общей культуроспецифичной черты, присущей англоязычному массмедийному дискурсу и проявляющейся в повышенном интересе британских и американских СМИ к частной жизни высокопоставленных лиц, представителей королевских династий, деятелей политики, культуры и спорта (Добросклонская 2013: 189—190). В отношении исследуемых материалов можно выделить два уровня сенсационности: собственно сенсацию и скандал, поскольку в основе семантики лексемы *сенсация* лежит неожиданность, производящая волнующее впечатление (*sensation* — If a person, event, or situation is a sensation, it causes great excitement or interest [Collins 2018]), а скандал связан с нарушениями морально-этических норм, принятых в социуме, и поэтому всегда предполагает отрицательно коннотируемое сенсационное явление (*scandal* — talk about the shocking and immoral aspects of someone's behaviour or something that has happened; a situation or event that is thought to be shocking and immoral and that everyone knows about [Collins 2018]). Таким образом, типологически по степени оценки сенсационности разделим тексты на два типа: слухи-сенсации и слухи-скандалы. К первому типу отнесем эксклюзивные сообщения, горячие новости, экшн, ко второму — крупные скандалы, разоблачения.

Рассматриваемые материалы зачастую отличаются имитацией сенсационности, псевдосенсационностью, когда в основе новости лежит искусственный слух, запускаемый СМИ в виде *fake news*. Ярким примером тому является слух-сенсация, «мишенью» которого оказывается известная голливудская актриса Кэмерон Диас. В статье под названием (18) *Cameron Diaz Confirms She Has "Actually Retired"* [<http://www.celebuzz.com>, 29.03.2018] содержится утверждение, что актриса объявила о завершении своей актёрской карьеры. Искусственная сенсация создается за счет того, что в качестве подтверждения приводится цитата из интервью самой актрисы:

(18) a. *I'm totally down. I'm semi-retired, too, and I am actually retired.*

Статью венчает комментарий колумниста, где употребляется лексема *revelation* (a fact disclosed or revealed, esp in a dramatic or surprising way [Collins 2018]) и привлекаются косвенные доказательства правдивости передаваемой новости в виде отсутствия свежих постов актрисы в мессенджере Инстаграм:

b. *The saddest thing about this whole revelation is that we get zero new Cameron Diaz in our lives now. She's barely on social media either: her last Instagram was posted before the election.*

Благодаря эффекту размножения, получившего название редупликации или мультипликации (*reduplication, multiplication*), данная новость тиражируется в многочисленных изданиях подобного типа, что напоминает массированную атаку по активному внедрению слуха и свидетельствует о возникновении целого нарратива, связанного с конкретным событием. Следующий ряд заголовков из различных медиаисточников свидетельствует об амплитуде колебания степени уверенности в достоверности обсуждаемой информации, начиная от сомнения, выражаемого риторическим вопросом в первом случае, до абсолютной убежденности, выраженной предикатным элементом *point-blank* (*directly or straight; directly or rudely, without explaining or apologizing* [Collins 2018]; ср.: *категорически, наотрез, прямо, резко, решительно*) в последнем примере:

(19) *Cameron Diaz Says She's 'Actually Retired' But Has She?*
[<https://www.ndtv.com>, 02.04.2018]

(20) *IT'S A HARD KNOCK LIFE Cameron Diaz confirms that she IS actually retired from acting* [<https://www.thesun.com>, 30.03.2018]

(21) *Cameron Diaz confirms she has 'actually retired' from acting*
[<https://www.nickiswift.com>, 30.03.2018]

(22) *Cameron Diaz Confirms She's "Actually Retired" After All*
[<http://celebrityinsider.org>, 30.03.2018]

(23) *Yes, Cameron Diaz Has Retired From Acting: "I'm Literally..."*
[<http://wmagazine.com>, 30.03.2018]

(24) *Cameron Diaz point-blank confirmed that she's "actually retired," and let's process this together* [<https://hellogiggles.com>, 30.03.2018]

Наконец, этот ряд материалов итожит публикация (25) *Cameron Diaz quits acting* [<http://www.dailymail.co.uk>, 30.03.2018] в издании *Daily Mail*, в самом названии которой слух перестает быть таковым и переводится в разряд фактов. Однако в самом конце выясняется, что раздутый искусственный слух оказывается следствием дезинформации, связанной с шуточным предположением коллеги К. Диас, Сэльмы Блэр (Selma Blair):

(25) a. *I would have liked to do a sequel, but Cameron's retired from acting. She's like, 'I'm done'.*

В результате псевдоновость окончательно развенчивается цитатой, приведенной автором статьи из твитта последней:

b. *Blair later clarified her comments on Twitter. "Guys please, I was making a joke in an interview," Blair told her social media followers. "CAMERON DIAZ is NOT retiring from ANYTHING. And for more breaking news: I am NOW retiring from being Cameron Diaz's spokesperson".*

Тем не менее, не каждое издание акцентирует внимание на такой развязке. Таким образом, подтверждается механизм превращения вымысла в факт, выявленный исследователями-социологами в области менеджмента организации, который заключается в том, что передается содержание сообщения, но не чувство уверенности / неуверенности относительно этого сообщения (Duboi, Rucker, Tormala 2011). Это означает, что при передаче этого сообщения от второго к третьему лицу его основное содержание сохраняется, а сомнение в достоверности утрачивается, что, очевидно, релевантно и для цепочечной передачи информации, выстроенной различными медийными изданиями, явно вторящими друг другу посредством перекрестных ссылок.

Подводя итоги, подчеркнем, что в качестве информационного повода выступают любые события из жизни богатых и знаменитых представителей англоязычного мира, включая самые тривиальные, которым искусственно придается статус сенсации или скандала. В следующем разделе будут рассмотрены речевые формы, в которые облакаются текстовые конкретизации изучаемого жанра.

4. Формальная организация текстов-слухов о селебрити

Известно, что важнейшим жанроформирующим принципом, обуславливающим выбор формы, в рамках текстоцентрического подхода является интенциональный аспект. При этом, несмотря на формирование отдельных текстотипов с общей интенцией, не вызывает сомнения полиинтенциональность медиажанров (Дускаева 2012), обладающих «симультантным пучком интенций разного уровня» (Коньков 2014: 181), что детерминирует открытость системы жанров массовой коммуникации, лабильность их границ как в отношении структуры, так и языковой репрезентации. Генеральной интенцией медиасферы декларируется информирование, поскольку оно присутствует в любом медиажанре, к которому добавляются другие интенции (Шмелева 2014:

53). В этой связи полиинтенциональность жанра *celebrity gossip* можно выразить формулой: «информирование + развлечение». Здесь следует заметить, что в генристике, развивающейся на основе теории речевых актов, бытует точка зрения, согласно которой все речевые жанры существуют исключительно между двумя полюсами фатического или информативного коммуникативного намерения (Н.Д. Арутюнова, Т.Г. Винокур, В.В. Дементьев). В русле этой идеи Н.А. Корнилова толкует речевой жанр как «исторически сложившийся текстотип, обслуживающий определённую сферу человеческой деятельности: <...> определяется коммуникативной целеустановкой (совокупностью частных целеустановок, воплощённых в речи) говорящего, стилистико-композиционным оформлением и тяготеет к одному из полюсов человеческого общения — фатическому или информативному» (Корнилова 2014: 57—58).

Таким образом, можно констатировать, что иллокутивный потенциал исследуемого нами жанрового текстотипа *celebrity gossip* охватывает диапазон доминантных коммуникативных задач, размещающийся между реализацией фатической и информативной функций, вырастающих из интеграции первичного речевого жанра личностно-ориентированного, разговорно-бытового дискурса и вторичного журналистского жанра институционального массмедийного дискурса, что отнюдь не исключает комплекса частных интенций, реализуемых отдельными текстовыми конкретизациями. И этот факт подтверждается структурно-композиционным аспектом медиаслуха, проявляющимся в дипластичности его формы, репрезентируемой наложением структур журнальной статьи и устного сообщения — слуха *per se*. Полиинтенциональность рассматриваемого жанра обуславливает размытость его границ и диффузность форм, задействованных в различных дискурсивных практиках. Это проявляется в том, что стандартный набор тем в рамках светских слухов оформляется в виде широкого диапазона типизированных функционально-текстовых структур. Поскольку «интенция развлечения не выработала «своих» жанров, а реализуется в информационных (инфотейнмент)» (Майдурова 2011: 39), а слух — это прежде всего новость о событии (актуальная, оперативная, востребованная информация), тексты жанра *celebrity gossip* создаются, как правило, на основе первичных журналистских информационных форм, таких как новостная заметка, событийная заметка, новостная статья, информационная заметка, информационное сообщение, информационная корреспонденция, выделенных в рамках учения о журнально-газетных жанрах отечественной медиалингвистики.

Диапазон информационных вариантов представления слухов из мира селебрити весьма широк: от небольших по объёму новостных заметок до достаточно объёмных информационных сообщений, представленных в свою очередь различными стереотипными речевыми действиями: монолог, диалог, описание, рассказ и пр. Каноническая модель текста медиаслуха зависит от использованной типовой жанровой формы его презентации. Несмотря на

многообразие форм, в которые «упаковываются» слухи, четко просматривается структурно-композиционный инвариант текстов рассматриваемого жанра, где базовой интенцией является информирование. Устойчивость структуры медиа-слуха о селебрити обеспечивает построение по принципу «жесткой новости» или «перевернутой пирамиды» (Дейк 1989: 17), когда наиболее важная информация предоставляется в сильной позиции — начале статьи (заголовке и лиде) и далее разворачивается в виде деталей и подробностей. Приведем пример событийной заметки — одной из широко эксплуатируемых типовых форм в рамках исследуемого жанра.

(1) *Brooke Mueller hospitalised for psychiatric evaluation, according to reports*

CHARLIE Sheen's ex-wife has been hospitalised for a psychiatric evaluation. According to TMZ, a woman claiming to be Brooke Mueller's mum called the Utah Highway Patrol and told them Muller might not be mentally stable.

The troopers tracked her down as she was driving in her SUV with the seven-year-old twins she had with Sheen.

The children's nanny was also in the car at the time.

Mueller was taken to hospital and the twins are now being looked after by a family member.

Mueller and Sheen were married from 2008 to 2011
[<https://www.news.com.au>, 18.11.2016].

Данная заметка демонстрирует модель коммуникативной ситуации, типичной для текста-слуха о селебрити, — это необходимость сообщения о существовании актуальных, но неverified сведений о произошедшем событии или сложившейся ситуации, связанной со знаменитостью. В основе приведенного текста лежит неподтвержденная информация о психической нестабильности Брук Мюллер, бывшей супруги американского актера Чарли Шина, «вмонтированная» в событие, связанное с её принудительной госпитализацией с целью психиатрической экспертизы. Факт означенного состояния медиаперсонажа оказывается при внимательном рассмотрении неverified, поскольку проявляется через анонимный источник информации, что вербализуется лексемой *claiming* и неопределенным артиклем (*a woman claiming to be Brooke Mueller's mum*), а также сочетанием *according to reports*, эксплицирующим ссылки на другие СМИ в качестве подкрепления достоверности сведений. Приведенная заметка реализовывает несколько типовых речевых действий, порожденных типовой ситуацией, — сообщение о событии, краткое описание обстоятельств произошедшего, констатация его последствий, дополняющая справка (в данном тексте — уточнение истории брачных взаимоотношений семантических субъектов в одной пропозиции).

Наблюдения показывают, что наиболее востребованной журналистской формой в исследуемом жанре является новостная статья (*story* в англоязычной традиции) — более объемное произведение в сравнении с заметкой и более сложное в плане речевой разработки содержания. С целью выявления

образца текстопостроения и восприятия рассматриваемого текстового жанра в лингвокогнитивной плоскости он может быть представлен в виде прототипической схемы, т.е. наиболее характерной структуры (суперструктуры в терминах Т. ван Дейка). Детальная схема текста-прототипа исследуемого жанра в рамках типовой структуры новостной статьи включает следующие инвариантные сегменты: заголовочный комплекс, лид, введение в проблему, постановка проблемы в виде представления различных мнений (минимум двух) об обстоятельствах (причинах, характере протекания, следствиях) события и столкновения этих точек зрения, обобщенная оценка.

«Три кита» (информативность, доступность и развлечение), на которых держится инфотеймент, понимаемый как способ подачи информации современными СМИ в развлекательной форме, реализуются уже на уровне заголовочного комплекса. Особенностью заголовка является большой объем и, как результат, высокая степень его информативности, т.е. суть происходящего транслируется в сжатом, но исчерпывающем виде — пропозиции о событии. Другим заметным свойством заголовка выступает его броскость: используются различные оформительские уловки (часто — крупный объем, жирный шрифт и пр.), не только «сигнализирующие» о значимости и эксклюзивности передаваемой информации, но и делающие её более привлекательной и с этой точки зрения более доступной для адресата.

Лид, также считающийся сильной позицией медийного текста, представляет собой концентрацию всех важнейших компонентов передаваемого сообщения. Что касается развертывания самого сообщения, анализ показывает его многослойный характер. Поскольку к базовым характеристикам информационного дискурса в рамках журналистики традиционно относят новостную окраску (новость в отечественной журналистике, как правило, не выделяют в качестве отдельного жанра), актуальность, оперативность, объективность, документальность (формируемая достоверностью, точностью и конкретностью), правдивость, лаконичность, сенсационность (Ким 2005: 208—212), демонстрируя стремление к объективности изложения материала и подчеркивая достоверность передаваемого слуха, авторы статей прибегают к использованию различных эвиденциальных компонентов, «склеивающих» смысловые сегменты текста. Одним из ключевых элементов, включенных в заданную устойчивую модель, являются многочисленные ссылки на источники информации. Другим текстообразующим фактором является введение в текст элементов интервью, представленных в широком диапазоне цитат в виде прямой речи, косвенной речи, отдельных словосочетаний, выделенных кавычками, авторами которых являются сами «мишени» слухов, лица из их близкого окружения, эксперты (в социальной парадигме — «лидеры мнений»). Отдельного внимания заслуживает тот факт, что зачастую в качестве надежных источников преподносятся другие медийные издания, что вызывает эффект сарафанного радио: информация, передаваемая одним источником, начинает тиражироваться другими СМИ, выступающими, в свою очередь,

последующими её ретрансляторами. В результате текст наполнен «голосами», что создает эффект пересказывательности, цепочечности передачи сведений, характерной для устно-«слухового» канала массовой коммуникации. Многочисленные перекрестные ссылки, посредством которых одни издания вторят другим, свидетельствуют о том, что СМИ выступают не посредниками, передающими некую информацию, а конструируют собственную реальность посредством самореференции — отсылки к событиям, созданным или воссозданным все теми же СМИ, замеченную еще Н. Луманом (Луман 2005). Эти компоненты, по замыслу авторов, не только усиливают верификативный потенциал представленной информации, но и интегрируются в текст в качестве полноправной составной части, играя самостоятельную роль в конструировании текста и развивая его фактологическую основу. В большинстве случаев авторский текст практически не заметен и «тонет» в череде обильных цитат и ссылок. Приведем в качестве примера скандальный слух об адюльтере жены известного американского тележурналиста Ларри Кинга, оформленный в виде небольшой статьи:

(2) *Larry King brushes off talk of wife's alleged affair*

Larry King is speaking out about wife Shawn King's alleged affair.

"I've been in the business now maybe 60 years and I've dealt with rumors long time. [I've] interviewed people involved with rumors, and rumors are what they are — rumors," Larry said in a joint interview with Shawn that aired Friday on Hallmark Channel's "Home & Family." "And to tell you the truth, I don't pay any attention to them."

The National Enquirer reported this week that Larry's wife of 19 years has been carrying on a yearlong affair, with Page Six revealing his identity as communications specialist Richard Greene. Despite a brief breakup, the tabloid claimed Shawn "was trying to desperately arrange a passionate hookup with her lover via Facebook sex messages" as the story went to press. Lawyers for the couple called the Enquirer's report "inaccurate." Shawn said in Friday's interview, "You just have to develop a shell around yourself and not get hard on the inside. And stick together."

Despite the united front Larry, 82, and Shawn, 56, showcased for the cameras, as an insider told Page Six, the couple not only sleep in separate bedrooms inside their Beverly Hills estate, but their marriage has effectively been over since about 2010. They wed in 1997 [<https://pagesix.com>, 24.08.2016].

В данной текстовой репрезентации бросается в глаза фактическое отсутствие авторского текста, за исключением последнего предложения-справки, напоминающего о дате регистрации брака обсуждаемых «мишеней». Весь текст выстроен на основе цитат и ссылок во всех означенных способах воплощения на журнал *The National Enquirer* и инсайдера (*insider* — a member of a specified group; a person with access to exclusive information [Collins 2018]; ср.: *хорошо осведомлённый человек, конфиденциальный источник*).

Другой особенностью такого рода текстов является повторяемость их отдельных компонентов от текста к тексту в рамках нарративного ряда, посвященного одному и тому же событию, но с течением времени обрастающего различными подробностями, дополнениями, что, как доказано социологами, характерно для хождения «бродячих» (устных) слухов, подверженных различным трансформациям. Эти признаки демонстрирует текст, являющийся частью разрастающегося нарратива, связанного с вышеприведенным сексуальным скандалом, под названием (3) *Larry King 'embarrassed and furious' over wife's alleged affair* [<https://pagesix.com>, 26.08.2016]. Здесь повторяются следующие элементы предыдущей публикации (2):

- (3) a. *Lawyers for Larry and Shawn have called the Enquirer story "inaccurate."*
- b. *The insider revealed that Shawn and Larry's marriage has effectively been over since around 2010 and that the couple sleep in separate rooms in their Beverly Hills home.*

Информационным поводом для очередной статьи (4) *EXCLUSIVE Meet the man allegedly having an affair with Larry King's wife* [<https://pagesix.com>, 26.08.2016] становится вновь открывшаяся деталь — идентификация личности любовника героини Шон Кинг. За исключением нескольких сегментов, она фактически вторит предыдущей публикации (3), поскольку все элементы последней воспроизводятся точно или почти без изменений:

- (4) a. *Attorneys representing Shawn and Larry, as well as a rep for Greene, called the story of the affair "inaccurate."*
- b. *Meanwhile, insiders tell Page Six that Larry, 82, was blindsided by the revelation of the alleged tryst.*
- c. *Sources say that Larry believed his wife of 19 years was faithful to him and only learned about her romance with Greene when the Enquirer contacted his reps for comment.*
- d. *Shockingly, an insider told us that Shawn, 56, met Greene when he was a guest on a podcast she co-hosts with her husband, "Back and Forth With Shawn and Larry."*
- e. *"He's heartbroken," a friend of Larry's told us. "He's embarrassed and furious."*
- f. *The source added that although Shawn — who the Enquirer reported on Wednesday had sent nude pictures and had "steamy afternoon sex sessions" with her boy toy — is still living with Larry after the news hit, the veteran broadcaster hasn't made a decision on whether to file for divorce.*
- g. *In fact, the insider said that before the scandal broke, Shawn "was ready to divorce Larry for this guy, but the guy was hesitant about it."*
- h. *The insider further revealed that Shawn and Larry's marriage has effectively been over since about 2010 and that the couple sleep in separate rooms in their Beverly Hills, Calif., home.*

Важный аспект, который необходимо также принять во внимание при описании канонического образца исследуемого жанра, связан с различиями в русской и английской национальных научных традициях, что детерминирует несовпадение классификаций медийных жанров и значительно осложняет разработку исследуемой проблематики. Нет единообразия и в стратификациях англоязычных медийных жанров в концепциях разных авторов. На наш взгляд, более последовательной представляется концепция функционально-жанрового типа текста, предложенная Т.Г. Добросклонской на основе одного, четкого критерия — функционального: она, «с одной стороны, помогает обозначить его функциональную направленность в плане соотношения сообщения — воздействия, с другой — соотнести текст с одним из основных видов медиаречи, так или иначе притягивающих все остальные жанры и разновидности, как-то: новости, информационная аналитика и комментарий, *features* (тематические авторские материалы), реклама» (Добросклонская 2014: 20). Особо отметим культуроспецифичность прецедентного феномена *features* в англоязычной массмедийной практике, что обуславливает его неоднозначную трактовку. Из информационных, аналитических и художественно-публицистических групп текстов, традиционно выделяемых в рамках отечественной теории жанров, производимых СМИ, группа *features*, традиционно соотносится с публицистикой, причисляемой к «авторской» журналистике. Но специалисты по англоязычной медиакommunikации указывают на более широкий диапазон его концептуального поля, явно выходящий за пределы публицистики. Оно включает материалы (1) сенсационного характера, (2) тематически привязанные, т.е. соотнесенные с устойчивым медиатопиком, регулярно освещаемым в постоянных рубриках тех или иных СМИ (в том числе так называемые *human interest stories*, *celebrity interviews and profiles* и др.), (3) самые разнообразные по форме (от заметки до очерка и анекдота) и протяженности (600—2000 слов), (4) мультиинтенциональные по целеустановке: информирующие, оценивающие, воздействующие, развлекающие⁹. Дискурсивные практики в рамках жанра светских слухов, помимо использования классических форм, относящихся к информационной медиагруппе, «островов стабильности» (термин В.И. Конькова (2014)), также демонстрируют структурно-композиционные, функциональные и стилистические характеристики текстов, облеченных в форму *features*. К устойчивым слагаемым образца данной группы можно отнести их достаточно свободную структуру, подчиняющуюся принципу «мягкой новости» или «обычной пирамиды», при которой конец статьи не менее важен, чем начало. Кроме того, с позиций авторской установки в публицистических жанрах *features* доминирует интенция убеждать, рационально и эмоционально воздействуя.

Жанрово-стилевые характеристики светских слухов базируются на особенностях широкой разновидности форм, относимых к группе *features*. Одной

⁹ См. подробный анализ данного понятия на основе различных словарей в (Добросклонская 2013: 64—68).

из таких часто эксплуатируемых форм является очерк. В отечественной журналистике традиционно считается, что в нем соединяется репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало. «Причем «развернутость» репортажного начала воспринимается как преобладание художественного метода, в то время как упор автора на анализ предмета изображения, выявление его взаимосвязей выступает как доминирование исследовательского, теоретического метода» (Тертычный 2000: 117). Обычные слухи могут «камуфлироваться» как в форму проблемного, так и портретного очерка. Главной типформирующей характеристикой подобных публикаций (зачастую неавторских, коллегияльных текстов) является крайне низкая содержательная ценность обсуждаемых ситуаций и событий. Авторы уверены, что сюжеты представляемых ими материалов настолько драматичны и непредсказуемы, а раскрываемые тайны столь заманчивы и сенсационны, что сами по себе способны привлечь внимание читателя и восприниматься им на уровне информации, черпаемой из самых захватывающих художественных произведений. Тривиальность набора фактоидов, которые понимаются как недостоверные или ложные (непроверенные или заведомо ложные) утверждения, выдаваемые за достоверные, определяют степень «аналитичности» дискурсивных практик, маскируемых под оболочкой проблемного очерка, а по сути являющихся псевдоаналитикой. Обсуждаемая «проблемная ситуация» сводится к описанию пикантных подробностей банальных ситуаций из частной и интимной жизни «мишени» слуха, например, анализу причин развода или проблем в личных отношениях той или иной знаменитой пары. Ярким подтверждением этому служит ситуация разрыва любовной связи американской певицы, актрисы Тейлор Свифт и британского актера Тома Хиддлстона, ставшая информационным поводом для публикации (5) *The real reason Taylor Swift and Tom Hiddleston split* [<http://www.nickiswift.com>, 12.09.2016]. Прототипические структуры очерковых текстов, как правило, включают ряд субкомпонентов, что обуславливает значительный объем таких речевых произведений. В рамках репрезентантов жанра светских слухов они часто представлены в виде вопроса или ассертива в подзаголовке и развернутого ответа и спекуляций на данную тему, иллюстрацией чего являются заголовки сегментов вышеупомянутой публикации: *Sources claim it was 'amicable'; Was he using her for fame?; They recently had a 'major argument'; They got together way, way too fast; Swift was fresh out of a relationship; And then her feud with Kanye West erupted again; They were dating long distance.*

Исследовательский метод, требуемый при создании проблемного очерка, имитируется привлечением мнения «эксперта» (в терминах социальной психологии — «лидера мнения») при трактовке «проблемы» и путей её решения, при этом широко используется терминосистема релевантной научной области. Данное свойство ярко проявляется в статье (6) *Body Language Expert Judi James Says Trump's Marriage Is Crumbling* [<http://www.hollyfame.com>, 22.09.2017], посвященной якобы рушащимся отношениям действующего

президента США Дональда Трампа и его супруги Мелании Трамп. Текст представляет собой достаточно подробное описание спекуляций, построенных на анализе «языка тела» Д. Трампа и М. Трамп, со ссылкой на мнение «эксперта» и привлечением общенаучной и частнонаучной терминологии из области психологии, используемой для придания псевдонаучной аргументации правдоподобного характера, убеждающего реципиента в истинности представленной информации, например, *expert, dissect* (to examine critically and minutely [Collins 2018]), *deeply analyze, significant signs, tie-signs, signals, PDA* (Public Display of Affection — аббревиатура-неологизм недавно зафиксированная в [Collins 2018]):

(6) a. According to the **body language expert**, Judi James, ever since Donald Trump became the US president, Melania's body language is saying: Help me...

b. Judi James of Mirror Online decided to **deeply analyze** First Lady's body language during several of her public appearances, and she went on to **dissect** Melania's behavior during her rally speech for her husband.

c. "That hand movement **plus** the small, spontaneous-looking smile and laugh that follows **suggests** Melania was both surprised and pleased by the cheers and about to get into her stride," says James.

d. **And we all know** that shuddering is **a sign** of fear, revulsion, and unhappiness altogether.

e. The Trumps are **certainly** lacking these spontaneous **PDA**s.

Эффект «объективности» публикации умножается задействованными в ней лексическими элементами и синтаксическими структурами, свойственными аргументативному дискурсу, типа *Certainly, On the other hand, And we all know...; If we take a look (you watch)... we can (you see); That hand movement plus the small, spontaneous-looking smile suggests...*. Кроме того, персуазивными средствами, способствующими убеждению адресата в достоверности передаваемой точки зрения, выступают художественные приемы, одним из которых становится риторический вопрос: *So, is their marriage crumbling before our eyes?* Другим мощным инструментом является стилистический синтаксический прием антитезы, применяемый для противопоставления переживающей якобы сложности во взаимоотношениях супружеской пары Трампов, описанной в первом субкомпоненте текста, другой чете — бывшим хозяевам Белого дома, Барак и Мишель Обамам, имеющим, по мнению автора текста, более гармоничные отношения и сравниваемым с Трампами в другом сегменте: *Barack and Michelle Obama, On The Other Hand...*

Надо отметить, что Д. Трамп является одним из объектов, к которому приковано пристальное внимание светской колумнистики, более того, одной из персон мира селебрити, в наибольшей степени подвергающейся маргинализации и демонизации в светских слухах. Излюбленной темой создателей подобных текстов являются его отношения с другими членами семейства Трампов, в которых, по версии текстов-слухов, он проявляет себя как

недостойный муж и отец. Неудивительно, что он зачастую выступает «мишенью» слухов, облеченных в форму другой разновидности очерка — портретного. Сосредоточенность на герое и фоне в нетривиальной ситуации, отличающая фактуальный план указанного жанра, стремление «раскрыть самое главное — показать, каким ценностям служит этот герой, в чем видит смысл своего существования» (Тертычный 2000: 124), в репрезентациях исследуемого типа сводится к портретированию тех сторон личности и фактов её биографии, которые имеют сугубо интимный, порой пикантный характер и относятся к категории того, что должно быть скрыто от постороннего взгляда («грязного белья» или «жареных фактов»), но способного, по мнению авторов, привлечь и удержать внимание массового адресата. В связи с этим зачастую важной типформирующей характеристикой слухов, заключенных в форму *feature*, оказывается введение в текст элементов журналистского расследования (*investigative feature*), задача которого состоит в выявлении истинного положения вещей. Так, в очерке соединяются реальные факты биографии героя и разнообразная неэвидентная информация, искусно интегрируемая в фактуальную канву текста. При этом оказываются задействованными лингвистические ресурсы эпистемической модальности со значениями абсолютной уверенности в достоверности представляемой информации, обладающие серьёзным потенциалом персуазивности. И наконец, в отличие от светских слухов, оформленных в виде информационно-новостных материалов, в репрезентациях, облеченных в форму *feature*, в стилистическом плане типологическим свойством выступает иронический тон, свойственный фактически всем публикациям подобного рода. Он воплощается в текстах посредством насыщения экспрессивно-эмоционально-оценочными компонентами, помогающими, с одной стороны, доступно изложить информацию, и, с другой, усилить интенцию убеждения адресата в правильности представленной точки зрения посредством яркости образной составляющей.

Проиллюстрируем данные положения на примере портретного очерка (7) *Things you didn't know about Donald Trump's wife* [<https://www.nickiswift.com>, 10.11.2017], объектом журналистского интереса в котором является Мелания Трамп. Обещание в заманчивом заголовке статьи «вскрыть всю правду» эксплицируется маркерами эпистемической модальности: *things you didn't know about*. Биографические данные М. Трамп представлены сквозь призму биографии супруга, причем характеристика субъектов осуществляется на основе их противопоставления посредством приема антитезы, с помощью которой образ Д. Трампа явно подвергается маргинализации, что четко выражено в первой пропозиции лида:

(7) a. *Although Donald Trump has made quite a show for himself, his current wife, Melania, has mostly kept to the background.*

На уровне структуры всей публикации в глаза бросаются параллельные синтаксические конструкции, в которые встроены подзаголовки к каждому

сегменту текста, конкретизирующие заголовок и представляющие факт за фактом, неизвестные, по мысли адресанта, широкому кругу читателей. Повтор местоимения *she* привносит особую ритмику в каждую пропозицию, придавая выразительность и усиливая суггестию достоверности предъявляемых сведений: *She used to be a model, She met Donald while he was dating someone else, She stays out of Donald's campaign, She doesn't always agree with him, She's Trump's third wife, She's barely older than her step-kids*. Вся публикация посвящена тривиальной тематике и построена на смешении реальных фактов и фактоидов о ситуациях и событиях из биографии супруги Д. Трампа, что подтверждается наличием в приведенных сегментах базовых элементов текстового инварианта светских слухов: эвиденциальных маркеров слухов (*assumption, gossip*), цитаций в виде прямой речи, включая целые высказывания и закавыченные отдельные сочетания, косвенной речи, эпистемических маркеров, выражающих большую степень уверенности автора в достоверности информации (*Anyone knows*), а также ссылок на другие издания для подкрепления доказательной базы — в этом отношении примечателен факт двойной ссылки в первом сегменте: *told Parenting magazine (via the New York Post)*. Помимо этого, постоянно подчеркивается сенсационность и скандальность представляемой информации: *filled with the kind of gossip and scandal, a scandalous affair with Marla Maples, kept the New York Post in business, put the entire Kardashian family to shame, now-infamous interview that the Trumps gave to radio shock-jock Howard Stern*. Последние два содержат американские прецедентные имена *Kardashian* и *Howard Stern*, символизирующие крайне высокую степень скандальности происходящего. Стереотипность текста для исследуемого жанра подкрепляется высокой степенью экспрессивности в персуазивных целях, реализуемой посредством аффективов *boasted, long and painful years, infamous interview (infamous — causing or deserving a bad reputation; shocking [Collins 2018])*, разговорно-сниженной лексики типа *shock jock* (US, slang a radio talk-show host who features material that is deliberately offensive, vulgar, etc. [Webster's 2018]), коннотациями иронии, проявляющейся в семантике как отдельных сочетаний типа *his first time at the rodeo* (*rodeo — In the United States, a rodeo is a public entertainment event in which cowboys show different skills, including riding wild horses and catching cattle with ropes [Collins 2018]*), так и целых пропозиций, например, в пропозиции паремического типа:

b. *Well, as they say in the White House, if the Lincoln Bedroom's rockin', don't come a-knockin'.*

Границы жанра светских слухов столь подвижны, что дают возможность интегрироваться качественно отличным по структуре дискурсивным практикам, в частности, принимающим форму анекдота, что придает искомому жанру признаки ироничного дискурса. По оценке Н.А. Корниловой, анекдот, традиционно относимый к этикетным жанрам разговорно-бытового дискурса,

проникает в медиакоммуникацию, развивая её праздноречевой аспект (Корнилова 2014: 58). В рамках жанра светских слухов он представлен в разновидности юмористического рассказа и может быть обозначен как адаптативный вариант (жанровое заимствование), т.е. обращение к чужим образцам без потери жанровой идентичности (в терминах М. Войтак [Войтак 2014: 10]), репрезентантом которого является нижеследующий текст.

(8) *Marc Anthony finds out he's not as famous as he thinks he is*
Marc Anthony struck out at Game 1 of the World Series.
The two-time Grammy winner — and Jennifer Lopez's ex-husband — was in the stands watching the Indians play the Cubs on Tuesday night in Cleveland when, we're told, he wanted a beer and popcorn mid-game.
His bodyguard didn't want to leave the action, and the star alone, to grab the snack, and, according to a spy, told an usher at Progressive Field: "This guy is a famous singer and I'll pay you to go get him a beer and popcorn."
But the usher rebuffed the offer, saying that he "[already has] a job."
A source said, "Marc's the real diva. J.Lo has nothing on him!"
The curious Cleveland usher then got in a dig at Anthony, asking, "Are you really a famous singer?" [<https://pagesix.com>, 26.10.2016]

Персонажем «текста-слуха» является американский певец Марк Энтони. Для выражения своего отношения к герою публикации адресант прибегает к иронии прежде всего в сильных позициях текста. Заголовок статьи, умножаемый лидом и заключающим высказыванием, выполняет речевую функцию издевки. Особенно примечателен лид, представляющий собой каламбур, реализованный через игру слов, связанную с использованием фразового глагола, входящего в арсенал бейсбольных выражений: *be struck out* (In baseball, if a pitcher strikes out a batter or if a batter strikes out, the batter fails to hit three balls thrown properly by the pitcher, and is out [Collins 2018]; ср.: *провалиться, потерпеть неудачу, опозориться, выйти из игры*). Шутливо-комический эффект придается тексту за счет обыгрывания ситуации бейсбольного турнира, в которой находится герой, и обозначения «провала» звезды шоу бизнеса вследствие её неузнаваемости среди обывателей, в частности, обслуживающего персонала и последующего за этим пренебрежительного обращения. Среди приемов комического письма автор использует сатирические приемы, благодаря которым ирония приближается к степени сарказма, в частности, употребляет сочетание *the real diva* в отношении певца-мужчины (*diva* — *Br*, a highly distinguished female singer; prima donna [Collins 2018]; 2) *Am*, a leading woman singer, esp. in grand opera [Webster's 2018]) и последующего его сравнения с бывшей женой — мега-поп-дивой Дженнифер Лопес. Этот факт обыгрывается в публикации посредством прямой речи: *"Marc's the real diva. J. Lo has nothing on him!"*.

Таким образом, формальное устройство жанра медийных слухов имеет многоуровневую организацию, включающую разнообразные формы журналистского дискурса.

5. Обсуждение результатов

Многогранность и множественность проявлений изучаемого феномена обусловила интерес к изучению слухов в рамках лингвистических исследований. Выбор светских слухов, циркулирующих в массмедийном пространстве англоязычного дискурса, в качестве объекта настоящего исследования обусловлен тем фактом, что они являются типичными элементами «слуховой» коммуникации и позиционируются как собственно слухи.

Представляется, что типологически тексты-слухи, существующие в рамках массмедийного дискурса, являются полидискурсивным продуктом, демонстрирующим:

- наложение устного и письменного коммуникативных каналов,
- проникновение неформальной сферы коммуникации в формальную, институциональную сферу,
- стилевую разомкнутость, выражающуюся в конвергенции обиходно-бытового и массмедийного дискурсов,
- мультимедиальность в смысле технико-форматных возможностей,
- полифункциональность, реализуемую посредством нескольких коммуникативных целеустановок.

Коммуникативные функции слухов как устного информационного жанра и медиатекста наслаиваются друг на друга: информативная, диалогическая (фатическая) функции слухов и медиатекстов и гедонистическая, рекреативная функции сплетен и популярных СМИ, что приводит к созданию гибридного информационного продукта, характеризующегося высокой степенью конвергенции.

Одним из значимых компонентов массмедийных слухов выступают светские слухи (*celebrity gossip*). Светская колонка — типично англо-американское явление, связанное с культурой селебрити, получившее наибольшее распространение в англоязычной журналистике и имеющее давние традиции. В орбиту исследования данного феномена нами был вовлечен жанрово-текстовый анализ медиатекстов, конструирующих слухи о селебрити. Описание жанровой специфики дискурсивных практик, составляющих коммуникативное пространство изучаемого жанра, осуществлялось на основании классического методологического треугольника: содержание, форма и функция.

Исследуемый жанр представляет собой сложное коммуникативное событие, функционирующее в рамках массмедийной коммуникации и направленное на реализацию ряда функций. Содержательная типологизация текстов-слухов о селебрити лежит, прежде всего, в тематической плоскости их матрицы. Анализ выявил широкий диапазон топосов, эксплуатируемых создателями исследуемых текстов. Предметом журналистского интереса оказываются топики, связанные как с публичной сферой деятельности селебрити, так и их приватной сферой. При этом ядерной, прототипической составляющей жанра являются спекуляции на устойчивые топики, связанные главным образом не с социальной, а с приватной, часто интимной сферой жизни

знаменитых медиа-персонажей, что, очевидно, обусловлено тем, что сплетни как первичный речевой жанр, по оценке специалистов, демонстрируют узость проблематики, связанной с обсуждением лиц с элементами оценки их поведения, выражающейся в диффамации обсуждаемых «мишеней» при обязательном условии их отсутствия. По нашим наблюдениям, в отношении частной жизни селебрити фактически нет запретных тем. Доминантными характеристиками передаваемых сведений являются сенсационность и скандальность. Несмотря на тривиальность описываемых типичных ситуаций и событий, материал зачастую подается как эксклюзивный, а погоня за сенсацией приводит к псевдосенсационности информации, приобретающей характер фейковых новостей. Это напрямую связано с функциональной компонентой жанровой системы светских медиаслухов.

Функциональность исследуемого текстотипа помещается между полюсами различных интенций. Иллокутивный потенциал рассмотренной текстовой модели состоит из совокупности четырех интенций: информативной, рекреативной, оценивающей и воздействующей. Вкупе с интенцией информирования, являющейся генеральной интенцией для всех журналистских жанров массмедийного дискурса, интенциональной доминантой предстает гедонистическая установка, относящая исследуемый жанр к развлекательному ресурсу медиасферы. Причем способ упорядочения целеустановок можно охарактеризовать следующим образом: «информируя, развлекать и побуждать», т.е. склонять к определенному мнению и оценке ситуаций, событий, происшествий, связанных со знаменитыми «мишенями» слухов, что, очевидно, обуславливает наличие дополнительной — прескриптивной функции слухов, связанной с социализацией индивидов и социальным контролем и требующей дополнительных усилий со стороны исследователей дискурса массмедиа.

Коммуникативная установка автора текста обуславливает использование той или иной типовой жанровой формы презентации информации. Исследуемые тексты относятся к категории нежестко стандартизированных в структурно-композиционном плане образований. Не имея своей собственной речевой структуры, жанр светских слухов с легкостью мимикрирует под любую типовую жанровую структуру, присущую массмедийному дискурсу. Границы исследуемого жанра столь проницаемы, что простираются от информационных форм, представленных событийной заметкой и новостной статьей до портретного или проблемного очерка (*human interest stories, investigative features*) — форм, присущих группе *features*. В коммуникативное поле жанра светских медиаслухов также легко вписывается и такая форма вторичного массмедийного жанра, как анекдот, что привносит в их жанровую специфику характеристики ироничного дискурса и способствует реализации функций эмоционального воздействия и оценки. В целом все задействованные типовые жанровые структуры «работают» на доминантную целеустановку — развлечение адресата.

Таким образом, речевая специфика медиаслухов о селебрити заключается не в наличии собственной речевой структуры (она вариативна), а в тематической и содержательной одноплановости подобных дискурсивных практик, продиктованной их общей коммуникативной целеустановкой — показать красивую, материально обеспеченную и потому привлекательную жизнь. При этом исходный принцип такого «показа» заключается в том, что в центре этой красивой жизни стоит человек, обладающий высоким социальным статусом, имеющий успешную карьеру и являющийся публичной, известной личностью. Содержательная однотипность, инвариантность медиаслухов достигается посредством эксплуатации целого арсенала различных текстовых ресурсов, помогающих автору внушить адресату, что представленные им сведения обладают высокой информативной ценностью при явной тривиальности и сомнительности в плане достоверности. Соответственно, организация содержательной составляющей задействованных дискурсивных практик заключается в подтасовке, «игре», «жонглировании» реальными фактами и фактоидами, под которыми кроются неverified сведения, основанные на «показаниях» анонимных источников, вербализуемых различными эвиденциальными маркерами слухов, и обильно подкрепленные различными формами цитаций. Оказываются задействованными самые разнообразные средства доказательной базы: перекрестные ссылки на другие медийные источники, многочисленные цитирования в разнообразных вариантах речи (прямой, косвенной, несобственно-прямой, причем в объемах, варьируемых от одного слова до СФЕ). Попытки поднять верификативную планку при передаче неэвидентных сведений дополняются апелляцией к мнению «экспертов» из самых разных сфер и рангов, показаниям «свидетелей», «наблюдателей», «представителей» и пр. Обильно используемые эпистемические языковые маркеры выступают еще одним суггестивно-манипулятивным средством, реализующим функцию воздействия исследуемых текстов — убеждения адресата в достоверности, правдивости раскрываемой журналистом информации. А журналистские формы информационно-новостной и публицистической категорий — заметка, статья, очерк и пр., в которую облакаются текстовые конкретизации жанра, также по сути становятся способом камуфлирования неподтвержденной «слуховой» информации, приемом маскировки под нейтральную цель — информирование.

Резюмируя, отметим, что в результате возникает текстовый стандарт, в котором воспроизводится конкретная модель типичной речевой ситуации, созданию и раскрытию которой подчинен исследуемый жанр, — это рассказ (информирование) о произошедшем событии или сложившейся ситуации из жизни и мира успешных и знаменитых, претендующий на исключительность и достоверность, но в реальности обладающий признаками неverified сведений. В связи с этим можно утверждать существование особого дискурса неэвидентного типа, устойчиво сформированного в рамках многофункционального коммуникативного пространства массмедиа.

6. Заключение

Тематическая прогрессия, созданная в рамках текстовых представителей жанра медийных светских слухов, с одной стороны, и их макроструктура, охватывающая широкий диапазон классических журналистских форм и структур вторичных медийных жанров, с другой, свидетельствуют о том, что дискурсивные практики, относящиеся к данной текстотипологической модели, могут быть причислены к категории гибридных образований, четко проявляющих черты полидискурсивности. Учитывая, что дискурс является языковым коррелятом той или иной социальной практики, а тексты — репрезентантами соответствующей дискурсивной формации, структурно-композиционный компонент в исследуемых текстах выступает как одно из специфических средств конструирования особого типа социальной реальности, связанной с жизнью и культурой селебрити.

© С.В. Иванова, Г.Ш. Хакимова, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237—280. [Bakhtin, Mikhail M. 1986. Problema rechevykh zhanrov (The problem of speech genres). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 237—280. (In Russ.).]
- Войтак М. О жанрах речи и их публицистических/печатных конкретизациях // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / по ред. Л.Р. Дускаевой. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 9—13. [Voitak, Mariya. 2014. O zhanrakh rechi i ikh publitsisticheskikh/pechatnykh konkretizatsiyakh (On speech genres and their journalistic/printed representations). In Liliya Duskaeva (eds.), *Medialinguistics. Mass media speech genres* 3. 9—13. (In Russ.).]
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с. [Teun A. van Dijk. 1989. *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).]
- Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. [Dement'ev, Vadim. 2010. *Teoriya rechevykh zhanrov (The theory of speech genres)*. Moscow: Znak. (In Russ.).]
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. 4-е изд. М.: Красанд, 2013. 244 с. [Dobrosklonskaya, Tatiana G. 2013. *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi. (Studying media texts: Experience in the study of modern English media speech)*. Moscow: Krasand. (In Russ.).]
- Добросклонская Т.Г. Типологическое описание медиатекстов в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 17—21. [Dobrosklonskaya, Tatiana G. 2014.

- Tipologicheskoe opisanie mediatekstov v sisteme medialingvistiki (Typological description of media texts in the system of mediallynguistics). In Liliya Duskaeva (eds.), *Medialinguistics. Mass media speech genres* 3. 17—21. (In Russ.).
- Дубин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77—81. [Dubin, Boris V. & Aleksandr V. Tolstykh. 1993. Slukhi kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen (Rumours as a social and psychological phenomenon). *Voprosy Psichologii* 3. 77—81. (In Russ.).]
- Дускаева Л.Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей / под ред. Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб., 2012. С. 10—17. [Duskaeva, Liliya R. 2012. Intentsional'nost' mediarechi: ontologiya i struktura (Media speech intentionality: ontology and structure). In Liliya Duskaeva & Natalia Tsvetova (eds.), *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema (Media text as a polyintentional system)* 10—17. (In Russ.).]
- Земская Е.А. Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 5—44. [Zemskaya, Elena A. 1988. Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya (Perspectives of urban oral speech studying). *Types of urban oral speech*, 5—44. (In Russ.).]
- Иванова С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 141—160. [Ivanova, Svetlana V. 2017. Commencement Speech as a Hybrid Polydiscursive Practice. *Russian Journal of Linguistics* 21 (1), 141—160. (In Russ.).] DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-1-141-160.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с. [Karasik, Vladimir I. 2004. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs (Language circle: personality, concepts, discourse)*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).]
- Ким М.Н. Новостная журналистика. Базовый курс: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. 352 с. [Kim, Maksim N. 2005. *Novostnaya zhurnalistika (Broadcast journalism)*. Basic course: Textbook. St. Petersburg: V.A. Mikhailov Publ. (In Russ.).]
- Коньков В.И. Принципы классификации газетных жанров: острова стабильности // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / по ред. Л.Р. Дускаевой. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 32—35. [Kon'kov, Vladimir I. 2014. Printsipy klassifikatsii gazetnykh zhanrov: ostrova stabil'nosti (Journalist genres classification principles: stability islands). In Liliya Duskaeva (eds.), *Medialinguistics. Mass media speech genres* 3. 32—35. (In Russ.).]
- Корнилова Н.А. Антиномия фатических и информативных РЖ в массмедиа // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / по ред. Л.Р. Дускаевой. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 55—59. [Kornilova, Natalia A. 2014. Antinomiya faticheskikh i informativnykh RZh v massmedia (Antinomy of phatic and informative speech genres in mass media). In Liliya Duskaeva (eds.), *Medialinguistics. Mass media speech genres* 3. 55—59. (In Russ.).]
- Куликов Е.М. Слухи как элемент Интернет-пространства в условиях информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 86—88. [Kulikov, Evgeniy M. 2011. Slukhi kak element Internet-prostranstva v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (Rumours as an element of web space in conditions of information society). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* 1. 86—88. (In Russ.).] DOI: 0421100093\0019.
- Куликов Е.М. Слухи в информационно-коммуникационной среде общества начала XXI в.: концептуальные основы социологического анализа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 3 (25). С. 90—93. [Kulikov, Evgeniy M. 2014. Rumors in the information-communication environment of the society of the

- beginning of the XXI century: the conceptual bases of the sociological analysis. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA* 3 (25). 90—93. (In Russ.).
- Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 7-е изд. М.: Ленанд, 2015. 520 с. [Lapteva, Olga A. 2015. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana: razgovornyi plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte (TV broadcasting colloquial Russian language speech in the normative aspect)*. 7th edn. Moscow: Lenand. (In Russ.).]
- Лесная М.В. Популярная пресса на британском медиарынке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Вып. 2. Май-коп, 2009. С. 65—67. [Lesnaya, Marina V. 2009. Populyarnaya pressa na britanskom mediarynke (Popular press on the British media market). *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts" 2*. 65—67. (In Russ.).]
- Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с. [Luman, Niklas. 2005. *The reality of mass media*. Moscow: Praksis. (In Russ.).]
- Майдурова О.Ф. Информационные жанры в региональных новостных телепрограммах: актуальные тенденции. СПб.: СПбГУ, 2011. [Maidurova, Olga F. 2011. *Informatsionnye zhanry v regional'nykh novostnykh tele-programmakh: aktual'nye tendentsii (Information genres in local newscasts: essential trends)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russ.).]
- Мальцева Р.И., Лесная М.В. Новые концепции печатных СМИ // Телевидение, печать, Интернет: концепции, аксиология. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2008. С. 44—53. [Mal'tseva, Raisa I. & Marina V. Lesnaya. 2008. Novye kontseptsii pechatnykh SMI (New conceptions of printed media). *Televidenie, pechat', Internet: kontseptsii, aksiologiya (TV, press, Internet: conceptions, axiology)*, 44—53. Krasnodar: Kuban State University Publ. (In Russ.).]
- Осетрова Е.В. Слухи в парадигме лингвистической генристики // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 80—89. [Osetrova, Elena V. 2015. Rumours in the paradigm of linguistic genristics. *Speech genres 2* (12), 80—89. (In Russ.).]
- Панченко Н.Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи. 2007. № 5. С. 224—232. [Panchenko, Nadezhda N. 2007. Spletni kak zhanr bytovogo obshcheniya (Gossip as a genre of social interaction). *Speech genres 5*. 224—232. (In Russ.).]
- Понтон Д., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (II) // Вестник Рос-сийского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 7—21. [Ponton, Douglas. & Tatiana V. Larina. 2017. Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics 21* (1). 7—21. DOI: 10.22363/2312_9182_2017_21_1_7_21.
- Рабенко Т.Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня») // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 45—50. [Rabenko, Tatiana G. 2013. Gossip: Humorous Genre Type (on the Material of the story by A. Averchenko «Gossip»). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism 13* (3). 45—50. (In Russ.).]
- Сазонов Е. Феномен «желтой прессы» [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал «Relga». 2005. № 7 (109). URL: <http://www.relga.ru/Enviro/ WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=497&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 25.02.2018). [Sazonov, Evgeniy. 2005. Fenomen «zheltoi pressy» (The phenomenon of yellow press). *Relga 7* (109). Retrieved from: <http://www.relga.ru/ Enviro/ WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=497&level1=main&level>. (Accessed 25 February 2018). (In Russ.).]

- Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 158 с. [Tertychnyi, Aleksandr A. 2000. *Zhanry periodicheskoi pechati (Genres in the periodical press)*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)].
- Тертычный А.А. Слухами полнятся СМИ... // Журналист. 2003. № 11. С. 73—75. [Tertychnyi, Aleksandr A. 2003. Slukhami polnyatsya SMI (Mass media are full of rumours). *Journalist* 11. 73—75. (In Russ.)].
- Тертычный А.А. Перспективы развития жанровой системы СМИ России // Журналистика и медиаобразование-2010: Сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 22—24 сент. 2010 г.) / под ред. А.П. Короченского, М.Ю. Казак. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. С. 51—57. [Tertychnyi, Aleksandr A. 2010. Perspektivy razvitiya zhanrovoi sistemy SMI Rossii (The development potential of the Russian mass media genre system). In Aleksandr Korochenskii & Aleksandr Kazak (eds.), *Journalism and Media Education-2010*, 51—57. Belgorod: BSU Publishing. (In Russ.)].
- Хакимова Г.Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Ч. 1 // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016а. Том 13. № 2. С. 29—36. [Khakimova, Gulnar Sch. 2016a. Kontsept "slukh" v fokuse leksikograficheskogo analiza (Chast' 1) [Concept "rumour" in terms of lexicographic analysis. Part 1. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»* 13 (2). 29—36. (in Russ.)]. DOI: 10.14529/ling160206.
- Хакимова Г.Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Ч. 2 // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016б. Т. 13. № 3. С. 38—46. [Khakimova, Gulnar Sch. 2016b. Kontsept "slukh" v fokuse leksikograficheskogo analiza (Chast' 2) [Concept "rumour" in terms of lexicographic analysis. Part 2. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»* 13 (3). 38—46. (in Russ.)]. DOI: 10.14529/ling160307.
- Шмелева Т.В. Современная медиапрактика с позиций теории речевых актов // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа / под ред. Л.Р. Дускаевой. — СПб.: СПбГУ, 2014. С. 51—55. [Shmeleva, Tatiana V. 2014. Sovremennaya mediapraktika s pozitsii teorii rechevykh aktov (Contemporary media practice from the perspective of the speech act theory). In Liliya Duskaeva (eds.), *Medialinguistics. Mass media speech genres* 3. 51—55. (In Russ.)].
- Boyd-Barrett, Oliver. 1977. Media imperialism: towards an international framework for the analysis of media systems. In Michael Gurevitch, James Curran & Janet Woollacott (eds.), *Mass Communication and Society*, 116—135. London: Edward Arnold.
- Demerath, Loren, & Andrey V. Korotayev. 2015. The Importance of Gossip Across Societies: Correlations with Institutionalization. *Cross-Cultural Research* 49 (3). 297—314. DOI: 10.1177/1069311454383.
- Dubois, David, Derek D. Rucker, & Zakary L. Tormala. 2011. From rumors to facts, and facts to rumors: The role of certainty decay in consumer communications. *Journal of Marketing Research* 48 (6). 1020—1032. DOI: 10.1509/jmr.09.0018.
- Gelfert, Alex. 2012. Coverage-Reliability, Epistemic Dependence, and the Problem of Rumour-Based Belief. *Philosophia* 41 (3). 763—786. DOI: 10.1007/s11406-012-9408-z.
- Levin, Jack & Allan J. Kimmel. 1977. Gossip Columns: Media Small Talk. *Journal of Communication*, 169—175. Winter.
- Walls, Jeannette. 2001. *Dish: How Gossip Became the News and the News Became Just Another Show*. New York: HarperCollins Publishers.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Resources

- Chambers, Deborah. April 2009. The flaunting of fertility: popular media representations of maternal. Retrieved from: <http://atelim.com/the-flaunting-of-fertility-popular-media-representations-of-th.html>.

Mole, Tom. Nov. 2004. Hypertrophic Celebrity. *M/C Journal* 7 (5). Retrieved from: <http://journal.media-culture.org.au/0411/08-mole.php>.

Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. Retrieved from: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. (Accessed 03 April 2018).

Webster's New World College Dictionary. URL: <http://websters.yourdictionary.com/> Retrieved from: <http://websters.yourdictionary.com/>. (Accessed 12 March 2018).

Примечания

Webster's — Webster's New World College Dictionary, Collins — Collins English Dictionary

Article history:

Received: 27 January 2020

Revised: 18 March 2020

Accepted: 25 March 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 января 2020

Дата принятия к печати: 25 марта 2020

Сведения об авторах:

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ИВАНОВА — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, член редколлегии журнала *Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: медиалингвистика, лингвокультурология, дискурс-анализ текстов СМИ, политическая лингвистика, теория текста.

Контактная информация:

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

e-mail: svet_victoria@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0127-9934

Scopus Author ID: 57194882590

ГУЛЬНАРА ШАРИФУЛЛОВНА ХАКИМОВА — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте. Сфера научных интересов: гендерная лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ текстов СМИ, теория текста, румурология.

Контактная информация:

филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте

Россия, 456209, Челябинская область, г. Златоуст, ул. Тургенева, д. 16

e-mail: gkhakimova@yandex.ru

Bionotes:

SVETLANA V. IVANOVA is Dr. of Philology, Full Professor, Head of English Philology Department at Pushkin Leningrad State University. Research Interests: Media Linguistics, Cultural Linguistics, Discourse Analysis of Mass Media, Political Linguistics.

Contact information:

Pushkin Leningrad State University

10, Peterburgskoye shosse, Saint-Petersburg, 196605, Russia

e-mail: svet_victoria@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0127-9934

Scopus Author ID: 57194882590

GULNARA SH. KHAKIMOVA is Dr. of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Socio-Law and Humanity Sciences Department at South Ural State University, Branch in Zlatoust. Research Interests: Gender Studies, Cultural Linguistics, Cognitive Linguistics, Discourse Analysis of Mass Media, Rumourology.

Contact information:

South Ural State University Branch in Zlatoust

16 Turgenev Str., Zlatoust, Chelyabinsk region, 456209, Russia

e-mail: gkhakimova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448

Research Article

Discursive realization of threat in pre-election communication

Aleksey Romanov^{1,2} and Olga Novoselova¹¹ Tver State Agricultural Academy
*Tver, Russia*² Tver State University
Tver, Russia

Abstract

This article focuses on the question of pragmatic effectiveness of threat statements in political communication, in particular, the relevance of using threats in pre-election programs and intimidating voters with the goal of forcing them to vote for a certain politician. The aim of this article is to consider pre-election threat statements as verbal regulative actions and to propose a typology of such constructive menaces taking into account the targeted orientation of their consequent component. This study is based on a corpus of threat statements realized in the presidential candidates' pre-election programs in Russia in 2018. The total number of menaces is 229. The study investigated the data from the perspective of the theory of speech activity, speech act theory and psychosemantics. The theoretical framework of the study is an action-related approach to the analysis of speech (dialogic) acts developed in Tver semantic and pragmatic research school (Romanov 1988; 2002; 2020). The study specified 18 targeted types of menaces that have a certain pragmatic and emotional effect on voters and are characterized by different frequencies in pre-election programs. This result demonstrates that the author of the pre-election program does not know mass voter's preferences, their emotional state and feelings well; therefore, the politician directs their menacing influence on a wide range of potential voters. The authors conclude that politicians deliberately prefer to use threat statements with negative effect on an unfocused audience trying to win the attention and votes. The analysis shows that four types of threat statements with different targeting of consequent component proved to be a pragmatically effective tool in the Russian pre-election campaign in 2018. The results of this study can be used to predict the pragmatic effect of politicians' threat statements on voters.

Keywords: *political communication, pre-election discourse, statements with the meaning of threat, pragmatics, addressee, Russian language*

For citation:

Romanov, Aleksey and Olga Novoselova. 2020. Discursive realization of threat in pre-election communication. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 419—448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448

Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации

А.А. Романов^{1,2}, О.В. Новоселова¹

¹ Тверская государственная сельскохозяйственная академия
Тверь, Россия

² Тверской государственный университет
Тверь, Россия

Аннотация

В статье поднимается вопрос прагматической эффективности реализации высказываний-угроз (менасивных высказываний или менасивов) в политической коммуникации, а именно целесообразности использовать угрозы в предвыборных программах и угрожать избирателям с целью побудить их проголосовать за конкретного политика. Цель статьи — рассмотреть предвыборные высказывания со значением угрозы как вербальные регулятивные действия, предложить типологию таких конструктивных менасивов с учетом адресатной направленности их консеквентного компонента. Материалом исследования послужили менасивные высказывания, реализованные в предвыборных программах кандидатов на пост Президента Российской Федерации в 2018 году. Общее число менасивов составляет 229 единиц. В ходе исследования применялся инструментарий теории речевой деятельности, теории речевых актов и психосемантики. Теоретическим основанием исследования принимается деятельностный подход к анализу речевых (диалогических) единств, разработанный в Тверской семантико-прагматической научной школе (Романов 1988; 2002; 2020). В ходе исследования выделено 18 адресатных разновидностей менасивов, которые обладают определенным прагма-эмоциональным воздействием на избирателей и характеризуются различной частотностью употребления в предвыборных программах. Полученный результат свидетельствует о том, что автор предвыборной программы недостаточно хорошо знает предпочтения массового избирателя, его эмоционального состояния и переживаний, поэтому политик ориентирует свое менасивное воздействие на широкий круг потенциальных избирателей. Авторы приходят к выводу, что политики целенаправленно предпочитают использовать высказывания-угрозы с консеквентными последствиями для нефокусной аудитории, пытаясь таким образом завоевать внимание и голоса избирателей. Проведенный анализ показывает, что использование политиком четырех разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента является прагматически эффективным инструментом воздействия в контексте российского предвыборного дискурса 2018 года. Результаты исследования могут быть использованы для прогнозирования прагматического воздействия менасивных высказываний политиков на избирателей.

Ключевые слова: *политическая коммуникация, предвыборный дискурс, высказывания со значением угрозы, прагматика, адресат, русский язык*

Для цитирования:

Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 419—448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448

1. Введение

Политический дискурс представляет собой особый тип коммуникативно-социального взаимодействия, который опирается на определенный набор вербальных и невербальных средств, свойственных тому или иному политическому субъекту — лидеру государства, политику, партии — и направлен на «завоевание, удержание и использование государственной власти» (Романов 2002: 3—5; см. также Кастельс 2016; Най 2006; Vosoughi, Roy & Aral 2018). Политический предвыборный дискурс отражает текущую речевую деятельность политика, реализуемую в агональном (сопоставительном) коммуникативном пространстве и сформированную возникающими в результате этой деятельности произведениями — высказываниями, текстами и коммуникатами как поликодовыми образованиями, которые выполняют агитационно-воздействующую функцию (Романов, Романова, Воеводкин 2000: 17; Khanna 2016; Schlenker & Weigold 1990). В этом смысле предвыборный дискурс выступает в виде определенных, построенных по типовому образцу (схеме, фрейму) речевых (дискурсивных) практик, действий или коммуникативных актов кандидата на тот или иной политический пост (Романов 2002: 25; подробнее о фрейме см.: Романов 1988; 2020), которые маркируются различными лингвориторическими средствами языка и ориентированы на процесс завоевания или удержания политиком власти, а также на привлечение внимания массовой аудитории к его программе, имиджу, личности (Mattern 2005; Schlenker 2003).

Неотъемлемой составляющей агитационно-воздействующей деятельности претендента на тот или иной политический пост является его предвыборная программа, при помощи которой он активно продвигает свою позицию по ключевым вопросам устройства страны и оказывает прагма-эмоциональное воздействие на избирателей. Программные материалы являются результатом тщательной работы политика и его команды и функционируют на фоне *особого контекста предвыборного дискурса*, который характеризуется отсутствием непосредственной связи политика как отправителя и избирателя как получателя сообщения (Новоселова 2019). В таком контексте политик реализует свое коммуникативное проявление осознанно и в рамках лимнологических параметров толерантности, справедливости и элементарной вежливости (подробнее о лимнологических границах коммуникативных категорий толерантности и справедливости см.: Новоселова 2017; 2017a). Отличительной прагматической особенностью предвыборных программ является то, что их автор не может корректировать оказываемое им вербальное воздействие на аудиторию, так как он не имеет возможности получить мгновенную ответную реакцию адресата своих посланий и направить ход интерактивного взаимодействия в нужное ему русло согласованного или деструктивного взаимодействия (подробнее см.: Романов 1988). Иначе говоря, в отличие от устных выступлений политиков или дебатов с их участием, в ходе которых можно

варьировать интенсивную «глубину» воздействия на собеседников, оппонентов и фокусную аудиторию (Новоселова 2019), предвыборные программы представляют собой письменно зафиксированные документы, распространяемые в печатном или электронном виде.

Примечательно, что политики отражают в своих программных материалах не только предлагаемые им пути развития страны, но и используют те языковые средства, с помощью которых планируют оказать определенное прагма-эмоциональное воздействие на электорат. Поэтому со всей уверенностью можно утверждать, что предвыборная программа представляет собой дискурсивное проявление кандидата (или его предвыборный дискурс), состоящее из совокупности языковых практик различной интенциональной направленности и ориентированное в агональном (состязательном) политическом пространстве на побуждение избирателей проголосовать за автора такой программы. Не вызывает сомнений, что для воздействия на массовое сознание избирателей авторы предвыборных программ активно используют политические лозунги, обещания и различного рода гарантии, принцип работы которых понятен и логичен: политик обещает, а избиратель, если верит в обещание, то голосует за такого политика, а если не верит, то предпочитает иного кандидата. Вполне очевидно, что в таких высказываниях-обещаниях кандидат строит образ будущего, в котором будут решены актуальные проблемы страны и созданы благополучные условия для жизни граждан, например: (1) *Я предлагаю пойти навстречу такому будущему и сделать Россию прогрессивным и процветающим государством, которое уважает своих граждан и заботится об их развитии, благосостоянии и безопасности* (Явлинский).

Особое место в программных материалах политиков занимают высказывания со значением угрозы, механизм воздействия которых на массовое сознание избирателей до конца не изучен (ср. однако: Лайнбарджер 2013; Романов, Новоселова 2013; 2013а; Black 1993; Leonard 2016), но которые активно и осознанно используются претендентами на самый высокий политический пост в стране. Высказывания со значением угрозы (также высказывания-угрозы, менасивные высказывания или менасивы) представляют собой естественно-языковые практики, которые направлены на побуждение единичного, группового или массового адресата к совершению каузируемых действий или отказу от них под действием возможных последствий / санкций, способных породить в ментальном пространстве адресата аффицированное (т.е. затронутое, задетое аффектом, от лат. *afficio* «причинять») или дискомфортное эмоциональное состояние (Романов, Новоселова 2013: 5; подробнее о роли эмоционально-прагматического компонента в структуре воздействующего механизма массмедийного послания см.: Романов, Ульянич 2014: 97—112). Данный тип высказываний характеризуются антецедентно-консеквентной связью между каузируемым говорящим действием и негативными последствиями за отказ от его выполнения (Романов, Новоселова 2013: 5;

2020). Важно отметить, что совершение менасивных действий автором угрозы не является его коммуникативной интенцией, так как, используя высказывание-угрозу как акт побуждения (каузации) под действием наказания, он желает воздействовать упоминанием возможного наказания на эмоциональное состояние собеседника с целью побудить данного собеседника совершить определенные действия (подробнее о каузативном значении угрозы см.: Вежбицка 1985: 267—268; Rehbein 1977).

Следует уточнить, что в предвыборных высказываниях-угрозах политики не строят образ «светлого» будущего для избирателей, а, наоборот, возвращают их к реальности: к экономическим, социальным и политическим проблемам, а также к осознанию необходимости бороться за улучшение ситуации в стране и выбрать того кандидата, который сможет преодолеть вызовы современности, например: (2) *Пора вести обстоятельный диалог и находить точки соприкосновения, чтобы снять санкции и отменить анти-санкции, которые наносят большой вред экономике и уровню жизни людей в России* (Явлинский); (3) *Российские неолiberaлы продолжают вести страну по пути дальнейшей «коммерциализации жизни» во всех сферах, в том числе, таких жизненно важных для людей, как медицина, образование, снабжение продовольствием, жилищно-коммунальное обеспечение, они толкают Россию к дальнейшей нравственной, физической, технологической деградации* (Бабурин). Получается, что политики реализуют высказывания со значением угрозы в программных материалах целенаправленно, решая коммуникативную задачу воздействия на массовое сознание избирателей возможными негативными последствиями, санкциями для того, чтобы побудить их проголосовать за свою кандидатуру.

2. Методика и задачи исследования

Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость рассмотрения предвыборных высказываний-угроз как особого дискурсивного проявления политика с целью привлечения внимания избирателей к своей кандидатуре. Вполне закономерно возникает вопрос прагматической эффективности реализации угрозы в дискурсивном пространстве политической коммуникации, а именно уместности и целесообразности для кандидатов использовать менасивные высказывания в программных материалах, тем более угрожать избирателям, с целью побудить их проголосовать за свою кандидатуру. Цель статьи — рассмотрев предвыборные высказывания со значением угрозы как вербальные регулятивные действия, предложить типологию таких конструктивных менасивов с учетом адресатной направленности их консеквентного компонента. С указанных позиций перспективно выяснить, как политику удастся показать преимущества предлагаемой им программы развития государства, используя высказывания со значением угрозы, и в адрес каких категорий граждан, социальных слоев и групп населения направлено воздействие предвыборных менасивов претендентов на самый высокий политический пост

в стране в 2018 году. Целесообразно обратить особое внимание на необходимое и достаточное *количество* высказываний-угроз для их эффективного функционирования в программных материалах в качестве средства политической борьбы за голоса избирателей.

Изучение и описание прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов требует синтеза когнитивного и коммуникативного подходов, что обуславливает применение инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов и психосемантики. Теоретическим основанием исследования прагматической специфики предвыборных высказываний-угроз принимается деятельностный подход к анализу речевых (диалогических) единств, разработанный в Тверской семантико-прагматической научной школе, в основе которого лежит регулятивная модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц — регулятивов, предложенная профессором А.А. Романовым (1988; 2020). Выбранный функционально-семантический подход к описанию менасивных практик предвыборного дискурса привлекает все большее число лингвистов в последние десятилетия, так как существенно расширяет стандартное представление об исследовании коммуникативных характеристик высказываний, реализованных в различных сферах деятельности (Романов 1988).

Отправной посылкой исследования является представление предвыборных высказываний-угроз *как менасивных регулятивных действий* или *менасивных регулятивов*, направленных на решение глобальной коммуникативной задачи политика — побуждения избирателей проголосовать за его кандидатуру — и маркированных различными языковыми средствами (Новоселова 2019). С позиций деятельного подхода к общению, который ставит во главу угла положение о практическом характере языка как инструмента для достижения определенных целей (Романов 1988: 4—5), анализ прагматического содержания предвыборных менасивов направлен на установление и интерпретацию в них элементов, несущих информацию о намерениях или интенции говорящего, его позициях относительно внешней действительности и самого акта социальной и коммуникативной деятельности, так как любое высказывание, как продукт речевой деятельности, выступает в виде инструмента или средства при воздействии на адресата для решения определенной языковой задачи (Кацнельсон 1972: 110; Леонтьев А.Н. 1977: 212—214; Гарпушкин 1977: 136; Леонтьев А.А. 1979: 26).

Также в работе использовались общенаучные методы, которые находятся в русле современной политической лингвистики и связаны с категоризацией вербальной репрезентации коммуникативного намерения собеседников в социальной интеракции, методы когнитивного картирования содержания высказываний-угроз предвыборного дискурса (подробнее об использовании данного метода для анализа политической коммуникации см.: Романов 2002: 13—177). Кроме того, в настоящем исследовании задействованы элементы количественного анализа, позволившие охарактеризовать частотность

реализации в российском предвыборном дискурсе тех или иных разновидностей высказываний со значением угрозы.

3. Адресатная направленность консеквентного компонента предвыборных менасивов

В программных материалах кандидатов на пост Президента Российской Федерации 2018 года зафиксировано 229 менасивных регулятивов (высказываний), направленных на побуждение избирателей к голосованию за определенную кандидатуру при упоминании различных негативных фактов, событий, санкций и последствий (Новоселова 2019: 391). Не вызывает сомнений, что менасивные регулятивные действия, реализованные в предвыборных программах, адресованы избирателям, так как такие действия являются непосредственной составляющей предвыборной программы политика и участвуют в реализации глобальной коммуникативной цели политика — оказание определенного прагма-эмоционального воздействия на избирателя для того, чтобы повлиять на него, убедить в своей правоте и, следовательно, побудить проголосовать за свою кандидатуру.

Несмотря на то, что избиратель выступает в качестве адресата предвыборных высказываний со значением угрозы, важно обратить внимание на такой прагматический параметр как *адресатная направленность* следственного (консеквентного) компонента высказываний-угроз (подробнее о семантической структуре высказываний-угроз см.: Романов, Новоселова 2013: 61—69). С позиций деятельного подхода к общению выбранный прагматический параметр представляется логичным учитывать при оценке прагма-эмоционального воздействия менасивов на избирателей, так как направленность следственного (консеквентного) компонента высказываний-угроз в адрес той или иной группы населения способна производить определенное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей.

Эмпирический материал даёт основание предполагать, что консеквентный компонент (а именно возможное наказание или санкция) предвыборных высказываний-угроз может содержать указание на определенные негативные последствия как для фокусной аудитории, т.е. для потенциальных *избирателей*, так и для представителей оппозиции, нефокусной аудитории, т.е. *не-избирателей*. Из сказанного следует, что признак адресатной направленности консеквентного компонента способен делить все предвыборные менасивы на две группы: 1) *высказывания-угрозы с негативными последствиями для избирателей* и 2) *высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей*. Также возможно использование понятия «*адресатная разновидность высказываний-угроз*», которое включает в свой содержательный объем обозначенные группы высказываний.

Выделенные две группы высказываний-угроз характеризуются различной частотностью реализации в предвыборных программах политиков. На материале исследования зафиксировано умеренное количество высказываний-

угроз первой группы. Так, только 42 высказывания со значением угрозы, что составляет около 18,34 % от общего количества примеров, содержат указание на негативные последствия для избирателей. Например: (4) *Нельзя допустить, чтобы Россия отстала еще на один технологический цикл и превратилась в мировое захолустье* (Явлинский); (5) *Мы должны жить согласно общеевропейским законам и ценностям — именно такой путь обеспечит нам и независимость, и процветание* (Собчак); (6) *Отставание, которое будет неизбежно усиливаться, если ничего не делать, — вот главная угроза, вот наш враг* (Путин); (7) *Понятно, что этот путь будет сложным и длительным. Но отказ от такого поворота равнозначен отказу от будущего* (Явлинский); (8) *Власть активно переходит к международному олигархату, который по законам эволюции, обязательно приведет к тотальному электронно-техническому контролю и всеобщему экономическому рабству* (Бабурин); (9) *Революции и потрясения к нужному результату не приведут, все, что они могут — это спровоцировать либо новый передел собственности с хаосом, который мы уже проходили, либо резкий поворот в сторону левого тоталитаризма* (Титов) и др.

Авторы представленных высказываний (4) — (9) информируют массового адресата о сложной ситуации в стране, а также сообщают о том, что эта ситуация может ухудшиться, если избиратели не будут активно участвовать в политической жизни страны и не выберут на пост Президента Российской Федерации кандидата, который сможет принять решения, связанные с улучшением качества жизни, стабилизацией экономической ситуации и урегулированием внешнеполитических конфликтов. Конечно, высказывания-угрозы используются политиком не для перечисления возможных санкций для избирателей с целью их запугивания, а для того, чтобы продемонстрировать им возможное наступление негативных последствий в случае предпочтения другого кандидата на выборах и побудить тем самым проголосовать за свою кандидатуру. В этой связи можно утверждать, что функционально-семантической особенностью высказываний-угроз с негативными последствиями для избирателей является их **превентивный характер**, направленный на то, чтобы убереечь избирателей от наступления негативных последствий и выбора «неправильного» кандидата.

Обращает на себя внимание тот факт, что высказывания-угрозы с негативными последствиями для избирателей присутствуют в предвыборных программах практически всех кандидатов на пост Президента Российской Федерации в 2018 году, за исключением программных материалов Павла Грудина. Примечательно и то, что политики задействовали различное количество высказываний-угроз с негативными последствиями для избирателей: от 1 высказывания, зафиксированного в предвыборной программе Максима Сурайкина, до 16 высказываний в программных материалах Григория Явлинского, который явился бесспорным лидером по количеству высказываний-угроз в предвыборной программе и по количеству высказываний-угроз с негативными последствиями для избирателей.

Важно отметить, что наряду с реализацией высказываний-угроз с негативными последствиями для избирателей все участники предвыборного дискурса активно использовали вторую разновидность менасивов. Материал исследования насчитывает 187 высказываний-угроз (что составляет около 81,66 % от общего количества примеров) с негативными последствиями для не-избирателей, для нефокусной аудитории или третьих лиц. Приведенные данные позволяют утверждать, что такая адресатная разновидность высказываний-угроз является более востребованной в программных материалах политика для привлечения внимания и голосов избирателей. Например: (10) *Повысить ответственность за нарушение прав потребителей* (Явлинский); (11) *Будут приняты срочные меры по регулированию банковской системы* (Бабурин); (12) *Мы ударим по рукам спекулянтам, по т.н. посредникам, которые не дают сельскому труженнику выйти со своей продукцией на массового потребителя напрямую* (Сурайкин).

В этой связи представляется возможным говорить о том, что вербальная манифестация угрозы, содержащей указание на негативные последствия для представителей нефокусной аудитории, ориентирована на формирование у избирателей образа политика, который понимает интересы электората и готов решать существующие проблемы, например: (13) *Его источником должно стать введение «природной ренты» в виде изъятия части сверхприбыли у добывающих компаний* (Бабурин); (14) *Создать госкомиссию по расследованию разграбления страны после 1991 года* (Жириновский). Авторы представленных менасивов (13) и (14) понимают, что в стране много недовольных сверхприбылью добывающих компаний и итогами приватизации 1991 года, поэтому декларирование политиком возможных негативных последствий для граждан (представителей предприятий) с большими доходами выполняет роль аттрактантов избирателей.

Функционально-семантическая особенность предвыборных высказываний-угроз с негативными последствиями для не-избирателей заключается в том, что политик как автор таких высказываний стремится продемонстрировать фокусной аудитории свое намерение принимать участие в жизни избирателей, понимание необходимости решения экономических, социальных и внешнеполитических проблем, а также свою готовность бороться с общим «врагом» в лице представителей оппозиции, действующей власти, чиновников, нечестных бизнесменов, нарушителей законности и др. Поэтому со всей уверенностью можно утверждать, что высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей несут **обвинительное значение**, являясь демонстративно категоричными менасивами.

Высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей зафиксированы в программных материалах каждого из кандидатов на пост Президента Российской Федерации в 2018 году. Данная группа менасивов не является однородной, а включает 17 адресатных разновидностей высказываний-угроз, выделенных на основе более подробного структурирования

направленности их консеквентного компонента. При этом очевидно, что некоторые разновидности высказываний-угроз являются наиболее актуальными для программных материалов политиков-кандидатов.

4. Актуальные адресатные разновидности предвыборных менасивов

Самыми актуальными для российского предвыборного дискурса стали высказывания-угрозы с негативными последствиями для *представителей действующей власти, чиновников, представителей госаппарата, руководителей государственных (в том числе силовых) структур*, например: (15) *Президент, который будет ... подавлять, используя всю мощь государственной машины, правящий класс, эксплуататоров* (Сурайкин); (16) *Ликвидировать органы политического сыска (центры по борьбе с экстремизмом)* (Явлинский); (17) *Необходимо ограничить пребывание любого избираемого должностного лица всех уровней исполнительной власти на одной должности двумя установленными законом сроками в течение жизни* (Собчак). Такая адресатная разновидность менасивных высказываний встречается в программных материалах семи претендентов на пост Президента Российской Федерации, она является самой частной в российском предвыборном дискурсе, так как насчитывает 71 высказывание, что составляет около 31,00% от общего количества примеров. Обращает внимание, что в программных материалах Владимира Путина не использовались высказывания-угрозы указанной адресатной разновидности, так как во время предвыборной кампании политик являлся действующим Президентом Российской Федерации.

В предвыборных программах семи кандидатов на пост Президента Российской Федерации отмечена разновидность высказываний-угроз с негативными последствиями для *нарушителей законности или нормативных требований*. Разновидность представлена 32 высказываниями, что составляет примерно 13,97% от общего количества предвыборных менасивов. Высказывания такой разновидности отмечены в программных материалах семи политиков — Григория Явлинского, Владимира Жириновского, Максима Сурайкина, Сергея Бабурина, Ксении Собчак, Павла Грудина и Владимира Путина, например: (18) *За наглые выходы на дорогах — конфискация автомобиля и высылка водителя-хама на поселение за 300 км от дома* (Жириновский); (19) *Мы вернем ГОСТы и введем уголовную ответственность за фальсификацию продуктов питания* (Грудинин); (20) *Снести все строения, возведенные с нарушением законодательства в природоохранных зонах и на берегах водоемов* (Явлинский) и др.

Достаточно регулярными для российского предвыборного дискурса 2018 года оказались высказывания-угрозы с негативными последствиями для *граждан с большими доходами или для прибыльных (в том числе монопольных) предприятий*. Разновидность высказываний насчитывает 16 случаев реализации, что составляет около 6,98% от общего количества примеров, и используются в программных материалах семи политиков — Григория

Явлинского, Сергея Бабурина, Павла Грудина, Владимира Жириновского, Ксении Собчак, Максима Сурайкина и Бориса Титова. Например: (21) *Прогрессивная система налогообложения с освобождением от уплаты налогов малоимущих и повышением ставок на доходы сверхбогатых* (Бабурин); (22) *Ввести налог на сверхдоходы, освободив от уплаты подоходного налога всех, кто получает до 20 тысяч рублей* (Жириновский); (23) *Ввести единовременный компенсационный налог на сверхкрупные доходы, полученные от приватизации государственных активов в ходе залоговых аукционов* (Явлинский); (24) *Своим указом вводит временно, до принятия нового налогового законодательства, прогрессивную шкалу налогообложения для всех лиц, имеющих доходы свыше 1 млн. рублей ежемесячно* (Сурайкин) и др.

В пяти предвыборных программах зафиксировано 16 высказываний-угроз с негативными последствиями для *нечестных бизнесменов или работодателей*. Несомненным лидером по использованию указанной разновидности менасивов является Сергей Бабурин, в предвыборной программе которого обнаружено 6 таких высказываний, например: (25) *Решение задачи по формированию широкого национально-патриотического движения, способного развернуть страну в сторону самостоятельного пути развития государства и гражданина, надо начать с решительной борьбы с бедностью и против безнравственного обогащения за счет народа* (Бабурин). Несмотря на то, что разновидность высказываний-угроз с негативными последствиями для *нечестных бизнесменов или работодателей* составляет около 6,98 % от общего числа примеров, она является достаточно актуальной для предвыборного дискурса и встречается не только в программе Сергея Бабурина, но у Григория Явлинского, Павла Грудина, Максима Сурайкина и Владимира Жириновского.

Также востребована кандидатами на пост Президента Российской Федерации адресатная разновидность высказываний-угроз с негативными последствиями для *тех, кто поддерживает коррупцию и коррупционеров*. Эта разновидность менасивов охватывает 15 высказываний или около 6,55 % от общего количества примеров и зафиксирована в предвыборных программах пяти кандидатов — Григория Явлинского, Ксении Собчак, Сергея Бабурина, Максима Сурайкина и Павла Грудина. Например: (26) *Пресечение коррупции не на словах, а на деле даст и экономический, и морально-политический эффект* (Грудинин); (27) *Осуществить гласное и публичное расследование всех фактов коррупции в правительстве, администрации президента, правоохранительных органах, госкомпаниях и госкорпорациях* (Явлинский).

Широко употребляемыми можно назвать высказывания-угрозы с негативными последствиями для *стран-агрессоров, а также для государств, не выполняющих законодательство и взятых на себя обязательств*. Такие менасивы задействованы в шести предвыборных программах и насчитывают 9 примеров, что составляет примерно 3,93% от общего количества высказываний-угроз. В частности, Владимир Путин использовал 4 менасива

указанной разновидности, а Сергей Бабурин, Павел Грудинин, Владимир Жириновский, Максим Сурайкин и Григорий Явлинский — по одному менасиву. Например: (28) *Все работы по обновлению наших оборонных систем проводятся строго в рамках действующих соглашений. Россия никому не угрожает* (Путин); (29) *Неукоснительно требовать возвращения долгов с иностранных государств* (Явлинский).

Исследование адресатной направленности консеквентного компонента предвыборных высказываний-угроз свидетельствует о том, что политики стратегически задействуют в своих программах, как правило, несколько адресатных разновидностей менасивов. При этом они чаще используют разновидности предвыборных высказываний-угроз:

— с негативными последствиями для *представителей действующей власти, чиновников, представителей госаппарата, руководителей государственных (в том числе силовых) структур* (около 31,00 % от общего количества предвыборных высказываний-угроз);

— с негативными последствиями для *избирателей* (около 18,34 % от общего количества предвыборных высказываний-угроз);

— с негативными последствиями для *нарушителей законности или нормативных требований* (около 13,97% от общего количества предвыборных высказываний-угроз);

— с негативными последствиями для *граждан с большими доходами и для прибыльных (в том числе монопольных) предприятий* (около 6,98 % от общего количества предвыборных высказываний-угроз);

— с негативными последствиями для *нечестных бизнесменов или работодателей* (около 6,98 % от общего количества предвыборных высказываний-угроз);

— с негативными последствиями для *тех, кто поддерживает коррупцию и коррупционеров* (около 6,55 % от общего количества предвыборных высказываний-угроз);

— с негативными последствиями для *стран-агрессоров, а также для государств, не выполняющих законодательство и взятых на себя обязательств* (около 3,93 % от общего количества предвыборных высказываний-угроз).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что семь перечисленных разновидностей высказываний-угроз являются в большей степени актуальными для российского предвыборного дискурса 2018 года, так как именно эти разновидности политики используют в своих программных материалах наиболее часто, решая стратегическую задачу оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей. При этом, если посчитать количество высказываний-угроз, которые относятся к указанным разновидностям, то получим 201 менасивное высказывание, что составляет около 87,77 % от общего количества примеров (см. табл. 1). Иначе говоря, представленные семь адресатных разновидностей высказываний-угроз являются не только

наиболее частотными для программных материалов кандидатов на пост Президента Российской Федерации в 2018 году, но и составляют *основу прагма-эмоционального воздействия* их предвыборного дискурса.

5. Нерегулярные адресатные разновидности предвыборных менасивов

Помимо обозначенных высказываний-угроз в российском предвыборном дискурсе реализуются нерегулярные или второстепенные разновидности менасивов, выделяемые на основе адресатной направленности их консеквентного компонента. Такие адресатные разновидности пронумерованы в табл. 1 цифрами от 8 до 18 и насчитывают 28 высказываний или около 12,22 % от общего количества примеров. В их число входят:

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей банковской системы, например: (30) *Учреждение Государственного банка России и упразднение «филиала Международного валютного фонда» в виде Центрального банка России* (Бабурин); (31) *Своим указом Сталинский Президент-коммунист обнуляет процентную ставку рефинансирования и приостанавливает деятельность всех коммерческих банков, временно ограничивает хождение иностранной валюты внутри страны 500-та условными единицами в месяц в расчете на каждого гражданина* (Сурайкин) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для тех, кто ничего не делает для развития страны или препятствует ее развитию, например: (32) *Нужно отправить на заслуженный отдых тех, кто живет прошлым, прекратить раскачивать лодку, в которой мы все находимся и которая называется «планета Земля»* (Путин) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для религиозных организаций, например: (33) *... своим указом обязывает все религиозные организации вернуть в собственность государства любое недвижимое имущество, ранее принадлежавшее государству и переданное церкви после 1991-го года, а также лишает религиозные институты всех налоговых льгот и экономических преференций* (Сурайкин); (34) *Создать предпосылки для вытеснения антимодернизационных разновидностей исламистской идеологии, опираясь при этом на умеренные версии ислама, пропагандирующие модернизационные ценности и предполагающие встраивание мусульман в современное общество* (Явлинский) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей СМИ, а также для тех, кто распространяет недостоверную (фальшивую) информацию, например: (35) *Повысить ответственность должностных лиц государственных и муниципальных органов за распространение недостоверной информации в СМИ и в ответах на обращения граждан и организаций* (Явлинский) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей ЖКХ, например: (36) *В сфере жилищно-коммунального хозяйства необ-*

ходимо кардинальное усиление ответственности организаций и специалистов, занятых обеспечением нормальной жизнедеятельности сферы ЖКХ, жесткий государственный контроль за деятельностью управляющих компаний, ограничение их всевластия по отношению к жильцам (Бабурин); (37) Своим указом приостанавливает деятельность частных жилищных управляющих компаний, вернув весь жилой фонд в ведение муниципалитетов, и обязывает высчитывать тарифы ЖКХ для каждой семьи исходя из не более чем 10% совокупного дохода данной семьи (Сурайкин) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей судопроизводства или судебной власти, например: (38) Лишить председателей судов влияния на процесс назначения и отстранения судей (Явлинский) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей (руководства) образовательных учреждений, например: (39) Мы предлагаем сокращение числа вузов с государственной аккредитацией за счет усиления требований к их работе с целью повышения качества высшего образования, поощрение интеграции российских университетов с институтами Академии наук, ведущими НИИ и КБ, с зарубежными университетами через программы подготовки студентов с двойными дипломами, а также расширение практики предоставления государством льготных образовательных кредитов (Собчак) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей международных запрещенных организаций или поддерживающих их граждан, например: (40) Вместе мы способны эффективно бороться с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, сдерживать притязания отдельных держав на мировую гегемонию, создать систему взаимной гарантированной защиты (Явлинский) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для тех, кто незаконно использует чужую интеллектуальную собственность, например: (41) Обеспечить действенную защиту интеллектуальной собственности и лишение научных степеней лиц, защитивших диссертации с выявленным плагиатом, независимо от срока давности (Явлинский) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей оппозиции, например: (42) ...своим указом лишает государственных наград, званий и государственной поддержки их творчества тех представителей российской художественной интеллигенции, кто в период с 1985 г. По настоящее время неоднократно публично выступал с клеветническими заявлениями в отношении СССР, социализма, советского народа! (Сурайкин) и др.;

— высказывания-угрозы с негативными последствиями для группы лиц, массового адресата, например: (43) Мы НАЦИОНАЛИЗИРУЕМ и передадим ПОД КОНТРОЛЬ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: банковскую систему;

базовые отрасли реального сектора экономики железнодорожный транспорт; жилищно-коммунальное хозяйство; учреждения здравоохранения и образования; будет введена государственная монополия на винно-водочную и табачную продукцию (Сурайкин) и др.

Предложенная табл. 1 содержит сведения о частотности реализации высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента в российском предвыборном дискурсе 2018 года:

Таблица 1

Адресатные разновидности предвыборных высказываний-угроз

№ п\п	Адресатные разновидности высказываний-угроз	Кол-во примеров	Доля от общего кол-ва менасивных высказываний российского предвыборного дискурса	Политики, которые использовали адресатные разновидности высказываний-угроз (кол-во высказываний-угроз)
I	<i>Высказывания-угрозы с негативными последствиями для избирателей</i>	42	18,34 %	Все участники предвыборного дискурса, кроме Павла Грудинина
1	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для избирателей	42	18,34 %	7 политиков: Григорий Явлинский (16) Борис Титов (8) Сергей Бабурин (6) Ксения Собчак (5) Владимир Путин (4) Владимир Жириновский (2) Максим Сурайкин (1)
II	<i>Высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей</i>	187	81,66 %	Все политики-кандидаты
2	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей действующей власти, чиновников, представителей госаппарата, руководителей государственных (в том числе силовых) структур	71	31,00%	7 политиков: Григорий Явлинский (35) Максим Сурайкин (13) Ксения Собчак (12) Сергей Бабурин (7) Владимир Жириновский (3) Борис Титов (1)
3	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для нарушителей законности или нормативных требований	32	13,97%	7 политиков: Григорий Явлинский (13) Владимир Жириновский (7) Максим Сурайкин (6) Сергей Бабурин (2) Ксения Собчак (2) Павел Грудинин (1) Владимир Путин (1)

№ п\п	Адресатные разновидности высказываний-угроз	Кол-во примеров	Доля от общего кол-ва менасивных высказываний российского предвыборного дискурса	Политики, которые использовали адресатные разновидности высказываний-угроз (кол-во высказываний-угроз)
4	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для граждан с большими доходами или для прибыльных (в том числе монопольных) предприятий	16	6,98 %	7 политиков: Григорий Явлинский (5) Сергей Бабурин (2) Павел Грудинин (2) Владимир Жириновский (2) Ксения Собчак (2) Максим Сурайкин (2) Борис Титов (1)
5	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для нечестных бизнесменов или работодателей	16	6,98 %	5 политиков: Сергей Бабурин (6) Григорий Явлинский (5) Павел Грудинин (2) Максим Сурайкин (2) Владимир Жириновский (1)
6	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для тех, кто поддерживает коррупцию и коррупционеров	15	6,55 %	5 политиков: Григорий Явлинский (7) Ксения Собчак (3) Сергей Бабурин (2) Максим Сурайкин (2) Павел Грудинин (1)
7	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для стран-агрессоров, а также для государств, не выполняющих законодательство и взятых на себя обязательств	9	3,93%	6 политиков: Владимир Путин (4) Сергей Бабурин (1) Павел Грудинин (1) Владимир Жириновский (1) Максим Сурайкин (1) Григорий Явлинский (1)
8	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей банковской системы	4	1,74 %	2 политика: Сергей Бабурин (2) Максим Сурайкин (2)
9	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для тех, кто ничего не делает для развития страны или препятствует ее развитию	4	1,74 %	2 политика: Владимир Путин (3) Владимир Жириновский (1)
10	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для религиозных организаций	3	1,31 %	2 политика: Максим Сурайкин (2) Григорий Явлинский (1)
11	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей СМИ, а также для тех, кто распространяет недостоверную (фальшивую) информацию	3	1,31 %	2 политика: Максим Сурайкин (2) Григорий Явлинский (1)

№ п\п	Адресатные разновидности высказываний-угроз	Кол-во примеров	Доля от общего кол-ва менасивных высказываний российского предвыборного дискурса	Политики, которые использовали адресатные разновидности высказываний-угроз (кол-во высказываний-угроз)
12	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей ЖКХ	2	0,87 %	2 политика: Сергей Бабурин (1) Максим Сурайкин (1)
13	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей судопроизводства или судебной власти	2	0,87 %	2 политика: Ксения Собчак (1) Григорий Явлинский (1)
14	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей (руководства) образовательных учреждений	2	0,87 %	1 политик: Ксения Собчак (2)
15	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей международных запрещенных организаций или поддерживающих их граждан	2	0,87 %	1 политик: Григорий Явлинский (2)
16	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для тех, кто незаконно использует чужую интеллектуальную собственность	2	0,87 %	1 политик: Григорий Явлинский (2)
17	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей оппозиции	2	0,87 %	2 политика: Максим Сурайкин (1) Борис Титов (1)
18	Высказывания-угрозы с негативными последствиями для группы лиц, массового адресата	2	0,87 %	1 политик: Максим Сурайкин (2)

Примечание. В скобках после фамилии политика указано количество менасивных высказываний той или иной адресатной разновидности в его предвыборной программе.

Table 1

Targeted types of pre-election threat statements

№	Targeted types of pre-election threat statements	Number of threat statements	Percentage of the total number of threat statements in Russian pre-election discourse	Politicians who used targeted types of threat statements (number of threat statements)
I	<i>Threat statements with negative effect on voters</i>	42	18.34 %	All participants of pre-election discourse, except Pavel Grudinin

№	Targeted types of pre-election threat statements	Number of threat statements	Percentage of the total number of threat statements in Russian pre-election discourse	Politicians who used targeted types of threat statements (number of threat statements)
1	Threat statements with negative effect on voters	42	18.34 %	7 politicians: Grigorii Yavlinskii (16) Boris Titov (8) Sergei Baburin (6) Kseniya Sobchak (5) Vladimir Putin (4) Vladimir Zhirinovskii (2) Maksim Suraikin (1)
II	<i>Threat statements with negative effect on non-voters (unfocused audience)</i>	187	81.66 %	All politicians
2	Threat statements with negative effect on the representatives of the government, officials and representatives of the state apparatus	71	31.00%	7 politicians: Grigorii Yavlinskii (35) Maksim Suraikin (13) Kseniya Sobchak (12) Sergei Baburin (7) Vladimir Zhirinovskii (3) Boris Titov (1)
3	Threat statements with negative effect on citizens who break the law	32	13.97%	7 politicians: Grigorii Yavlinskii (13) Vladimir Zhirinovskii (7) Maksim Suraikin (6) Sergei Baburin (2) Kseniya Sobchak (2) Pavel Grudinin (1) Vladimir Putin (1)
4	Threat statements with negative effect on citizens with high incomes or on profitable (including monopolistic) enterprises	16	6.98 %	7 politicians: Grigorii Yavlinskii (5) Sergei Baburin (2) Pavel Grudinin (2) Vladimir Zhirinovskii (2) Kseniya Sobchak (2) Maksim Suraikin (2) Boris Titov (1)
5	Threat statements with negative effect on dishonest businessmen or employers	16	6.98 %	5 politicians: Sergei Baburin (6) Grigorii Yavlinskii (5) Pavel Grudinin (2) Maksim Suraikin (2) Vladimir Zhirinovskii (1)
6	Threat statements with negative effect on citizens who support corruption and corrupt officials	15	6.55 %	5 politicians: Grigorii Yavlinskii (7) Kseniya Sobchak (3) Sergei Baburin (2) Maksim Suraikin (2) Pavel Grudinin (1)

№	Targeted types of pre-election threat statements	Number of threat statements	Percentage of the total number of threat statements in Russian pre-election discourse	Politicians who used targeted types of threat statements (number of threat statements)
7	Threat statements with negative effect on countries-aggressors	9	3.93%	6 politicians: Vladimir Putin (4) Sergei Baburin (1) Pavel Grudinin (1) Vladimir Zhirinovskii (1) Maksim Suraikin (1) Grigorii Yavlinskii (1)
8	Threat statements with negative effect on bankers	4	1.74 %	2 politicians: Sergei Baburin (2) Maksim Suraikin (2)
9	Threat statements with negative effect on those who do nothing for the country's development or hinders its development	4	1.74 %	2 politicians: Vladimir Putin (3) Vladimir Zhirinovskii (1)
10	Threat statements with negative effect on religious organizations	3	1.31 %	2 politicians: Maksim Suraikin (2) Grigorii Yavlinskii (1)
11	Threat statements with negative effect on the media, and also on the media with fake news	3	1.31 %	2 politicians: Maksim Suraikin (2) Grigorii Yavlinskii (1)
12	Threat statements with negative effect on representatives of housing and communal services	2	0.87 %	2 politicians: Sergei Baburin (1) Maksim Suraikin (1)
13	Threat statements with negative effect on judicial authority	2	0.87 %	2 politicians: Kseniya Sobchak (1) Grigorii Yavlinskii (1)
14	Threat statements with negative effect on administration of educational institutions	2	0.87 %	1 politician: Kseniya Sobchak (2)
15	Threat statements with negative effect on international outlawed organizations or citizens supporting them	2	0.87 %	1 politician: Grigorii Yavlinskii (2)
16	Threat statements with negative effect on those who illegally uses someone else's intellectual property	2	0.87 %	1 politician: Grigorii Yavlinskii (2)
17	Threat statements with negative effect on the opposition	2	0.87 %	2 politicians: Maksim Suraikin (1) Boris Titov (1)

№	Targeted types of pre-election threat statements	Number of threat statements	Percentage of the total number of threat statements in Russian pre-election discourse	Politicians who used targeted types of threat statements (number of threat statements)
18	Threat statements with negative effect on different groups of persons or mass addressee	2	0.87 %	1 politician: Maksim Suraikin (2)

Note. The number after the surname indicates the number of targeted types of threat statements in politician’s pre-election program.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что политики целенаправленно используют высказывания-угрозы, декларирующие негативные последствия различным группам населения, пытаясь таким образом завоевать доверие и голоса избирателей. Эмпирический массив исследования показывает, что выбранная кандидатом разновидность (или разновидности) высказываний-угроз с той или иной адресатной направленностью консеквентного компонента не может определять прагма-эмоциональное воздействие его менасивного дискурса и предвыборной программы, так как политики-кандидаты используют практически один и тот же перечень адресатов консеквентных компонентов высказываний со значением угрозы. Логично бы предположить, что менасивы с негативными последствиями *для избирателей* будут способствовать предпочтению избирателями другого кандидата, не угрожающего им. Однако результаты выборов указывают на то, что кандидат, набравший наибольшее количество голосов на выборах — Владимир Путин (Результаты выборов президента России 2018, <http://vibory-rf.ru>, далее <http://vibory-rf.ru>), употребил 4 высказывания-угрозы с негативными последствиями *для избирателей*. При этом обращает на себя внимание тот факт, что кандидат, занявший второе место на выборах — Павел Грудинин, вообще не использовал в своей программе высказывания-угрозы, содержащие указание на негативные последствия *для избирателей*.

6. Тенденции использования адресатных разновидностей предвыборных менасивов: результаты исследования

На материале исследования нетрудно убедиться, что выбор политиком той или иной адресатной направленности консеквентных компонентов высказываний-угроз *не оказывает* влияния на прагма-эмоциональное воздействие его предвыборной программы и, следовательно, на количество набранных им голосов на выборах (<http://vibory-rf.ru>). Но в таком ракурсе рассуждений нельзя не обратить внимание на количество разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента, которое задействуют политики в своих программных материалах. В частно-

сти, перспективно проверить наличие какой-либо пропорциональной зависимости между количеством адресатных разновидностей высказываний-угроз того или иного политика и количеством набранных им голосов на выборах.

Следующий список содержит информацию о количественном объеме адресатных разновидностей предвыборных высказываний-угроз у кандидатов на пост Президента Российской Федерации, в котором политики расположены в порядке увеличения количества использованных ими разновидностей высказываний-угроз (номера разновидностей указаны согласно табл. 1):

Владимир Путин — 4 разновидности (№ 1, 3, 7, 9),

Борис Титов — 4 разновидности (№ 1, 2, 4, 17),

Павел Грудинин — 5 разновидностей (№ 3, 4, 5, 6, 7);

Владимир Жириновский — 7 разновидностей (№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9);

Ксения Собчак — 7 разновидностей (№ 1, 2, 3, 4, 6, 13, 14);

Сергей Бабурин — 9 разновидностей (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12);

Григорий Явлинский — 12 разновидностей (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 13, 15, 16);

Максим Сурайкин — 13 разновидностей (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 17, 18).

Сравнивая результаты выборов Президента Российской Федерации (<http://vibory-rf.ru>) и данные об адресатных разновидностях высказываний-угроз в предвыборной программе того или иного политика, можно говорить об отсутствии прямой корреляционной связи между количеством адресатных разновидностей высказываний-угроз, задействованных политиком, и количеством набранных им голосов. Тем не менее, легко убедиться, что кандидат, набравший наибольшее количество голосов — Владимир Путин, использовал наименьшее количество разновидностей менасивов. В контексте сказанного заметим, что Павел Грудинин употребил 5 разновидностей предвыборных высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента и занял второе место среди кандидатов на пост Президента Российской Федерации как по количеству набранных голосов, так и по количеству адресатных разновидностей высказываний-угроз (см. табл. 2 и 3). Далее, отметим, что Владимир Жириновский, занявший 3-е место по итогам выборов, и Ксения Собчак, занявшая 4-е место на выборах, использовали по 7 разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента и разделили 3 позицию в табл. 3. Примечательно и то, что по итогам выборов у Владимира Жириновского незначительный отрыв от Ксении Собчак в количестве набранных голосов избирателей.

Продолжая сопоставлять результаты выборов и количество разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента в предвыборной программе того или иного политика, отметим, что Григорий Явлинский занял 5-е место на выборах и расположился на 5 позиции по количеству адресатных разновидностей менасивов, а

Максим Сурайкин с небольшим отрывом от следующего за ним кандидата (Сергея Бабурина) занял 7-е место (т.е. оказался практически последним) на выборах и расположился на 6 (последней) позиции по количеству адресатных разновидностей менасивных высказываний, реализованных в предвыборной программе (см. табл. 2 и 3).

В табл. 2 находят отражение итоговые показатели выборов Президента Российской Федерации в 2018 году, а табл. 3 содержит информацию о количестве адресатных разновидностей высказываний-угроз, которые реализованы в предвыборных программах политиков-кандидатов:

Таблица 2

Итоги выборов Президента Российской Федерации в 2018 году

№ п/п	Кандидат	Процент полученный голосов, %	Кол-во высказываний-угроз
1	Владимир Путин	76,6	12
2	Павел Грудинин	11,8	7
3	Владимир Жириновский	5,66	17
4	Ксения Собчак	1,67	27
5	Григорий Явлинский	1,04	89
6	Борис Титов	0,76	11
7	Максим Сурайкин	0,68	37
8	Сергей Бабурин	0,65	29

Table 2

Election results in the Russian Federation in 2018

№	Politician	The percentage of votes, %	Number of threat statements
1	Vladimir Putin	76.6	12
2	Pavel Grudinin	11.8	7
3	Vladimir Zhirinovskii	5.66	17
4	Kseniya Sobchak	1.67	27
5	Grigorii Yavlinskii	1.04	89
6	Boris Titov	0.76	11
7	Maksim Suraikin	0.68	37
8	Sergei Baburin	0.65	29

Таблица 3

Количество адресатных разновидностей высказываний-угроз

№ п/п	Кандидат	Кол-во разновидностей высказываний-угроз
1	Владимир Путин / Борис Титов	4
2	Павел Грудинин	5
3	Владимир Жириновский / Ксения Собчак	7
4	Сергей Бабурин	9
5	Григорий Явлинский	12
6	Максим Сурайкин	13

Table 3

The number of targeted types of threat statements

№	Politician	Number of targeted types of threat statements
1	Vladimir Putin / Boris Titov	4
2	Pavel Grudinin	5
3	Vladimir Zhirinovskii / Kseniya Sobchak	7
4	Sergei Baburin	9
5	Grigorii Yavlinskii	12
6	Maksim Suraikin	13

Полученные результаты исследования позволяют выявить *достаточное* и *необходимое* количество адресатных разновидностей высказываний-угроз, которое способно оказывать запланированное политиком прагма-эмоциональное воздействие на избирателей. Обращает внимание, что в контексте российского предвыборного дискурса 2018 года реализация политиком *четырёх* разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента явилась прагматически эффективным инструментом воздействия на избирателей. Материал исследования также фиксирует, что для политика угрожать внушительному количеству адресатов — значит уменьшать воздействующий потенциал своей предвыборной программы. Ярким подтверждением сказанному является использование 13 адресатных разновидностей высказываний-угроз (из 18 возможных) в программных материалах Максима Сурайкина, который занял 7-е место по итогам выборов.

7. Заключение

В ходе исследования уделено внимание такому прагматическому параметру как адресатная направленность консеквентных компонентов предвыборных высказываний-угроз. Предложенный параметр выступил в качестве критерия распределения менасивов на две группы: 1) *высказывания-угрозы с негативными последствиями для избирателей* и 2) *высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей*. Установлено, что выделенные две группы менасивов характеризуются различной частотностью реализации в программных материалах политиков: высказывания-угрозы первой группы насчитывают около 18,34 % от общего количества примеров, а высказывания второй группы — около 81,66 %. Приведенные данные позволяют утверждать, что в предвыборных программах политики целенаправленно отдают приоритет использованию высказываний-угроз с негативными последствиями для *не-избирателей* или нефокусной аудитории, пытаясь таким образом завоевать внимание и голоса избирателей.

Группа высказываний-угроз с негативными последствиями для *не-избирателей* сформирована 17 разновидностями менасивов, выделенных на основе более дробного структурирования адресатной направленности их консеквентного компонента. Полученный результат свидетельствует о том, что политик как автор предвыборной программы недостаточно хорошо знает предпочтения избирателей как массового адресата, их эмоциональное состояние и переживания, поэтому он ориентирует свое воздействие на широкий круг потенциальных избирателей и задействует многочисленные способы вербальной репрезентации высказываний-угроз. Прагматическая направленность консеквентных компонентов предвыборных высказываний-угроз в адрес многочисленных групп людей, отличающихся интересами, целями и по-разному представляющими себе будущее страны и главу государства, способствует внушительному охвату аудитории и увеличивает шанс того, что

в фокусе воздействия программных материалов политика окажется избиратель, который проголосует за их автора.

Становится понятным, что, используя широкие возможности вербальной манифестации высказываний-угроз с негативными последствиями *для не-избирателей*, политик стремится противопоставить избирателя как представителя массового адресата всем тем третьим лицам и не-избирателям, которым он угрожает в предвыборной программе. Создается впечатление, что согласно высказываниям-угрозам, содержащимся в предвыборных программах кандидатов, избиратель — это тот, кто не нарушает законы, не поддерживает коррупцию, не распространяет фальшивую информацию, избиратель противопоставляется не-избирателям, оппонентам и тем, кто нарушает законы, ничего не делает для развития страны, предлагает реформы, которые не принесут пользы стране. Наличие указанного противопоставления служит причиной запуска механизма идентификации избирателем своего Я в предвыборном дискурсе, а также процесс причисления избирателем себя к определенной группе лиц и выбора соответствующей манеры поведения. В том случае, если направления оказываемого политиком менасивного воздействия совпадают с интересами и политическими предпочтениями избирателя и если избиратель не находит общих характеристик у себя и третьих лиц, то такой избиратель оказывается фокусным для политика и есть все основания полагать, что он проголосует за политика. Потому есть все основания утверждать, что именно на этом противопоставлении основано прагматическое использование политиками высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента.

Проведенный анализ позволил обнаружить определенные тенденции в использовании политиками высказываний со значением угрозы. В контексте российского предвыборного дискурса 2018 года прагматически эффективным инструментом является употребление кандидатом *четырёх* разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента. Также в российском предвыборном дискурсе 2018 года зафиксирована следующая тенденция в реализации конструкций со значением угрозы: ***чем меньше количество адресатных разновидностей высказываний-угроз содержит предвыборная программа политика, тем больше голосов он получит на выборах***. Отмеченная тенденция может быть объяснена тем, что использование политиком незначительного количества разновидностей высказываний-угроз с различной адресатной направленностью консеквентного компонента позволяет ему фокусировать внимание на целевой аудитории, а также точнее формулировать основные идеи своей предвыборной программы и выбирать приоритетные направления прагма-эмоционального воздействия. Конечно, обращает на себя внимание тот факт, что Борис Титов и Сергей Бабурин выбиваются из обозначенной тенденции: Сергей Бабурин занял 8-е место на выборах и расположился на 4-м месте по количеству адресатных разновидностей менасивных высказываний, а Борис Титов использовал

4 разновидности менасивов, однако ему удалось занять только 6-е место по итогам выборов 2018 года. Такая ситуация может быть объяснена тем, что для прагма-эмоционального воздействия предвыборных программ Бориса Титова и Сергея Бабурина оказался значимым ряд других прагматических параметров (характеристик) менасивных высказываний, требующих особого внимания с позиций деятельного подхода к общению.

Итак, рассмотрение высказываний со значением угрозы как *регулятивных менасивных действий*, реализованных в предвыборных программах кандидатов на пост Президента Российской Федерации, позволяет установить особенности их функционирования в формировании воздействующего потенциала программных материалов политиков. Зафиксированная тенденция не представляет собой строгую корреляционную зависимость между количеством адресатных разновидностей менасивов в предвыборной программе политика и количеством набранных им голосов на выборах, однако при планировании прагма-эмоционального воздействия менасивного дискурса на избирателей предпочтительно принимать во внимание полученные результаты. Выявленная тенденция и исключения из нее, скорее всего, свидетельствуют о необходимости учитывать при оценке прагма-эмоционального воздействия менасивов на избирателей и другие прагматические параметры, составляющие воздействующую характеристику таких высказываний, например, тематическую составляющую (тематику) консеквентного компонента, общее количество высказываний-угроз в предвыборной программе политика, а также ожидания избирателями угроз в программных материалах того или политического деятеля. Поэтому представляется перспективным продолжить функционально-семантический анализ предвыборных менасивов на основании перечисленных прагматических параметров, которые позволят определить интенсивность прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз того или иного политика на избирателей и выявить частотные разновидности менасивов, которые пригодны побуждать избирателей проголосовать за политика.

© А.А. Романов О.В. Новоселова 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 251—275. [Vezhbítska, Anna. 1985. Speech Acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* 16. 251—275. (In Russ.)].
- Гарпушкин В.Е. Прагматический аспект знаков и человеческое взаимопонимание // Философские науки. 1977. № 1. С.136—140. [Garpushkin, Vyacheslav E. 1977. The

- pragmatic aspect of signs and human understanding. *Filosofskie nauki* 1. 136—140. (In Russ.).
- Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с. [Kastel's, Manuel. 2016. *Vlast' kommunikatsii* (Power of communication). Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki (In Russ.).]
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с. [Katsnel'son, Solomon D. 1972. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* (Typology of language and speech thinking). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie (In Russ.).]
- Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М.: Центрполиграф, 2013. 445 с. [Lainbardzher, Pol. 2013. *Psikhologicheskaya voina. Teoriya i praktika obrabotki massovogo soznaniya* (Psychological warfare. Theory and practice of mass consciousness processing). Moscow: Tsentropoligraf (In Russ.).]
- Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 18—36. [Leont'ev, Aleksey A. 1979. *Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* (Statement as a subject of linguistics, psycholinguistics and communication theory), 18—36. Moscow: Nauka (In Russ.).]
- Леонтьев А.Н. Общее понятие деятельности // Хрестоматия по психологии. М.: Просвещение, 1977. С. 206—214. [Leont'ev, Aleksey N. 1977. *Obshchee ponyatie deyatel'nosti* (General concept of activity), 206—214. Moscow: Prosveshchenie (In Russ.).]
- Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Пер. с англ. М.: ФСПИ Тренды, 2006. 221 с. [Nye, Joseph Samuel. 2006. *Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* (Soft Power: The Means to Success in World Politics). Moscow: FSPI Trendy (In Russ.).]
- Новоселова О.В. Коммуникативная толерантность vs коммуникативная справедливость высказываний различной прагматической направленности [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 125—147. URL: <http://tverlingua.ru> (дата обращения: 15.01.2020). [Novoselova, Olga V. 2017. Communicative tolerance vs communicative fairness of different pragmatic orientation statements. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal* 1. 125—147. (In Russ.).]
- Новоселова О.В. Менасивные высказывания в коммуникативно справедливом пространстве диалога // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2017а. С. 67—73. [Novoselova, Olga V. 2017а. Menasivnye vyskazyvaniya v kommunikativno spravedlivom prostranstve dialoga (Menasive statements in communicative fair space of dialogue). *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 67—73. Komsomolsk-on-Amur: AmGPGU (In Russ.).]
- Новоселова О.В. Средства языковой репрезентации менасивов в программном дискурсе кандидатов на пост Президента РФ в 2018 году // Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. Тверь: ТГСХА, 2019. С. 391—394. [Novoselova, Olga V. 2019. Sredstva yazykovoii reprezentatsii menasivov v programnom diskurse kandidatov na post Prezidenta RF v 2018 godu (Means of language representation of menasives in the program discourse of presidential candidates in the Russian Federation in 2018). *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 391—394. Tver: TGSKhA, (In Russ.).]
- Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. 183 с. [Romanov, Aleksey A. 1988. *Sistemnyi*

analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya (System analysis of regulatory means of dialogic communication). Moscow: Institut yazykoznaniya AN SSSR (In Russ.).

Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. Москва-Тверь: Институт языкознания РАН, 2002. 191 с. [Romanov, Aleksey A. 2002. *Politicheskaya lingvistika: Funktsional'nyi podkhod* (Political Linguistics: A Functional Approach). Moscow-Tver: Institut yazykoznaniya RAN (In Russ.).]

Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. 264 с. [Romanov, Aleksey A. 2020. *Lingvopragmaticheskaya model' rechevogo upravleniya dialogom: sistemnyi analiz s primerami iz russkogo i nemetskogo yazykov* (Linguopragmatic model of speech dialogue: system analysis with examples from Russian and German). Moscow: URSS (In Russ.).]

Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). Москва-Тверь: Институт языкознания РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с. [Romanov, Aleksey A. & Olga V. Novoselova. 2013. *Diskurs ugrozy v sotsial'noi interaktsii (funktsional'no-semanticheskii analiz)* (Threat discourse in social interaction (functional-semantic analysis)). Moscow-Tver: Institut yazykoznaniya RAN, Tverskaya GSKhA (In Russ.).]

Романов А.А., Новоселова О.В. Топонимия психологического пространства вербальных практик-угроз // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология. 2013а. № 2. С. 20—32. [Romanov, Aleksey A. & Olga V. Novoselova. 2013а. Toponymy of the psychological space of verbal threat practices. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* 2. 20—32. (In Russ.).]

Романов А.А. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как особый прагматический тип высказываний со значением угрозы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 1. С. 44—52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.44. [Romanov, Aleksey A. & Olga V. Novoselova. 2020. Predvybornye menasivy kak osobyi pragmaticheskii tip vyskazyvaniy so znacheniem ugrozy (Pre-Election Threats as a Special Pragmatic Type of Statements). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki 1. 44—52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.44. (In Russ.).]

Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелолойный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. Москва-Тверь: ИЯ РАН; ТИПЛ и МК, Тверская ГСХА, 2014. 163 с. [Romanov, Aleksey A. & Gennadiy A. Ul'yanich. 2014. *Meloliyni diskurs kak informatsionnyi medium v sisteme publichnykh kommunikatsii* (Meloline discourse as an information medium in the system of public communications.). Moscow-Tver: Institut yazykoznaniya RAN, Tverskaya GSKhA (In Russ.).]

Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике. М.: Лилия ЛТД, 2000. 112 с. [Romanov, Aleksey A., Elena G. Romanova & Nikolay Yu. Voevodkin. 2000. *Imya sobstvennoe v politike* (The proper name in politics). Moscow: Liliya LTD (In Russ.).]

Black, Peter. 1993. Soft Kill: Fighting Infrastructure Wars in the 21st Century. *Wired*, July-August. 49—50.

Khanna, Parag. 2016. *Connectography. Mapping the future of global civilization*. New York: Penguin Random House LLC.

Leonard, Mark. 2016. Introduction: connectivity wars. In Mark Leonard (eds.), *Connectivity wars. Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future*. 13—27. London: European Council on Foreign Relations.

- Mattern, Janice Bially. 2005. Why Soft Power Is Not So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics. *Millennium: Journal of International Studies* 33 (3). 583—612.
- Rehbein, Jochen. 1977. *Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache*. Stuttgart: Metzler.
- Schlenker, Barry R. 2003. Self-presentation. In Mark R. Leary (eds.), *Handbook of Self and Identity*. 488—518.
- Schlenker, Barry R. & Michael F. Weigold. 1990. Self-consciousness and self-presentation: Being autonomous versus appearing autonomous. *Journal of Personality and Social Psychology* 59, 820—828.
- Vosoughi, Soroush, Deb Roy & Sinan Aral. 2018. The Spread of True and False News Online. *Science* 359 (6380). 1146—1151.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- Основное содержание послания Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Российская газета, 2018. URL: <https://rg.ru/poslanie.pdf> (дата обращения: 10.03.18).
- Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Партия роста» на выборах Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://vibory-rf.ru/kandidaty-2018/boris-titov> (дата обращения: 10.03.18).
- Мощный рывок вперед! Программа В.В. Жириновского «100 пунктов» [Электронный ресурс]. URL: https://ldpr.ru/leader/Powerful_leap_forward_2018, (дата обращения: 10.03.18).
- Дорога в будущее. Основные направления президентской программы Григория Алексеевича Явлинского [Электронный ресурс]. URL: <https://2018.yavlinsky.ru/programm> (дата обращения: 10.03.18).
- Предвыборная программа кандидата Бабурина Сергея [Электронный ресурс]. URL: <http://baburin2018.ru/programma> (дата обращения: 10.03.18).
- Платформа Ксении Собчак. 123 Трудных шага [Электронный ресурс]. URL: <https://sobchakprotivvseh.ru/steps123> (дата обращения: 10.03.18).
- Программа товарища Максима Сурайкина [Электронный ресурс]. URL: <http://komros.info/programma-tovarischa-maksima-suraykina> (дата обращения: 10.03.18).
- 20 шагов Павла Грудинина. Кандидат в президенты России обращается к каждому [Электронный ресурс]. URL: <http://grudininkprf.ru/programma> (дата обращения: 10.03.18).
- Результаты выборов президента России 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://vibory-rf.ru/rezultaty-vyborov-prezidenta-rossii-2018> (дата обращения: 1.05.18).

Article history:

Received: 17 January 2020

Revised: 10 March 2020

Accepted: 14 March 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 января 2020

Дата принятия к печати: 14 марта 2020

Сведения об авторах:

РОМАНОВ АЛЕКСЕЙ АРКАДЬЕВИЧ — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, главный редактор электронного научного журнала *Мир лингвистики и коммуникации* (<http://www.tverlingua.ru>). Основатель Тверской научной школы «Динамическая модель регулятивной коммуникации» (семантика и прагматика общения). Опубликовал более 547 работ, среди которых 30 монографий. *Сфера научных интересов*: теоретическая, прикладная и когнитивная лингвистика, психолингвистика, теория коммуникации.

Контактная информация:

Тверская государственная сельскохозяйственная академия
170904, Россия, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7
Тверской государственный университет
170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33
e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

НОВОСЕЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии. *Сфера научных интересов*: политическая коммуникация, предвыборный дискурс, прагматика, прикладная и когнитивная лингвистика, коммуникативный конструктивизм. Является автором более 150 научных трудов, среди которых монография *Дискурс угрозы в социальной интеракции* (2013), а также автором и соавтором более 40 учебных пособий.

Контактная информация:

Тверская государственная сельскохозяйственная академия
170904, Россия, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7
e-mail: olvnov@mail.ru

Bionotes:

ALEKSEY ROMANOV is a full professor, Doctor of Philology, Honored Scholar of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication and Director of the Institute of Applied Linguistics and Mass Communications at Tver State Agricultural Academy, Professor at Tver State University, Editor-in-Chief of the electronic scholarly journal *World of Linguistics and Communication*. He is the founder of the research school of *Dynamic model of regulatory communication*. He has published 547 research papers. His research interests embrace theoretical, applied and cognitive linguistics.

Contact information:

Tver State Agricultural Academy
7 Vasilevsky Street, Sakharovo, Tver, 170904, Russia
Tver State University
33 Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russia
e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

OLGA NOVOSELOVA is Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Theory of Language and Intercultural Communication at Tver State Agricultural Academy. Her research interests include political communication, pre-election discourse, pragmatics, applied and cognitive linguistics, communicative constructivism. She is the author of more than 150 scientific papers, including the monograph *Diskurs ugrozy v sotsial'noi interaktsii* [*Discourse of Threat in Social Interaction*], Moscow-Tver, 2013, as well as the author and co-author of more than 40 course books.

Contact information:

Tver State Agricultural Academy
7 Vasilevsky Street, Sakharovo, Tver, 170904, Russia
e-mail: olvnov@mail.ru

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-449-466

Research Article

God and emotions: Experience of emotive analysis

Sergey M. Pashkov

Herzen State Pedagogical University (Volkhov branch)
Volkhov, Russia

Abstract

The present paper accentuates the importance of holistic views of the world that is relevant for text studies. The purpose of the study is to establish what language means representing emotions which are attributed to God by biblical characters are utilized, and, subsequently provide their classification. Based on the study of the theological interpretation of the antinomy “the immutability of God” — the emotions of God”, the paper 1) introduces the concept of ‘attribution of emotions’ into the conceptual and terminological apparatus of emotiology thus explicating the specificity of biblical emotive meanings; 2) provides the analysis of the depicted biblical space in the emotive aspect; 3) gives the interpretation of biblical characters’ activity as a cause of emotions attributed to God. Central to the text analysis is the notion of the emotional script. This notion is instrumental in presenting the systemic description of emotion development, i.e. the cause of its origin and the corresponding reaction. The language material of the present study is taken from King James Bible. The methods employed in the study include the definitional, contextual, emotive, and lingua-stylistic analyses with references to the historical and cultural context. The outcomes of the present study include the identification of the lexical means of emotions and the following typology of such lexical units: 1) lexemes denoting the cause of emotions attributed to God; 2) lexemes denoting the emotions attributed to God; and 3) lexemes denoting the biblical space perceived by characters as a ‘reaction’ to emotions attributed to God. Given the theandric nature of Jesus Christ, the depicted emotions of His are treated as manifestations of His human nature. The results obtained have made it possible to fill in linguistic content into one of the antinomies of Christian understanding of God and to outline the prospect of further linguistic research on Christian dogmata from the perspective of emotivity.

Keywords: *The Bible, attribution of emotions, emotivity, evaluation, emotional script, context, biblical space*

For citation:

Pashkov, Sergey M. 2020. God and emotions: Experience of emotive analysis. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 449—466. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-449-466

Бог и эмоции: опыт эмотивного анализа

С.М. Пашков

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Волховский филиал)
Волхов, Россия

Аннотация

В статье акцентируется значимость холистических взглядов на мир при исследовании проблем текста. Цель статьи — проанализировать и систематизировать языковые репрезентанты эмоций, атрибутируемых Богу библейскими персонажами. На основе изучения богословского понимания антиномии «неизменность Бога — эмоции Бога» в статье обосновывается: 1) введение термина «атрибуция эмоций» в понятийно-терминологический аппарат лингвистики эмоций, эксплицирующего специфику библейских эмотивных смыслов; 2) рассмотрение изображенного библейского пространства в эмотивном аспекте; 3) интерпретация изображенной деятельности библейских персонажей в качестве причины эмоций, атрибутируемых Богу. Языковой материал анализируется с опорой на понятие эмоционального сценария, позволяющего представить системное описание развития эмоции, то есть причину ее появления и реакцию. Материалом исследования послужил англоязычный текст Библии короля Якова. Методы исследования языкового материала включают дефиниционный, контекстуальный, эмотивный и лингвостилистический анализы с привлечением факторов широкого историко-культурного контекста. В результате исследования автором установлены и систематизированы: 1) языковые средства, репрезентирующие причины эмоций, атрибутируемых Богу; 2) языковые средства репрезентирующие эмоции, атрибутируемые Богу; 3) языковые средства, репрезентирующие пространство, воспринимаемое библейскими персонажами как «реакция» на атрибутируемые Богу эмоции. Учитывая Богочеловеческую природу Иисуса Христа, Его изображенные эмоции рассматриваются как проявления человеческой природы. Полученные результаты позволили наполнить языковым содержанием одну из антиномий христианского понимания Бога и наметить перспективу дальнейшего лингвистического исследования христианской догматики в эмотивном ракурсе.

Ключевые слова: *Библия, атрибуция эмоций, эмотивность, оценочность, эмоциональный сценарий, контекст, библейский топос*

Для цитирования:

Пашков С.М. Бог и эмоции: опыт эмотивного анализа // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 449—466. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-449-466

<...> Love your enemies, bless them that curse you, do good to them that hate you, and pray for them which despitefully use you, and persecute you; That ye may be the children of your Father which is in heaven: for he maketh his sun to rise on the evil and on the good, and sendeth rain on the just and on the unjust
(Matthew, 5: 44—45).

1. Введение

В современной лингвистической науке наблюдается значительный рост исследований, посвященных взаимодействию языка и религии. Среди основных направлений в этой области знания выделяются теолингвистика, лингвоперсоналогия, лексикография, а также языковая вариативность в религиозной сфере (Найденова 2018). Одним из важнейших религиозных артефактов для исследователей, безусловно, является Библия. Особый интерес текст Библии представляет для эмотиологии, поскольку эмоциональная функция религиозного дискурса рассматривается в качестве одной из ведущих (Бобырева 2015: 53).

Исследование категории эмотивности на материале библейского текста позволило установить в нем два блока репрезентируемых эмоций: нуминозные и ануминозные. Первые — всегда положительные, вторые — положительные / отрицательные. Данные эмоции библейский персонаж испытывает либо по отношению к Богу (нуминозные), либо по отношению к другому человеку / объекту (ануминозные); их реализация, таким образом, осуществляется в координатах «человек→Бог» и «человек↔человек» (Пашков 2018). Однако в христианстве постулируется личное отношение Бога к человеку, Его диалогическое самораскрытие в актах Откровения (Аверинцев 2006: 109). В связи с этим положением представляется актуальным выявление специфики репрезентации категории эмотивности в координате «Бог→человек», не получившее достаточное освещение в лингвистической литературе.

2. Сущностные свойства Бога

Исследование сложных структур, к которым, несомненно, относится текст, не представляется возможным без холистического взгляда на мир. Методологически холизм заключается в интеграции между науками, а также наукой и культурой (Князева 2016: 23). Необходимость выхода в междисциплинарный контекст при решении научных проблем коррелирует с одним из базовых положений лингвистики эмоций, а именно тезисом о константной связанности эмотивной семантики, интерпретация которой требует контекстуализации (Шаховский 2009: 155, 173). В связи с этим положением достижение цели настоящего исследования требует уточнения представлений о Боге в христианстве.

В религиозных учениях Бог — Высшее Существо, создающее и устрояющее мир. В христианстве Бог понимается как Личность, сущность Которого едина, но бытие — это личностное отношение трех Ипостасей: Отец — безначальное первоначало, Сын — Логос, воплотившийся в Иисусе Христе и Дух Святой — «животворящее» начало. Три Ипостаси репрезентируются лексемой *Троица* (Аверинцев 2006: 109, 448). В христианской теологии постулируется Богочеловеческая природа Иисуса Христа, имеющего полноту Божественной природы и всю конкретность человеческой природы (там же: 201) (ср. природу Гильгамеша «На две трети — бог, на одну — человек он»).

Согласно библейской точке зрения Бог непознаваем, однако Он обладает определенными свойствами, о которых повествуется в текстах Библии. В классическом теизме выделяются такие свойства Бога как совершенство, вневременность, неизменность, всемогущество и всеведение (Роjman & Rea 2012: 60). Поскольку в статье анализируются языковые средства репрезентации «эмоций» Бога, а эмоции — суть «психические процессы» (Леонтьев 1970: 553), предполагающие изменение, релевантным является свойство Бога, определяемое как *неизменность*.

Неизменность Создателя понимается как отсутствие чего-либо внешнего, что способно Его изменить (ББС 2005: 195). О неизменности Творца пишет пророк Малахия: «Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь» (Мал. 3: 6). Однако в тексте Библии репрезентируются различные «эмоции» Бога, которые Он «испытывает» по отношению к человеку. Так, Всевышний описывается как любящий, милостивый, прощающий, разгневанный и пр. (Werblowsky 2005: 389).

При изучении языка религии необходимо помнить о его метафоричности. Особенно метафоры часты, когда речь идет о тайне Создателя. Отмечается, что фактически все антропоморфизмы являются метафорами (Библиологический словарь 2002: 476). Одним из видов антропоморфизма рассматривается антропатизм, под которым понимается «*приписывание* Богу страстей и душевных состояний» (Аверинцев 2006: 57) (курсив мой — С.П.). Тезис об отсутствии эмоций у Бога, характерный для традиционного богословия, конкретизируется в доктрине бесстрастности Бога (The Doctrine of impassibility) (Extrom 2012: 395). В ее защиту категорично пишет преподобный Антоний Великий: «Бог не радуется и не гневается, ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом — по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога — по несходству с Ним» (цит. по: Осипов 2014: 16).

3. Атрибуция эмоций как способ познания

Метаязык современной лингвистики эмоций хорошо разработан и охватывает многие явления в сфере эмоциональной коммуникации. Однако языковая репрезентация эмоций в рамках координаты «Бог→человек» терминологически не эксплицирована. Так, среди прочего, В. И. Шаховский рассматривает «имитацию эмоций» и «симуляцию эмоций» в качестве ключевых терминопонятий лингвистики эмоций (Шаховский 2010: 6), однако они не раскрывают сущность эмоций, исследуемых в данной статье. Во-первых, ЛЕ (лексическая единица) имитация и симуляция характеризуются наличием отрицательных оценочных сем. Ср.:

— симуляция: ‘притворство, ложное утверждение или изображение чего-н. с целью ввести в *обман*, в заблуждение’;

— имитация: ‘*подделка* подо что-н.’ (Толковый словарь русского языка 1997: 245, 717) (Здесь и далее курсив в дефинициях мой — С.П.).

Во-вторых, данные терминопонятия не объясняют функциональную направленность изображенных «эмоций» Творца. Если симуляция и имитация эмоций — всегда в той или иной степени введение адресата в обман, то рассматриваемые библейские эмоции — *способ объяснения человеком мира и своего существования в нем*. «Пока человек остается земнородным существом, — душевно-телесным, протяженно-пространственным, личным и множественным, — ему неизбежно вводить созерцаемого им Бога в свои «*категории*», как бы «выражать» Его на языке своей земнородности» (Ильин 2002: 343) (курсив мой — С.П.).

В свете сказанного представляется возможным ввести в понятийно-терминологический аппарат лингвистики эмоций термин *атрибуция эмоций*, позволяющий адекватно описать эмотивные библейские смыслы в координате «Бог→человек» (ср. выше фразеологию С.С. Аверинцева о приписывании Богу страстей). В социальной психологии суть атрибуции видится в попытке «*интерпретировать* социальный объект, понять его поведение в условиях *дефицита информации* путем *домысливания*» (Большой психологический словарь 2003: 39) (курсив мой — С.П.). Причем результат атрибуции может быть как истинным, так и ложным. Применительно к библейскому тексту атрибуция эмоций Богу вызвана дефицитом информации того или иного персонажа о сущности Бога — персонажа, пытающегося познать изменения в мире и в самом себе в процессе своей деятельности. Эта деятельность либо сокращает, либо увеличивает дистанцию между ним и Богом. В первом случае он имеет благо и атрибутирует Творцу положительные эмоции. Во втором — злоключения, приписывая Ему отрицательные переживания.

Следует отметить, что эвристическая ценность понятия атрибуции эмоций не ограничивается его использованием при интерпретации библейского текста. Обращение к нему оправдано и при анализе художественных текстов (ср. рассказ А. П. Чехова «Смерть чиновника», а также исследование мыслей-эмоций В. И. Шаховского) (Шаховский 2008: 247).

4. Библейский топос в эмотивном аспекте

Моделирование «внутреннего мира» посредством пространственных особенностей, изображенных в художественном тексте, получило широкое освещение в литературоведческих и лингвистических трудах. По мнению А. Крейцера, абстрактные сущности, в том числе и эмоции, регулярно концептуализируются посредством пространственных образов (цит. по: Zlatev 2007: 319). Так, в исследовании (Щирова 2003) показано моделирование когнитивных процессов сквозь призму пространственных координат, конституируемых с помощью эстетически значимых компонентов художественного

образа — деталей. Этот «символизм» природных явлений и пространственных особенностей, характерный для художественного текста, библейскому тексту чужд.

Содержательное наполнение понятия земли (пространство) в тексте Библии шире, чем в современном языке. Отмечается, что гебраизм, переводимый как «земля», является также родовым названием человека: Адам (North 2001: 3). Эта существенная связь человека и земли объясняет тот факт, что благополучие и несчастье персонажа в тексте Библии в первую очередь осмысливается сквозь призму пространственных координат. Так, первородный грех Адама влечет разрыв интимных отношений с Богом, Которому чужд грех. Причем не Творец удаляется от твари, но сама согрешившая тварь бежит от Него (ср. «И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая»). Как следствие, жизнь Адама и последующих поколений становится суровой и унылой (Whybray 2000: 43). Позднее, согласно закону Моисея, земля становится «духовным барометром» для древних израильтян, который фиксировал состояние их отношений с Богом (ББС 2005: 496) (курсив мой — С.П.). В Новом Завете эта зависимость нивелируется, однако не устраняется полностью (ср. слова Христа «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё (благосостояние — С.П.) приложится вам»). В логике сказанного можно констатировать следующее: функциональной направленностью библейского топоса является маркирование существенной связи между духовно-нравственным поведением человека и окружающим его материальным миром.

При анализе языковых репрезентантов библейского пространства необходимо отметить следующее. Общеизвестны две концепции пространства — субстанциальная (Ньютон) и реляционная (Декарт, Лейбниц, Мах). Согласно первой концепции пространство понимается как нечто первичное, не зависящее от конфигурации материальных объектов, заполняющих его. В соответствии со второй концепцией пространство воспринимается как совокупность отношений, образуемых взаимодействием материальных объектов (Топоров 1983: 228). Если в первом случае пространство является объективацией идеи 'пространства', то во втором — оно «прочитывается» человеком (Яковлева 1994: 18). В нашем исследовании библейской лингвистики мы будем понимать пространство как взаимодействие различных материальных объектов.

Идею «прочитывания» пространства, в том числе, добавим от себя, «эмоционального прочитывания», находим у М.М. Бахтина. Мыслитель отмечает, что вещь может воздействовать на личность, если она раскрывает свой смысловой потенциал и становится «словом» (Бахтин 1986: 387) (курсив мой — С.П.). Мысли М.М. Бахтина созвучны размышления В.И. Шаховского. Любая деятельность, в том числе речь, пронизана эмоциями. Поскольку язык, заключает В.И. Шаховский, вплетен в любую деятельность, то «эмоции представлены не только в словах, но и в памяти, в звуке, в музыке, в металле, в ткани, в свете, в запахе и других формах...» (Шаховский 2010: 13) (курсив

мой — С.П.). Взгляды М.М. Бахтина и В.И. Шаховского особенно релевантны для лингвистического анализа библейского пространства. «Вещная среда» (М.М. Бахтин) текста Библии эмоционально нагружена, становится словом и «разговаривает» с персонажем о его отношениях с Богом. Необходимо отметить, что библейское пространство конституируется не только изображаемыми объектами, но и персонажами. Этот тезис перекликается с мнением И.Р. Гальперина, который относит к пространственным параметрам также действующих лиц (Гальперин 2007: 95).

5. Методика исследования

Общеизвестно, что лингвистическое описание эмоций в целостном тексте позволяет полнее раскрыть семантический потенциал категории эмотивности, поскольку в речи отражается больше, чем заложено в системе (Филимонова 2007: 22). В отечественной лингвистике эмоций детально разработан метод эмотивного анализа и заключается в выделении названных, описанных, выраженных эмоций, а также в определении оценочного знака эмотивов (Шаховский, 2009).

При анализе текстового материала продуктивно обращение к понятию эмоционального сценария, позволяющее системно описать развитие эмоции, то есть причину ее появления и реакцию. Под сценарием эмоции понимается ряд развивающихся событий, которые особым образом темпорально и каузально соотнесены (Kövecses, Palmer & Dirven 2003: 140). Обычно выделяются три основных компонента сценария эмоции: причина, эмоция, реакция. Применительно к исследуемому материалу компонент ‘причина’ реализуется посредством языковых средств, репрезентирующих явления внеязыковой действительности, вызывающие определенную эмоцию; компонент ‘эмоция’ — посредством обозначения, описания и выражения эмоций; компонент ‘реакция’ связывается с использованием языковых средств, репрезентирующих библейское пространство.

Принимая во внимание вышесказанное, представляется возможным выделить следующие лексемы, репрезентирующие развитие эмоций, атрибутируемых Богу:

➤ *причина*: лексемы, репрезентирующие порочную / благочестивую жизнь персонажа;

➤ *эмоция*: лексемы, репрезентирующие отрицательные / положительные эмоции;

➤ *реакция*: лексемы, репрезентирующие неблагоприятное / благоприятное пространство.

Следует отметить, что компонент сценария ‘эмоция’ не всегда выражен эксплицитно. Его декодирование осуществляется посредством анализа языковых репрезентантов, актуализирующих компоненты ‘причина’ и ‘реакция’.

6. Репрезентация отрицательных эмоций

В тексте Библии описывается множество заповедей, соблюдение которых обеспечивает человеку гармонию с Творцом и близость к Нему. Любовь к Богу и любовь к ближнему рассматриваются важнейшими нормами поведения (заповедями), определяемые как суперморальные и моральные соответственно (Карасик 2002: 224). Их несоблюдение ведет к преступлениям духа и плоти, актуализирующими первый этап эмоционального сценария ('причина') и репрезентируемые посредством: а) лексики с абстрактной семантикой (*evil, gods, wickedness, lies, sin*); б) лексики с ментальной семантикой (*forgotten, (not) kept, hearken (not), imagination, thoughts (evil)*); в) лексики с акциональной семантикой (*serve, committed, cut off, sacrificed, built, burnt, did*). Выделенные три группы лексем характеризуются отрицательной оценочностью различного статуса. Если абстрактная лексика имеет узуальную отрицательную оценку, то ментальная и акциональная лексика — окказиональную.

Отрицательные эмоции, атрибутируемые Богу, актуализируют второй этап эмоционального сценария ('эмоция') и репрезентируются через: а) обозначение (*sorrow, anger, indignation, wrath, fury, displeasure, jealousy*); б) описание (*repented, grieved, abhorred, hatest, despise, displeased, angry, wroth*); в) выражение (*horrible, abominable*).

Лингвистический анализ библейского текста позволяет утверждать, что подавляющее большинство атрибутируемых Богу эмоций характеризуется отрицательной направленностью, причем эмоция гнева репрезентируется чаще других. Известно, что гнев может рассматриваться и как положительная эмоция, однако в религиозном дискурсе его отрицательная оценка доминирует (Волкова, Панченко 2018: 180). В тексте Библии гнев в основном обозначается лексемой *anger*. Видимо, это объясняется тем, что данная ЛЕ является базовой для обозначения ситуаций, когда совершается нечто предосудительное (Wierzbicka 1992: 569).

Дисгармония библейского пространства, актуализирующая третий этап сценария эмоции ('реакция'), репрезентируется с помощью лексики с локальной семантикой (*city, earth, Judah, streets, Jerusalem, land, high place*). Эти лексеммы характеризуются окказиональной отрицательной оценкой в микроконтекстах, репрезентирующих отрицательные эмоции, атрибутируемые Богу.

(1) *'And GOD saw that the wickedness of man was great in the earth, and that every imagination of the thoughts of his heart was only evil continually. And it repented the LORD that he had made man on the earth, and it grieved him at his heart. And the LORD said, I will destroy man whom I have created from the face of the earth; both man, and beast, and the creeping thing, and the fowls of the air; for it repenteth me that I have made them'* (Genesis, 6: 5—7).

В микроконтексте № 1 изображается важное событие библейской истории — намерение Бога навести потоп на землю по причине порочной жизни людей. ЛЕ с абстрактной (*wickedness*) и ментальной (*imagination, thoughts*) семантикой репрезентируют преступления духа. Эпитет *evil* с отрицательной

оценкой и эмоционально-усилительное прилагательное *great* изображают глубину духовного падения людей, а ЛЕ *only* и *continually* свидетельствуют об их исключительной и постоянной злонамеренности.

Порочная жизнь людей вызывает эмоции сожаления и печали: они описываются глаголами *repented*, *repenteth* и *grieved*, содержащими в своих значениях семы ‘regret’ и ‘grief’. Ср.:

— *repent(ed)*: ‘to cause to feel *regret* or contrition’;

— *grieve(d)*: ‘to feel or show *grief* over’ (Merriam-Webster Dictionary, далее — M-W).

Бог «раскаялся» и «восскорбел», что создал человека. Атрибуция данных переживаний Создателю реализуется с помощью комплетивной связи (*grieved him, repented the LORD*). К языковым средствам описания третьего этапа сценария оправданно отнести ЛЕ с локальной семантикой *earth, beast, thing, fowls* и *man*. Объекты и люди, номинируемые данными существительными, обречены на уничтожение (*I will destroy*), и это, безусловно, свидетельствует о дисгармонии в отношениях творения и Творца.

(2) ‘Then did Solomon build an high place for Chemosh, the abomination of Moab, in the hill that is before Jerusalem, and for Molech, the abomination of the children of Ammon. And likewise did he for all his strange wives, which burnt incense and sacrificed unto their gods. And the LORD was angry with Solomon, because his heart was turned from the LORD God of Israel, which had appeared unto him twice, <...>. Wherefore the LORD said unto Solomon, Forasmuch as this is done of thee, and thou hast not kept my covenant and my statutes, which I have commanded thee, I will surely rend the kingdom from thee, and will give it to thy servant’ (First Kings, 11: 7—11).

В микроконтексте № 2 изображается нарушение царем Соломоном и его женами первой заповеди Декалога — поклонение другим богам. ЛЕ с абстрактной (*gods*), ментальной (*not kept*) и акциональной (*sacrificed, built, burnt, did*) семантикой репрезентируют преступления духа и плоти. Соломон строит капища богам (*an high place*), а его жены кадят и приносят им жертвы (*burnt incense and sacrificed unto their gods*).

Эти преступления царской семьи «вызывают» у Бога эмоцию гнева, которая описывается лексемой *angry*. Данная эмоция атрибутируется Создателю посредством предикативной связи (*the LORD was angry*). ЛЕ *abomination*, номинирующая языческих богов (*abomination of Moab, abomination of the children of Ammon*), также свидетельствует о богопротивной деятельности царя (ср. *abomination*: ‘something regarded with *disgust* or *hatred*’ (M-W)).

Актуализация третьего этапа сценария реализуется посредством существительного с локальной семантикой *kingdom*, описывающего царство Соломона; Бог обещает отторгнуть его от царя по причине вероотступничества

(*I will surely rend the kingdom from thee*). ЛЕ *Wherefore* и *Forasmuch as* маркируют эту причинно-следственную связь и акцентируют сущностную зависимость состояния библейского пространства от деятельности персонажа.

(3) *'Because of their wickedness which they have committed to provoke me to anger, in that they went to burn incense, and to serve other gods, whom they knew not, neither they, ye, nor your fathers. Howbeit I sent unto you all my servants the prophets, rising early and sending them, saying, Oh, do not this abominable thing that I hate. But they hearkened not, nor inclined their ear to turn from their wickedness, to burn no incense unto other gods. Wherefore my fury and mine anger was poured forth, and was kindled in the cities of Judah and in the streets of Jerusalem; and they are wasted and desolate, as at this day. Therefore now thus saith the LORD, the God of hosts, the God of Israel; Wherefore commit ye this great evil against your souls, to cut off from you man and woman, child and suckling, out of Judah <...>' (Jeremiah, 44: 3—7).*

В микроконтексте № 3 изображаются преступления духа и плоти избранного народа. Нечестие, поклонение идолам, истребление взрослых и детей репрезентируются ЛЕ с абстрактной (*thing, gods, wickedness, evil*), ментальной (*nor inclined their ear, hearken (not)*) и акциональной (*serve, burned, done, committed, cut off*) семантикой.

Ненависть, гнев и ярость, формирующие второй этап сценария, обозначаются существительными *anger, fury* и описывается эмоциональным глаголом *hate*. Гнев Творца вербализуется в виде горячей жидкости, изливаемой на еврейские города (*was poured, was kindled*). Отмечается, что метафорически гнев концептуализируется в первую очередь как горячая жидкость (ANGER IS A HOT FLUID IN A CONTAINER) (Kövesces 2000: 22). Эмоционально-усилительное прилагательное *abominable*, выражающее отвращение Создателя к преступлениям человека (*abominable thing*), позволяет поставить необходимый эмоциональный акцент — идолопоклонство как тяжкое преступление против Бога. Атрибуция данных эмоций реализуется посредством предикативной связи (*I hate*) и местоимений (*my fury and mine anger*). Следует отметить, что междометие *Oh*, также выражающее отвращение Бога, отсутствует в соответствующем древнееврейском тексте (ср. также Вульгату и Синодальный перевод). Возможно, его использование в английском переводе объясняется влиянием литературных традиций второй половины XVI — начала XVII веков. Так, в исследовании (Marx 2000: 1), хотя и ставится под сомнение влияние Шекспира на Библию короля Якова, однако категорично не отрицается (ср. *'It is unlikely that Shakespeare had a hand in this project, but not impossible.'*).

Третий этап сценария эмоции формируется описанием бедствий, которые евреи вынуждены терпеть. Нейтральные в узусе лексемы с локальной семантикой (*cities, Judah, streets, Israel, Jerusalem, land*), соположенные с отрицательными эпитетами (*wasted, desolate*), приобретают окказиональную отрицательную оценку и описывают неблагоприятное пространство для евреев. Ср.:

— *wasted*: ‘very thin because of *sickness* or *lack of food*’;

— *desolate*: ‘*joyless, disconsolate, and sorrowful* through or as if through *separation from a loved one*’ (M-W).

Семы ‘*sickness*’ и ‘*lack of food*’ сигнализируют об отсутствии материального достатка и болезнях. Значительную эмоциональную нагруженность приобретают дефиниционные компоненты ‘*sorrowful*’ и ‘*separation from a loved one*’, также актуализируемые в тексте. Земля представляет собой печальное зрелище, поскольку грехи евреев отдалили их от возлюбленного (ср. библейский образ брака между избранным народом и Богом).

Особого внимания заслуживают эмоции Иисуса Христа. Согласно (Voorwinde 2011: 2), в Евангелии имеется 60 эпизодов описания эмоций Спасителя, причем в Евангелии от Иоанна их больше всего. Проблеме лингвистического описания отрицательных эмоций Христа посвящена, в частности, статья А. Вежбицкой (Wierzbicka 2018), где автор утверждает, что их адекватное толкование возможно с опорой на универсальный семантический язык. Однако в статье не ставится вопрос о сущности эмоций Спасителя, а именно: они проявления Его Божественной природы или человеческой. Приведем микроконтекст, в котором изображается печаль Иисуса Христа.

(4) ‘*Then when Mary was come where Jesus was, and saw him, she fell down at his feet, saying unto him, Lord, if thou hadst been here, my brother had not died. When Jesus therefore saw her weeping, and the Jews also weeping which came with her, he groaned in the spirit, and was troubled, And said, Where have ye laid him? They said unto him, Lord, come and see. Jesus wept. <...>. Jesus said, Take ye away the stone. <...>. Lazarus, come forth*’ (John, 11: 32—43).

Эмоциональные глаголы *groaned* и *wept* описывают глубокую печаль Христа по факту смерти Лазаря. В значении этих ЛЕ имеются интенсема ‘*deep*’ и эмосемы ‘*grief*’ и ‘*sorrow*’, актуализируемые в микроконтексте. Ср.:

— *groan(ed)*: ‘to utter a *deep* moan indicative of *pain, grief, or annoyance*’;

— *weep (wept)*: ‘to express *deep sorrow* for usually by *shedding tears*’ (M-W).

Известно, что универсальной причиной печали является утрата чего-то значимого для человека (Ильин 2001: 170). Если не учитывать догмат о Богочеловеческой природе Иисуса Христа, то описываемая эмоция не поддается логической интерпретации. Спаситель плачет о смерти Лазаря (утрате), которого тут же воскрешает (восполнение утраты). Опора на богословский контекст позволяет снять этот алогизм. Сошлемся на богослова Иоанна Дамаскина: «Не человеческая природа оживляет Лазаря, не божественное могущество проливает слезы; ибо слеза — принадлежность человечества, а жизнь — воипостасной Жизни» (Дамаскин 2002: 266). Действительно, эмоции и их физиологические корреляты сигнализируют об изменении, а любое изменение — это всегда либо деградация, либо совершенствование. Бог совершенен и деградировать не может, в противном случае речь идет не о Творце, а о человеке.

7. Репрезентация положительных эмоций

Общеизвестно христианское учение о Боге-любви. Так, Спаситель говорит о великой любви Бога к миру, Который не пожалел Сына Своего Единородного. Апостол Иоанн прямо заявляет, что «Бог есть любовь» (*'God is love'*) (1 John, 4: 8). Однако любовь в данном контексте не является ни эмоцией, ни чувством. Согласно Большому библейскому словарю, «это не эмоциональный отклик на красоту, заслуги или доброту, но скорее моральное отношение, пожелание блага другому, вне зависимости от того, достоин ли он любви и отвечает ли на нее» (ББС 2005: 754) (курсив мой — С.П.). Вышеприведенный эпиграф из Нового Завета вскрывает истинную сущность этой любви — неизменность Бога, творящего исключительно благо. В контексте сказанного, интересно упомянуть мнение Э. У. Дэйвиса о любви к ближнему, проповедуемой Христом, которая также не является эмоцией, а скорее бескорыстной помощью ближнему (ср. *'the love demanded by Jesus was not an emotional or mystical relationship with God; nor was it a vague, abstract love for humanity in general; rather, it entailed concrete involvement and personal action...'* (Davies 2006: 742) (курсив мой — С.П.).

Соблюдение человеком заповедей Творца влечет за собой гармонию в их отношениях. Благочестивая жизнь библейского персонажа, актуализирующая первый этап сценария, репрезентируется с помощью: а) лексики с абстрактной семантикой (*commandments, words, law*); б) лексики с ментальной семантикой (*keepeth, observe, hearken, meditate*); в) лексики с акциональной семантикой (*not do iniquity, nor speak lies*).

Атрибутируемые Богу положительные эмоции, актуализирующие второй этап сценария, репрезентируются через: а) обозначение (*pleasure, love*); б) описание (*delight, loved, rejoice, with joy*); выражение (*dear, pleasant*).

Третий этап сценария актуализируется посредством лексем с локальной семантикой (*tree, rivers, abode, Jerusalem, Zion, vine, wine, Israel, fruit, roots, lily, corn*), которые характеризуются окказиональной / узуальной положительной оценкой в микроконтекстах, репрезентирующих положительные эмоции, атрибутируемые Богу.

(5) *'<...> if thou shalt hearken diligently unto the voice of the LORD thy God, to observe and to do all his commandments which I command thee this day, that the LORD thy God will set thee on high above all nations of the earth: And all these blessings shall come on thee, and overtake thee, if thou shalt hearken unto the voice of the LORD thy God. Blessed shalt thou be in the city, and blessed shalt thou be in the field. Blessed shall be the fruit of thy body, and the fruit of thy ground, and the fruit of thy cattle, the increase of thy kine, and the flocks of thy sheep'* (Deuteronomy, 28: 1—4).

(6) *'Blessed is the man that walketh not in the counsel of the ungodly, nor standeth in the way of sinners, nor sitteth in the seat of the scornful. But his delight is in the law of the LORD; and in his law doth he meditate day and night. And he shall be like a tree planted by the rivers of water, that bringeth forth his fruit in his season; his leaf also shall not wither; and whatsoever he doeth shall prosper'* (Psalm, 1: 3).

В микроконтекстах № 5, 6 изображаются благословения, которые Бог посылает человеку за праведную жизнь. Она описывается посредством глаголов акциональной (*walketh (not), (nor) standeth, (nor) sitteth*) и ментальной (*meditate, hearken...unto the voice of the LORD, observe...commandments*) семантики. Удаление от путей грешников (*the ungodly, sinners, the scornful*) и размышление над заповедями Творца (*in his law doth he meditate*) гарантирует человеку блаженство. Стилистическая инверсия (*Blessed is the man, Blessed shalt thou be*) сигнализирует об этой причинно-следственной связи и имплицитно гармоничные отношения с Богом (Его «эмоции»). Основанием для такой интерпретации отношений человека с Богом служат ЛЕ *delight, LORD* и *law*. Радость в Боге и размышление над Его законом, изображаемое гиперболой (*meditate day and night*), несомненно, богоугодны.

Материальное благополучие праведника изображается существительными с локальной семантикой (*city, field, tree, fruit, ground, cattle, kine, sheep, rivers, fruit, leaf*). Сравнение, основанное на метафорическом переносе (*And he shall be like a tree planted by the rivers of water, that bringeth forth his fruit in his season; his leaf also shall not wither*), а также полисиндетонная связь лексем, номинирующих достаток (*city...and...field, fruit of thy body, and the fruit of thy ground, and the fruit of thy cattle, ...thy kine, and the flocks of thy sheep*), создают иллюзию бесконечности благословений Бога (*blessings*).

(7) *'I will heal their backsliding, I will love them freely: for mine anger is turned away from him. I will be as the dew unto Israel: he shall grow as the lily, and cast forth his roots as Lebanon. His branches shall spread, and his beauty shall be as the olive tree, and his smell as Lebanon. They that dwell under his shadow shall return; they shall revive as the corn, and grow as the vine: the scent thereof shall be as the wine of Lebanon'* (Hosea, 4: 7).

(8) *'The remnant of Israel shall not do iniquity, nor speak lies; neither shall a deceitful tongue be found in their mouth: for they shall feed and lie down, and none shall make them afraid. <...>. In that day it shall be said to Jerusalem, Fear thou not: and to Zion, Let not thine hands be slack. The LORD thy God in the midst of thee is mighty; he will save, he will rejoice over thee with joy; he will rest in his love, he will joy over thee with singing'* (Zephaniah, 3: 13—17).

В микроконтекстах № 7, 8 пророки Осия и Софония описывают возрождение и благополучие еврейского народа, который очистится от своих грехов и обратится к Богу. Лексемы с абстрактной семантикой (*iniquity, deceitful, lies*) в контексте отрицательных ЛЕ *not, neither* и *nor* репрезентируют благочестивую жизнь людей и нормализацию отношений с Богом. Как следствие, Бог «сменил гнев на милость» (*for mine anger is turned away from him*). Атрибутируемые Ему положительные эмоции любви, радости и ликования описываются глаголами *love, rejoice* и *joy*. Близость к Богу обеспечивает материальное благополучие, репрезентируемое лексемами с локальной семантикой (*Israel, lily, roots, Lebanon, branches, olive tree, corn, vine, wine, Jerusalem, Zion*).

Многочисленные сравнения (*as the dew, as the lily, as Lebanon, as the corn, as the vine, as the wine of Lebanon*) убеждают читателя о прямой зависимости праведной жизни и материального благополучия.

(9) *'He that hath my commandments, and keepeth them, he it is that loveth me: and he that loveth me shall be loved of my Father, and I will love him, and will manifest myself to him. Judas saith unto him, not Iscariot, Lord, how is it that thou wilt manifest thyself unto us, and not unto the world? Jesus answered and said unto him, If a man love me, he will keep my words: and my Father will love him, and we will come unto him, and make our abode with him'* (John 14: 21—23).

В микроконтексте № 9 изображаются наставления Иисуса Христа во время Тайной вечери. Соблюдение заповедей, маркируемое глаголом ментальной семантики *keepth* (*keepeth them, keep my words*), расценивается как проявление любви ко Христу и Богу-Отцу. Ответная любовь Бога описывается глаголом *love* (*Father will love him*). Глагол движения *come*, изображающий встречу Бога с человеком, сигнализирует о сокращении дистанции между ними и имплицитно их гармоничные отношения. Лексема с локальной семантикой *abode* (*make our abode with him*) репрезентирует место жительства праведника с Творцом и «овнешняет» (М.М. Бахтин) благополучие человека как результат благочестивой жизни.

8. Заключение

Исследование сложного эмотивного пространства библейского текста с холистической точки зрения является необходимым условием его осмысления, поскольку даже макроконтекст целого текста не может быть «всесильным средством, позволяющим адекватно воспринимать смысл фраз или слов» (Колшанский 1980: 92).

Постулируемая теологией и репрезентируемая в библейском тексте неизменность Бога обуславливает отсутствие у Него каких-либо эмоций. Деятельность персонажа, репрезентируемая разнооценочными лексемами с абстрактной, ментальной и акциональной семантикой и актуализирующая первый этап сценария эмоции («причина») либо приближает его к Творцу, либо удаляет. Эти отношения интерпретируются персонажем посредством атрибуции Богу положительных / отрицательных эмоций, актуализирующих второй этап сценария («эмоция») и репрезентируемых через номинацию, дескрипцию и экспрессию. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что языковая репрезентация отрицательных «эмоций» Бога в тексте Библии превалирует. Это объясняется тем, что библейский текст повествует в основном о неблагочестивой жизни персонажа. В качестве языковых маркеров «реакции» на атрибутируемые Богу эмоции были рассмотрены ЛЕ с локальной семантикой, репрезентирующие библейское пространство. Данная лексика характеризуется противоположнойokkaциональной / узуальной

оценочной направленностью, свидетельствует о гармонии / разладе человека с миром и имплицитно его отношения с Творцом.

ПРИМЕЧАНИЕ

Текст цитируется по изданию Библии короля Якова 1611 г. с современной английской орфографией (*King James Bible*). URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> (Accessed 09January 2019).

© С.М. Пашков, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Собрание сочинений / под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Київ: Дух і ліра, 2006. 902 с. [Averintsev, Sergey S. 2006. *Sobranie sochinenii* (Collection of works). Kiev: Dukh i litera. (In Russ.)].
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с. [Bakhtin, Mikhail M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (The Aesthetics of Verbal Art). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].
- Бобырева Е.В. Когнитивно-эмоциональное пространство религиозной коммуникации // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования*. Humanitates Т. 1, № 2 (2). 2015. С. 51—59. [Bobyreva, Ekaterina V. 2015. *Kognitivno-emotsional'noe prostranstvo religioznoi kommunikatsii* (Cognitive-emotional space of religious communication) *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* 1. 2 (2). 51—59. (In Russ.)].
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 175—194. [Volkova, Yana A. & Nadezhda N. Panchenko. 2018. Discourse variation of the concepts of destructive emotions. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 175—194. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с. [Gal'perin, Ilya R. 2007. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an object of linguistic research). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].
- Дамаскин И. Источник знания. М.: Индрик, 2002. 416 с. [Damaskin, Ioann. 2002. *Istochnik znaniya* (The Source of knowledge). Moscow: Indrik. (In Russ.)].
- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с. [Il'in, Evgeniy P. 2001. *Emotsii i chuvstva* (Emotions and feelings). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)].
- Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 586 с. [Il'in, Ivan A. 2002. *Aksiomy religioznogo opyta* (Axioms of Religious Experience). Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST». (In Russ.)].
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с. [Karasik, Vladimir I. 2002. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language circle: personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremena. (In Russ.)].

- Князева Е.Н. Возвращение к единству: методологические аспекты эволюционного холизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016, № 3 (35). С. 23—35. [Knyazeva, Elena N. 2016. *Vozvrashchenie k edinstvu: metodologicheskie aspekty evolyutsionnogo kholizma* (Return to unity: the methodological aspects of evolutionary holism). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* 3 (35). 23—35. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/35/2.
- Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: «Наука», 1980. 147 с. [Kolshanskii, Gennadiy V. 1980. *Kontekstnaya semantika* (Contextual semantics). Moscow : Nauka. (In Russ.).]
- Леонтьев А.Н. Эмоции // Философская энциклопедия / под ред. В.Ф. Константинова. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 553—555. [Leont'ev, Aleksey N. 1970. *Emotsii* (Emotions), 5. 553—555. Encyclopedia of philosophy. Moscow (In Russ.).]
- Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 4. С. 998—1000. [Najdenova, Natalia S. 2018. Modern Linguistics through Post-Secular Perspective. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 998—1000. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
- Осипов А.И. Бог. 4-е изд. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. 104 с. [Osipov, Aleksey I. 2014. *Bog* (God). Moscow: Pravoslavnoe bratstvo svyatogo apostola Ioanna Bogoslova. (In Russ.).]
- Пашков С.М. Языковые средства репрезентации нуминозных эмоций (на материале англоязычного текста Библии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 52—62. [Pashkov, Sergey M. 2018. *Yazykovye sredstva reprezentatsii numinoznykh emotsii (na materiale angloyazychnogo teksta Biblii)* (Language means of representing numinous emotions (based on the material of the English Bible text). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* 17 (1). 52—62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.6>.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура / под ред. Т.В. Цивьян. М.: «Наука», 1983. С. 227—285. [Toporov, Vladimir N. 1983. *Prostranstvo i tekst* (Space and text). *Tekst: Semantika i struktura* (Text: Semantics and structure). Moscow: Nauka. (In Russ.).]
- Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: Филологический факультет Санкт-ПбГУ, 2003. 120 с. [Shchirova, Irina A. 2003. *Psikhologicheskii tekst: detal' i obraz* (Psychological text: detail and image). Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-PbGU. (In Russ.).]
- Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с. [Filimonova, Olga E. 2007. *Emotsiologiya teksta. Analiz reprezentatsii emotsii v angliiskom tekste* (Emotiology of text. Analysis of emotion representation in English text). Saint-Petersburg: ООО «Knizhnyi Dom». (In Russ.).]
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛИБРОКОМ. 2009. 208 с. [Shakhovskii, Victor I. 2009. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* (Categorization of emotions in lexico-semantic system of language). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).]
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ. 2010. 128 с. [Shakhovskii, Victor I. 2010. *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (Emotions: Pre-linguistics, linguistics, language-cultural studies). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).]

- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: «Гнозис», 1994. 344 с. [Yakovleva, Elena S. 1994. *Fragments of Russian language world picture (models of space, time and perception)*. Moscow: «Gnozis». (In Russ.)].
- Davies, Eryl W. 2006. The Bible in Ethics. In John W. Rogerson & Judith M. Lieu (eds.), *The Oxford handbook of Biblical studies*, 732—753. Oxford: Oxford University Press.
- Extrom, Laura W. 2012. Suffering as a religious experience. In Louis P. Pojman & Michael Rea (eds.), *Philosophy of Religion: An Anthology*. 6th edn., 392—401. USA: Cengage Learning.
- Kövecses, Zoltán, Gary B. Palmer & René Dirven. 2003. Language and emotion: The interplay of conceptualisation with physiology and culture. In René Dirven & R. Pörings (eds.), *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*, 133—159. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Kövecses, Zoltán 2000. *Metaphor and emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marx, Stephen. 2000. *Shakespeare and the Bible*. Oxford/New York: Oxford University Press.
- North, Robert. 2001. Adam. In Bruce M. Metzger & Michael D. Coogan (eds.), *The Oxford guide to people & places in the Bible*, 3. Oxford/New York: Oxford University Press.
- Pojman, Louis P. & Michael Rea. (eds.). 2012. *Philosophy of Religion: An Anthology*. 6th edn. 60. USA: Cengage Learning.
- Voorwinde, Stephen. 2011. *Jesus' Emotions in the Gospels*. London: T&T Clark.
- Werblowsky, Zwi R. J. 2005. Anthropomorphism. In Jones Lindsay (eds.), *Encyclopedia of religion*. 2nd edn. 1. 388—392. USA: Thomson Gale.
- Whybray, Roger N. 2000. Genesis. In John Barton & John Muddiman (eds.), *The Oxford Bible Commentary*, 38—66. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 1992. Defining emotion concepts. *Cognitive science* 16. 539—581.
- Wierzbicka, Anna. 2018. Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 38—53. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.
- Zlatev, Jordan. 2007. Spatial Semantics. In Hubert Cuyckens & Dirk Geeraerts (eds.), *The Oxford Handbook of Cognitive linguistics*, 318—350. Oxford: Oxford University Press.

СЛОВАРИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ / DICTIONARIES AND INTERNET RESOURCES

- ББС — *Большой библейский словарь* / под ред. У. Эллуэлла, Ф. Камфорта. 2005 / СПб.: Библия для всех. 1503 с. [Bol'shoi bibleiskii slovar' pod red. U. Eluella, F. Kamforta. SPb.: Bibliya dlya vsekh. 2005].
- Мень А. Библиологический словарь. Т. 2. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. [Men', A. 2002. *Bibliologicheskii slovar'*, T. 2. M.: Fond imeni Aleksandra Menya, 2002].
- Словарь библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфуа. 1990 / Bruxelles: «Жизнь с Богом». 1287 с. [Slovar' bibleiskogo bogosloviya pod red. K. Leon-Dyufua. Bruxelles: «Zhizn' s Bogom». 1990].
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азбуковник», 1997. [Ozhegov, Sergey, Nataliya Shvedova. 1997. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. M.: Azbukovnik.].
- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 633 с. [Bol'shoi psikhologicheskii slovar' / pod red. B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. M.: Praim-Evroznak, 2003].
- M-W — Merriam — Webster Dictionary. URL: <http://www.merriamwebster.com>. Accessed on January 15, 2019.

Article history:

Received: 17 January 2019

Revised: 12 April 2019

Accepted: 25 January 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 января 2019

Дата принятия к печати: 25 января 2020

Сведения об авторе:

ПАШКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий, Российский государственный педагогический университет (РГПУ им. А.И. Герцена, Волховский филиал). Сфера научных интересов: лингвистика текста, интерпретация текста, стилистика, лингвистика эмоций, религиозный дискурс.

Контактная информация:

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Волховский филиал)

187400, Россия, г. Волхов, ул. Октябрьская набережная, д. 1а.

e-mail: vlingua2010@mail.ru

SPIN-RSCI: 7850-9040

ORCID ID: 0000-0002-7552-7304

Bionote:

SERGEY M. PASHKOV, PhD, Associate Professor, Department of Humanities, Education and Educational Technologies, Saint Petersburg State Pedagogical University (Volkhov Branch). His research interests include text studies, text interpretation, stylistics, emotiology and religious discourse.

Contact information:

Herzen State Pedagogical University (Volkhov branch)

1a Oktyabrskaya naberezhnaya St., Volkhov, 187403, Russia

e-mail: vlingua2010@mail.ru

SPIN-RSCI: 7850-9040

ORCID ID: 0000-0002-7552-7304

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492

Research Article

The conceptual environment of the frontier discourse in humanities

Lara N. Sinelnikova

Academy of Humanities and Pedagogics (branch)
of Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
Yalta, Russia

Abstract

The concept of frontier has been formed for a long time and in different directions. The main characteristics of a frontier — its flexible borders, a zone of space development characterised by uncertainty and instability — have proved their importance for understanding and describing the current state of the environment with regard to its social, cultural, communicative and linguistic indicators. The interdisciplinary (transcendental) potential of a frontier is realised in a complementary combination of natural-scientific and humanitarian scholarship. The aim of the present paper is to justify the scholarly integrity of the term *frontier discourse* the conceptual milieu of which is created through two overlapping multi-layered phenomena: frontier and discourse. The paper names the vectors of expanding the interdisciplinary possibilities of a frontier under the conditions of a discourse approach. Frontier as a flexible border is presented in the Internet communication, the socio-cultural space of the modern city, in the daily behavioural norms of the elite, in the family relations and in many other conceptual spheres the list of which remains open based on the ontological features of a frontier. Based on the examples from Russian and foreign literature, the author demonstrates the role of the frontier modus in the interpretation of literary texts whose plot, style and images are projected onto national history, culture, mentality in the by-border characteristics. Such frontier features as instability, its ability to create an interaction zone, which, under certain conditions, can lead to integration, are important for understanding the problems of modern language, speech and genre norms. The byborder territory is a place accumulating violations of traditional norms and providing the material which is necessary in order to anticipate the arising norm changes. The transformation of traditional genres and the formation of new ones also take place on frontier territories. It is concluded that frontier discourse ensures the understanding of norm movements in genre-stylistic characteristics.

Keywords: *frontier, frontier zones, flexible border, by-border, discourse, interdisciplinarity, norm marginalisation, frontier discourse*

For citation:

Sinelnikova, Lara N. The conceptual environment of the frontier discourse in humanities. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 467—492. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492

Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках

Л.Н. Синельникова

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного образовательного учреждения
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте
Ялта, Россия

Аннотация

Концепция фронта (англ. frontier — граница, рубеж, пограничье) формировалась длительное время и в разных направлениях. Основные характеристики фронта: подвижная граница, зона освоения пространства, характеризующаяся неопределенностью и неустойчивостью, — обнаружили значимость для понимания и описания актуального состояния среды в ее социальных, культурологических, коммуникационных, языковых показателях. Междисциплинарный (трансдисциплинарный) потенциал фронта реализуется в комплементарном соположении естественно-научного и гуманитарного знания. Цель статьи — обосновать научную состоятельность понятия *фронтальный дискурс*, концептуальная среда которого складывается в условиях наложения двух многоуровневых феноменов: дискурса и фронта. В статье названы векторы расширения междисциплинарных возможностей фронта в условиях дискурсного подхода. Фронт как подвижная граница представлен в интернет-коммуникациях, в социально-культурном пространстве современного города, в поведенческих нормах элиты, во внутрисемейных отношениях и многих других концептуальных сферах, список которых, по онтологическим признакам фронта, принципиально открыт. На примерах из русской и зарубежной литературы показана роль фронтального модуса в интерпретации художественных текстов, сюжет, стиль и образы которых проектируются на национальную историю, культуру, ментальность в их порубежных характеристиках (By-border characteristics). Такие признаки фронта, как неустойчивость, способность создавать контактную зону (зону взаимодействия), при определенных условиях ведущую к интеграции, важны для понимания проблемы современной языковой, речевой и жанровой нормы. Территория порубежья (находящегося *между*) — место сбора нарушений традиционных норм и материал для прогноза нарождающихся изменений нормы. Трансформация традиционных жанров и формирование новых также происходит на фронтальных территориях. Делается вывод, что фронтальный дискурс обеспечивает понимание движения нормы.

Ключевые слова: *фронт, фронтальные зоны, подвижная граница, порубежье, дискурс, междисциплинарность, маргинализация нормы, фронтальный дискурс*

Для цитирования:

Синельникова Л.Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 467—492. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492

Фронт меняет все: методы, привычный образ жизни, социальные отношения, гендерные стереотипы и т.д.

(Якушенко 2019)

1. Введение. Теоретико-методологические основы исследования

Термин «фронтир» (англ. *frontier* — граница, рубеж, пограничье) прошел длинный путь утверждения в научном пространстве от фиксированного значения, связанного с историей Америки по освоению Дикого Запада (концепция американского историка Ф. Дж. Тернера, выдвинутая им в конце XIX в. с такой смысловой доминантой: граница между освоенными и неосвоенными землями, между цивилизацией и дикостью (Turner 1921, Тернер 2009), до стремления разобраться в квалификации фронта (слово или концепт? [Febvre 1973]) и необходимости установить связь между соположенными терминами, репрезентирующими границу (Ulrich, Троицкий 2019). Метонимическое развитие семантического потенциала всех составляющих термина «фронтир» привело к расширению корпуса номинаций, каждая из которых могла актуализироваться в том или ином аспекте рассмотрения фронтально организованной информации о мире: *край, окраина, обрамление, межа, грань, барьер, линия, барьерная среда, безбарьерная среда, подвижная граница, порубежье, пограничная область, пограничные регионы, пограничный город, пограничный предел, рубеж, маргинальность, линия соприкосновения, линия разграничения, пограничное сознание, пограничная личность, человек (люди) фронта*. Освоение концепта «фронтир» до сих пор происходит в обстановке споров не только относительно терминологии, но и относительно актуальности для современной науки (прежде всего исторической, с которой началось освоение теории фронта отечественной наукой) (Бостан, Кузнецов 2018). В американистике внимание к историко-цивилизационному аспекту фронта и его современным проявлениям не прекращается (Billington & Ridge 1982, Faragher 2006), о чем красноречиво говорит название статьи «Загадки в сравнительном изучении границ: проблемы, некоторые решения и методологические следствия» (Hall 2009).

Аутентичный фронтир как классическое американское понятие (расширение и освоение территорий) на российской почве получил многовекторное развитие и превратился в междисциплинарный концепт, вобравший представление об онтологии границы, граничности, пограничья. Фронтальный дискурс ни в теории фронта, ни в дискурсологии не был предметом описания. Этот факт, с одной стороны, обеспечивает определенную новизну рассматриваемой в статье проблемы, с другой — порождает ситуацию риска, поскольку ставится задача — обозначить междисциплинарные (трансдисциплинарные — в значении «интеграция методов исследования») связи двух феноменов, каждый из которых имеет не до конца определенный статус. Сеть взаимодействий формируется при понимании фронта как пространственной реальности и как концепта, а понимание дискурса как способа освоения реальности и превращения ее в текст.

В словарях и энциклопедиях к гуманитарным наукам традиционно относятся дисциплины, специализирующиеся на человеке и его жизнедеятельности в обществе. Естественные науки изучают природные явления, внешние

по отношению к человеку. Постепенно эта дихотомия сходит на нет: новые направления современной науки совмещают природные и социальные факторы на пути к холистическому знанию (экологическая лингвистика, нанопсихология, нанолингвистика, бионика, нейроэкономика, когнитивная экономика, квантовая биология, вычислительная социология и многие другие). Сближение естественно-научного и гуманитарного знания — одно из значимых направлений современной науки. Фронт, как и дискурс, не вписывается в рамки одной научной дисциплины. Формулировка «Дискурс — объект междисциплинарного изучения» тиражируется в большинстве исследований. Расширение возможностей применения теории фронта на отечественной почве способствовало появлению «двойных» и «тройных» предметных сфер научного описания: природа и культура; природа, культура и язык; культура, язык и ментальность; ландшафт, экономика и маркетинг; культура и политика. И все это в условиях неустойчивости, подвижности и незавершенности по причине множества социально детерминированных изменений границы и формирования нового пограничья.

Порубежье, с философской точки зрения, — витальная и креативная данность человеческого бытия. «Свойства, присущие состоянию контактного поля, не являются результатом простого суммирования свойств контактирующих объектов. В контактном поле образуются новые свойства, рожденные синтезом свойств контактирующих объектов в условиях взаимодействия» (Забяко 2016: 26). В пределах естественно-научного знания возникают фронтальные зоны гуманитарного направления. Так, география, ориентированная на выявление пространственно-временных закономерностей, развивается во взаимодействии с такими научными областями знания, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология, геополитика, политическая география, искусствоведение, история. Гуманитарная география, основоположником которой является Д. Замятин (географ, культуролог, специалист в области когнитивной географии, культурной географии, маркетинга и брендинга территорий, поэт, эссеист), основывается на имагинальной (образной) географии, которая включает мифогеографию, описание в разных жанрах знаковых мест, «наполняемых экзистенциальными смыслами», и многое другое (Замятин 2010).

Ориентируясь, согласно цели статьи, на связь фронта и дискурса интегрируем их признаки в такую характеристику: фронтальный дискурс основывается на подвижной границе, разделяющей старое и новое и в то же время создающий контактную зону (зону взаимодействия освоенного и осваиваемого, реального и виртуального в их конкуренции), которая определяется как зона пересечения, незаконченности и неопределенности, постепенно ведущая к интеграции (взаимодействию, формируемому на пути к новой норме в ее широком понимании). Специалист в области методологии междисциплинарных исследований М.С. Киселева пишет: «Связывая разнопредметные знания в проективной деятельности, гуманитарная наука обретает новые смыслы,

которые нуждаются в текстовом выражении. В проективной деятельности соединяются уже имеющиеся знания разных предметных областей для нового гуманитарного междисциплинарного пространства, в котором затем возникают иные исследовательские возможности для каждой из предметных областей дисциплинарного знания» (Киселева 2016: 1166). Это высказывание, по нашему мнению, поддерживает стремление обосновать фронтальный курс как проективную междисциплинарную дисциплину.

Концептуальная среда — это место существования изучаемого многомерного объекта, в котором он зарождается, получает развитие и наполняется новым фактическим материалом. Концептуальная среда фронтального дискурса: 1) формируется на основе взаимодействия внешних и внутренних факторов; 2) изменчива, так как зависит от динамики социальных процессов во всей полноте их проявлений — политических, идеологических, геополитических (глобальных), правовых, социокультурных, экономических, управленческих и др.; 3) фиксирует настоящее, но устремлена в будущее в виде постепенно раскрывающегося потенциала. Бинарный термин *фронтальный дискурс* означает, что модус границы выводится на уровень дискурса.

Обоснованию содержательной структуры фронтального дискурса подчинена композиция статьи. Кумулятивная функция фронтально-дискурсивных исследований проявляется в накоплении сведений по рассматриваемой проблеме (1-й раздел). Фронталь ориентирует не столько на границу как территориально разделяющую линию, сколько на весь историко-культурный процесс, осуществляемый на фронтальных территориях. Этот процесс отражен в художественной литературе, в специфике нарративных реализаций фронтального показателя в прозе и в поэзии (2-й раздел). Диффузность, открытость и проницаемость — свойства фронтального дискурса, на фоне которых проявляются не санкционированное нормативными предписаниями употребление языковых средств, нарушение норм жанра и стиля в условиях неустойчивых значений и смыслов (3-й раздел). Выбор тем определяется степенью их актуальности в современном обществе и возможностями применения междисциплинарных методов описания концептуальной среды фронтального дискурса: дескриптивно-аналитического (толкование социально значимых процессов, формируемых на фронтальных территориях); когнитивно-дискурсивного (взаимодействие текста и контекста); метода социокультурных наблюдений для определения значений и смыслов фронтального характера.

2. Роль кумулятивности в развитии междисциплинарных знаний и в формировании фронтального дискурса

Введение в научное пространство новых объектов в определенной мере объясняется позицией исследователя, настроенного на установление ранее не фиксируемых (или недостаточно фиксируемых) связей между дисциплинарно изучаемыми феноменами. Но главное — наличие условий для предъявления нового знания. Кумулятивный (от латинского *cumulare* — *накапливать*,

усиливать) означает усиление действия через расширение сферы действий. Кумулятивизм (эпистемологическая модель роста научного знания) в рамках фронтальной концепции и в теории дискурса — это не только количественное прибавление знаний о мире, но и свидетельство накапливающихся качественных изменений. Возникающие на фронтальной территории тексты (в широком понимании) могут быть включены в число средств влияния ввиду повышенного внимания субъектов действия к накапливающимся изменениям, желания понять тенденции развития, возникающие в условиях соприсутствия и переплетения семиотических кодов и дискурсов.

Стремление перейти от темы завоевания земель к гуманитарным характеристикам фронтальных территорий было очевидно с самого начала включения концепции фронта в отечественную науку. Междисциплинарное сетевое издание «Журнал фронтальных исследований» (*Journal of Frontier Studies*), организованное в 2006 году, включено в Перечень рецензируемых научных изданий по историческим специальностям, но на самом деле в нем публикуется множество статей, соотносимых с дискурсовыми исследованиями широкой квалификации, что соответствует позиции редакции: фронт — это не только пространство, но прежде всего культурная парадигма, возникающая как реакция на «встречу-с-чужим» — новыми субъектами, новой природной средой, новой культурной или научной парадигмой и т.д. Расширение концептуального поля фронтального дискурса происходит в разных направлениях.

2.1. Фронт интернет-коммуникации

Киберпространство переполнено разнородной информацией, что напоминает первоначальный хаос, неопределенность и открытость фронтальной территории. «Как некогда фронт, киберпространство богато — на сей раз не плодородными землями, зверем, лесом и полезными ископаемыми — но информацией. И, подобно пионерам фронта, на новое пограничье отправляются люди. Кого-то ведет жажда знаний, кого-то — непечатый край интересной работы, кого-то — возможность совершать преступления там, куда рука закона еще не дотянулась» (Поволоцкий 2020).

Об интересе политологов к фронтальным свойствам Интернета можно судить по задачам и результатам исследовательского проекта «Фронт сетевого общества как пространство политического взаимодействия» (Краснодарский государственный университет). В многочисленных публикациях исполнители проекта доказывают, что нарастание нелинейности и неопределенности развития актуализируют фронтальный дискурс в политических коммуникациях. В пространстве сетевого фронта происходит трансформация политических институтов, накапливаются изменения в политической культуре, формируются новые сообщества и фронтальная идентичность (Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016). Изменения в области политической культуры сказались на языке и стиле политических коммуникаций,

на речевых особенностях политических текстов разных жанров, на стратегиях и тактиках речевого воздействия. Взгляд лингвиста на рассматриваемые проблемы концентрируется в тезисе: формирование новых сообществ — формирование новых форм и стилей общения.

Транспонируемость тезиса Ф. Тернера о фронтире на цифровой ландшафт очевидна в статьях, авторы которых рассматривают электронное *поселенческое пограничье*, представляющее собой место для формирования групп по интересам с новыми стилями поведения и пространство для рождения новых мифов (Довбыш 2016, Плотичкина 2018). Герои сетевого фронта — это не только представители предпринимателей, которые внедрили новые цифровые технологии, основали социальные сети, интернет-торговлю и сумели построить прибыльный бизнес (Плотичкина 2017), но и новые «поселенцы», появление которых обусловлено динамичностью цифрового мира и его возможностями удовлетворять социальные потребности. Героями Сети становятся популярные блогеры (не только люди, но и животные), и блогование формируется как проективное междисциплинарное поле, в котором сотрудничают психологи, социологи, культурологи, лингвисты. Незавершенность признаков и характеристик блоготекста позволяет квалифицировать его как фронтиную территорию: происходит освоение нового пространства в условиях подвижной социокультурной среды. Исследуются жанровые и гендерные особенности блогосферы (Herring & Paolillo 2006, Шляховой 2017), предлагается описание фронтинных территорий как среды отношений бизнеса и власти с акцентом на динамике движения трансформаций при переходе от традиционных официальных моделей отношений к демократическим (Белоконев, Чистов, Пак Джон Кван 2019) и многое другое. Важно, что динамика дискуссий в Сети приобретает ризоматический характер, поскольку переносится на разные сетевые платформы, каждая из которых имеет свой круг пользователей со своими оценочно-языковыми предпочтениями.

Границы Мнтернета как территории фронта расширяются, а вместе с этим складывается объемная программа исследования по множеству социально и коммуникативно значимых параметров, поскольку «фронт киберпространства всегда сохраняет возможность шагнуть дальше «на запад», открывая перспективы «вечного становления информационного общества» (Тузовский 2009: 236).

2.2. Город как фронтинная среда

Фронтинное пространство города изучается в разных ракурсах: географическом, историческом, психологическом, философском, лингвокультурологическом, искусствоведческом, политологическом, филологическом. Продолжается традиция описания городских текстов, но уже в условиях новых научных подходов, в том числе — когнитивно-дискурсивном. Объяснительный характер фронта проявлен в исследовании урбанистических свертксов с географическими объектами. В докторской диссертации

О.С. Шуруповой «Концептосфера городских свертых текстов русской литературы: лингвокультурологический аспект» (2017 год) рассматривается концептосфера Петербургского, Московского, Киевского, Ташкентского художественных текстов. В кандидатской диссертации Г.В. Урванцева «Моделирование городского пространства в современном художественном дискурсе» (2018 год) описываются особенности вербальной репрезентации городского пространства в современном британском, американском и русском художественном дискурсе. Обозначен переход «границы» в виде преобразования художественного дискурса в кинематографический.

Трудно переоценить роль такого показателя, как топологические свертых тексты — локусы городов, совмещающие территориальную локальность и внелокальные (расширительные в социокультурном отношении) характеристики. Северный текст, Крымский текст, Калининградский текст, Коломенский текст, Белгородский текст, Воронежский текст и т.д. — это объемные фронтиры, семиотически представленные в единстве географических, исторических, культурных и литературных характеристик. В фундаментальном исследовании В.В. Абашева «Пермь как текст» подчеркивается значимость филологического материала в определении городской идентичности: «Филологические науки, как нам кажется, могут внести в изучение таких сложных социокультурных объектов, как город, особый и, возможно, генерализующий вклад. Прежде всего потому, что все процессы, сопровождающие жизнь города (экономические, природные, социальные), приводят к знаковым отложениям в языке, и зачастую только по следам в языке становятся доступными для наблюдения» (Абашев 2000:14). Особое внимание В.В. Абашев уделил творчеству Б.Л. Пастернака, для которого характерна повышенная чувствительность к пространству и его границам, произведениям В.В. Каменского и ряда современных поэтов, для которых Пермь была географически и эстетически значимой.

Современный город — иллюстрация фронта как движущейся границы. Фронтирная гетеротопия — наличие в городе множества контактирующих друг с другом пространств (Романова 2016) — проявляет как устойчивость, так и изменчивость: происходит перемещение границ между центром и окраинами, между старой и новой частями города, то есть образуются многие «другие пространства». При этом важно, что фронтирные характеристики влияют на особенности социального взаимодействия в пространстве города, фиксируют совместность или раздельность норм и ценностей разных слоев городского общества, оказывают влияние на формирование интегрированной идентичности. Особенно важен учет фактора фронтирных территорий в поликультурном городском пространстве: в результате соприкосновения культур и языков формируются зоны интеграции, в значительной степени определяющие региональную языковую картину мира. Подвижна концептосфера современного города. Пример — слово «реновация» (лат. *renovatio* — обновление, возобновление, ремонт, то есть процесс улучшения структуры),

вошедшее в топ-20 популярных слов года в соцмедиа в 2017 году (вместе со словами *хайп*, *харассмент*, *токсичный* и др.). Слово внесло изменение в «ментальную карту» Москвы и вошло в описание словесного портрета города.

В контексте фронтальной урбанистики особое место занимают города с экстремальными природными условиями (северный фронт, арктический фронт) и повышенной степенью миграции. Например, Норильск (Замятина 2007) — город с объемным бэкграундом, включающим прошлое, настоящее и будущее. Прошлое связано с Норильлагом (ГУЛАГ в Норильске) и с именем заключенного Льва Гумилева — археолога, географа, историка, этнолога, писателя и переводчика, создателя пассионарной теории этногенеза. Исторический факт пребывания Льва Гумилева в городе способствовал созданию «образа территории». Проект «Гумилевские дни в Норильске», разработанный совместно с Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург), можно считать культурной реализацией фронта — встречей городов на основе общей памяти о времени и о знаковых именах. «Музей изначально является пространством пересечений множества пограничий: между настоящим и прошлым, между посетителем и экспонатом, между реальной жизнью и музейной экспозицией» (Гринько 2016).

В новых социально-экономических условиях территориальная идентичность соотносится с расширенным восприятием города, его миссией в широком культурно-экономическом и политическом пространстве. Но у каждого человека есть и личное пространство в городе, что отражено во множестве воспоминаний, вошедших в сюжеты мемуарно-художественной литературы, очерковой публицистики и в биографически отмеченные стихотворения.

2.3. Элита и фронт

Политическая элита, административная элита, интеллектуальная элита, научная элита, региональная элита, тусовочная элита — это разные поведенческие нормы и формы самопрезентации, градуируемые по шкале: «мы/они» как одним из фронтальных (разграничительных) показателей. Каждая из сторон маркирует свои ценности в коммуникации, в риторической организации текстов, в выборе оценочных коннотаций. Отсюда естественно рассмотрение дискурса элиты в синергетической парадигме (Островская 2016). В перечень дискурсообразующих концептов элиты входят: избранность, власть, публичность, закрытость, социальная значимость, привилегии, политическое влияние, компетентность, профессионализм, ответственность, успех, материальное благосостояние, нравственность, сохранение традиций, целеустремленность, космополитизм, люмпенизация, роскошь, рациональность, снобизм, харизматичность, свобода, интеллигентность. Каждый элемент этого ряда актуализируется типологически и (или) ситуативно, эксплицитно или имплицитно, но в любом случае аспектное пространство элитарности

оценивается с двух сторон: со стороны самих представителей элиты и со стороны общества, и эти два вида оценки могут существенно отличаться на текстовом уровне.

В статье «Элита и фронтир» П.Л. Карабущенко пишет: «Фронтир весьма распространенное явление, которое мы можем встретить в своей повседневности везде, где возникают структурные разрывы в системе. <...> Было замечено, что элиты ведут себя совершенно иначе, когда оказываются в пограничной ситуации (в критической точке)» (Карабущенко 2016: 92). На наш взгляд, «критической точкой» есть основания считать разрыв границы между декларируемым статусом и реальным поведением, в том числе — речевым, находящимся в состоянии размытых границ в отношении к норме, ориентирующей на элитарный тип речевой культуры. Традиционно считалось, что массовая и элитарная культура располагаются на разных территориях по критериям распространенности, общедоступности, развитому вкусу. В современных условиях массовая культура становится культурой повседневности. Не случайно профессор О.Б. Сиротинина, представившая в начале XXI века речевой портрет элитарной языковой личности (полноценное владение нормами литературного языка, уместное применение его стилей, понимание различий между письменной и устной речью, следование этическим нормам общения), через 15 лет обратила особое внимание на факторы экологической рискогенности, прежде всего на недопустимость снятия ограничений на употребление обценной, грубой и нелитературной лексики (Сиротинина 2014). Именно на речевом уровне отмечается нейтрализация границы между элитарной речевой культурой, среднелитературной, фамильярно-разговорной и даже просторечно-жаргонной. В популярной социальной сети Вконтакте встретилась просьба: *Умоляю, расскажите мне об ЭЛИТАРНОМ ТИПЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ. Меня интересует всё, что Вы можете рассказать о Нём* (оформление просителя).

2.4. Гастрономический фронтир и глуттонический дискурс

Фронтирность гастрономических практик (Яковлева 2018) — это привнесение *других* в гастрономическое пространство, то есть нарушение границ с возможной последующей интеграцией *своего* и *чужого*. В научное пространство термин «глуттония» (от латинского *gluttire* — *поглощать, проглатывать*) был введен профессором А.В. Оляничем и получил комплекс лингво-семиотических и лингвокультурологических характеристик в русле концепции презентационного дискурса (Олянич 2004). О расширении границ исследования глуттонического дискурса можно судить по содержанию кандидатской диссертации М.В. Ундринцевой «Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков)» (2015 год). В диссертации феномен еды рассмотрен как национальный культурный код, манифестируемый во множестве разножанровых текстов —

художественных, презентационно-рекламных, связанных с рецептурной активностью, гастрономическим блогерством, ресторанным бизнесом и т.д. Фронтир и современный глуттонический дискурс связаны по признаку пространственной открытости, возможности освоения новых гастрономических культур через Сеть, через гастрономический туризм и даже через художественный нарратив, в который включаются кулинарные рецепты (например: Лаура Эскивель, Шоколад на крутом кипятке; Кристин Хармель, Забвение пахнет корицей).

История еды — история жизни любого народа (Fernandez-Armesto 2002, Wrangham 2009). Широкий междисциплинарный подход в описании гастрономического кода и повседневных практик представлен в монографии И.В. Сохань «Трансформации современной гастрономической культуры и тоталитет фастфуда» (Сохань 2014). На множестве примеров автор доказывает, что гастрономические практики формируют образ жизни и выступают в роли маркеров многих социальных процессов, влияют на гендерные (прежде всего — семейные) отношения, выявляют связь еды и власти, определяют стандарты телесности и фиксируют пищевые девиации. Метафора *информационный фастфуд* закрепила отрицательную коннотацию фастфуда, сформировавшуюся в условиях российского фронта.

Фронтирность гастрономических практик проявляется в преодолении культурных границ в гастрономическом туризме, в соотношении высокой кухни и фастфуда — все это и разные виды дискурсивных практик, каждая из которых имеет свой набор номинаций, оценочных средств, риторических приемов. Современный человек пребывает в поиске гастрономической идентичности, показатели которой могут трансформироваться в результате движения границ физического и ментального миров.

2.5. Фронтир и семейный дискурс

Особенности семейного фронта проявляются в интернациональных семьях (Бичарова 2016): транснациональная миграция приводит к формированию семьи, в которой «пограничная зона» между культурами остается если не навсегда, то на очень долгое время. Идет сложное приспособление к новой идентичности, к особенностям внутрисемейной коммуникации, традициям общения с родственниками; возникают сложности в связи с гендерной трансформацией быта, культурной социализацией детей и др.

Психологи, социологи, культурологи, лингвисты обращают внимание на поколенческий разрыв в условиях современной семьи, на то, что у каждого поколения имеется собственная дискурсивная территория. Зону интеграции в поколенческом фронтире создает общая культурная память, культивируемая в семье. Семейный дискурс как преодоление границ представлен в жанре описания семейных историй, строящихся на передающейся от поколения к поколению автобиографической памяти, способствующей совпадению межпоколенческих срезов. Прекрасный пример — монография профессора

Л.П. Ивановой «Дискурс микросоциума (типичной семьи с типичной фамилией)», в которой описывается семейное ментальное пространство, реализуемое с помощью лингвистических средств в их широком понимании: прецедентность имен, значимых для семьи событий как общего фона знаний; роль концептов Родины, войны, родного дома, толерантности. О прививаемой в семье толерантности автор говорит так: «В аспекте толерантности подчеркну, что в нашей семье было принято идти с открытым сердцем к представителям разных стран и народов, где бы мы ни жили» (Иванова 2015: 51).

3. Феномен фронта в художественном прозаическом тексте и в поэзии

Границе в семиосфере («внутри мыслящих миров») особое внимание уделил литературовед, культуролог и семиотик Ю.М. Лотман. Понятие границы и пограничных реалий «внутри мыслящих миров» ученый определяет как семиотическую границу. Одно из высказываний прямо проецируется на фронтальный дискурс: «Граница би-и полилингвистична. Граница — механизм перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», место трансформации «внешнего» во «внутреннее», это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными» (Лотман 2017: 26). Понятия «семиотическая граница личности», «семиотическая граница социума» вошли в научное пространство коммуникативистики.

Репрезентация фронтальных территорий в художественном произведении связана с категорией пространства. В художественном дискурсе существует множество моделей пространства. Обратим внимание на те, которые согласуются с фронтальными свойствами пространства в его связях с национальной историей, культурой и языком (прежде всего — в стилистических проявлениях). Концепция фронта ориентирует на художественные модусы границы, и не случайно при описании *мысленных структур пространства* исследователи фронта обращаются к способам изображения мира в романе Набокова «Дар» и к утопическому социально-философскому роману А. Платонова «Чевенгур» (Замятина 2002, 2004). Описание мифов и образов Сибири также основывается на текстах русских писателей: А. Чехова, Г. Успенского, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка (Панарина 2013). Гендерная тема кавказского фронта раскрывается с опорой на описание физического, психологического и ментального облика северокавказской женщины в произведениях русских писателей А.А. Бестужева-Марлинского, А.В. Дружинина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого (Манкиева 2018). [О женских персонажах на фронте см. (Furbee 2002, Якушенко 2012)].

Художественная литература обогащает представление о пространстве, в котором есть, по правилам гуманитарной географии, пространственные мифы, знаковые места, гении места и др. Иначе говоря, художественное пространство оказывается носителем культурно-исторических смыслов и «свернутых» в пространстве ценностей и поведенческих норм. Образ пространства

зависит от того, в пределах какой модели мира описываются события. Языковая репрезентация этапов и форм развития художественного сюжета отражает отношение к образу пространства и выявляет ментальные особенности персонажей в условиях заявленного образа. Тема «Пространство и герой» составляет особый сегмент фронтального дискурса: образ персонажа зависит от пространственной конфигурации и формируется в границах определенного пространства, его замкнутости или открытости, сжатости или растянутости, перспективности или ретроспективности.

Фронтальность проявляет исторические, социально-психологические, культурологические грани пограничья. Это касается прежде всего американской литературы. «На всем пути развития американская литература не подвергала сомнению лишь один факт, связанный с фронтом: непреходящего значения «пограничья» в судьбе страны. В процессе ее становления состоялось самое важное открытие множества человеческих судеб, простых и часто безымянных, сделавших наследие фронта достоянием нации, ставших материалом для вечных образов и характеров. Каждый период американской истории вносил существенный вклад в понимание феномена «пограничья», поскольку был нераздельно с ним связан» (Ващенко 1999: 374). Рассмотрение текстов американской художественной литературы с позиций фронта представлено во множестве исследований. В числе интерпретируемых авторов — американские классики: В. Ирвинг, Ф. Купер, Х. Миллер, У. Уитмен, М. Твен, О. Генри и др. Рассматриваются сюжеты, связанные с событиями американской истории, с пограничьем, с пионерством, описанием фронтального быта в духе жанровой разновидности романа—вестерна. Вестернизация политики и культуры — предмет особого внимания зарубежных исследователей (Kegan & Fagen 2003). Художественная литература сохраняла цивилизационный код фронта, способствовала утверждению американской исключительности, находчивости, свободолюбия, независимости — характеристики, которые до сих пор связываются с американской идентичностью. Сложилось понятие «люди фронта» (фронтальники): мужественные, честные, простые, работающие, дружелюбные, свободные, активные, легко идущие на риск, нетривиально мыслящие (Keller 2005).

В большинстве отечественных литературоведческих работ термин «фронтальность» не используется. Исключение — статья «Понятие фронта в английском литературном дискурсе» (Бондаренко, Островская 2019), в которой определяются особенности реализации и функционирования концепта «фронтальность» в английском литературном дискурсе на материале романа лауреата Нобелевской премии по литературе В.С. Найпола «Полужизнь». Авторы рассматривают фронтальный дискурс как некое состояние или ситуацию, в которой могут находиться отдельные личности и целые народы. Исследование проводилось в рамках дискурс-анализа, в котором сочетались культурно-исторический, концептуальный, структурный, социально-ролевой и семантический подходы. Резервы интерпретации фронтального дискурса мы видим

в описании категории автора и адресата, эвиденциальности (засвидетельствованности) чуждости (инаковости) в художественном нарративе, в представлении точки зрения автора и персонажей, в метаязыковых рефлексиях действующих лиц, принимающих или отвергающих чуждость, в определении функций документальных вставок, конструкций отрицания и утверждения, лексики со значением неопределенности и неожиданности и др. Описание художественного нарратива в варианте: что (кто) и кому кажется каким-то (чем-то) — имеет отношение к фронтирному дискурсу.

Фронтирный тип личности жителя Сибири (Агеев 2005) противоречив, что отражено в творчестве многих русских писателей: А. Чехова, Г. Успенского, Д. Мамина-Сибиряка и др. Сибирский характер по-русски — одно из художественных открытий В.П. Астафьева. Его герои без пафосного героизма проявляют доброту, отзывчивость, благородство, человеколюбие (Ковалева 2017). Признаки алтайского фронта представлены в прозе В. Шукшина: деревенский уклад жизни в его противопоставлении городскому, пограничное положение маргинальной личности («странные люди» — добрые и талантливые, но не умеющие приспособиваться). Изломы личности проявляются в случае разрывов с патриархальной деревней (пространство избы и драматургия жизни вне дома). Многие особенности поэтики В. Шукшина можно отнести к художественно-языковой фиксации фронтирного дискурса: живая разговорная речь, диалектизмы, фольклорные вставки.

Фронтир прозы постмодерна имеет особые проявления. Например, в романе С. Минаева «Dухless, или Повесть о ненастоящем человеке» наступившее *пограничье* 90-х годов представлено в виде кодовых переключений в условиях новой семиотической границы социума: названия глав и эпиграфы на русском и английском языке; цитаты из пространства Интернета, модных журналов, мультфильмов, объявлений, бухгалтерских смет, слоганов; заимствования в разном графическом оформлении и др. Очевиден процесс расширения влияния западной культуры и массовой культуры повседневности.

В художественной литературе образ границы передаётся в рефлексивно-дискурсивной процессуальности: граница между детством и взрослостью, любовью и потерей любви, очарованием и разочарованием, потерей родины и возвращением к ней во сне или наяву и т.д. Переход от одной «территории» жизни к другой фиксируется в стиле повествования, в характере риторических приемов и способов словопреобразования. В Тверском государственном университете прошли конференции, посвященные художественному описанию рубежей жизни в варианте *между* — между молодостью и зрелостью в переходе к старости. В сборниках статей «Юность как сюжет» (2018 год) и «Зрелость как сюжет» (2019 год) показана сегментация времени человеческой жизни в корреляции с эстетикой и поэтикой художественных произведений — как прозаических, так и поэтических.

В одном стихотворении А. Пушкина «Телега жизни» через образ дороги как жизненного пути соединены все возрастные этапы: утро, полдень, вечер.

Отражение пушкинского образа жизненного пути стало поэтической традицией. Пример — стихотворение С. Маршака:

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.
А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.
Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих,
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

Движение фронта (изменение пространства и времени) проявлено в смене ритма, в переходе от глаголов совершенного вида с лексической семантикой мгновенности и интенсивности действий (*подхлестнуть, вспугнуть, пришпорить*) к глаголам несовершенного вида длительного действия (*слышу, бежит, идет*).

О фронтальных свойствах поэзии, появляющейся на границе миров, можно судить по творчеству многих поэтов. На важность фронтального подхода для интерпретации творчества С. Есенина обратил внимание В. Доманский: «С. Есенин, живший на рубеже двух эпох, разломе российской цивилизации, используя эти ключевые концепты, выразил фронтальные явления российского культурного универсума. Его поэтический космос — это бытие на границе двух миров, двух России — Руси уходящей и России новой, советской» (Доманский 2020). Вывод исследователя о том, что, находясь в позиции фронта, «можно увидеть, как фронтальные явления определяют поэтические дискурсы, какую функцию играют культурные коды, которые, коррелируя друг с другом, репрезентируют движение и изменение границ мира поэта», можно считать исходным тезисом для обоснования фронтального критерия интерпретации поэзии рубежа (рубежей). Например, смена этапных диахронических срезов в творчестве А. Блока: тематика и поэтика стихотворений после революции 1905—1907 года; признание революции 1917 года; творческий кризис последних лет жизни. Новые грани видения мира — новые поэтические приемы организации стихотворных текстов.

Для поэтов характерно предчувствие рубежа в жизни страны, в собственной судьбе и творчестве. Значимым для многих поэтов оказался распад Советского Союза, в условиях которого граница между официальными и подцензурными поэтами была четко обозначена, а в 80—90-е годы нейтрализовалась. Пример — судьба и творчество В. Кривулина, у которого на переломе эпох произошло «качественное изменение поэтического языка» (Саббатини 2014). В условиях «нового зрения» происходит смена тематических

предпочтений, стилистического регистра, меняется система цитации, более тесной становится связь поэзии с социальным контекстом.

Фронтирные показатели идиостиля И. Жданова, представителя метареализма как одного из направлений современной авангардной поэзии, связаны с синтезом двух топосов: Алтая как места рождения и Крыма, где поэт живет в настоящее время. Н.И. Завгородняя признаки метареализма поэзии И. Жданова связывает с маршрутом «Алтай — Крым», с семантикой «перехода» сквозь границу при одновременном пребывании в ней (Завгородняя 2019). «Как будто время корчится петлей / в самом себе и путает события» — поэтическая строка И. Жданова, в которой проявлено параболическое преобразование концепта границы. Как видим, фронтир предлагает свою оптику рассмотрения художественного материала через включение синергии *модуса границы* в анализ жанрово-стилевой специфики художественных текстов.

4. Фронтирный дискурс и проблемы маргинализации нормы

Маргинальный (от лат. *margo* — *край*) — находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающий влияние противоречащих друг другу ценностей и норм; маргинализация — промежуточность, пограничность. Именно эти признаки проявляются во фронтирном дискурсе при рассмотрении его свойств в аспекте нормы.

Устойчивое равновесие необходимо для всех систем. Фронтир представляет собой неустойчивое равновесие — состояние, в котором отклонение от нормы может стать точкой перехода к новому равновесию. Большой смысл (на перспективу) заложен в таком высказывании Л.В. Щербы (1880—1944): «...я представляю себе язык находящимся все время в состоянии лишь более или менее устойчивого, а сплошь и рядом и вовсе неустойчивого равновесия, в результате действия целого ряда разнообразных факторов, зачастую друг другу противоречащих» (Щерба 2004: 50). Если отклонения от нормы единичны и активно не воспроизводятся, если соблюдается согласованность между стилем и жанром, если устная и письменная формы речи закреплены за их родными стилями, если говорящими осознается важность дихотомии «книжность/разговорность», — устойчивое равновесие нормы гарантируется. Но реальность не дает основания заменить гипотетическую (предположительную) модальность («если... то») на модальность нормативной определенности.

В гибридных жанровых образованиях, основывающихся на переходе от одной семиотической системы к другой, от одного субъекта действий к другому, проявляются свойства фронтирного дискурса. Например, телевизионный инфотейнмент («разыгрывание новости») включает саму новость с подачи ведущего как языковой (дискурсивной) личности; интервью с участниками события, которые представляет свой взгляд на новость и на ее интерпретацию журналистом; мнение эксперта, который действует в рамках институциональной нормы, что не исключает некоторых оценок события «от себя»;

включенность в действие аудитории и др. Происходит движение фронтальных зон, сопровождающееся сменой стиля. Именно такого рода полифония не дает возможности определиться с квалификацией инфотеймента: формат, контент с синтетическим типом содержания, самостоятельная творческая единица, жанр, что свидетельствует о незавершенности и неопределенности образования, то есть о нахождении инфотеймента на фронтальной территории. К числу фронтальных показателей можно отнести расширение границы инфотеймента от эпатажной развлекательности (information + entertainment) к применению для «разыгрывания» серьезных тем, в том числе и в печатных изданиях.

Для рассмотрения нормы сквозь призму фронтальных характеристик можно использовать понятие рамки. Неустойчивость (неопределенность) нормы особенно заметна в системе функциональных стилей, рамка каждого из которых «раздвигается» по причине вхождения иностилевых средств практически во все традиционные стили, вплоть до официально-делового. Обилие «зарамочных» фактов говорит о критическом состоянии системы. Фронтал фиксирует реперную точку перелома, сигнализирующую о том, что традиционно декларируемая целостность связей (нормативная рамка) постепенно изменяется и идет накопление новых признаков нормы на фронтальной (порубежной) территории. Частотность «зарамочных» конструкций и языковых средств, выбор которых объясняется прагматическими причинами, может свидетельствовать о накоплении новых признаков и критериев нормы.

Интердискурсивность — природное свойство фронтального дискурса. Пограничье формируется на основе взаимодействия дискурсов: «своих» и «чужих», региональных и глобальных, устных и письменных речевых форм, конвергентных жанров (в публицистике, в художественной литературе). Фронтальный дискурс, в котором фиксируется переход от известного, нормативно закрепленного к новому, выходящему за рамки традиционных нормативных рекомендаций, демонстрирует гетерогенность большинства институциональных дискурсов и прогнозирует изменения декларируемой нормы в каждом из них (Синельникова 2019).

Тенденция к композиционным сочетаниям разных стилистических планов в одном тексте, стилистическое «расчленение» текста (В.В. Виноградов, М.В. Панов) превратилась в закономерность: властвует синтагматический принцип организации текстов разных функциональных стилей, дающий возможность реализовывать множество стилистических валентностей. Фронтальная территория в области нормы — это «место», в котором фиксируется противоречие рамки и среды. Стилисты и дискурсологи, на наш взгляд, должны совместить свои усилия по определению того, где проходит граница между правильным и неправильным, между дискурсом и текстом, между институциональными дискурсами и новыми дискурсивными практиками. Функционально-стилистическая дифференциация в литературном языке неизбежна, но перечень ее признаков может существенно измениться.

Стандартизация знания и жесткая унификация нормы противоречат онтологии фронта. Фронтальный дискурс базируется на нелинейных (порой кризисных) социальных процессах. Многие факты «новой нормы/не-нормы» есть смысл понимать не как отклонение от прежней (кодифицированной) нормы или естественную для развития языка вариативность, а как воплощение некой новой сущности. Расширяющееся пространство интернет-жанров — тому свидетельство. Остановимся на нескольких показательных примерах. Обмен репликами в триаде «текст — отзыв — комментарий» Е.Н. Басовская соотносит с глубиной медиапространства (Басовская 2019). Движение по «ступеням» (от опубликованного текста к отзывам и комментариям), «углубляющее исходный текст как содержательно, так и стилистически», имеет очевидные признаки фронтального дискурса: переход за границу исходного текста и создание личного пространства понимания и интерпретации на основе собственного (привычного для определенной среды) тезауруса. Приведу пример ризоматической «ветви» дискуссии, на который я обратила внимание в результате знакомства с концептом «глубина медиапространства». На интернет-форуме обсуждался научный текст о теории дискурса: — *Правильно говорить и писать надо векторы, а не вектора... — Ваня абсолютно не въехал в Теорию дискурса, если прилепляет к ней "перевод" Лотмана :) — Лаклау сам не въехал в "свою" теорию, как он после обнаружил :).* Движение фронтиров «в глубину медиапространства» налицо.

Неопределенность квалификации многих новых коммуникативных практик, терминологический «дрейф» между жанром, форматом, методом организации коммуникации с аудиторией, особым нарративом — свидетельство пребывания на фронтальной территории. Например, популярный в Интернете жанр историй (сторителлинг) квалифицируется как гуманитарная технология, журналистская дисциплина, метод обучения. Цель сторителлинга — воздействовать на аудиторию с помощью историй, в которых реальность и вымысел могут произвольно соединяться. Специалисты (тренеры, лайф-коучи) так формулируют один из секретов эффективного сторителлинга: подстраивайте текст под конкретную аудиторию, говорите словами тех людей, которые вас слушают. Удобство общения в расчете на планируемый эффект понимания оказывается основным прагматическим фактором.

Нестандартные жанровые образования не могут не оказывать влияния на жанрово-стилистическую систему в целом. Однако мало чего можно добиться, если говорить о новых жанрах и новых дискурсивных практиках, опираясь на нормативные предписания доинтернетовской эпохи. Концепция фронтального дискурса может способствовать переходу на новые уровни и критерии упорядоченности языкового (речевого, стилистического, жанрового) материала в новых условиях.

5. Заключение

Междисциплинарные союзы меняют научную картину мира, особенно в случае расширения связей между гуманитарными и естественными науками. Концепция фронта в процессе ее развития оказалась наиболее податливой для описания природных и социальных факторов в их совместности и в сопряженной динамике изменений. Фронтирные признаки: установление и движение границ, неопределенность и неустойчивость пограничья, драматургия интеграции культурных кодов — оказываются значимыми для понимания многих социально-культурных процессов.

Авторы научных работ по проблеме фронта представляют разные области гуманитарного и естественно-научного знания. Историки, географы, философы, социологи, химики, физики, медики проявляют интерес к «пограничным» проблемам, к подвижности границ как свойству бытия — физического, территориального, культурного, языкового, ментального. Обращая внимание на кумулятивный фактор (накопление нового знания на основе имеющегося), мы стремились обозначить пространство междисциплинарной общности между дисциплинарными исследованиями через фактор границы, рубежа, пограничья. Целесообразна ориентация на концепцию фронта в описании новых коммуникационных сред и жанрово-стилистических трансформаций в условиях «фронтирного дрейфа» в цифровом поле деятельности. Зоны фронта обнаруживаются в социально-культурном пространстве города как динамичной структуре разного рода пограничных взаимодействий. На фронтирной территории стираются границы между массовой и элитарной культурой (прежде всего в коммуникативно-речевом измерении). В условиях «открытого мира» зону интеграции формирует гастрономический дискурс. Фронтирные показатели усматриваются в организации коммуникативного поля семейного дискурса. Перечень примеров, расширяющих концептуальную среду фронтирного дискурса, может быть продолжен. Нам важно было обратить внимание на «живые» междисциплинарные связи и обозначить потенциал их развития.

Художественные модусы границы представлены как в прозе, так и в поэзии. Фронтирные явления поэтического мира тесно связаны с пограничностью сознания лирического героя, фронтирные ситуации в прозе — с социальной действительностью, с повествовательными сегментами (пластами), обеспечивающими движение сюжета через маркировку пространственно-временного и языкового (стилистического) пограничья.

Фронт интегрируется в проблемное поле разных наук и создает возможность интерпретировать ментально-пространственные явления, находящиеся в зоне неопределенности на пути к норме. Переход через традиционные границы (рамки) наблюдается в жанрово-стилистической сфере, тесно связанной с виртуализацией общества. Именно в этой сфере происходит отказ от стилистической согласованности как традиционного параметра нормы. Структуру жанров Интернета определяют не столько кодифицированные

стилистические нормы, сколько прагматические интенции и установка на актуальную интерактивность с целевым адресатом.

Введение понятия *фронтирный дискурс* позволит расширить исследовательское поле изучения гетерогенных социальных, культурных, нормативно-языковых процессов в новых конфигурациях дискурсивной среды. Представленные в статье наблюдения могут быть «развернуты» в типологическом и когнитивно-дискурсивном направлении. Одно из значений фронта: новые возможности, открывающиеся перспективы. Многие вопросы остаются открытыми, как и остается открытым сам фронтирный дискурс, его концептуальный горизонт.

P.S. Материал статьи был собран и оформлен в «докоронавирусный» период. На наших глазах сформировался *коронавирус* как «незакрытый» фронт по признакам незаконченности и неопределенности. Трансдисциплинарное описание этого уникального фронта потребует участия ученых едва ли не всех научных профилей. Появился новый материал и для филологических наблюдений: в Сети активизировался жанр полезных советов (лайфхаков — как серьезных, так и шуточных), увеличилось количество фейковых «новостей», гибридных жанровых образований, креативных интернет-мемов, пополнилась метафорическая сфера тематической группы «болезнь» и др.

©Л.Н. Синельникова, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность анонимным рецензентам статьи, советы и замечания которых способствовали дополнительным размышлениям над предлагаемой концепцией и способами ее представления в статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. 404 с. [Abashev, Vladimir V. 2000. *Perm kak tekst. Perm v russkoy kulture i literature XX veka* (Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the XX century). Perm: Publishing House of Perm University (In Russ.)].
- Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с. [Ageev, Aleksandr D. 2005. *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov* (Siberia and the American West: the movement of the frontier). Moscow: Aspekt-press (In Russ.)].

- Басовская Е.Н. Дискурсивная глубина медиапространства: Текст — Отзыв — Комментарий // Ялтинский дискурсологический кружок. Результаты и перспективы совместной деятельности, 2019. С. 8—11. [Basovskaya, E.N. 2019. Diskursivnaya glubina mediaprostranstva: Tekst — Otzyv — Kommentariy. *Yalta diskursologicheskyy circle. Results and prospects of joint activities*, 8—11. (In Russ.)].
- Белоконев С.Ю., Чистов И.И., Пак Джон Кван. Электронный фронт как среда отношений бизнеса и власти // Власть. 2019. Том. 27. № 5. С. 53—58. [Belokonev, Sergey Yu., Igor I. Chistov & Jong-Kwan Pak. 2019. Elektronnyy frontir kak sreda otnosheniy biznesa i vlasti (Electronic frontier as an environment for business and government relations). *Power* 27 (5). 53—58. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6719>.
- Бичарова М.М. Интернациональная семья как микромодель фронта и проблемы культурной безопасности // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 90—99. [Bicharova, Mariya M. 2016. Internacional'naya sem'ya kak mikromodel' frontira i problemy kul'turnoj bezopasnosti (International family as a micromodel of the frontier and issues of cultural safety). *Journal of frontier research* 1. 90—99. (In Russ.)].
- Бондаренко Л.В., Островская Т.А. Понятие фронта в английском литературном дискурсе // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. Майкоп, 2019. С. 115—118. [Bondraenko, Lyudmila V. & Tatiana A. Ostrovskaya. 2019. Ponyatie frontira v anglijskom literaturnom diskurse (The concept of frontier in English literary discourse). *Linguistics of the future: new trends and prospects*, 115—118. Maykop. (In Russ.)].
- Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея «фронта»: выгодное приобретение или опасный «фантом»? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73—84. [Bostan, Kseniya A. & Anatoliy M. Kuznetsov. 2018. Ideya «frontira»: vygodnoye priobreteniyе ili opasnyu «fantom»? (The idea of “frontier”: a profitable acquisition or a dangerous “phantom”?). *Oikumena. Regional researches* 1. 73—84. (In Russ.)]. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/73-84.
- Вашенко А.В. Фронт // История литературы США: М., 1999. Т. 2. С. 349—375. [Vashchenko, Aleksandr V. 1999. Frontir (Frontier). *Istoriya literatury SSHA*, 2. 349—375. Moscow. (In Russ.)].
- Гринько И.А. «Музейные границы» и формирование новых идентичностей // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 149—152. [Grin'ko, Ivan A. 2016. «Muzeynyye granitsy» i formirovaniye novykh identichnostey («Museum borders» and the formation of new identities). *Samarskiy nauchnyy vestnik* 4 (17), 149—152. (In Russ.)].
- Довбыш Е.Г. Электронный фронт как метафора // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 100—115. [Dovbysh, Evgeniy G. 2016. Elektronnyy frontir kak metafora (Electronic frontier as a metaphor). *Journal of Frontier Studies* 1. 100—115. (In Russ.)].
- Доманский В. Тема «фронта» в художественно-публицистических дискурсах С.А. Есенина [Domansky, Valeriy. Tema «frontira» v hudozhestvenno-publicisticheskikh diskursah S.A. Esenina (The theme of the "frontier" in the artistic and journalistic discourses of S.A. Yesenin). URL: <http://www.osrussia.ru/content/tema-frontira-v-hudozhestvennopublicisticheskikh-diskursah-s-esenina> (дата обращения: 27.03.2020). (In Russ.)].
- Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26—36. [Zabiyako, Andrey P. 2016. Porubezh'e kak dannost' chelovecheskogo bytiya (Frontier as a Reality of Human Existence). *Voprosy Filosofii* 11. 26—36. (In Russ.)].
- Завгородняя Н.И. Берег как предгорье (художественная топонимика Алтая и Крыма в текстах И. Жданова // Культура и текст. 2019. № 3 (38). С. 98—106. [Zavgorodnyaya,

- Natalia I. 2019. Bereg kak predgor'e (hudozhestvennaya toponimika Altaya i Kryma v tekstah I. Zhdanova) (The shore as a piedmont (artistic toponymy of Altai and Crimea in the texts of I. Zhdanov). *Kul'tura i tekst* 3 (38). 98—106. (In Russ.).
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26—50. [Zamyatin, Dmitriy N. 2010. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk (Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern humanities). *Sociological review* 9 (3). 26—50. (In Russ.).]
- Замятина Н.Ю. Художественная литература как материал для изучения мысленных структур пространства (на примере романа В. Набокова «Дар») // География искусства. Вып. 3. 2002. С. 92—106. [Zamyatina, Nadezhda Yu. 2002. Hudozhestvennaya literatura kak material dlya izucheniya myslennyh struktur prostranstva (na primere romana V. Nabokova «Dar») (Fiction as a material for the study of the mental structures of space (example of The Gift of Nabokov). *Geography of art* 3. 92—106. (In Russ.).]
- Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур») // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. 2004. Вып. 1. С. 53—61. [Zamyatina, Nadezhda Yu. 2004. Lokalizaciya ideologii v prostranstve (amerikanskij frontir i prostranstvo v romane A. Platonova «Chevengur») (Localization of ideology in space (American frontier and space in A. Platonov's novel Chevengur). *Humanitarian geography: Scientific and cultural and educational almanac* 1. 53—61. (In Russ.).]
- Замятина Н.Ю. Норильск — город фронта // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 167—192. [Zamyatina, Nadezhda Yu. 2007. Norilsk — gorod frontira (Norilsk — city of the frontier). *Bulletin of Eurasia* 1. 167—192. (In Russ.).]
- Иванова Л.П. Дискурс микросоциума (типичной семьи с типичной фамилией). Киев: Освіта України, 2015. 64 с. [Ivanova, Lyudmila P. 2015. Diskurs mikrosociuma (tipichnoj sem'i s tipichnoj familiej) (Discourse of microsocium (typical family with a typical surname)). Kiev: Osvita Ukrainy. (In Russ.).]
- Карабущенко П.Л. Элита и фронтир // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 2. С. 92—104. [Karabushenko, Pavel L. 2016. Elita i frontier (Elite and frontier). *Journal of Frontier Studies* 2. 92—104. (In Russ.).]
- Киселева М.С. Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 4. С. 1163—1172. [Kiseleva, Marina S. 2016. Gumanitarnyye issledovaniya i proyektivnost': distsiplinarye i mezhdistsiplinarye strategii znaniya (Humanitarian research and projectivity: disciplinary and interdisciplinary knowledge strategies). *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki* 158 (4). 1163—1172. (In Russ.).]
- Ковалева А.М. Сибирский характер в книге «Царь-рыба» В.П. Астафьева как модификация русского национального характера // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 2 (40). С. 208—212. [Kovaleva, Anna M. 2017. Sibirskij harakter v knige «Car'-ryba» V.P. Astaf'eva kak modifikaciya Russkogo nacional'nogo haraktera (Siberian character in the book tsar ryba by V.P. Astafiev as a modification of the Russian national character). *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev* 2 (40). 208—212. (In Russ.).]
- Лотман Ю.М. «Внутри мыслящих миров» // Развитие личности. 2017. № 1. С. 13—59. [Lotman, Yuriy M. 2017. Vnutri myslyashchih mirov ("Inside the Thinking Worlds"). *Personal Development* 1. 13—59. (In Russ.).]

- Манкиева Э.Х. Русская «кавказоведческая» проза XIX в.: гендерный дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 23—28. [Mankieva, Eset Kh. 2018. Russkaya «kavkazovedcheskaya» proza XIX v.: gendernyj diskurs (Russian "Caucasian" prose of the 19th century: gender discourse). *Philological sciences. Theory and practice issues*. 6 (84). 1. 23—28. (In Russ.)].
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 83—97. [Morozova, Elena V., Inna V. Miroshnichenko & Natalia A. Ryabchenko. 2016. Frontir setevogo obshchestva (The Frontier of Network Society). *World economy and international relations*. 60 (2). 83—97. (In Russ.)].
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с. [Olyanich, Andrey. 2004. Prezentatsionnaya teoriya diskursa (Presentation theory of discourse). Volgograd: Paradigm. (In Russ.)].
- Островская Т.А. Исследование дискурса элиты в синергетической парадигме // Дискурс-Пи. Научный журнал. 2016. № 3—4 (24—25). С. 85—91. [Ostrovskaya, Tatiana A. 2016. Issledovanie diskursa elity v sinergeticheskoy paradigm (Researches of the Elite Discourse in the Synergetic Paradigm). *Discourse Pi. Scientific magazine* 3—4 (24—25). 85—91. (In Russ.)].
- Панарина Д.С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 39—52. [Panarina, Daria S. 2013. Mify i obrazy sibirskogo frontira (Myths and images of the Siberian frontier). *Journal of Frontier Studies* 2 (1). 39—52. (In Russ.)].
- Плотичкина Н.В. Герои сетевого фронта // Журнал фронтальных исследований. 2017. № 4 (8). С. 110—126. [Plotichkina, Natalia V. 2017. Geroi setevogo frontira (Heroes of the Network Frontier). *Journal of Front Studies* 4 (8). 110—126. (In Russ.)].
- Плотичкин Н.В. Мифология электронного фронта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 80—88. [Plotichkin, Natalia V. 2018. Mifologiya elektronnoho frontira (Mythology of the electronic frontier). *Journal of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences* 1 (49). 80—88. (In Russ.)].
- Поволоцкий А. Фонд Электронного Фронта [Povolockij, Aleksandr. Fond Elektronnoho Frontira (Electronic Frontier Foundation). URL: <https://bugtraq.ru/library/misc/eff.html/> Fond Elektronnoho Frontira (дата обращения: 24.03.2020). (In Russ.)].
- Романова А.П. Современный мегаполис как фронтальная гетеротопия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. Том 2 (68). № 3. С. 51—60. [Romanova, Anna P. 2016. Sovremennyy megapolis kak frontirnaya geterotopiya (Modern megapolis as a frontier heterotopia). *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology* 2 (68). 3. 51—60. (In Russ.)].
- Саббатини М. Виктор Кривулин на переломе эпох. Заметки о смене поэтики во второй половине 1980-х годов // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. Вып. 4. С. 44—50. [Sabbatini, Marko. 2014. Viktor Krivulin na perelome epoch. Zаметки o smene poetiki vo vtoroj polovine 1980-h godov (Victor Krivulin at the turn of the century. Notes on the change of poetics in the second half of the 1980s). *St. Petersburg State University Herald* 9 (4). 44—50. (In Russ.)].
- Синельникова Л.Н. Медийная коммуникация в проекции на современную теорию фронта // Настоящее и будущее стилистики. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 654—659. [Sinelnikova, Lara N. 2019. Medijnaya kommunikaciya v proekcii na sovremennuyu teoriyu frontira (Media communication in projection on modern frontier theory). *The present and future of style*, 654—659. Moscow: FLINTA. (In Russ.)].

- Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации. 2014. №1. С. 5—14. [Sirotnina, Olga B. 2014. Bor'ba s riskogenost'yu obshheniya kak odna iz problem rechevedeniya (Fighting with riskogenics of communication as one of the problems of conversational speech study). *Problems of Speech Communication* 1. 5—14. (In Russ.)].
- Сохань И.В. Трансформации современной гастрономической культуры и тоталитет фастфуда. СПб.: НОРМА, 2014. 230 с. [Sohan', Irina V. 2014. Transformacii sovremennoj gastronomicheskoy kultury i totalitet fastfuda (Transformation of modern gastronomic culture and fast food totality). St. Petersburg: NORMA. (In Russ.)].
- Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с. [Terner, Frederik Dzh. 2009. *Frontir v amerikanskoj istorii* (The Frontier in American History). Moscow: Ves' mir. (In Russ.)].
- Тузовский И.Д. Интернет — территория «фронтира» информационного общества // Федерализм. 2009. № 4. С. 229—236. [Tuzovsky, Ivan D. 2009. Internet — territoriya "frontira" informatsionnogo obshchestva (Internet-territory of the "frontier" of information society). *Federalism* 4. 229—236. (In Russ.)].
- Ulrich P., Троицкий С. Сложность «границ»: постановка проблемы, терминология и классификация // Журнал фронтальных исследований. 2019. № 4 (2). С. 234—256. [Ulrich, Peter & Sergey Troitskiy. 2019. Slozhnost «granits»: postanovka problem, terminologiya i klassifikatsiya (The complexity of «borders»: research Agendas, terminology and classification). *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* 4 (2). 234—256. (In Russ.)]. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10035.
- Шляховой Д.А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 939—948. [Shlyakhovoy, Dmitriy A. 2017. Genre characteristics of blogs as electronic media (Genre features of blogs as electronic means of mass communication). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 8 (4). 939—948. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948.
- Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 39—50. [Shcherba, Lev V. 2004. Ocherednye problemy yazykovedeniya (Another problem of linguistics). *Language system and speech activities*, 39—50. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Яковлева Е.Л. Фронтирность гастрономических повседневных практик // Журнал фронтальных исследований. 2018. № 1. С. 7—15. [Yakovleva, Elena L. 2018. Frontirnost' gastronomicheskikh povsednevnyh praktik (Frontierism of gastronomic everyday practices). *Journal of frontier research* 1. 7—15. (In Russ.)].
- Якушенко С.Н. "In Frontier We Trust" // Журнал фронтальных исследований. 2019. № 3 (15). С. 12—59. [Yakushenkov, Sergey N. 2019. *Journal of frontier research* 3 (15). 12—59. (In Russ.)]. DOI:10.24411/2500-0225-2019-10018.
- Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2012. 221 с. [Yakushenkova, O.S. 2012. Zhenshchina na amerikanskom frontire. Astrahan': Sorokin Roman Vasil'evich. (In Russ.)].
- Billington, Ray A. & Martin Ridge. 1982. *Westward Expansion. A History of the American Frontier*. New York.
- Faragher, John M. 2006. The Myth of the Frontier: Progress or Lost Freedom. *The American West*, 9. The Gilder Lehrman Institute of American History.
- Febvre, Lucien. 1973. Frontier: The Word and the Concept. In Burke, P. (eds.), *A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre*, 208—218. London: Routledge.

- Fernandez-Armesto, Felipe. 2009. *Near a Thousand Tables: A History of Food*. New York: The Free Press.
- Furbee, Mary R. 2002. *Outrageous Women of the American Frontier*. New York: John Wiley & Sons.
- Hall, Thomas. 2009. Puzzles in the Comparative Study of Frontiers: Problems, Some Solutions, and Methodological Implications. *American Sociological Association* XV (1). DOI: 10.5195/jwsr.2009.332
- Herring, Susan & John Paolillo. 2006. Gender and Genre Variation in Weblogs. *Journal of Sociolinguistics* 10 (4). 439—459. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2006.00287.
- Kegan, Paul & Herb Fagen. 2003. *The Encyclopedia of Westerns*. N.Y.: Checkmark Books.
- Keller, Alexandra. 2005. Historical Discourse and American Identity in Westerns since the Reagan Era. *Hollywood's West: The American Frontier in Film, Television and Histor*, 239—260. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Turner, Frederick J. 1921. *The Frontier in American History*. NY: Holt.
- Wrangham, Richard. 2009. *Catching Fire: How Cooking Made Us Human*. New York: Basic Books.

Article history:

Received: 17 March 2020

Revised: 28 March 2020

Accepted: 14 April 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 марта 2020

Дата принятия к печати: 14 апреля 2020

Сведения об авторе:

ЛАРА НИКОЛАЕВНА СИНЕЛЬНИКОВА — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии — филиала Крымского федерального университета в г. Ялте. Сфера научных интересов: дискурсология, когнитивистика, стилистика, риторика, лингвополитология, лингвистическая поэтика, паблик рилейшнз. Основные научные публикации: Жизнь текста, или Текст жизни: избранные работы в 3-х томах (2005), Дискурсивная семантика русских местоимений. Коммуникативные сценарии в прозе и в поэзии: монография (2013), Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация: монография (2019), а также разделы в коллективных монографиях, изданных в России, Белоруссии, Польше. Член редакционных советов научных журналов «Мир лингвистики и коммуникации», «Современный дискурс-анализ».

Контактная информация:

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского в г. Ялте
298635, Россия, Ялта, ул. Севастопольская, 2-а

e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8140-5648>

Bionote:

LARA N. SINELNIKOVA, PhD, Professor at the Department of Russian and Ukrainian Philology, and methods of teaching in the Academy of Humanities and Pedagogics, the branch of the Crimean Federal University in Yalta. The fields of scholarly interests: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, rhetoric, linguopolitology, linguistic poetics, and public relations. Major publications: *Life of the Text, or the Text of Life: Selected Works in 3 Volumes* (2005), *Discursive Semantics of Russian Pronouns, Communicative scripts in prose and poetry* (a monograph, 2013), *Poetic text: interdisciplinary interpretation* (a monograph, 2019), as well as chapters in co-authored monographs published in Russia, Belarus, and Poland. Member of the editorial boards of scholarly journals: *World of Linguistics and Communication* and *Modern Discourse-Analysis*.

Contact information:

Academy of Humanities and Pedagogics (branch) of Vernadsky Crimean Federal University in Yalta

2-a, Sevastopolskaya str., Yalta, 29863, Russia

e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8140-5648>

РЕЦЕНЗИЯ
BOOK REVIEW

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-493-505

Book review

**Review of Culpeper, Jonathan, Michael Haugh
and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017.**
The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness.
London: Palgrave Macmillan.
ISBN 978-1-137-37507-0

Etsuko Oishi

Tokyo University of Science
Tokyo, Japan

For citation:

Oishi, Etsuko. 2020. Review of Culpeper, Jonathan, Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London: Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-137-37507-0. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 493—505. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-493-505

Рецензия

**Рецензия на книгу Culpeper, Jonathan,
Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017.**
The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness.
London: Palgrave Macmillan.
ISBN 978-1-137-37507-0

Эцуко Оиси

Токийский университет науки
Токио, Япония

Для цитирования:

Oishi, Etsuko. 2020. Review of Culpeper, Jonathan, Michael Haugh and Dániel Z. Kádár (eds.). 2017. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London: Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-137-37507-0. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 493—505. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-493-505

Any linguistic field desires a complementary relationship between theory and application. The two aims have relatively autonomous research methods, and while the results of theoretical studies supply perspectives for the analysis of linguistic data, the analyses of linguistic data provide input for theoretical developments. Diversity is another desired trait: a wide range of linguistic phenomena and communicative acts explained by a coherent theory enrich language analysis. The book ‘The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness’ demonstrates that the field of (im)politeness research excels in terms of both complementarity and diversity.

The book is composed of four parts. The first two parts, ‘Foundations’ and ‘Developments’ concern theoretical aspects of the research. Seven chapters in ‘Foundations’ show how researchers who are inspired by Brown and Levinson (1978/1987), who were in turn inspired by Goffman (1967), as well as Lakoff (1973) and Leech (1983), have been cultivating the research field of (im)politeness for more than 20 years. They have focused on the issues of face, power, ideology, indexicality and convention, and have contributed to pragmatic theory and sociocultural studies. Eight chapters in the second part, ‘Developments’ introduce how Brown and Levinson’s politeness theory has been examined critically, and how (im)politeness research has extended its domain to compensate for weaknesses of the original theory. As discussed in detail below, the concept of *impoliteness* (Culpeper 1996, 2005, 2011) has brought a new perspective to the (im)politeness research: impoliteness as well as politeness manifests as facework strategies achieved discursively. The topics in this part vary from impoliteness, identity, rationality and emotion to prosody, gesture and methodology.

The remaining two parts focus on (im)politeness in context. The third part, ‘(Im)politeness and variation’ examines the classical aspects of variation across gender, region and culture, as well as diachronic variation. The last part, ‘(Im)politeness in specific contexts’ include studies of (im)politeness in institutional encounters such as workplace, service, healthcare, legal and political exchanges, as well as studies of (im)politeness in fictional texts and digital communication.

Chapters in these four parts are overviewed in the following paragraphs.

The first chapter of the section of ‘Foundations,’ ‘Pragmatic Approaches (Im)politeness’ (Jonathan Culpeper and Marina Terkourafi) describes the pragmatic character of the classic theory of politeness. The concept of Face Threatening Acts (FTA) (Brown and Levinson 1978/1987) is based on the speech act theory (Austin [1962]1975, Searle 1969): FTAs are speech acts that threaten the face of the speaker or the hearer. Politeness is explained as the principle (Lakoff 1973, Brown and Levinson 1978/1987 and Leech 1983) by which the conversational maxims (Grice 1975) are ratified.

‘Sociocultural Approaches to (Im)politeness’ (Sara Mills) introduces an interactive sociocultural model of (im)politeness. Brown and Levinson (1978/1987) developed a model of politeness which focuses on the individual speaker who aims

to achieve her/his goal in a conversation. Sociocultural approaches, on the other hand, concern the role that society and social norms play in the production and understanding of politeness. In these approaches, politeness is constructed jointly by individuals in groups, informed as they are about wider social norms relating to politeness.¹

‘Ideology and (Im)politeness’ (Manfred Kienpointner and Maria Stopfner) defines the concept of ‘ideology’ as a general perspective organizing our attitudes and beliefs in relation to the (social) world. The chapter adopts the distinction between politeness 1 (the common-sense notions of politeness) and politeness 2 (a term within a theory of social behaviour and language use) (Watts et al. 1992) and describes ideologies of (im)politeness 1, which concerns class, gender, ethnicity and age, and ideologies of (im)politeness 2, which is rationalistic, homogenising, code-based or inference-based ideologies.

‘Face and (Im)politeness’ (Jim O’Driscoll) takes a historical approach to the use of face in politeness studies. In Brown and Levinson (1978/1987) face is the public-image that every member of a society wants to claim for her/himself. In Goffman (1967), on the other hand, face is a phenomenon involving interactions. The two sides of face that Brown and Levinson (1978/1987) distinguish as positive and negative face are described as connection and separation face (Arundale 2006), approach and withdrawal (Terkourafi 2007) and interpersonal and personal face (Janney and Arndt 1992) among others.

‘Power, Solidarity and (Im)politeness’ (Helen Spencer-Oatey and Vladimir Žegarac) explores the concepts of power (P) and solidarity/distance (D) and demonstrate that P and D play the major role in the performance, interpretation and negotiation of linguistic (im)politeness. P and D are key variables in Brown and Levinson (1978/1987) and Leech (1983). According to them, the greater the weight of P and D the greater politeness that is required. This idea is challenged by Wolfson (1988), who claims greater politeness is shown to those who are neither intimate nor distant.

An index stands for its object by virtue of a real connection with it (Peirce 1901), and Lyons (1977) interprets one sense of ‘index’ as signs that reveal personal characteristics of the writer and speaker. ‘Indexicality and (Im)politeness’ (Barbara Pizziconi and Chris Christie) introduces studies of (im)politeness as an indexical phenomenon. They analyse authentic, situational data about (im)polite behaviours, and account for the cultural and historical background against which they occur.

‘Convention and Ritual (Im)politeness’ (Marina Terkourafi and Dániel Z. Kádár) discusses the characteristics of the philosophical concept of ‘convention’ and ‘ritual’ as they apply to (im)politeness phenomena. The concept of ‘convention’ advocated by Grice (1975), Strawson (1964) and Lewis (1969), and in particular, the convention of usage can account for (im)politeness. The chapter describes the

¹ Tzanne and Sifianou (2019) also focus on societal (im)politeness. They identified two emerging social identities, those of ‘polite’ and ‘impolite citizen’, dynamically co-constructed as binary opposites by the journalist and posters involved.

situational nature of ritual (Goffman 1967 and Brown and Levinson 1978/1987), arguing that ritual politeness encompasses a variety of ‘local’ ritual practices, which are not ‘transparent’ from the outsiders’ perspective.

The first chapter of the section of ‘Developments,’ ‘Impoliteness’ (Jonathan Culpeper and Claire Hardaker) describes impoliteness not only as a research target (equivalent to rudeness) but also in terms of research principles and methodology. Linguistic impoliteness is not a simple mirror image of linguistic politeness, which is extensively studied by Brown and Levinson (1978/1987); they focus on mitigating threat to face, and ignore impoliteness. Impoliteness research emphasises how lay-person’s conception of impoliteness is revealed in their discourse, and how impoliteness is constructed in the ebb and flow of interaction. Studies of impoliteness lie in a middle ground between the classic and the discursive approach, as shown also in relational approaches (e.g. Spencer-Oatey 2001 and 2008) and the frame-based approach to politeness (Terkourafi 2001).

‘(Im)politeness and Identity’ (Pilar Garcés-Conejos Blitvich and Maria Sifianou) presents the view that face and identity are intrinsically related and co-constitute each other. Solidarity/deference and verbal aggression, which are broadly related to (im)politeness, can be tied to process of identity construction. The authors claim that the intrinsic relation between face and identity is evident in Goffman (1967), who conceptualises face as being tied to a line (a role, an identity) (Garcés-Conejos Blitvich 2013), while Brown and Levinson (1978/1987) alter the essence of this construct, and present face as a cognitive construct possessed by a rational person.

‘(Im)politeness and Relationality’ (Jun Ohashi and Wei-Lin Melody Chang) explores the sociocognitive construct of face-as-relationship, which is based on Goffman’s (1967: 5) original sense of face: ‘the positive social value a person effectively claims for himself(sic) by the line others assume he has taken during a particular contact.’ They maintain that a person who claims the social value in open negotiation is conceptualised dialectically through relationships.

‘(Im)politeness and Emotion’ (Andreas Langlotz and Miriam A. Locher) puts forward the idea that emotions are intricately tied to the concept of face and identity construction. Emotions are both personal and social phenomena (Planalp 1999). Emotional communication can be taken as an ontologically basic form of intersubjective engagement (Foolen et al. 2012). Emotions are directly linked to sociality and relationship building and function as the glue for social bonding, giving the edge to acts of social sanctioning (Boxer and Cortés-Conde 1997).

Mixed messages are messages which contain features that point towards a polite interpretation mixed with features that point towards an impolite interpretation (Culpeper 2011, Rockwell 2006). ‘(Im)politeness and Mixed Messages’ (Jonathan Culpeper, Michael Haugh and Valeria Sinkeviciute) discusses mismatching interpersonal messages in interaction that are incongruous on at least one level of interpretation or generate a sense of interpretive or evaluative dissonance. Examples include irony, ritualised banter and teasing. Mixed messages

can involve a complex interplay of polite and impolite attitudes, and are very often designed to be ambivalent as to the producer's 'genuine' intentions. As a result, they often give rise to a range of different evaluation on the part of participants.

'(Im)politeness: Prosody and Gesture' (Lucien Brown and Pilar Prieto) asserts that (im)politeness resides not just in *what* you say, but also *how* you say it, and, therefore, multimodal approaches are required for (im)politeness research. The chapter examines prosody (fundamental frequency parameters, duration, intensity, voice quality) and gesture, and demonstrates that prosody and gesture play crucial roles in the way that politeness is negotiated in context.

'Experimental Approaches to Linguistic (Im)politeness' (Thomas Holtgraves and Jean-François Bonnefon) overviews experimental research on linguistic politeness. Experimental approaches to politeness can provide important information regarding the processing of politeness and hence address theoretically important issues such as relationship between politeness and indirectness.² Another important development is the use of electrophysiological techniques to examine politeness in real time.

'(Im)politeness and Developments in Methodology' (Andreas H. Jucker and Larssyn Staley) surveys data collection methods in a large range of research that uses the term 'politeness' or 'impoliteness,' or focuses on specific speech acts that are considered to be polite or impolite. Those methods are classified into (i) armchair approaches (those of philosophers such as Austin and Searle, in which the work was entirely based on their own intuition and critical thinking), (ii) laboratory approaches (experimental approaches), (iii) field approaches (based on the empirical observation of naturally occurring data), (iv) diary studies (researchers collect specific instances of verbal behaviour as they encounter them in their daily life), (v) interactional approaches (researchers analyse the function of utterances in both their discourse and social context), (vi) philological approaches (fictional texts, e.g. movie scripts, plays or novels are analysed) and (vii) corpus-based studies.

As the first chapter of the part of '(Im)politeness and Variation,' 'Historical (Im)politeness' (Andreas H. Jucker and Joanna Kopaczyk) focuses on the variation of (im)politeness across time and overviews the research in this field. The major research includes Brown and Gilman (1989), who use William Shakespeare's tragedies to test Brown and Levinson's (1978/1987) politeness theory, and Culpeper (1996), who uses an extract from *Macbeth* to show how impoliteness can play an important role in the development of character and plot. Research on historical (im)politeness examines forms and functions of address terms such as *thou* and *ye* (Bunnley 2003), and the diachronic development of 'polite' pronouns such as French *vous* and German *Sie*. Face-threatening or face-enhancing speech

² Terkourafi (2014) proposes a view of the function of indirect speech, which emphasizes the role of the addressee and the importance of network ties. Terkourafi (2019) argues that processes of urbanization and globalization produces a need for increased explicitness, which drives speaker (and listeners) away from indirectness.

acts are investigated, and Kohnen (2008), for example, focuses on directives in Anglo-Saxon England. Busse (2002) describes the politeness effect produced by the diachronic shift from requests with *pray* to requests with *please*.

‘(Im)politeness: Language Socialization’ (Haruko M. Cook and Matthew Burdelski) discusses language socialization in relation to (im)politeness. Language socialization theory considers language as embedded in cultural practice and acquired together with sociocultural knowledge. The process of language socialization involves learning to understand and use language as an index of politeness in relation to identities, actions, and activities, among others. The research focuses on interactional routines, and examines requests and directives as well as honorifics.

According to ‘(Im)politeness: Learning and Teaching’ (J. César Félix-Brasdefer and Gerrard Mugford), research into interlanguage pragmatics (ILP) has demonstrated that various aspects of pragmatics can be taught in the classroom from beginning levels of language instruction. Some studies in ILP focus on the teaching and learning of L2 politeness and processes of socialisation, and the chapter introduces three approaches. In the teaching conformity approach, the target language (TL) politeness models are adhered to by imitating native speakers’ interactional norms and practices, or by following conventional speech act patterns. Discursive approaches are based on the premise that (im)politeness is enacted and achieved interactionally between participants, and foreign language (FL) users decide how to engage in (im)politeness practices and negotiate their identities. Face approaches to researching the teaching and learning of (im)politeness emphasise how FL interactants wish to come across and interact with other participants, and researchers examine what interactants are trying to achieve individually, collectively, culturally and socially with other interactants.

‘(Im)politeness and Gender’ (Malgorzata Chalupnik, Christine Christie and Louise Mullany) highlights the significant role that gender has played in politeness research. Lakoff (1975) explains gendered differences in linguistic behaviour, and argues that differences are both a symptom and a cause of social inequalities between men and women. Brown (1980) aims to show how the specific features that distinguish the speech of men and women are related in a specifiable way to the social-structural pressures and constraints on their behaviour. Homes (1988, 1993, 1995) adopts Brown and Levinson’s (1978/1987) framework, and assumes that politeness behaviour is strategic. In Butler’s (1990) theorisation of gender performativity, gender is described as a verb, as something that people do rather than something that they inherently possess. She argues that specific reiterative discursive practices have the power to shape social reality. From the 1990s, scholarship on gender and language increasingly regards gender as an unstable construct that speakers achieve through their use of linguistic resources.

‘(Im)politeness and Regional Variation’ (Klaus P. Schneider and María Elena Placencia) examines how notions of (im)politeness and appropriate behavior vary across countries sharing the same language. Traditional dialectology has

predominantly concentrated on regional variation within one country. There is a more recent tradition of investigating regional variation at the national level. Examples include French (spoken in France, Belgium, Switzerland and Canada) and German (spoken in Germany, Austria, Switzerland and Belgium). Five types of regional variation are distinguished: supranational, national, subnational, local and sublocal. Among those studies with an explicit (im)politeness focus, some draw on Brown and Levinson's (1978/1987) face theory and its variations such as Scollon and Scollon (2001), while others draw on Leech's (1983) Politeness Principal and maxims or Spencer-Oatey's (2000, 2008) rapport management framework.

'(Im)politeness and Cultural Variation' (Maria Sifianou and Garcés-Conejos Blitvich) overviews arguments relating to the universality and inter- and intracultural variation of politeness, while discussing the issues of cultural variation. The most influential early politeness theories (Lakoff 1973; Brown and Levinson 1978/1987; Leech 1983) were basically universalistic assuming that the rules, strategies and maxims presented were of universal application. Soon after, substantial criticism of the assumed universal applicability of these early politeness models came initially from non-Western scholars. However, the early politeness theorists would agree that no society is completely uniform in its politeness orientation, and Brown and Levinson (1978/1987), for example, allow for a certain degree of cross-cultural variation. New ways of looking at politeness phenomena and their relationship to 'culture' were initiated by Eelen (2001). The so-called 'discursive' approach to politeness emerged as prominent and highly influential (Haugh 2007; Kádár 2011; Mills 2011). Discursive researchers place emphasis on the need to explore lay understanding of politeness, and the hearer's subjective evaluation of the politeness exhibited by the speaker. It has been argued that, instead of making overgeneralization about cultural linguistic norms of a language community as a whole, politeness and impoliteness should be seen as resources available to interlocutors within specific subcultures and genre practices and the resources which different groups will view in different ways.

'Intercultural (Im)politeness' (Michael Haugh and Dániel Z. Kádár) observes that the bulk of studies of im(politeness) have been *cross-cultural* rather than *intercultural*. Cross-cultural studies have analysed im(politeness) in intracultural settings and compared cases across cultural groups. Intercultural studies, on the other hand, analyse im(politeness) in encounters between interactants with different cultural backgrounds, and this area is relatively understudied. The complication in the case of intercultural encounters is that the moral grounds for evaluations of 'polite,' 'impolite,' 'appropriate' and 'inappropriate' cannot be readily presumed by participants, but must inevitably be negotiated across multiple perspectives. Researchers in intercultural communication assume that, because participants are from different national or ethnic backgrounds, an intercultural interaction ensues. Van der Bom and Mills (2015), for example, have argued that cultural norms in intercultural interactions are 'discursively negotiated.' While it is clear that

evaluations of im(politeness) are discursively accomplished, it is not so clear what makes sequences of interaction intercultural as opposed to simply interpersonal. Intercultural encounters represent the perspective of the cultural ‘other’, which is an *etic* perspective.³

As the first chapter of the final part, ‘(Im)politeness in Specific Contexts,’ ‘(Im)politeness in the Workplace’ (Janet Holmes and Stephanie Schnurr) focuses on (im)politeness in workplace interaction. Linguistic politeness is defined as discursively strategic interaction intended and perceived as having been used to maintain harmonious relations and avoid conflict with others. Analysing (im)politeness in workplace discourse is located within a social realist framework. Early research focused on the analysis of written texts, but more recently the research has shifted its focus to spoken interaction. This focus has been extended beyond corporate white-collar environments to (im)politeness phenomena in a wider range of different sociocultural contexts. The research on (im)politeness in workplace interaction provides in-depth analyses of how specific, often potentially face threatening, speech acts are performed by members of specific workplaces in a chosen sociocultural context. Requests, directives, disagreements, complaints and refusals are speech acts frequently scrutinized in workplace contexts. Humour is another discursive strategy which (im)politeness researchers have investigated.

‘(Im)politeness in Service Encounters’ (Rosina Márquez Reiter and Patricia Bou-Franch) describes studies of (im)politeness and service encounters (SEs). Early studies in service encounters brought to light the repetitions and predictabilities of such mundane social interactions and the communicative subtleties embedded within the genre. The bulk of research on (im)politeness in SEs concern dyadic, face-to-face interaction, and they have been characterized by features like brevity, explicitness, limited range of speech acts (e.g. requests) and stability in participants’ roles, rights and obligations. The advent of the digital revolution has transformed the world of SEs. Consumers who have access to product information can challenge the knowledge and authority that has traditionally been within the sole purview of service providers.

‘(Im)politeness in Health Settings’ (Miriam A. Locher and Stephanie Schnurr) describes studies of (im)politeness in health care communication, which are diverse and varied. They have examined (im)politeness in different healthcare contexts, and the different types and forms of communication and participants involved in the interactions that characterise these contexts. In addition to traditional institutionalised contexts (such as hospitals or general practices), (im)politeness research is increasingly conducted in medical environments such as social care settings, counselling services, and educational settings. Research on internet-related healthcare environments, such as emails and postings on online discussion boards,

³ Haugh and Chang (2019) examine the role of emic or cultural members’ understandings in studies of (im)politeness across language and culture. They analyze criticisms, specifically other-criticisms, in initial interactions in which participants are getting acquainted.

and a range of healthcare-related websites, is on the rise. Another topical strand that runs through the research on (im)politeness in healthcare settings is that of culture.

‘(Im)politeness in Legal Settings’ (Dawn Archer) reviews studies relating legal settings, and the key ideas, concepts and theories in respect to (im)politeness. Those studies describe politeness and/or its absence in legal settings, such as courtroom interaction, appellate court opinions, judicial hearings and police interaction. The range of possible face-work strategies within legal settings traverses everything from face enhancement to face aggravation. Several researchers argue against assigning the evaluation *impoliteness* to institutionally sanctioned aggressive facework, when it is contextually ‘legitimate and desirable’ without being ‘centrally intended as face attack’ (Tracy 2008: 175). For example, cross-examining lawyers are able to use ‘linguistically aggressive behaviour’ (Archer 2011: 3220-21) to undermine the (counter-)crime narrative of the opposition, as part of their role.

‘Facework and (Im)politeness In Political Exchanges’ (Karen Tracy) defines political discourse as talk or writing which involves at least one government official in communication with others about matters of public concern (Ädel 2010). Facework in political exchanges regularly involves positive and negative linguistic politeness forms mixed with self-face enhancing formulations and other face-attacking moves. People’s evaluations of rudeness and reasonableness are not consistent but are linked to the political groups with which they affiliate and the positions they hold on issues of dispute.

‘(Im)politeness in Fictional Texts’ (Dan McIntyre and Derek Bousfield) shows how fiction can provide useful data for the analysis of (im)politeness. The application of theories, models and frameworks for the analysis of (im)politeness can be revealing of process of characterization, and can also assist analysis in uncovering the locus of plot developments. One advantage of fiction as data is that fiction constitutes a limited data set, and another is that it has discourse structures that are more complex than those found in naturally occurring conversation. Short (1996) identifies three levels of discourse in prototypical prose fiction: (i) discursive communication between the author of the text and the reader, (ii) the communication between the narrator of the text and the narratee, and (iii) the discourse level in which characters interact with each other.

According to ‘(Im)politeness in Digital Communication’ (Sage L. Graham and Claire Hardaker), the research on (im)politeness in computer-mediated communication (CMC) is complicated by the characteristics of the media and platform involved. Some platforms such as Skype are highly synchronous, while others such as email and blogs can be asynchronous. Graham (2007) notes that the more asynchronous an environment is, the more likely it is that any perception of impoliteness will expand and multiply within a community. Perceptions of impoliteness in CMC are also affected by the participation structures in different media. In private short-form messages such as SMS (text messages) or IM (instant messages), users select recipients, while writers of a blog do not have a real sense

of who is reading their blogs. Other factors that affect (im)politeness in CMC include anonymity and longevity.

© Etsuko Oishi, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

REFERENCES

- Ädel, Annelie. 2010. How to use corpus linguistics in the study of political discourse. In Michael McCarthy & Anne O’Keeffe (eds.), *Routledge Handbook of Corpus Linguistics*, 591—604. London: Routledge.
- Archer, Dawn. 2011. Cross-examining lawyers, facework and the adversarial courtroom. *Journal of Pragmatics* 43. 3216—3230.
- Arundale, Robert B. 2006. Face as relational and interactional: A communication framework for research on face, facework, and politeness. *Journal of Politeness Research* 2 (2). 193—216.
- Austin, John. L. 1975. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
- Boxer, Diana & Florencia Cortés-Conde. 1997. From bonding to biting: Conversational joking and identity display. *Journal of Pragmatics* 27. 275—294.
- Brown, Penelope. 1980. How and why are women more polite: Some evidence from a Mayan community. In Sally McConnell-Ginet, Ruth Borker & Nelly Furman (eds.), *Women and Language in Literature and Society*, 111—136. New York: Praeger.
- Brown, Roger & Albert Gilman. 1989. Politeness theory and Shakespeare’s four major tragedies. *Language in Society* 18. 159—212.
- Brown, Penelope & Stephen Levinson. 1978/1987. *Politeness: Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Burnrley, David. 2003. The T/V pronouns in later Middle English literature. In Irma Taavitsainen & Andreas H. Jucker (eds.), *Diachronic Perspectives on Address Term Systems*, 27—45. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Busse, Ulrich. 2002. Changing politeness strategies in English requests: A diachronic investigation. In Jacek Fisiak (eds.), *Studies in English Historical Linguistics and Philology: A festschrift for Akio Oizumi*, 17—35. Frankfurt/Main: Peter Lang.
- Butler, Judith. 1990. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.
- Culpeper, Jonathan. 1996. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics* 25. 349—367.
- Culpeper, Jonathan. 2005. Impoliteness and entertainment in the television quiz show: The Weakest Link. *Journal of Politeness Research* 1 (1). 35—72.
- Culpeper, Jonathan. 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eelen, Gino. 2001. *A Critique of Politeness Theories*. Manchester: St. Jerome.
- Foolen, Ad, Ulrike M. Lüdtke, Timothy P. Racine & Jordan Zlatev (eds.). 2012. *Moving Ourselves, Moving Others: Motion and Emotion in Intersubjectivity, Consciousness and Language*. Amsterdam: John Benjamins.

- Garcés-Conejos Blitvich, Pilar. 2013. Face, identity, and (im)politeness: Looking backwards, moving forward—from Goffman to Practice Theory. *Journal of Politeness Research* 9 (1). 1—33.
- Goffman, Erving. 1967. *Interactional Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Allen Lane: The Penguin Press.
- Graham, Sage L. 2007. ‘Do unto others’: Gendered identity construction in an online religious community. In Allyson Jule (eds.), *Language and Religious Identity: Women in Discourse*, 73—1103. Basingstoke: Palgrave.
- Grice, H. Paul. 1975. Logic and conversation. In Peter Cole & Jerry L. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics, Speech Acts*, 3. 41—58. New York: Academic Press. (reprinted Grice 1989).
- Grice, H. Paul. 1989. *Studies of the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Haug, Michael. 2007. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research* 3. 295—317.
- Haug, Michael & Wei-Lin M. Chang. 2019. Indexical and sequential properties of criticisms in initial interactions: Implications for examining (im)politeness across cultures. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 909—929.
- Homes, Janet. 1988. Paying compliments: A sex-preferential positive politeness strategy. *Journal of Pragmatics* 3. 445—465.
- Homes, Janet. 1993. New Zealand women are good to talk to: An analysis of politeness strategies in interaction. *Journal of Pragmatics* 20 (2). 91—116.
- Homes, Janet. 1995. *Women, Men and Politeness*. London: Longman.
- Janney, Richard & Horst Arndt. 1992. In Richard J. Watts, Sachiko Ide & Ehlich Konrad (eds.), *Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice*, 21—41. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kádár, Dániel Z. 2011. Postscript. In Linguistic Politeness Research Group (LPRG) (eds.), *Discursive Approaches to Politeness*, 245—262. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kohnen, Thomas. 2008. Directives in Old English: Beyond politeness? In Andreas H. Jucker & Irma Taavitsainen (eds.), *Speech Acts in the History of English*, 27—44. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Lakoff, Robin T. 1973. The logic of politeness; or minding your P’s and Q’s. In Claudia Corum, Thomas C. Smith-Stark & Ann Weiser (eds.), *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 292—305. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Lakoff, Robin T. 1975. *Language and Woman’s Place*. New York: Harper and Row.
- Leech, Geoffrey N. 1983. *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Lewis, David. 1969. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Lyons, John. 1977. *Semantics*. 1. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mills, Sara. 2011. Discursive approaches to politeness and impoliteness. In Linguistic Politeness Research Group (LPRG) (eds.), *Discursive Approaches to Politeness*, 19—56. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Peirce, Charles S. 1901. Index (in exact logic). In James M. Baldwin (eds.), *Dictionary of Philosophy and Psychology*, 1. 531—532. London: Macmillan and Co.
- Rockwell, Patricia A. 2006. *Sarcasm and Other Mxed Messages: The Ambiguous Ways People Use Language*. Queenston: Edwin Mellon Press.
- Scollon, Ronald & Suzanne W. Scollon. 2001. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*, 2nd edn. Oxford: Blackwell.
- Searle, John. 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Short, Mick. 1996. *Exploring the Language of Poems, Plays and Prose*. London: Longman.
- Spencer-Oatey, Helen (eds.). 2001. *Culturally Speaking: Managing Rapport Through Talk Across Cultures*. 1st edn. London/New York: Continuum.
- Spencer-Oatey, Helen (eds.). 2008. *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory*. 2nd edn. London/New York: Continuum.
- Strawson, Peter F. 1964. Intention and convention in speech acts. *The Philosophical Review* 73 (4). 439—460.
- Terkourafi, Marina. 2001. *Politeness in Cypriot Greek: A Frame-Based Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Terkourafi, Marina. 2007. Toward a universal notion of face for a universal notion of cooperation. In Istvan Kecskés & Laurence R. Horn (eds.), *Explorations in Pragmatics: Linguistic, Cognitive, and Intercultural Aspects*, 307—338. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Terkourafi, Marina. 2014. The importance of being indirect: A new nomenclature for indirect speech. *Belgian Journal of Linguistics* 28 (1). 45—70.
- Terkourafi, Marina. 2019. Indirectness in the age of globalization: A social network analysis. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 930—949.
- Tracy, Karen. 2008. Reasonable hostility: Situation-appropriate face-attack. *Journal of Politeness Research* 4. 169—191.
- Tzanne, Angeliki & Maria Sifianou. 2019. Understandings of impoliteness in the Greek context. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 1014—1038.
- Van der Bom, Isabelle & Sara Mills. 2015. A discursive approach to the analysis of politeness data. *Journal of Politeness Research* 11(2). 179—206.
- Watts, Richard J., Sachiko Ide & Ehlich Konrad (eds.). 1992. *Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wolfson, Nessa. 1988. The bulge: A theory of speech behaviour and social distance. In Jonathan Fine (eds.), *Second Language Discourse: A Textbook of Current Research*, 21—38. Norwood: Ablex.

Bionote:

ETSUKO OISHI is a professor of linguistics at Tokyo University of Science. She has been developing Austin's speech act theory, and her research has focused on context, appropriateness, apologies, evidentiality and modality, referring and predicating, expositives, indexicality and discourse markers. Her work has appeared in journals such as *Journal of Pragmatics*, *Intercultural Pragmatics* and *Pragmatics and Society* and in edited volumes from Springer, John Benjamins and de Gruyter. She is the co-editor (with Anita Fetzer) of *Context and Contexts: Parts Meet Whole?* (Benjamins 2011). As a guest editor, she co-edited (with Anita Fetzer) the special issue of evidentiality in discourse in *Intercultural Pragmatics* (2014).

Contact information:

Tokyo University of Science
1-3 Kagurazaka, Shinjuku-ku, Tokyo, 162-0825, Japan
e-mail: oishi@rs.tus.ac.jp

Сведения об авторе:

ЭЦУКО ОИСИ — профессор лингвистики Токийского университета науки. Занимается разработкой теории речевых актов Остина. Ее исследования сосредоточены на контексте, уместности, извинениях, эвиденциальности, модальности и дискурсивных маркерах. Она публиковалась в таких журналах, как *Journal of Pragmatics*, *Intercultural Pragmatics*, *Pragmatics and Society*, а также в редактируемых сборниках, выпущенных издательствами Springer, John Benjamins и de Gruyter. Являлась соредактором сборника статей *Context and Contexts: Parts Meet Whole?* (Benjamins 2011), а также приглашенным соредактором специального выпуска по эвиденциальности в дискурсе журнала *Intercultural Pragmatics* (2014).

Контактная информация:

Токийский университет науки

162-0825, Япония, Токио, Shinjuku-ku, Kagurazaka 1-3

e-mail: oishi@rs.tus.ac.jp

DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-506-514

Book review

**Review of Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez
(eds.). 2019. *Emotion in Discourse*. Amsterdam
and Philadelphia: John Benjamins**

Marianna Ryshina-Pankova

Georgetown University
Washington, DC, USA

For citation:

Ryshina-Pankova, Marianna. 2020. Review of Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez (eds.). 2019. *Emotion in Discourse*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 506—514. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-506-514

Рецензия

**Рецензия на книгу
Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez (eds.).
2019. *Emotion in Discourse*. Amsterdam
and Philadelphia: John Benjamins**

Марианна Рышина-Панкова

Джорджтаунский университет
Вашингтон, округ Колумбия, США

Для цитирования:

Ryshina-Pankova, Marianna. 2020. Review of Mackenzie, J. Lachlan and Laura Alba-Juez (eds.). 2019. *Emotion in Discourse*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 506—514. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-506-514

Emotion in Discourse, a collection of articles edited by two prominent linguists J. Lachlan Mackenzie from Vrije Universiteit Amsterdam and Laura Alba-Juez from Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED), Madrid, instantiates what has been called the “emotional turn” in the human sciences and specifically in the study of language (see also Alba-Juez & Larina, 2018, a special issue of this journal devoted to this theme). The volume focuses on the crucial importance of emotion in human communication and on the construal of emotions through language. Presenting the latest theoretical and empirical research on this matter, the

book aims to provide a detailed account of the interaction of emotion, language, language proficiency, culture, and discourse.

The first chapter, by Laura Alba-Juez and Lachlan Mackenzie, gives an overview of the different approaches to emotion in linguistics and psychology and lists the main research questions underlying the book. These concern the issue of differentiating between evaluative and emotive discourse, the contribution of research in psychology to our understanding of the language of emotions, and the relationship between pragmatic competence, expression of emotion, and emotional intelligence among others. The editors provide their own definition of emotion that serves as the guiding conceptualization for the entire book: “...we view emotion as a (dynamical) system of language which interacts with the system of evaluation but whose main function is the expression of the speaker’s feelings, mood or affective experience. It is a multimodal discourse process, which permeates all linguistic levels but also manifests itself in non-verbal ways, presenting different stages and forms (influenced by variables such as pragmatic expectations or common-ground knowledge) according as the discursive situation and interaction changes and evolves.” (p. 18). The chapter ends with a short summary of each of the 13 studies in the volume that are grouped under four large themes: Expression of emotion at the different linguistic levels, pragmatics and emotion, interdisciplinary approaches to emotion, and emotions in different discourse types.

The first section, which includes five studies on the construal of emotions through specific lexicogrammatical resources, opens with a chapter by Monika Bednarek (Chapter 2) whose focus is on the multiple functions of swear or taboo words. Some foundational knowledge of the systemic functional (SFL) theory of language is presupposed, as Bednarek problematizes the theoretical conceptualization and terminology used to describe swear/taboo words in this framework and presents a new theorization of these evaluative resources in SFL discourse semantics. The new model assigns three main functions to these words—expression of emotion, emphasis/intensification, social distance/solidarity, and a stylistic/idiomatic function — and places them within specific discourse semantic systems in the SFL model, such as Appraisal and its subsystems of Affect, Graduation, and Engagement. In the empirical part of the chapter that reports on a corpus-based analysis of the Sydney Corpus of Television Dialogue, the author illustrates how some of these functions of swear words work for the purposes of the specific genre in question, such as creating realism, constructing setting and happenings, the characterization of protagonists, and exploitation of the resources of language for creating humor. In conclusion, Bednarek points out the usefulness of corpus-based studies for identifying patterns of usage and functions.

In Chapter 3, Lachlan Mackenzie continues the topic of swear words but takes a different perspective on them. Drawing on the theoretical framework of Functional Discourse Grammar (FDG) (Hengeveld & Mackenzie, 2008), the researcher examines different uses of the taboo word “fuck” and its derivatives. The following types of uses are identified: literal representation use, single discourse

act, metaphorical representation, lexical substitution, and expletive use, which is the focus of the chapter. While the study does not provide much information on the contexts of use and is not based on an analysis of a corpus, it does present insightful examples of uses of this swear word and delineates the peculiarities of its syntactic distribution in the expletive function. The author concludes that while the expletive use of these constructions reveals high emotional involvement, their grammatical and syntactic properties are not innovative and can be captured by reference to the existing grammatical model of FDG.

In Chapter 4, Angela Downing and Elena Martinez Caro point out the significance of another linguistic structure for the study of emotions in discourse, that of interjections. In particular, in their corpus-based study, the authors investigate the origins of the expression “gosh,” the frequency of its use, differences in American and British English usage, and its syntactic behavior: positioning, surrounding elements and co-occurrence with mood type. The authors identify the following evaluative functions of this interjection: expression of emotion, intensification, the speaker's state of knowledge, and a discourse-structuring function.

In Chapter 5, rather than focusing on specific linguistic forms, as in the previous chapters, Ruth Breeze and Manuel Casado-Velarde turn to a cross-linguistic investigation of the phraseology of emotions that compares expression of feelings in English and Spanish with a particular focus on metaphoric language and specifically on metaphorical expressions with no explicit reference to feelings as such (as in “bite the bullet”). Taking a ‘philological approach,’ the researchers first identify these expressions from English and Spanish dictionaries of idioms and then analyze those that indicate the absence and presence of emotions and those that refer to the vague emotions, the impact of powerful emotions, and the ability to experience and control strong emotions. Drawing on the work of cognitive linguistics (Kövecses, 2000; Lakoff & Johnson, 1980), the authors discuss and illustrate various recurring schemata (for example, emotion as a captive animal; emotion associated with a rise in temperature) used for expressing emotions in the two languages and pose as a question for future research whether these common schemata reflect universal embodied experiences or a common cultural heritage. One of the interesting findings is the attribution of differences in conventional English and Spanish metaphorical construals of emotions to a cultural filter, for example, the locus of emotions in Spanish as “innards” or the positive meaning of “cool” in reference to emotions in English (as in “keep one’s cool”). The authors conclude their chapter by calling for the construction of an onomasiological dictionary of emotions that would catalogue various language-specific expressions of emotion, thus recording shared cultural experiences and memories and helping L2 language users learn about them.

Ad Foolen, in Chapter 6, draws attention to the value of specific lexical items — “left” and “right” — that we do not immediately interpret as evaluative. Starting with an elegant and pertinent epigraph, the author explores the positive and

negative valence of these words diachronically and across different cultures. He explains the valence with reference to the bodily dimension of handedness: right hand as a stronger hand, right-handedness as a typical trait for the majority of humans, and the lateralization of emotion. Furthermore, the chapter explores the valence of “left” and “right” in various domains of culture: in art, in religion, and in two types of discourse, those of politics and traffic. In conclusion, the author emphasizes cross-cultural differences in the salience of the valence and in its polarity and suggests examination of the positive and negative connotations of “left” and “right” in different types of discourses as a future area of research.

The next section of the book, “Pragmatics and emotion”, stresses the importance of feelings in everyday communication and examines the expression of emotions in various interactional contexts. In Chapter 7, Francisco Yus explores the characteristics of Internet-based communication from the perspective of cognitive pragmatics. In particular, he describes the phatic (i.e., oriented towards establishing social ties rather than rendering propositional content) nature of interaction in text messaging and on social networks. The chapter gives an insightful account of the positive contextual affordances of the mobile phone, as well as of positive non-propositional phatic effects of instant messaging and other online interactions that explain the common addiction to the screen. Interestingly, the author points to scenarios where the phatic aspects of interaction are beyond the intentions of the sender and are not necessarily consciously noted by the addressees, yet form a residue that gives value to the mundane propositional content.

Chapter 8 continues the focus on what can be considered another example of phatic interaction, namely on humorous banter that elicits the emotion of mirth. Salvatore Attardo is interested in how humor interactions that last for more than 3 turns are marked and sustained. Counter to expectation, Attardo provides research evidence that shows that it is not pauses, difference in the pitch or volume or even laughter that key conversations as humorous, but predominantly the facial expression of smiling and the “smiling voice” phenomenon. The author further elaborates that the presence of humor co-occurs with increased smiling intensity, various stages of which are carefully defined, which, through the activation of mirror neurons, prompts the interlocutor to produce the same facial gesture and continue the humorous exchange, contributing to “the virtuous circle of humor.”

Chapter 9 by Nina-Maria Fronhofer concludes the section by addressing the complexity of emotion discourse through a conceptual model of Emotion Events that incorporates but also extends the systemic functional Appraisal framework (Martin & White, 2005). This model aims to capture both emotion talk and emotional talk (Bednarek, 2008). Fronhofer’s study is based on the contrastive corpus-based investigation of epistemic markers in experimentally elicited narratives written by British and German university students in response to 2 types of prompts, one about receiving an unfair mark and the second one about getting the highest mark. Epistemic markers were coded in the immediate linguistic context of emotion lexemes, specifically those that express anger. Presenting the results of

the quantitative and qualitative analysis, the author convincingly demonstrates the important function epistemic markers play as resources for boosting or attenuating emotions on the one hand and for presenting them in dialogically contracting or expanding ways, on the other. The chapter also reveals interesting findings with regard to gender and cross-cultural differences in the use of these resources across English and German.

Section 3, on interdisciplinary approaches to emotion, opens with a study by Alba-Juez and Juan-Carlos Pérez-González (Chapter 10) that aims to investigate the relationship between aspects of emotional intelligence (EI) and pragmalinguistic competences (PC). Drawing on the theory of emotional competence (Mikolajczak, 2009) and communicative competence as used in the Common European Framework of Reference for Languages (Council of Europe, 2001), the authors designed a study that uses written responses by the employees, L1 users of Spanish, of five engineering companies to an emotionally laden scenario related to work, an elicitation test of emotive vocabulary for assessing PC, and a psychometric questionnaire for measuring an aspect of EI. Politeness Theory (Brown & Levinson, 1987), Appraisal Theory (Martin & White, 2005), and e-implicature (Schwarz-Friesel, 2010) are employed as methodological tools for the analysis of pragmalinguistic competence and the characteristics of Trait Emotional Intelligence (TEI) that includes perception of emotions, expression of emotions and empathy as a critical construct for the analysis of EI. Creative study design and a thorough analysis backed up by strong interrater reliability measures resulted in insightful findings. The most interesting of them is a positive association between a medium level of TEI and better results in PC. More studies with larger sample sizes would be needed to corroborate the result and explore its implications.

A further illustration of applying an interdisciplinary lens to the study of emotions, Chapter 11 by Jean-Marc Dewaele, Pernelle Lorette and Konstantinos V. Petrides aims to investigate the impact of cultural, linguistic and psychological profiles of individuals on their ability to recognize emotions (ERA). Utilizing an ecologically valid methodological approach that included audio-visual recordings of scenarios related to basic emotions (i.e., happiness, sadness, anger, fear, surprise, and disgust) performed by a British actress, the researchers asked British and American users of English as an L1 to identify the portrayed emotions in order to measure their ERA score. This score was juxtaposed with the results on a lexical test that has been considered to be a good indication of language proficiency in general and the scores on the Trait Emotional Intelligence (Trait EI) Questionnaire. The results reveal various interesting interactions between the variables. With regard to cultural influences, the results did not support the original research hypothesis about an in-group advantage in ERA for British L1 users, perhaps due to the relative similarity in cultures. Most interestingly, the hypothesis about the effect of linguistic proficiency on the ERA score was confirmed, which means that a higher proficiency helped in identifying emotions. And finally, with regard to the psychological characteristics, participants with a higher score on the Trait EI survey

were also better at recognizing emotions. The authors also found a relationship between higher linguistic proficiency and Trait EI. They suggest exploring this relationship in future research, as they hypothesize that individuals who exhibit such characteristics of Trait EI as, for example, adaptability, emotion expression and management may be able to reach superior levels of linguistic proficiency in their L1. At the same time, one of the most unexpected aspects of the interaction between linguistic proficiency and Trait EI was that individuals with lower linguistic proficiency were able to recognize emotions better if their level of Trait EI was high.

Chapter 12 by Miguel-Ángel Benítez-Castro and Encarnación Hidalgo-Tenorio is one of the most fascinating in the volume as it presents an interdisciplinary, linguistic and psychological approach to the enhancement of Appraisal Theory (Martin & White, 2005) as one of the most powerful frameworks to date for describing the linguistic encoding of evaluation and specifically emotions. Taking Bednarek's work (2008) on revising the subsystem of Appraisal Theory, Affect, one step further, the authors use psychological emotion theories and data from the British National Corpus to refine the SFL-based taxonomy of emotions by addressing inconsistencies, reconciling theoretical gaps, and clarifying the fuzziness of different categories. A thorough presentation of linguistic, psychological and neuroscientific evidence allows the authors to convincingly argue for reorganizing the Appraisal system, rethinking some categories, and redrawing the boundaries between others. They propose to revise the taxonomy of Affect by foregrounding the role of goals, needs, and motivations as forming the basis of all emotional experience rather than as a factor for only one category of Affect--dis/satisfaction, as in the current Appraisal model. In line with this principle, the authors suggest differentiating between goal-seeking emotions, goal-achievement emotions, and goal-relation emotions, with each category further divided into specific types of feelings. While some questions arise about the terminology or fit of some evaluative lexis within a particular category, overall this new model seems to offer a more differentiated and psychologically grounded view on the encoding of emotions in discourse and should inspire further (qualitative and corpus-based) studies that would put it to the test.

The last section of the book includes two qualitatively oriented studies that reveal the role of emotions in journalistic and scientific discourses. Chapter 13 by Isabel Alonso Belmonte uses the SFL approach, Transitivity and Appraisal, specifically the subsystem of Attitude (Affect, Judgment, Appreciation), to analyze emotional meaning in newsbites on the controversial eviction crisis in Spain published online in the Spanish newspaper *El País* in 2014. The author is interested in identifying the types of participants construed by the newsbites and distinguishes the three most salient roles that appear in this genre: "victims" referring to evicted, "heroes" referring to anti-eviction activists, and "villains" referring to police, banks or the national government who forced eviction. While such interpretation of the discourse participant roles is plausible, the evaluative terms used to describe them

appear justifiable only after the presentation of the Transitivity analysis. This analysis, however, does not make an explicit argument for presenting these three types of roles in evaluative terms. The reader has to assume that the use of passive voice or the transitivity role of Carrier in a relational process could be seen as marking evicted as victims, just as the use of material processes with negative Judgement (e.g., “crush,” “sweep away”) can be considered a feature that construes financial, political and legal bodies as villains. And finally, it is the verbal processes that are also marked for positive or negative Judgment (e.g., “accuse,” “denounce,” “promise”) and the role of Actor in material processes that seem to encode heroes. The statement about the use of Affect in the victims’ quotes is illustrated with fitting examples but could benefit from a more detailed or technical discussion of the affective meanings. The article ends with an insightful comparison of this type of news presentation to traditional storytelling, as both genres utilize the archetypal participant roles discussed in the study.

Finally, the last chapter by Carmen Sancho Guinda is devoted to the analysis of emotional meanings in a novel visual genre, that of academic graphical abstracts (GA) submitted to high-impact scientific journals (like *Cell*). The author starts by pointing out how the genre of GA illustrates various disparities that tend to characterize contemporary academic discourse in general, like the tension between the need to present information objectively and at the same time promotionally, or the need to appeal to an expert audience and at the same time to other communities of practice. She then argues that GA, due to their visual nature, unpredictability of formats and imprecise guidelines for authors, cannot fulfil the functions that traditional abstracts play in academic discourse and thus can only serve as abridged and transduced (i.e., translated from one mode of communication to another) versions of the latter. Transduction into the visual mode, however, opens new opportunities for meaningmaking in which emotion and subjectivity play a major role, enhancing the scientific information but also distracting from it. The author shows how stylizations in GA merge Appreciation and Affect from the Appraisal model (Martin & White, 2005) and lead to trivialization of scientific information. Furthermore, she gives stimulating examples of the ways trivialization manifests itself through prettification (for example, presenting chemical symbols as cartoon characters) or the use of visual/multimodal metaphor (like encoding doubt about a chemical substance through the figure of Shakespeare’s Hamlet), two strategies that sometimes make GA look like instances of a different genre (for example, advertisement). Despite much critique of the genre, the author’s ultimate conclusion is that GA might be a good tool for democratizing science.

The edited volume ends here and could have benefited from a concluding chapter that would tie all the interesting studies and their findings together and chart the answers to the overarching questions formulated in the introductory chapter. Despite this criticism, all in all, the book promotes a multi-faceted, interdisciplinary, and cross-cultural understanding of the complex issue of emotion in discourse. It addresses the role and expression of emotion in different languages

and across a wide variety of contexts, presents the reader with a balanced mix of theoretical and empirical discussions, and gives voice to researchers from various theoretical paradigms and countries, even if unsurprisingly preference is given to the functional approaches. Without doubt, *Emotion in Discourse* is a timely and significant contribution to the field and will inspire further research on our capacity to experience affect and make sense of it through language, as well as practical applications in such areas as intercultural communication, communication at work, and L2 pedagogy, assessment or writing instruction.

© Marianna Ryshina-Pankova, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

REFERENCES

- Alba-Juez, Laura & Tatiana Larina. 2018. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37
- Bednarek, Monika. 2008. *Emotion talk across corpora*. Basingstoke/New York: Palgrave Macmillan.
- Brown, Penelope & Stephen C. Levinson. (1978[1987]). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Council of Europe. 2001. *Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hengeveld, Kees & J. Lachlan Mackenzie. 2008. *Functional Discourse Grammar: A typologically-based theory of language structure*. Oxford: Oxford University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2000. *Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago/London: University of Chicago Press.
- Martin, James R. & Peter White. 2005. *The language of evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke/New York: Palgrave Macmillan.
- Mikolajczak, Moira. 2009. Going beyond the ability-trait debate: A three level model of emotional intelligence. *E-Journal of Applied Psychology* 5. 25—31.
- Schwarz-Friesel, Monika. 2010. Expressive Bedeutung und E-Implikaturen--Zur Relevanz konzeptueller Bewertungen bei indirekten Sprechakten: Das Streichbarkeitskriterium und seine kognitive Realität. In W. Rudnitzky (ed.), *Kultura Kak Tekst*, 12—27. Moscow: SGT.

Bionote:

MARIANNA RYSHINA-PANKOVA is an Associate Professor at the German Department at Georgetown University. She has published on the application of systemic functional theory in language pedagogy and content- and language-integrated curriculum design, advanced language learner development, and foreign language assessment.

Contact information:

Georgetown University, German Department, Washington, DC, 20057

e-mail: ryshinam@georgetown.edu

Сведения об авторе:

МАРИАННА РЫШИНА-ПАНКОВА — профессор факультета немецкого языка в Джорджтаунском университете, Вашингтон, США. Автор статей о применении системно-функциональной теории в обучении иностранному языку, а также о развитии языковых умений на продвинутом этапе обучения и оценке знаний иностранного языка.

Контактная информация:

Georgetown University, German Department, Washington, DC, 20057

e-mail: ryshinam@georgetown.edu

НОВОСТИ И ОБЪЯВЛЕНИЯ

*Планируете поступать в АСПИРАНТУРУ РУДН?
Хотите обучаться на АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ?
Тогда эта программа дня Вас!*

Теория языка: Теория языка и дискурсивный анализ

Форма обучения: очная (3 года)

Направление: Языкознание и литературоведение

Профиль: 10.02.19 Теория языка

Программа реализуется на английском языке и нацелена на подготовку высококвалифицированных специалистов в области теории языка, способных учитывать опыт научно-исследовательской работы и применять полученные знания, умения и навыки в будущей профессиональной деятельности.

Образовательная составляющая программы включает регулярные занятия по следующим дисциплинам: *методология научных исследований, научно-исследовательский семинар, педагогика высшей школы, история и философия науки, художественный дискурс и постколониальные теории, социолингвистика, теория языкознания, английский язык для академических целей, русский язык как иностранный.*

Перспективы трудоустройства: выпускник может работать преподавателем университета, научным исследователем, переводчиком, редактором, специалистом образовательных организаций и органов государственного управления.

Ссылка на официальный сайт:

<http://www.rudn.ru/education/educational-programs/40783>

NEWS AND ANNOUNCEMENTS

*Are you planning to do POSTGRADUATE EDUCATION
in RUDN University?
Would you like to study in ENGLISH?
Then this program is for you!*

Language Theory: Language Theory and Discourse Analysis

Form of study: full-time (3 years)

Field of science: Linguistics and Literary Studies

Profile: 02.10.19 Language Theory

The program is implemented in English and is aimed at training highly qualified specialists in the field of language theory, able to envisage a future research career.

The educational component of the program includes regular classes in the following disciplines: *research methodology, research seminars, pedagogy of higher education, history and philosophy of science, art discourse and postcolonial theories, sociolinguistics, linguistic theory, English for academic purposes, Russian as a foreign language.*

Employment prospects: a graduate can work as a university teacher, researcher, translator, editor, specialist in educational organizations and government bodies.

Link to the official website:

<http://www.rudn.ru/education/educational-programs/40783>